

**Министерство внутренних дел Российской Федерации
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 11

Ответственный редактор Д.Д. Невирко

Красноярск
СибЮИ МВД России
2008

ББК 87: 60.5: 71

УДК 1: 30

Ответственный редактор Д.Д. Невирко, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России, доктор социологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

О.А. Карлова, заместитель губернатора Красноярского края – заместитель председателя Правительства Красноярского края, доктор философских наук, профессор;

Н.И. Дроздов, ректор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, доктор исторических наук, профессор;

Б.И. Хасан, заведующий кафедрой психологии развития института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального университета, доктор психологических наук, профессор;

М.И. Шилова, заведующая кафедрой педагогики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева, доктор педагогических наук, профессор;

А.И. Панюков, начальник кафедры философии Сибирского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор.

Личность, творчество и современность : сборник научных трудов. Вып. 11 / отв. ред. Д.Д. Невирко ; Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2008. – 376 с.

ISBN 5-7889-0038-7

В 11 выпуск сборника, посвященного актуальным проблемам личности и творчества, включены научные статьи ученых Москвы, Киева, Минска, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Омска, Томска, Кемерово, Владивостока и Красноярска.

В статьях сборника нашли отражение социально-экономические, общественно-политические проблемы развития российского общества и методологические вопросы современного научного знания, которые представляют интерес для профессорско-преподавательского состава, студентов и слушателей высших учебных заведений.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Карлова О.А. «Управляемый хаос» креатива как модус XXI века	5
Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е. Актуальность и проблемы развития жизненных сил курсантов и слушателей образовательных учреждений органов внутренних дел в современных условиях.....	19
Раздел 1. Социально-экономические и общественно-политические проблемы развития современной цивилизации	
Павловский В.В. К вопросу о сущности глобализации	29
Пфаненштиль И.А. Глобализационные тенденции современности. Проблема их альтернативности.....	35
Князев Н.А. Глобализационные процессы постиндустриального общества в аспекте социальной онтологии.....	47
Федотов А.П. Глобалистика как научно-конструктивная основа будущей земной управляемой цивилизации. Сибирский федеральный университет берет на себя штурвал восходящей истории человечества.....	55
Красиков В.И. Насилие в современном глобализующемся мире	80
Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Актуальные проблемы исследования российского менталитета.....	87
Марцева Л.М. Россия и ее развитие с позиций методологии идеал-реализма	103
Шабельникова Н.А. Геополитические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации	118
Раздел 2. Методологические проблемы современного научного знания	
Чуринов Н.М. Совершенство слова: диалектическая логика.....	125
Лойко О.Т. Социальная память: межпарадигмальная дескрипция	142
Московченко А.Д. Философия истории (фундаментально-технологические аспекты).....	162
Жуковский В.И., Копцева Н.П. Элементы системы произведений изобразительного искусства.....	172
Викторук Е.Н. Неклассические типы морального теоретизирования.....	190

Раздел 3. Методологические проблемы современного психолого-педагогического знания	200
Иванова Р.И. Роль сознания в свете идей универсального эволюционизма	200
Панюкова Ю.Г. Проблема средовой идентичности: субъект и обыденная среда жизнедеятельности	207
Светлов В.А. Человек конфликтующий	220
Кудашов В.И. Нейрологический подход в осознании религиозного опыта	236
Нескрябина О.Ф. Образ человека и человечности в медиа-психологии	248
Горбач Н.А. Научное обоснование формирования кадров с позиции системного подхода	263
Гендин А.М., Сергеев М.И. Ценностные ориентации будущих учителей и их представления о задачах школы	277
Раздел 4. Методологические проблемы современного историко-философского знания	
Казакова Н.Т. Реконструкция антропологического образа марксистской философии	285
Еворовский В.Б. Сиюминутность и вечность (Сто лет одиночества Габриеля Гарсиа Маркеса в контексте современного восточноевропейского дискурса)	296
Чмыхало Б.А. Смеховая культура в Сибири XVII – 60-е гг. XIX вв. (к постановке проблемы)	306
Коновалова О.В. Эсеровская эмиграция о политической борьбе в коммунистической партии СССР в середине 1920-х гг. (по работам В.М. Чернова)	314
Руденко В.Н. Жребий в судебной системе Древнего Рима	319
Калашников В.Д. Феномен личной власти как вид авторитаризма	332
Андреев А.Л. Историческое мировоззрение и историческое самосознание	347
Дроздов Н.И., Панюков А.И. К вопросу о мировоззренческой природе исторического сознания	356

Карлова О.А.,

доктор философских наук, профессор,
заместитель губернатора Красноярского
края – заместитель председателя
Правительства края (г. Красноярск)

«УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС» КРЕАТИВА КАК МОДУС ХХІ ВЕКА

Творческая составляющая в ХХІ в. становится интернациональной территорией прогресса, где бы эта территория ни находилась – в определенной ли сфере деятельности или профессии, в конкретной ли корпорации, в том или ином городе, на известной всему миру улице или даже в маленьком богемном кафе. В научном сообществе сложились определенные представления о том, какие условия способствуют стимулированию способностей человека к производству новых значимых форм. Поскольку масштаб, специфика, повсеместность и утилитарный характер разнообразных инноваций не позволяют отнести их к творчеству в российской интерпретации этого понятия, речь по большей части идет не собственно о творчестве, а о креативной деятельности, психолого-педагогических подходах к формированию креативного мышления и методах обучения креативу.

Диагностика творческих способностей – тема в науке чрезвычайно дискуссионная. Всем увлеченным инновационной деятельностью необходимо помнить, что, тестируя креативность и одаренность, мы имеем дело лишь с относительно небольшим спектром индивидуальных возможностей человека. Нельзя не согласиться с А.Ф.Лосевым, утверждавшим, что личность – это чудо, миф. Поэтому саму «личностность» невозможно тестировать, так же как невозможно формировать. «Личность – это таинственный избыток индивидуальности – ее свобода, которая не поддается исчислению, предсказанию, ее чувство ответственности и вины»¹.

В.В.Давыдов справедливо отмечал, что в современной психологии слабо разработаны представления о личности именно в силу того, что медленно решается логико-психологическая проблема изучения творчества. Основные понятия описания творчества в мировой науке являются слишком неопределенными и метафоричными. Наличие и отсутствие творческих способностей выявляются, как правило, по тесту Гилберта – оценке компетентными экспертами-преподавателями по параметру оригинальности мышления. Подобное тестирование, вернее, его универсальность часто подвергается критике. Вместе с тем нельзя не замечать ряда экспериментально доказанных выводов. Главный аргумент состоит в том, что во время выполнения теста Гилберта психологи фиксируют электрическую активность мозга. Здесь необходимо вспомнить психофизиологическую концепцию Линдсли, который предложил шкалу функцио-

нальных состояний мозга – от глубокого сна до напряженного бодрствования. По ней альфа-ритм – ритм покоя – отмечается у людей в расслабленном, дремотном состоянии. Однако выяснилось, что есть и исключения: так, альфа-ритм усиливается в состоянии йоги и медитации, хотя эти состояния глубокой концентрации мозга ни в коей мере нельзя отнести к состояниям покоя.

Оказалось, что подобная «исключительность» распространяется на творчество и креатив. Ученые обнаружили, что при решении творческих задач альфа-ритм имеет тенденцию к увеличению, особенно в правом полушарии, но только у творческих студентов. При решении ими же рутинных задач он исчезает. То есть единственным, но очень важным исключением из общего правила является поведение мозга при решении творческих задач и только в том случае, когда мозг способен к этой деятельности.

Однако творческий акт – это уж точно не покой, это высокая мозговая активность, имеющая колоссальную эффективность. Исследуя данный парадокс, В.Ротенберг и В.Аршавский провели многочисленные исследования на представителях разных культур, которые характеризуются разной степенью развития правополушарного («образного») мышления. «Исходная гипотеза была подтверждена: у этих людей задачи на образное мышление решались без дополнительной стимуляции мозга и без подавления альфа-ритма»². У таких людей наибольшие мозговые усилия, напротив, уходят на уменьшение потенциальных связей между предметами и явлениями во имя однозначного понимания и установления однозначных зависимостей. То есть абсолютно правы люди, обладающие высокой креативностью, когда говорят, что устают от рутинной работы больше, чем от решения творческих задач.

Итак, не посягая на измерение «личностности» человека, тестировать его креативные способности все же целесообразно. Однако важно и то, как тестировать. Основные претензии к стремительно развивающейся западной тестологии креатива заключаются в том, что ее методический арсенал не позволяет исследовать именно творчество. Этот вывод обосновывает Д.Б.Богоявленская в монографии «Психология творческих способностей»: «В этом-то и вся проблема: как создать такой экспериментальный метод, при котором испытуемый мог бы осуществлять внешне нестимулированный акт творчества в соответствии с собственными индивидуальными возможностями»³.

Спонтанность творчества и творческого этапа креативной деятельности определяет и требование к методу, позволяющему выявлять механизмы творчества. Речь идет о синтезе, казалось бы, взаимоисключающих характеристик. Испытуемый выполняет предложенное задание, но ограничение всех его реакций и действий только рамками ответа не дает возможности изучать творческий акт как таковой – вот в чем действительная проблема любого теста, проблема, с которой, в частности, стал-

киваются организаторы конкурсов по творческим специальностям в высших и средне-специальных учебных заведениях. Поэтому для испытуемого нужно создать условия, при которых он бы спонтанно вышел за границы требований предложенного задания. Д.Б.Богоявленская разрешила этот парадокс, создав метод «креативного поля», в котором два слоя деятельности.

Ученик или студент решает предложенные ему задачи – это первый и понятный ему заданный план его действий. Второй план замаскированный, не заданный – «это деятельность по выявлению скрытых закономерностей, которые содержит вся система задач, но открытия которых не требуется для ее решения»⁴. То есть по своей собственной инициативе испытуемый может проанализировать структуру всей системы задач, осмыслить их взаимосвязь. Инициатива самого испытуемого – это и есть главный параметр, по которому исследователь устанавливает «отсутствие внешнего стимула деятельности». Момент самоорганизации человека в таком эксперименте и позволяет анализировать его спонтанность – обязательную характеристику процессов творчества.

Такой подход помог автору выделить три типа творчества, соответствующих трем уровням интеллектуальной активности: стимульно-продуктивный (решение любой задачи как частной), эвристический (открытие новых общих закономерностей для системы задач), креативный (доказательство открытых новых закономерностей, вербализация их исходного основания).

Работы Д.Б.Богоявленской показали, что творческая личность способна сама по себе ставить задачи, менять ракурс их рассмотрения, формулировать новую проблему, направлять свои поисковые действия. И вся эта среда поиска удерживается лишь волей индивида и его личностным нравственным выбором. Учитывая многоплановость креативного процесса, его протекание в сфере сознательно-бессознательного, конструктивно повлиять на него трудно. Ю.В.Громыко видит выход в логическом анализе разных инструментализированных (способ, прием, процедура, операция, метод, техника) и аксиологизированных (ценность, состояние, переживание) характеристик процессов активности, которые в форме описания может использовать личность для организации своих творческих состояний.

Тесты Дж.Гилфорда основываются на том, что психолог пытался выделить в качестве основы творческих интеллектуальных процессов дивергентное мышление. Дивергентность как способность мыслить «вширь», «в сторону» (так называемое «разбегающееся» мышление) создает возможность генерировать оригинальные идеи, стимулируя фантазию. Именно это мышление в последующем большинство американских исследователей стали связывать с креативностью. Вместе с тем в работах ряда ученых отмечается дефицит этого мышления, заключаю-

щийся в слабой связанности идей между собой, при этом, напротив, подчеркивается устойчивая связь высокой оригинальности мышления человека с его невротизацией.

Впрочем, «тонкая душевная организация» творческого человека – явление общеизвестное. Вопрос в другом: является ли «невротизация» своего рода технологией творчества? Э. де Боно, автор теории латерального (нешаблонного) мышления как мышления креативного, полагает, что процесс нешаблонного мышления строго контролируется и управляется в отличие, скажем, от мышления психически больного человека или мышления под воздействием психоделических наркотиков. Управляемый хаос при рождении идеи потом также перепроверяется логической оценкой этой новой идеи. «Различие между шаблонным и нешаблонным мышлением состоит в том, что при шаблонном мышлении логика управляет разумом, тогда как при нешаблонном она его обслуживает»⁵.

Начиная с раннего детства в воспитательно-образовательной системе ребенку предлагается мышление по неким принятым канонам как наиболее эффективный и правильный способ мышления. Логика такого мышления и служит основным образцом для подражания в любом разделе школьного образования. Система образования всегда старается привить молодому поколению уважение к тому, что сделано до них, иначе говоря, к найденным уже закономерностям и шаблонам.

Как привычный и проторенный путь, мыслительные шаблоны всегда «под рукой». А потому, даже когда решение найдено нешаблонным путем, вполне возможно дать находке рациональное объяснение. Мы как бы задним числом прослеживаем шаблонный путь к решению задачи и утверждаемся во мнении: с помощью шаблонного мышления можно было так же легко решить данную задачу.

Наша зависимость от шаблонного мышления естественна: оно оперирует высокими вероятностями, и это очень экономно для повседневной жизни – наиболее вероятная интерпретация какой-то ситуации побуждает нас к наиболее эффективному действию. Латеральное мышление применяется, когда возникает потребность в новой идее. Оно оперирует малыми вероятностями; и, когда оно приводит к новой, более действенной идее, наступает эвристический момент – маловероятностный подход к решению задачи мгновенно приобретает наивысшую вероятность.

«Поскольку нешаблонное мышление нацелено на новые идеи, его, по-видимому, следует отнести к творческому мышлению. Творческое мышление является особой разновидностью нешаблонного мышления, охватывающего более широкую область. В одних случаях результаты нешаблонного мышления представляют собой гениальные творения, в других они являются ничем иным, как просто новым взглядом на вещи, и, следовательно, чем-то менее значительным, чем подлинное творчество. В большинстве случаев творческое мышление для своего проявления

нуждается в таланте, тогда как нешаблонное мышление доступно каждому, кто заинтересован в получении новых идей»⁶. Иначе говоря, в креативе. То есть нешаблонное мышление совершенствуется знанием и практикой, не являясь чем-то вроде откровения, что означает, по мнению автора, что приемы такого мышления можно описать.

Что Э. де Боно и делает, рассматривая один из приемов нешаблонного мышления – умышленное использование рационализирующей способности ума. Суть в том, что, отказавшись от медленного логического продвижения в решении задачи, мы занимаем новую совершенно произвольную позицию. Зафиксировав ее, возвращаемся на исходную точку, чтобы воссоздать логический путь между ней и новой позицией. Автор подчеркивает необходимость проверять логикой правильность выбранной новой позиции.

Новые идеи приходят внезапно, их появлению может даже помешать длительный период работы в соответствующей области. Много новых идей появляются в период переоценки, когда собрана неизвестная ранее информация о каком-либо явлении. Но откровением может стать и совершенно другой подход к знакомой информации. Новые идеи как бы спрятаны в толще собранного знания, организованного в настоящее время одним-единственным образом. Вместе с тем здесь и сейчас существует масса возможностей организовать его гораздо лучше. Первоначально теория Эйнштейна лишь немного отличалась от господствовавших теорий: более глубокое понимание длины волны света, испущенного спутником Сириуса, и смещения перигелия орбиты планеты Меркурий. Но этот вектор различия, мало заметный «у основания» теории, развиваясь, подготовил в дальнейшем открытие атомной энергии.

Невозможно изменить направление взгляда, продолжая смотреть в прежнем направлении. «Логика – это инструмент, с помощью которого ямы копают глубже и шире с целью их дальнейшего улучшения. Если же яма вырыта не там, где нужно, то никакие ухищрения и улучшения не перенесут ее на нужное место»⁷. Новую «яму» копают по нескольким причинам: вследствие неудовлетворенности старой, из потребности иметь еще одну, из прихоти и по неведению. Последнему немало примеров в истории: и Фарадей, и Дарвин, и Максвелл получили явно недостаточное образование, которое не смогло нивелировать их самобытность.

Влияние старых, отвечающих еще требованиям дня идей часто недооценивается. Если господствующую идею всегда рассматривать в качестве ступеньки к новой, то это как раз может помешать развитию нового. Новая информация может просто подгоняться по мерке старой идеи, еще более укрепляя последнюю. Казалось бы, дилетантам в этом отношении проще, они не испытывают «знаниевого рабства», однако и у них есть свой риск – скажем, предложить идею, которая давным-давно известна.

Впрочем, и специалистам избежать влияния господствующей идеи можно. Для этого есть немало способов. Например, тщательно выделить, точно сформулировать и записать на бумаге идею, которая кажется господствующей в данной ситуации. Так ее легче опознать и различить с тем, что вы предлагаете. Второй способ нешаблонного мышления в отношении старой идеи состоит в том, чтобы, приняв ее на первых порах, постепенно извращать до абсурда, то есть до тех пор, пока она не будет дискредитирована. Суть этих способов в том, что не следует слишком уж решительно отвергать господствующую идею – мы сами таким образом ограничиваем свободу своего мышления, причем не меньше, чем при безоговорочном признании авторитета.

Говоря о диалектике традиции и нового, нельзя не признать, что опыт – это то основание, без которого не существует инновация. Опыт, кстати, несводим к фактологическому знанию. Так, рефлексия оказывается способной создать в нашем сознании «виртуальный опыт» – «смоделировать когнитивную схему допустимых ситуаций определенного рода и тем самым заместить опыт практического «пребывания в ситуации» опытом мышления»⁸. В ситуации творчества, как и в ситуации социального кризиса, ритуальная практика, как и «ритуальное» знание, оказываются бессильными. Исследователи подчеркивают, что именно рефлексия, лежащая в основе социализации, обеспечивает наибольшую успешность социума, его инновационный потенциал. Признанным образцом такого социума стало европейское общество эпохи Модерна с его гибкой институциональной трансформацией, способностью отвечать на «вызовы истории» в эпоху всемирной глобализации.

Однако Г.П.Щедровицкий, О.И.Генисаретский и ряд других исследователей утверждают, что рефлексии нельзя вызвать произвольно, в этом состоянии нужно оказаться. Г.П.Щедровицкий, различающий при анализе полной системы мыследеятельности мышление, общение, рефлексии и понимание, определяет тип процесса, на основе которого может быть осуществлена интеллектуальная активность, как «чистую» рефлексии или рефлексивное мышление, основная характеристика которых – как раз спонтанность, свобода их инициации.

Так все же существует ли нечто, способное «запустить» процесс рефлексии в человеческом сознании? И есть ли некий универсальный метод, способный и у креативного человека, и у человека, чей потенциал реализуется в иных видах деятельности, создать мощную внутреннюю потребность к инновационной деятельности? К.В.Сергеев предлагает внимательно рассмотреть в этом плане чувство интересного, которое для него неравно выработке интереса к некоему предмету: в первом случае происходит полифоническое развитие когнитивных потенциалов субъекта обучения, во втором – узкая профессионализация как результат весьма ограниченного опыта рефлексии. Исследователь исходит из того, что рефлексия

в состоянии с легкостью охватывать лишь неустоявшееся и загадочное. Плоды чужой рефлексии – ритуальное «фундаментальное» знание – мертвы для нас, хотя и необходимы для социализации. Создается впечатление, что в сознании человека встречаются два потока знания – обязательное «фундаментальное» знание и знание «периферийное», хаотично возникающее под действием чувства интересного. Это чувство обладает некоторыми устойчивыми характеристиками: прежде всего, интересное не очевидно, не встроено в тривиальные иерархии знания и потому свободно. Это особенно привлекает, что доказывают, в частности, высокие рейтинги телепрограмм, рассказывающих об НЛО или трансцендентальном «потустороннем» мире. Выступая как редкое, интересное может превратить человека в своего рода коллекционера редкостей, но более продуктивна другая грань интересного – его загадочность, неочевидность, всегда порождающие вопрос, запускающий в человеке механизм рефлексии. При столкновении с загадочным возникает потребность во все новых и новых классификациях и в конечном счете потребность изобрести механизм, классифицирующий все варианты структур.

Таким образом, интересное не антипод знания, не хаос, который так же не интересен человеку, как понятное и очевидное. «Рефлексия, подобно глазу, содержит в себе подобие рамы, а правильнее сказать – интерпретационную модель; благодаря этой модели она охватывает лишь определенные аспекты интересующей нас реальности, не позволяя хаосу мельчайших элементов и беспредельных просторов затопить наше воображение. И в то же время указанная модель автоматически воссоздает в сознании человека объект целиком, в его общем виде, в его мельчайших деталях, с учетом всех свойств и особенностей. Хаос предикатов обретает логический классификатор»⁹.

«Периферийное» знание – сфера «чистой» инновации. Сталкиваясь с необъяснимым, человек использует различные объяснительные системы, осознавая в себе их присутствие. Чем больше граней и плоскостей явления может охватить «рамка интересного», чем больше в нас объяснительных схем, тем более творчески мы проникаем вглубь явления, тем креативнее наше мышление о нем. «Периферийное», свободное, неклишированное сознание обладает гораздо большим единством, чем обычно представляется. Возникая в отдалении от базисного, скелетного знания, оно формирует в человеке систему интересного, иначе говоря, систему креативного мышления, связанного с фундаментальным знанием и удерживающего последнее от своего рода «окаменелости», при которой человек уже практически не способен на выработку инноваций. Выводы К.В.Сергеева представляются аргументированными: значительно легче «творить» в сфере интересного, почти каждый может припомнить, как чувство интересного в нем вскоре перерастало в креативную способность. Поэтому достаточно перспективным представляется обсуждение

конкретных методик «запуска» в человеке механизма креативности, использующих периферийные сети интересного.

На основе целого ряда психологических исследований ученые предлагают модели творческого процесса. В принципе, они достаточно схожи. Еще в 1924 г. Г.Уоллес на основе самоотчетов о собственной творческой деятельности Гельмгольца, Пуанкаре и других ученых расчленил творческий процесс на четыре фазы: подготовка, созревание идеи, озарение и проверка. Именно потому, что вторая и третья фазы не поддаются сознательно-волевому контролю, а новая идея не может быть получена путем обычного логического вывода, укоренилось мнение, что эмпирическое изучение творчества свидетельствует о его иррациональности и бессознательности. На этом настаивают теория ага-переживания (яркого осознания нужного решения) К.Бюллера, теория инсайта (акта мгновенного постижения новой структуры) В.Келера и ряд других. Однако, как подчеркивает Б.Ф.Сорокин, важным здесь является тот факт, что такие представления выступали результатом самонаблюдения. Но продуцирование нового является наиболее личностной сферой деятельности, наименее доступной индивидуальному самосознанию. Иными словами, описанные процессы ускользают от самонаблюдения, а моменты догадки переживаются в виде особо ярких состояний сознания, которые и выступают потом своеобразным «синонимом» рождения нового. Поэтому рационально-логические исследования в области творческого процесса, как и сам метод моделирования творческого акта, требуют пристального внимания и являются чрезвычайно перспективными.

Более детализированный тип модели творческого процесса – «феноменологическая модель»¹⁰ – сводит креативный акт к шести элементам, являющимся также этапами: постановка проблемы, рождение замысла, атака, релаксация, инкубация решения и инсайт (озарение). Постановка проблемы фактически означает осознание некоего конфликта в определенной области – отсутствие чего-либо важного в той или иной практике или знании. От этого осознания до рождения замысла происходит очерчивание общей схемы решения проблемы в проблемно-поисковом поле – множестве вариантов, предлагаемых воображением. Под «атакой» обычно понимается мыслительная процедура, заключающаяся в попытке решить проблему «в лоб», путем перебора вариантов проблемно-поискового поля. Таких атак может быть несколько, и в каждой из них в процессе отбора количество предпочтительных вариантов естественным образом сокращается. Причина тому – индивидуальная «методология» подхода к проблеме и ценностные ориентации творца, выступающие в качестве своеобразных фильтров. В этом процессе другие исследователи, в частности А.Матвеев, выделяют еще две ступени: псевдоинсайт – кажущиеся варианты решения проблемы, которые на самом деле решениями не являются, и дополнительный анализ проблемы.

Этап релаксации (фрустрации – по некоторым методикам) наступает при обнаружении кажущейся нерешаемости проблемы – это попросту прекращение атаки. Этот этап может протекать в разных вариантах: агрессивно, депрессивно, рационально. Но важно знать, что этот этап – ключевой: задачу не бросают, ее просто оставляют на время, переключаясь на другую деятельность.

Инкубация не поддается детальному описанию, хотя понятно, что в ее процессе также происходит перебор вариантов, но это созревание решения проблемы происходит в недрах авторского подсознания, а потому фильтры, сокращающие число вариантов, также действуют неосознаваемо. Под инсайтом В.А.Коваленко, в частности, подразумевает акт осознания автором уже найденного его подсознанием решения. Решение появляется как бы «ниоткуда», и момент нахождения сопровождается сильными личными переживаниями, которые во многом и мистифицируют акт творчества. Ряд исследователей отдельно выделяют седьмой этап – этап проверки решения на адекватность и эффективность.

Заметим, что в «феноменологической модели» рельефно выступают два основных компонента творческого процесса: некоторые методически-методологические средства субъекта творческого процесса и его ценностные ориентации. Отметим, что в «менеджерской психологии» последних лет появился особый раздел, посвященный изучению проблем руководства научными коллективами, организации малых групп в науке и творческой практике, изменению мотивации творчества. Особое внимание уделяется разработке методик стимуляции группового творчества. Как правило, они кладут в основу развития запрограммированного творческого начала личности ряд требований. Это прежде всего способность выделить необходимые и достаточные условия для решения проблемы, и, кроме того, способности: 1) отбрасывать прошлый опыт решения подобных проблем; 2) видеть многофункциональность вещи и явления; 3) управлять ассоциациями (соединять противоположные идеи из различных областей знания); 4) осознавать полярные идеи в данной области и освобождаться от их влияния и некоторые другие.

Понятные теоретически условия довольно сложно соблюсти на практике, когда сталкиваешься с трудностью соединения людей с разными возможностями и опытом в творческую группу единомышленников. Для этого разработаны специальные методы повышения эффективности творческого поиска идей. Конечно, успех не зависит от количества рассмотренных вариантов, но чем сложнее задача, тем больше вариантов приходится рассматривать. При этом на пути к креативному решению творческую группу поджидают «заслоны». Это боязнь вторгнуться в незнакомую область, опасение стать посмешищем, рисковать, стремление не допустить ошибку, оглядка на имена и авторитеты. Одним из сильнейших барьеров является стремление к определенности: мы очень час-

то неосознанно дополняем условие задачи, чтобы ликвидировать неопределенность, потом уверяя, что «так и слышали задание». Но, сузив формулировку проблемы, мы сами себе закрыли путь к решению задачи. «Неопределенность – это тот кислород, который позволяет нашему творческому началу гореть ярче»¹¹.

Среда, стимулирующая неопределенность, проблемность, принятие разных точек зрения, безоценочность и уважение к новой идее как таковой – наиболее креативная среда, способная сама по себе стимулировать процесс генерации нового. Построение такой среды стало задачей самостоятельной междисциплинарной области продуктивного мышления.

Целый класс групповых методов продуктивного мышления строится на базовом методе эвристического диалога для коллективного поиска оригинальных идей – «мозговом штурме или атаке». Именно благодаря своей, казалось бы, простоте и доступности, «мозговой штурм» и приобрел высокую популярность. «Мозговая атака» в изолированном кругу создает ту степень напряжения, которая является идеальной обстановкой для наилучшего использования творческих способностей каждого. Президент итальянского рекламного агентства Даниеле Уселлини считает, что если эта техника применяется со всей строгостью, возникает множество неожиданных и разнообразных идей: брейнсторминг 6 человек, работающих 90 минут, способствует созданию 100-150 идей.

Однако использовать «мозговой штурм» обычному человеку для решения творческих задач сложно: одними призывами «мыслить оригинально» и «отказаться от стереотипов» не обойдешься. Опыт модератора, как именно избавиться от этих самых стереотипов, лежащих в подсознании с самого детства, складывается постепенно, иногда на это уходят годы.

Существует много модификаций этого метода, призванных устранить такой его недостаток, как неэффективность в решении более сложных проблем изобретательского уровня. Усовершенствование «мозгового штурма» ведется по двум направлениям: это переход к профессиональному «мозговому штурму» и повышение эффективности самой процедуры штурма (прямая мозговая атака, метод групповой, программированной и детерминированной дискуссии, синектический штурм).

Метод фокальных объектов применяется, когда необходимо возбудить цепь ассоциаций, необходимых для творческих решений. Суть его – в перенесении признаков случайно выбранных объектов на тот, что помещен в фокус внимания участников. Именно необычные сочетания и новые качества позволяют по-новому взглянуть на объект и осуществить поиск новых идей путем присоединения к исходному объекту свойств или признаков случайных объектов. К достоинствам метода можно отнести простоту освоения и неограниченные возможности поиска новых подходов к проблеме, нешаблонность выдвигаемых идей и универсальность мето-

да. Недостатки тоже очевидны: метод не пригоден при решении сложных задач, все его разновидности дают только простые сочетания, правила отбора и внутренние критерии оценки получаемых идей отсутствуют.

Решать сложные задачи с нахождением множества оригинальных идей позволяет метод морфологического анализа (иначе говоря, метод «морфологического ящика» или многомерных матриц), исходящий из принципа системного анализа новых связей и отношений. Описывая его, многие исследователи ссылаются на доклад «Математическое творчество», прочитанный в 1880 г. в Париже на заседании Психологического общества математиком Жюлем Анри Пуанкаре, и на его главный тезис: творить – это уметь распознавать, уметь выбирать такие факты, которые открывают нам связь между законами, известными уже давно, но ошибочно считавшимися не связанными друг с другом. Среди выбранных комбинаций наиболее плодотворными часто оказываются те, которые составлены из элементов, взятых из очень далеких друг от друга областей. Нельзя сказать, что, для того чтобы сделать открытие, достаточно сопоставить как можно более разношерстные факты; большинство комбинаций, образованных таким образом, были бы совершенно бесполезными, но зато некоторые из них, хотя и очень редко, бывают наиболее плодотворными из всех.

Метод эвристических вопросов, иначе именуемый как метод ключевых или контрольных вопросов, известен еще со времен Древнего Рима. В современном виде метод активизирует поиск оригинальных идей через постановку вопросов: «А если сделать наоборот?», «А если заменить этот элемент другим?», «Что нам неизвестно?» и др. В определенной мере помогает преодолевать инерцию мышления метод организованных стратегий. В его основе лежат принцип самоуправления личности при выборе новых стратегий решения творческой задачи и принцип отстранения, то есть рассмотрения объекта, предмета, процесса всякий раз с неожиданной точки зрения.

Free wiling – «свободный поиск идей» также дает неплохие результаты, но для него лучше использовать предварительные записи по принципу тематических карт памяти, расширяющих возможности памяти и воображения. Если в центре страницы записать формулировку проблемы или цели, то тем самым мы побуждаем наш мозг по его «запутанным тропам» приблизиться к ней. Постепенно эта клеточка на листе будет обрастать клеточками аргументов, внимательный отбор которых может подсказать самые неожиданные мыслительные ходы.

Резюмируем сказанное: чтобы научиться давать толчок своим творческим возможностям, полезно лишить их ореола таинственности. Так, Д.Огилви предлагает снимать блокировку воображения рядом способов: «Я создал техники для поддержания «телефонной линии» с моим подсознанием на случай, если у этого беспорядочного хранилища есть, что мне сказать. Я часто слушаю музыку, долго принимаю горячую ванну,

работаю в саду. Я замыкаюсь в Амише, наблюдаю за птицами. Долго гуляю за городом и часто беру отпуск, чтобы мой мозг находился «под паром»: ни гольфа, ни вечеринок с коктейлями, ни бриджа – никакой сосредоточенности, только велосипед. За время, пока я ничего не делаю, я получаю постоянный поток «телеграмм» из моего подсознания, и они превращаются в сырой материал для моих рекламных сообщений. Однако требуется больше: тяжелая работа, открытый ум и неуправляемое любопытство»¹².

Можно констатировать, что существует огромное количество факторов, влияющих на нашу креативность. Разные из них в различное время оказываются для нас важными. Но очевидно, что всегда полезны знакомство с методами творческого мышления и попытка ими воспользоваться. Тренинги позволяют попробовать креативные методы на себе и оказывают поддержку креативному поведению.

Уверенность человека XXI в. в том, что он способен генерировать ценные идеи и инсайты, расширяет его креативность, а чувство контроля над обстоятельствами помогает уверенно следовать креативным альтернативам. Поэтому следует почаще вспоминать прошлые успехи и культивировать в себе позитивное мышление. Если человек не уверен в себе, ему будет трудно решиться отбросить традиционные представления и начать «с белого листа», а современные проблемы мира и социума в высшей степени многообразны и порой обнаруживают явные «тупики цивилизации».

Важной составляющей креативности является готовность учитывать альтернативные точки зрения: полезно общаться с новыми людьми, с людьми, не похожими на нас, – стараясь понять непохожий ход мысли, мы обогащаемся альтернативным знанием. Это обогащение, как и опыт общения с «иным», постепенно формируют у современного человека его «креативную ипостась» – креативность становится своего рода модусом «личности» современных поколений. Кстати, люди, умеющие улавливать, что думают и чувствуют окружающие, обладают особым даром групповой креативности. Чтобы повысить свою способность к эмпатии, надо развивать в себе умение слушать и слышать, создавать вокруг себя раскрепощающую среду.

Чем больше знает современный человек, тем больше у него материала для творческого мышления. Креативная личность часто думает над новыми вещами, новыми способами что-либо сделать: изобретательство – не просто увлекательная игра, но и хорошая практика креативности. Изобретения в любой области – от кулинарии до транспортной логистики активно помогают в этом: креативность инерционна, она имеет свойство переключаться на новые актуальные проблемы. При этом следует помнить, что креативность не любит слишком серьезных людей, ведь практически все креативные методы генерирования новых идей – это игра.

Для современного человека важен позитивный опыт людей, применивших творческое мышление для решения сложных задач, – он стремится «подсмотреть» их творческую мастерскую, даже если это не только художник или ученый, но и бизнесмен. И вместе с тем креативная личность укрепляет собственную независимость мышления: поощряет собственные суждения и вырабатывает в себе осознанное отношение к моментам, когда некритично поддалась чужому влиянию.

Речь идет не о гипотетическом будущем, а о конкретных сегодняшних явлениях в молодежной среде. Исследуя идеалы рационалистического и этического типа, свойственные студентам ряда вузов г.Москвы, А.В.Соколов констатирует: современное студенчество не ищет идеалов по традиции в художественной литературе или киноискусстве, оно вообще не ищет их как некие личности-образцы – отличительной чертой постсоветского студенчества является антиавторитаризм.¹³ Молодые люди (45%) категорически не желают повторить жизненный путь родителей – налицо явный разрыв поколений, превышающий нормальное непонимание «отцов и детей». Образы Христа и христианских подвижников также не воспринимаются в качестве духовно-этического идеала подавляющим большинством современных студентов. Все высказывания респондентов можно описать двумя идеальными образами – интеллигент (50%) и интеллектуал (46%). В соответствии с этим респонденты разделились на два лагеря и в отношении образовательной стратегии вузов – условно их можно назвать «педагоги» и «антипедагоги». Первые (около 40%) не разделяют обучение и воспитание, полагая, что интеллигентность предполагает формирование идеалов добра, справедливости, патриотизма. Вторые (около 60%) ожидают от вуза только образовательных услуг, развития креативных способностей, подготовки интеллектуальных профессионалов, полагая, что свою личность они формируют сами. Характерен и определенный студентами ранжированный перечень важнейших личностных качеств, главные из которых: стремление к совершенству, умение отстаивать свои убеждения, владение специальностью, высокая общая культура, творческий потенциал, критичность и самостоятельность мышления.

Независимое мышление подкрепляется способностью нарушать границы и идти на риск: людям, способным рисковать, не приходится уговаривать себя попробовать новый подход к проблеме. И современная молодежь с ее тягой к экстремальным хобби и нестандартным поведением дает нам все основания быть оптимистичными в определении креативных перспектив нашей нации.

Впрочем, личность в любом возрасте обязательно должна понимать принципы собственного творческого поведения – это дает возможность развиваться. Самоанализ в этом незаменим: очень важны наблюдение за собственным творческим процессом, осознанное изменение неэффек-

тивных приемов или ситуаций. Это экспериментаторство чрезвычайно полезно в поисках оптимальной формулы собственной креативности каждой личности персонально.

Актуальность данной проблематики связана прежде всего с беспрецедентной ролью, которую начинает играть в современных социально-экономических процессах способность человека создавать новые значимые формы и идеи. Это касается всех без исключения областей деятельности, решения самых разнообразных проблем сегодняшнего времени, вплоть до существенной трансформации процесса социального управления, который должен соответствовать социокультурно компетентному обществу с высоким уровнем эффективности. При этом речь идет не только о творческих профессиях, а о том, что абсолютное большинство профессий приобретают в XXI в. качество креативности, не только об отдельных творческих личностях, но об актуализации творческого начала практически в каждом человеке.

¹ Зинченко, В.П. Очень субъективные заметки о психологической диагностике / В.П. Зинченко // Chelovek-01-01-2001 СНЕ-№001. – Page 89.

² Ротенберг, В.С. Парадоксы Творчества / В.С. Ротенберг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: flogiston.ru, 1999.

³ Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М.: Академия, 2002. – С. 67.

⁴ Там же. – С.99.

⁵ Де Боно, Э. Использование латерального мышления / Э. де Боно. – СПб.: Питер-Пресс, 1997. – С.12.

⁶ Там же. – С.11.

⁷ Там же. – С.17.

⁸ Сергеев, К.В. «Периферийное знание» в дискурсе креативности: социальные сети интересного / К.В. Сергеев // Политические исследования. – 2003. – № 1. – С.51.

⁹ Там же. – С.54.

¹⁰ См. подр.: Коваленко, В.А. Организация творческого мышления / В.А. Коваленко // Voprosy filosofii 2002-08-01 VFI – №008 – Pages: 78-87.

¹¹ Матвеев, А. Креативность: мысли вслух / А.Матвеев // «ТОП». – №2.

¹² Креативное мышление в рекламе. Что ему способствует / Shkola reklamista 2005-07-12 SHR – №007 – Page 18.

¹³ Соколов, А.В. Интеллектуально-этические идеалы современного студенчества / А.В. Соколов// Pedagogika, 2005-07-31 PDG – №006 – Pages: 64-71.

Невирко Д.Д.,

доктор социологических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД
России (г.Красноярск)

Шинкевич В.Е.,

доктор социологических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД
России (г.Красноярск)

***АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ
КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ***

Практически два десятилетия страна живет, исповедуя новые ценности. Сегодня входят в самостоятельную жизнь те, кто вырос в постсоветское время, им присущи новые взгляды на социально-политическую действительность, на определение своей роли и места в современном обществе. Как бы ни «горевала» страна о прошлом, о всеобщем равенстве, бесплатном образовании, здравоохранении, гарантированном трудоустройстве, «смешным» по сегодняшним меркам ценам на отдельные товары и услуги, старая политическая идея не доминирует в общественном сознании, а ее основные носители – политические организации левого толка – хотя и имеют определенную поддержку в обществе, но с каждыми выборами в представительные органы власти заметно ее теряют. Люди стали не только привыкать к новым условиям, они их стали признавать, накапливать и формировать свои жизненные силы адекватно складывающейся действительности. Этому способствовало и то, что сегодня политическим руководством предпринимаются усилия, пусть и не всегда успешные, но ответственные, по аккумуляции нового и старого положительного опыта.

К сожалению, процессы преобразования общества в конце XX в. вызвали всплеск преступности, связанной как с «открывшимися возможностями» быстрого обогащения на фоне радикальных преобразований государства, нарушения традиционных связей и отношений, так и с необходимостью выживания тем, кто был лишен возможности существования на основе привычных источников дохода. Не обошли стороной эти процессы и те институты и организации, которые по своему институциональному предназначению призваны решать в обществе правоохранительные задачи, обеспечивать надежную защиту прав и законных интересов граждан. Задержка в выплате денежного содержания в начале 1990-х гг., дороговизна, невысокая заработная плата, неисполнение государством обязательств по социальным льготам для сотрудников орга-

нов внутренних дел, проблематичность и бесперспективность решения жилищного вопроса привели к «вымыванию» высокопрофессионального ядра, большому некомплекту в первичном звене, повышению служебной нагрузки, пополнению рядов сотрудников органов внутренних дел за счет граждан, не отличающихся высоким уровнем подготовленности. Как следствие – разоблачение «оборотней в погонах» в конце XX столетия стало одной из привычных тем в средствах массовой информации.

В этой ситуации главным подходом к анализу социального института органов внутренних дел выступают исследования, способные выдать рекомендации по восстановлению его общественного предназначения в обществе, реформированию адекватно современным веяниям времени, восстановлению профессионализма сотрудников и доверия населения к органам правопорядка. Во многом реализация этой задачи возможна на основе комплексного формирования, развития и гармонизации жизненных сил курсантов, слушателей образовательных учреждений ОВД на этапе их профессионального обучения. От того, что будет заложено за годы обучения в вузе в сознание будущему сотруднику органов внутренних дел, как будет сформирован профессионализм, во многом зависит реализация институтом ОВД своего предназначения в обществе и государстве.

Сегодня социальная, политическая, экономическая, духовная обстановка такова, что обществу необходимы поиски новых подходов к своему развитию. Повышение уровня жизни большинства граждан – самая насущная социально-политическая и социально-экономическая задача, ибо обеспечение достойного уровня жизни невозможно посредством лишь социальной защиты, повышения денежного содержания сотрудников, равно как и отдельными программами, финансируемыми из федерального и регионального центров. Если жизненные силы молодых людей, пришедших на службу в правоохранительные органы и столкнувшихся с проблемами в решении своих жизненных планов, будут способны обеспечить реализацию их профессионального предназначения, поддержать творческую инициативу, то и процесс преодоления трудностей будет проходить оптимально, минимизируется риск профессиональной и социальной деградации.

Поиски путей преодоления наиболее опасных факторов деградации личности обуславливает необходимость изучения мотивационной сферы деятельности человека, путей и приемов преодоления социальной апатии и пассивности человека, особенно на начальном отрезке профессионального обучения и становления.

Как показывает социальная практика, уровень жизнеосуществления курсанта образовательного учреждения органов внутренних дел проявляется через его активность, которая обуславливает социальную деятельность, направленную на овладение профессиональными знаниями, навыками и умениями. Пониманию механизма проявления активности способствуют уяснение значимости основных элементов социологиче-

ской структуры курсанта, слушателя, в которой выделяют: ценностные ориентации, потребности; социальные роли; место, которое она занимает в структуре служебных, образовательных и иных, не связанных с процессом обучения, общественных отношений. Аналогично выделяются и основные структурные элементы-подсистемы деятельности: объективно-предпосылочная (потребности и интересы); субъективно-регулятивная (диспозиция); исполнительская (совокупность поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели); объективно-результативная (результат деятельности).

Динамика уровня овладения этими качествами во многом детерминирована активностью обучаемого как качеством врожденным и качеством, приобретенным под воздействием внешних и внутренних факторов. Гамма внешних и внутренних факторов может выступить как единый мобилизующий механизм жизненных сил человека, способный повысить активность курсанта и слушателя в более продуктивном использовании его жизненного потенциала в период профессионального обучения.

Необходимо отметить, что к проблеме мобилизации жизненных сил человека как средству решения актуальных общественно-политических, экономических, социальных задач (периоды войн, ударные стройки, партийные призывы, субботники, «прорывы», поголовные вакцинации, избирательные кампании и пр.) обращались и обращаются многие управленческие структуры. Однако очень часто результат во многом расходился с первоначальной целью, нанося колоссальные удары экологии, национальной культуре, здоровью как отдельного человека, так и целых народов. Не застрахован от этого и образовательный процесс. Признавая возможным мобилизацию жизненных сил курсанта и слушателя на решение задач образовательного процесса, необходимо придерживаться рекомендаций виталистской социологии, которая говорит о необходимости повышения роли общественного интеллекта в регулировании социальных отношений, организации целесообразной жизнедеятельности. Как императив выживаемости она ставит вопрос о переходе к цивилизации управляемой социоприродной эволюции, способной создать благоприятные условия для дальнейшего развития жизненных сил современного человека, его индивидуальной и социальной субъектности.¹

На необходимость «управляемости» эволюцией бытия, развития образования и общественного интеллекта указывается во многих работах Г.А.Андреевой, Б.А.Грушина, В.Г.Бочаровой, С.И.Григорьева, А.М.Коваленко, И.Т.Фролова, А.И.Субетто. «Человек начинает нести ответственность за динамику социоприродной гармонии, берет на себя ответственность за управление этой динамикой. «Управление» как императив, а более точно сказать, «управляемость» эволюцией бытия в форме управляемой социоприродной эволюции становится доминирующей характеристикой неклассичности, противостоящей нынешней стихийной форме бытия»², «...формирующаяся парадигма рациональности, позволяющая ...

противостоять давлению хаоса, становится фактором социального порядка постмодернистского типа – порядка, порожденного из хаоса»³. Следовательно, и мобилизация не должна быть подчинена стихийной, а точнее сказать, интеллектуально не наполненной форме бытия обучаемого современного образовательного учреждения правоохранительных органов.

Идея мобилизации жизненных сил человека, развернутая на интеллектуальной основе, не чужда и универсумной социологии. Так, резюмируя проблему социодинамики власти, профессор В.Г.Немировский пишет: «...при рождении нового строя, нового политического режима необходимо выполнить два вида ритуалов: во-первых, ритуалы, устанавливающие взаимосвязь между правителем и Универсумом, «венчание на власть», и во-вторых, ритуалы, устанавливающие взаимосвязь правителя с социумом, дающие основания для легитимности его власти»⁴. Хаос в процессах установления взаимосвязи приводит к длительным кризисным послереформенным периодам застоя, обнищанию ценности образования как средства самовыражения и самоутверждения в обществе, в профессиональной реализации человека, что наиболее опасно для категории граждан, которые наделяются государством властью.

В то же время при гармоничном формировании и развитии жизненных сил курсантов и слушателей может быть минимизировано накопление отрицательных эмоций, способных привести к серьезным нарушениям деятельности, снижению уровня ее адаптационных возможностей. Эти же эмоции «могут способствовать и развитию воли, накоплению опыта преодоления трудностей, мотивации к саморазвитию»⁵. В связи с этим в конце XX – начале XXI вв. особую актуальность приобрели проблемы модернизации социального бытия человечества, формирования у человека гражданского достоинства как способности и возможности пользоваться своими правами⁶, адаптации новых поколений к быстро меняющимся социокультурным процессам современности, совершенствования средств адаптации, и в первую очередь системы образования, обеспечивающего «необходимую меру соотношения традиций и новаций в знаниях, нормах и эталонах культуры»⁷.

Обладанию руководителями образовательных учреждений, подразделений служебно-боевой подготовки, профессорско-преподавательским составом информацией о состоянии жизненных сил курсантов и слушателей как субъектов социального действия и направленности их социальной активности на формирование профессиональных качеств способствует постоянный мониторинг общественного мнения, дающий возможность командирам, преподавателям при грамотном использовании этой информации в управленческом и образовательном процессах получать реальную возможность совершенствования социального контроля, механизма социальной защиты, обеспечить эффективную профилактику девиантного поведения, поднять уровень стрессоустойчивости обучаемых к первым трудностям обучения.

Наибольшая неустойчивость взглядов, проблематичность протекания адаптационных процессов характерны прежде всего для молодого поколения, а следовательно, и для сотрудников органов внутренних дел в период профессионального обучения, осваивающих ментальность, присущую не только обществу, но и тому социальному институту, в котором они решили реализовать свои возможности. Однако курсанты и слушатели образовательных учреждений системы МВД России – это та социальная категория, которая находится еще на стадии формирования жизненных сил. Следовательно, наиболее ощутимые негативные последствия для формирования ментальных составляющих обучаемых могут нести процессы не только переходных, кризисных состояний общества, дезорганизующие устоявшийся механизм функционирования социально-политической системы, но и несогласованность образовательных программ, невыполнение предусмотренных мероприятий по социальной защите обучаемых как сотрудников органов внутренних дел, возможные факты несправедливости в отношении курсантов и слушателей.

И ментальность, и социализация – продукты социальной самоорганизации. Если на начальном этапе у молодых специалистов-правоохранителей не будут сформированы жизненные силы, необходимые для решения профессиональных общественно значимых задач и достижения личных целей, то в дальнейшем, в условиях реального наделения властными полномочиями по обеспечению правопорядка и законности в обществе, повышается риск профессиональной деградации: превалирование в мотивах деятельности личностно значимых составляющих; поиск личной выгоды при решении служебных задач; волокита, невнимательность, поверхностное отношение к исполнению профессионального предназначения. В этих условиях в деятельной составляющей личности могут также формироваться социальная пассивность, апатия, неспособность преодолевать возникающие трудности.

Необходимость повышения внимания к проблеме формирования жизненных сил обучаемых, использования мобилизационных ресурсов общества, института ОВД для повышения социальной активности курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования обусловлено также тем, что, по мнению профессора Т.Н.Самсоновой, сегодня «... мы наблюдаем изменения ритма истории – кажется, что жизнь движется гораздо быстрее, чем когда-либо раньше, происходит ускоренное накопление фактов, знаний, методик, достижений и открытий, в том числе и новейших технологий»⁸. Это требует иных взаимоотношений человека с миром, сотрудника органов внутренних дел с окружающей действительностью. Он должен воспринимать окружение в стремительном движении, а не в статике, не в неподвижном, «замороженном» состоянии. Каждый сотрудник должен не просто иметь представление о внедряемых новых информационных, специальных технологиях, но и уметь использовать их возможности. Он дол-

жен стать иным – способным жить в постоянно меняющемся мире, в новых, неведомых ранее темпах преобразования общества, соразмерять свою жизнь, исполнение своего профессионального предназначения с этими темпами и реалиями функционирования основных сфер жизнедеятельности человека. В противном случае первоначальные иллюзии о возможности жить и действовать в новых условиях, высококачественно исполнять свое профессиональное предназначение в обществе могут не оправдаться, человек, столкнувшись с трудностями, либо быстро свыкается с их постоянным присутствием, у него гасятся внутренние установки, направленные на их преодоление, развивается чувство безысходности, либо происходит профессиональная деградация, растет уверенность в собственной безнаказанности и вседозволенности. Неустойчивая личность не способна преодолевать трудности. Для нее характерны переживания, связанные с переоценкой значимости возможной неудачи и недооценкой собственных сил в ее преодолении, возможности удовлетворения потребности. Накопление, развитие, гармонизация жизненных сил, реализация их адекватно запросам времени, без внешнего управленческого воздействия, помощи происходит гораздо проблематичнее.

Еще в конце XIX в. М.Я.Острогорский – основоположник отечественной политической социологии, посвятивший жизнь изучению феномена демократии, писал, что современная демократия в состоянии представить человеку лишь материальную свободу. Однако духовная свобода, свобода выбора, возможность поступать в соответствии со своими убеждениями неосуществимы даже в развитых государствах. Как следствие – «возрастающая сложность социальной жизни сделала больше чем когда бы то ни было необходимым объединение индивидуальных усилий»⁹.

Большую роль в предотвращении дезориентации курсантов и слушателей после завершения обучения, в профилактике их пассивности играют само образовательное учреждение, его педагогический, служебно-боевой, воспитательный коллективы. Они призваны вырабатывать и реализовывать механизмы развития, гармонизации жизненных сил будущих профессионалов правоохранительной деятельности. Конструирование приемов и методов формирования жизненных сил должно строиться с учетом различного уровня активности, которую проявляют курсанты и слушатели: женщины и мужчины, представители городской и сельской местности, возрастные группы, выходцы из разных социальных слоев.

В связи с этим возникает необходимость использования в образовательном процессе знаний о происходящих в России процессах изменения социальной структуры общества, структуры национально-этнического сознания, национального характера в социуме.¹⁰

Перед командирами, профессорско-преподавательским составом ведомственного вуза стоит задача – помочь молодым людям, особенно на первоначальном периоде обучения, адаптироваться к новым условиям и суметь адекватно действовать, чтобы не только выживать или вы-

жить, но и целенаправленно формировать жизненные силы, чтобы и добросовестно исполнять свой профессиональный долг, и преуспеть в служебной карьере. Курсанты и слушатели должны уметь адекватно воспринимать все новое, не должны его бояться, а встречаясь с нововведениями, принимать их как стимул к деятельности в новом качестве. Эти процессы требуют социологического исследования, этому необходимо обучать людей, вооружать их аналитической информацией о развитии современного общества, тенденциях социально-политических изменений.

Встает вопрос о воспитании и обучении нового сотрудника органов внутренних дел, который чувствовал бы себя комфортно в условиях стремительных перемен, изменения криминогенной обстановки, структуры преступных проявлений, повышенной напряженности при исполнении профессионального предназначения, сумел бы без страха действовать в ситуациях, никогда ранее перед ним не возникавших, рассчитывая на свои способности, скрытые потенции, и мог бы импровизировать свои действия и принятие решений, опираясь на свои знания, умения, опыт. «Общество, которое сможет воспитать таких людей, выживет, – пишет А.Маслоу, – а те общества, которые с этим не справятся, погибнут»¹¹. Естественно, что для осуществления такой миссии преподавателям, командирам учебных подразделений нельзя пользоваться только прежними методами, приемами и техниками обучения, которые не то чтобы устарели, а просто не отвечают поставленным целям, иным по своей сути. Необходимо научить курсантов и слушателей, как себя раскрыть и понять свои способности и скрытые возможности (уметь услышать свое Я, познать себя); как более полно раскрыть и ощутить свои творческие потенции, воспользоваться ими в нужный момент действия; как «оторваться» от прошлого во времени и пространстве (хотя прошлый опыт помогает узнать похожую ситуацию. Однако условия теперь другие и предполагают иные действия); как «раствориться» в настоящем моменте, когда важно принять решение только «здесь–и–сейчас». А.Маслоу отмечает, что многими учеными эти задачи считаются банально значимыми или «чересчур правильными», но без них путь к самоактуализации невозможен. В этой цепи повышения социально значимого образования человека большие потенциальные возможности заложены в мобилизующих приемах, направленных на повышение активности человека, на актуализацию его деятельного потенциала.

Реалии развития современного социума, обусловленные спецификой переживаемого обществом периода, ставят задачи сформировать современного человека как творческую личность с новым мировоззрением, нацеленную не столько на продукт своей деятельности, сколько на сам процесс деятельности, когда приоритетной становится творческая установка, предполагающая, как считает профессор Т.М.Самсонова: 1) поглощение настоящим – ситуация «здесь–и–сейчас»; 2) открытость к предмету внимания, самозабвенность – отвлечение от привычно ожидаемых последст-

вий, от зависимости от окружающих; 3) доверие к самому себе – импровизация действий без предварительной подготовки и простого переноса прошлого опыта на настоящее, то есть умение самоактуализироваться.¹²

Самоактуализацию для сотрудника органов внутренних дел можно определить как посвящение себя правоохранительной деятельности и служение ее ценностям при оптимальной реализации собственных планов жизнедеятельности. Ей способствуют во многом коммуникативные умения и навыки, то есть свободное владение искусством общения, включая языковые средства – вербальные и невербальные. Только осознав свое будущее профессиональное предназначение в обществе, курсант или слушатель может самозабвенно отдаться идее служения обществу, полностью раскрыться как гражданин. В конечном счете это позволит спонтанно проявить свою сущность, свое Я. Возможно, это и не произойдет в первый год обучения, когда еще очень сильны старые привычки, прежнее восприятие окружающей действительности, практически слабое представление о буднях правоохранительной деятельности. Познав себя в процессе самоактуализации, обучаемый в дальнейшем при выборе действий (предполагаемых шагов) с большей вероятностью сможет осознать свою готовность и способность, не ища для себя выгоды, решительно встать на защиту законных прав и интересов граждан, взять ответственность за последствия своих действий в ситуациях, требующих оперативного вмешательства.

Это приводит к чувству радости, удовлетворения, к «пиковому переживанию» (по А.Маслоу). Все это – шаги к самоактуализации, процесс актуализации потенций индивида, развития самого себя. «Человек есть цель для себя, – пишет профессор В.В.Ильин, – реализация собственной целезначимости предполагает достижение гармоничного бытия, обеспеченного конкордией природы (связанная причинность) и воли (свободная причинность)»¹³.

Необходимо подчеркнуть, что развитию, гармонизации, аккумуляции жизненных сил обучаемых должны способствовать и новые информационные технологии, и средства коммуникации. Они активно вошли в сферу общественных отношений в конце XX столетия, нашли применение в образовательном процессе, изменили возможности самообразования, распространения мобилизующей информации. Современные компьютерные технологии «обеспечивают доступность и разнообразие информации, активизируют образовательные и самообразовательные процессы, сопутствующие производственной, научной, управленческой, бытовой, досуговой и любой другой деятельности»¹⁴. Мы осознаем, что сегодня не все имеют постоянный доступ к получению информации через Интернет, но мы и не абсолютизируем значимость ее, не утверждаем, что Интернет монополизировал сегодня передачу информации для человека. Он лишь один из источников, включенных в информационное обслуживание населения,

может быть использован как средство получения всесторонней информации, формирования деятельной мотивации наряду с другими средствами массовой коммуникации.

Оценивая пределы и возможности организующего, мобилизующего воздействия общества, образовательного учреждения органов внутренних дел на формирование жизненных сил обучаемых, необходимо учитывать, что курсант, слушатель, как и любой другой человек, является первичным социальным субъектом, представляет сложную социальную структуру, в которой переплетены и взаимосвязаны как ее объективные, так и субъективные свойства, возникающие и проявляющиеся в процессе его разнообразной деятельности, вбирает в себя физическое тело, астральное (душа, сфера эмоций), ментальное тело (дух, сфера мышления). Каждому из тел соответствуют три уровня индивидуального сознания: собственно сознание, подсознание, сверхсознание (интуиция). Следовательно, и эффективность приемов, форм и методов работы профессорско-преподавательского состава, командиров учебных подразделений по формированию, гармонизации жизненных сил курсантов, слушателей во многом определяется их соответствием способу осуществления образовательной деятельности обучаемых, его социальными потребностями, способностями к творчеству, степенью овладения культурными ценностями, профессиональными знаниями, навыками и умениями, нравственными нормами и убеждениями.

Формирование человека, осознающего и максимально реализующего свою личную ответственность за общественный прогресс, за судьбу Родины, – высшая задача любого общества. Особо значимо это по отношению к тем, кто исполняет правоохранительную службу, способствует укреплению законности и правопорядка как в условиях стабильного развития обществ, так и тогда, когда оно переживает сложные периоды существования – разрешает кризисные проблемы, осваивает новые принципы своего существования, преодолевает конфликтные ситуации и т.д.

Являясь одновременно и объектом социального управления, и субъектом деятельности, человек выполняет свои общественные функции и реализует свои способности настолько, насколько это обуславливается внутренними и внешними возможностями, его субъективным отношением к действительности, насколько общество контролирует, регулирует его деятельность, обеспечивает помощь и социальную защиту. Речь, таким образом, идет не только о позиции личности сотрудника органов внутренних дел по отношению к предмету своей деятельности, к своему месту и роли в обществе, но и о мобилизующем влиянии общества на профессиональное становление человека в период обучения в вузе, формирование его жизненных сил.

Без решения данных проблем невозможна реализация в комплексе жизненно важных мероприятий социально-управленческого, экономиче-

ского, политического, правового, демографического, психологического, экологического и иного характера, нацеленных на достижение стабильности общественной жизни, на обеспечение нормального функционирования социальных институтов.

Трансформация базисных характеристик современного общества, необходимость укрепления российской государственности, усложнение и возрастание объема задач, выполняемых органами внутренних дел, обострение криминогенной обстановки, изменение качественных характеристик преступности определили объективную необходимость поиска путей повышения эффективности основных элементов образовательного процесса, оптимизации их в общей системе подготовки специалистов для органов внутренних дел, адекватно сегодняшним политическим, экономическим, правовым и социокультурным реалиям.

¹ Григорьев С.И. Противодействие социально обусловленным болезням / С.И.Григорьев // Социология. – 2006. - №2. – С.160–167.

² Тарасов, К.А. В поисках выхода из ловушки экранного насилия / К.А.Тарасов // Вестн. Моск. ун-та. Сер 18. Социология и политология. – 1999. - №4. – С.177.

³ Кравченко, С.А. Играизация общества: контуры новой постмодернистской парадигмы / С.А. Кравченко // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке : социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. – М., 2003. – Т.1. – С.15.

⁴ Немировский, В.Г. Универсумный анализ российского общества / В.Г.Немировский. – Красноярск : «Офсет», 2001. – С.81.

⁵ Яковлев, Б., Литовченко, О. Теоретические аспекты исследования психической нагрузки в условиях учебной деятельности / Б.Яковлев, О. Литовченко // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2005. - №6. – С.3.

⁶ Хованская, А.В. Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России / А.В.Хованская // Политические исследования. – 2001. – №4. – С.57.

⁷ Ушакова, М.В. Образование в трансформирующемся обществе / М.В.Ушакова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2002. – №4. – С.146.

⁸ Самсонова, Т.Н. Основные аспекты политической социализации российских школьников / Т.Н. Самсонова // Человек и современный мир. – М., 2002. – С.354–356.

⁹ Острогорский, М.Я. Демократия и политические партии / М.Я. Острогорский // Теория государства и права / авт.-сост. Р.Т.Мухаев. – М.: «Издательство ПРИОР», 2000. – С.239.

¹⁰ Моисеева, Н.А. Менталитет и национальный характер (о выборе метода исследования) / Н.А.Моисеева, В.И.Сорокикова // Социологические исследования. – 2003. – №2. – С.45–54.

¹¹ Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А.Маслоу. – М., 1999. – С.62.

¹² Самсонова, Т.Н. Указ. соч. – С.354–356.

¹³ Ильин, В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ) // Человек и современный мир / В.В.Ильин. – М.: ИНФРА-М., 2002. –С.317.

¹⁴ Зборовский, Г.Е. Образование как ресурс информационного общества / Г.Е.Зборовский, Е.А.Шуклина // Социологические исследования. – 2005. - №7. - С.107–113.

Раздел 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Павловский В.В.,

доктор философских наук, профессор
Киевский национальный торгово-экономический университет (Украина)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Что такое глобализация – это планетарная реальность или очередная мифологема? Если это реальность, то есть ли у нее сознательно поставленные какими-то заинтересованными силами цели и задачи или это стихийный, подобный циклонам, наводнениям, землетрясениям и извержениям вулканов, процесс? Что входит в ее сущность, противоречия, содержание, структуру, функции? Глобализация – это благо или зло для человечества, или и то и другое? Если глобализация – мировое благо, объективный процесс общественного прогресса, тогда почему огромные массы населения Земли продолжают жить в нищете, темноте и болезнях и почему ей оказывается упорное сопротивление? Если глобализация – мировое зло, то как с ним эффективно бороться и вообще возможна ли победа над этим монстром, драконом? Или это неизбежный апокалипсис, творимый людьми? Если глобализация – и то и другое, то что в ней преобладает и почему?

Таким вопросам несть числа, и однозначные апологетические метафизические ответы на них подобны жухлым желтым листьям на зеленом древе жизни. Однако есть *нечто*, крайне противоречивое в своих реальных проявлениях, что многие политики, философы, ученые и т.д. называют глобализацией. И это *нечто* происходит в мире в последние десятилетия в политике, милитаризме, экономике, финансах, социальной, информационной сферах, транскультурной экспансии и т.д., преодолевая государственные границы и подчиняя, присоединяя, объединяя то, что раньше не подчинялось, не присоединялось и не объединялось. Назовем это *современной глобализацией*.

Анализу процессов глобализации посвящены сотни монографий и десятки тысяч статей, тезисов и докладов. Назовем только некоторые имена западноевропейских, американских и восточноазиатских специалистов в этой области. Это П.Л.Бергер, З.Бжезинский, И.Валлерстайн, Й.Гломб, А.Гидденс, Б.Дикон, А.Каллиникос, Н.Кляйн, Г.-П.Мартин,

Дж.Най, К.Омае, А.Негри, А.Ругмен, Р.Робертсон, Дж.Стиглиц, Дж.Сорос, Т.Фридман, Ф.Фукуяма, М.Хардт, Х.Шуманн и др.

Среди российских и украинских философов и ученых следует отметить таких исследователей, как Э.А.Аэроянц, А.Г.Билорус, А.В.Бузгалин, А.А.Зиновьев, И.С.Иванов, Я.С.Ларина, Н.Н.Моисеев, С.В.Мочерный, А.И.Неклесса, А.С.Панарин, В.И.Пантин, С.И.Соколенко, А.И.Уткин, А.П.Федотов, С.В.Фомишин, М.А.Чешков, А.Н.Чумаков, Г.Х.Шахназаров и др.

Чтобы приблизиться к пониманию сущности и содержания современной глобализации, необходим хотя бы кратчайший экскурс в историю вопроса.

Явления частичной глобализации имели место уже в древнем мире, античности и средневековье, когда были предприняты первые завоевательные попытки подчинить и объединить государства и народы «от моря и до моря», дойти «до края земли», «до последнего моря» (Александр Македонский, Чингисхан, его внук хан Батый и др.). Как известно, все они получили реверсивное развитие.

Великие географические открытия, многократное увеличение объемов международной торговли, первоначальное накопление капитала и в последующем бурное развитие капитализма в Европе, Северной Америке и Японии создают условия для перехода процессов глобализации на качественно новый уровень. Так, уже к середине XIX в. К.Маркс, Ф.Энгельс и другие исследователи фиксируют наличие и развитие мирового капиталистического рынка, «космополитизации» планеты.

На рубеже XIX–XX вв. резко проявляет себя новый, более полный по масштабам и содержанию этап глобализации, обусловленный формированием мировых империй капитализма во главе с первой сверхдержавой США, с их метрополиями и колониями, антагонистическими противоречиями внутри и между ними, борьбой за передел мира между старыми и молодыми империями. Первая мировая война не разрешила эти противоречия, а только усилила и усугубила их, привела к Великой Октябрьской революции в России, к образованию СССР, к социально-политическим и национально-демократическим революциям в других странах.

Вторая мировая война и победа антифашистской коалиции, образование мировой системы СССР – страны народной демократии, мощное развитие мировой капиталистической системы, «холодная война», объявленная Западом, крушение колониального мира, превращение СССР во вторую сверхдержаву стали причинами качественно нового этапа глобализации как бы в двух параллельных общественных мирах, в двух различных политико-экономических и социальных системах.

Политические, экономические и социальные катаклизмы 1989–1991 гг. под напором внутренних и внешних противоречий и факторов привели к распаду молодой мировой экономической, политической, социально неразвитой социалистической системы, разрушению второй сверхдержавы

– Советского Союза с таким же недоразвитым и искривленным социализмом. Это была всемирно-историческая трагедия многих народов, превосходящая по своим жертвам и негативным последствиям первую мировую войну. Вместе с тем для противоборствующей мировой системы постнеоимпериализма были созданы новые благоприятные условия для ее стабилизации и развития. С этой «точки отсчета» истории процессы глобализации как бы становятся планетарными, охватывают почти все государства и народы. Однако и в этот период истории далеко не все «однозначно» и «одновекторно». Главный «глобализатор» – США, их правящий класс, государственная машина, армия, зависящие от них международные институты глобализации (ВТО, МВФ, Всемирный банк и др.), а также транснациональные корпорации, где преобладает североамериканский капитал, резко усиливают свое доминирование и давление в мире.

Основное оружие этой империи – два фактора-близнеца, два «кулака»: экономическая и финансовая экспансия самой мощной в мире экономики и доллара как мировой валюты, а также милитаризация, беспрецедентная гонка вооружений, следующие одна за другой региональные войны, которые порождает та же капиталистическая экономика и обслуживающая ее политика.

Так, после 1991 г. США более чем в два раза увеличили расходы на гонку вооружений по сравнению с периодом «холодной войны», провели «победоносные» войны в Югославии, развалив эту страну на отдельные конкурирующие республики, в Ираке, где погибли более 1 млн. ни в чем не повинных людей, в Афганистане... Теперь они угрожают войной Ирану, Сирии, окружают Россию со всех сторон военными базами и союзниками, планируя расчленение огромной страны на множество мелких государств-сателлитов, используя для этого соседние державы, держа в уме в дальнейшем радикальное ослабление и трансформацию Китая, победу над ним. Они не распускают, а усиливают НАТО, грубо попирая все предыдущее обязательства о нераспространении этого военного блока на восток. Страшные террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., по существу, как это ни цинично может показаться кому-то, были очень нужны как повод милитаристским «ястребам» этого государства. Так уже никто из спецслужб США и не знал о готовящемся *масштабном* преступлении? Трудно, пожалуй, даже невозможно в это поверить: концы с концами здесь не сходятся. А эти теракты полностью *развязали руки* Новому Левиафану для новых войн, для вооруженной борьбы с «новым мировым злом – международным терроризмом» с вмешательством во внутренние дела любого суверенного государства, для грубого нарушения и игнорирования международного права. Все это лишь способствует поддержанию страха, ненависти и неприятия в мировом сообществе по отношению к военной и экономической мощи США, их политике и агрессии.

Правящий класс этой страны, используя своих союзников, международные институты глобализации, военные блоки, планирует и реализует глобализацию наряду с политической, социальной, экономической, информационной экспансией как очередную мировую войну с использованием военной техники и военных технологий новейших образцов, наемников многих стран под видом «миротворцев». Вместе с тем гигантское нагромождение военной мощи, неразрешимые в условиях этой системы внутренние антагонизмы и противоречия, имперская агрессия, запугивание и эксплуатация других государств и народов, применение милитаристской машины в захватнических, чудовищно несправедливых и аморальных войнах неизбежно и неотвратимо ведут это государство, его правящий класс и поддерживающее его население к деградации, к краху и катастрофе. И это *закон истории*, которого нельзя избежать.

Второй «глобализатор» – Европейский Союз, который от планетарного кризиса мировой социалистической системы получил огромные выгоды. Расширение ЕС и НАТО на восток, присоединение территории и населения 10 бывших социалистических стран и расчленение Югославии позволили европейским странам-«старожилам капитализма» значительно усилить свои позиции в конкуренции с США за мировое господство.

Получили огромные прибыли от развала СССР и восточноазиатские соседи. Уже идет и предстоит вскоре еще более жестокая борьба за передел Дальнего Востока и Сибири, которые пока принадлежат России. На основе Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, к которой присоединились Китай, Япония и Южная Корея, формируется та политико-экономическая, военная и социальная сила, которая станет доминирующей на планете уже примерно через 20 лет. Поэтому так и спешат с гонкой вооружений и новыми войнами США, ЕС и НАТО.

Резко активизировали свою экспансионистскую деятельность в условиях современной глобализации Ватикан, фундаменталисты, а также религиозные секты, штаб-квартиры и капиталы которых размещены в США.

Не случайно А.А.Зиновьев и другие мыслители и политики определили современную глобализацию как четвертую мировую войну.

Итак, происходят крайне противоречивые, антагонистические процессы добровольных и насильственных интеграций и дезинтеграций во всех сферах жизни государств и народов, передела собственности на средства производства, передела природных богатств, территорий, жестокой эксплуатации развитыми странами остального мира, жестокой конкуренции, *закономерно* вспыхивающих региональных войн, международного терроризма и т.д. Также *закономерно* этим процессам противостоят организованные и стихийные движения антиглобализма и альтерглобализма.

Известны многочисленные и весьма разнородные определения глобализации в философской и научной литературе. Дадим наше авторское понимание современных глобализации и антиглобализации, опираясь на

диалектико-материалистическую теорию истории (К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин и др.). *Современная глобализация* – это качественно особый исторический процесс, который особенно интенсифицировался с 1990–1991 гг. в связи с распадом мировой системы мутантных социалистических стран и СССР, когда его возглавили постнеоимпериалистические государства, их международные институты (ВТО, МВФ, Мировой банк и др.) и транснациональные корпорации. В силу этого данная глобализация по своей сути имеет отчетливо выраженный постнеоимпериалистический антагонистический характер. Он выражается в следующем.

1. Основная тенденция, закономерность этой глобализации – это не «всего лишь либерализация национальных рынков», не только и не столько экономическая интеграция, а жестокое и жесткое политическое, военное, финансово-экономическое подавление более слабых конкурентов, захват рынков, территорий, ресурсов, реколонизация, экспансия во всех сферах, война на уничтожение «врагов свободы, демократии, цивилизации».

2. Современная глобализация не является необратимой – действуют синергетические процессы. Формирование мировой ультраимперии Pax Americana с ее «золотым миллиардом» встречает растущее сопротивление стран, население которых в 5 раз превышает население этой империи. То, что представляется прочным, вскоре может рухнуть и превратиться в социальный хаос.

3. Утверждения неолибералов и постмодернистов о том, что данная глобализация – это «естественный процесс, за которым не стоят политические силы», являются мифологемами. В действительности управление со стороны «игроков-глобализаторов» исходит из политико-экономических требований и законов ультраимпериализма, и в силу этого оно разрушительно, античеловечно как для тех, кого глобализируют, так и для тех, кто глобализирует.

4. Глобализация не является «благом для каждого». Наоборот, она есть «благо» для немногих за счет «не-блага», социального зла, бедности, нищеты, болезней и смертей огромного большинства человечества.

5. Дискурсы о том, что глобализация связана с «всемирным распространением демократии», являются ее апологетикой. Сия демократия есть лишь этап в ее развитии и ее отрицании; это буржуазная, весьма ограниченная демократия, ориентированная только на господствующий класс, на капитал, все более вырождающаяся в свою противоположность форма «легитимизации» представителей господствующего класса, идущих в исполнительную и законодательную власть. В условиях постнеоимпериализма и ультраимпериализма буржуазная, либеральная демократия «эволюционирует» в жесткие и жестокие тоталитарные государства, подавляющие всякие, кстати, *демократические* выступления трудящихся масс за свои права и интересы. Этому «сползанию» буржуазной демократии в тоталитаризм и фашизм может противостоять, оппонировать только ре-

альная социалистическая демократия и протестные революционные движения в самих странах вырождающейся плутократии денежных сейфов.

В своей основе и сущности в современной глобализации преобладают насильственные, принудительные процессы, которым народы многих стран оказывают естественное сопротивление.

В действительности **современная глобализация не решает ни одну актуальную, угрожающую человечеству острую глобальную проблему, она только обостряет и усугубляет их.** Поэтому **логика развития истории**, проявляющая себя через эволюционно- и революционно-созидательную деятельность миллиардов тружеников (разумеется, в их деятельности значительна доля и разрушительной, деградиционной деятельности в силу наличия для них нечеловеческих условий существования при капитализме, их жестокой эксплуатации и т.д.), ведет к диалектическому отрицанию, снятию современной глобализации и переходу мирового сообщества или к качественно новому государственному, постэкономическому и социальному строю или к самоуничтожению человечества в результате мировой термоядерной войны, превращению современной глобализации в *ничто*.

Глобализация усугубила, еще больше обесчеловечила процессы отчуждения, которые исследовали мыслители прошлых эпох (Т.Гоббс, Ж.-Ж.Руссо, Г.В.Ф.Гегель, Л.А.Фейербах, К.Маркс) и философы XX в. В современную эпоху эти процессы приняли качественно новые массовые или достаточно распространенные формы, такие как *тотальная дегградация общественного человека, перманентные античеловеческие региональные войны*, которые следуют одна за другой почти с точностью графика движения поездов, пока что «тихая» четвертая мировая война, *геноцид, депопуляция ряда народов планеты*, в том числе восточнославянских, *дегуманизация жизни капиталистического общества, дальнейшее формирование этого псевдообщества с его *ahomo antisapiens, ahomo militaris, ahomo bellumiens, ahomo killer...** Необходимы теоретическое осмысление этих процессов и, соответственно, понятий, отражающих их, выработка практических мер, противостоящих этим разрушительным процессам.

Современная антиглобализация является закономерным историческим «ответом», который проявляет себя в политической, экономической, военной, социальной, идеологической и духовной деятельности государств и народов, страдающих от глобализации, несущих огромные человеческие, экономические, политические, социальные и духовные жертвы. Наиболее массовыми и активными протестными процессами выступают антиглобалистское, а также альтерглобалистское движения (А.В.Бузгалин, А.И.Колганов, С.Амин, Ф.Утар). Так, часть трудящихся и молодежи Украины определенным образом противостоят экспансионистским, глобализаторским процессам и тенденциям западных и восточных «глобализаторов», выступая против вступления Украины в НАТО и ВТО, за союз с Россией и Белоруссией и т.д.

Резюмируем. Современная глобализация является крайне противоречивым и антагонистическим процессом как интеграции, так и экспансии во всех сферах жизни обществ, размывания и разрушения национального суверенитета государств. Основные игроки-глобализаторы во главе с США в своих реальных действиях и планах не останавливаются ни перед попранием международного права, ни перед агрессией и полномасштабными войнами против независимых государств. Поэтому наряду с глобализацией активно проявляют себя и антиглобализационные процессы и движения. Представители этих движений предлагают и альтернативные варианты развития мирового сообщества.

Хозяева промышленно-финансово-военного комплекса США и других развитых государств, по существу, втягивают мир в четвертую мировую войну, проверяя до часа «X» свои силы в региональных войнах. Однако чудовищное накопление военной мощи, внутренние и внешние антагонистические противоречия, ведение захватнических, несправедливых войн, уничтожение миллионов ни в чем не повинных людей ведут правящие классы этих государств и поддерживающее их население к деградации, краху и катастрофе. Выход из этой приближающейся всемирно-исторической трагедии – в смене политико-экономического и социального строя, отмене частной собственности на средства производства, освобождении труда и человека, преодолении реакционных, деградиционных, милитаристских, античеловеческих и антигуманных процессов, которые все шире и глубже, как раковые опухоли, проникают в человечество, живущее в условиях капитализма. На планете существуют интернациональные силы наемных работников и учащейся молодежи, которые способны спасти мир от приближающейся катастрофы.

Пфаненштиль И.А.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет
(г.Красноярск)

**ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ.
ПРОБЛЕМА ИХ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ**

Современные исследования в социальной сфере показывают, что радикальные изменения, которые окажут наиболее сильное влияние на всю дальнейшую судьбу развития цивилизации, произойдут именно в гуманитарной сфере. Поэтому сегодня можно вполне обоснованно говорить о том, что мировое сообщество находится на пороге новой гуманитарной революции напрямую связанной с образовательной революцией,

благодаря которой можно будет сформировать новое системное мышление, развить новый глобальный инновационный образовательный проект – образование в интересах устойчивого развития, нацеленный на экологически безопасное развитие всего человечества.¹ Однако, по утверждению Э.Морены, «... суть дела не в том, чтобы отказаться от познания частей в пользу познания целостностей или отказаться от анализа в пользу синтеза; надо соединить и то и другое. Это – вызов сложности, с которым мы неотвратимо сталкиваемся в нашу планетарную эру». Понимание глубины глобальных проблем провоцирует в обществе вызов неопределенности, который, согласно Э.Морену, состоит прежде всего в том, что в XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, «... ибо установили, что будущее непредсказуемое... Будущее остается открытым и непредсказуемым». Кроме того, люди осознали, что «история отнюдь не представляет собой линейную эволюцию... История – это сложное сплетение порядка, беспорядка и организации»².

Тем не менее было бы неверным считать, что единство человечества может быть сведено к ведущим константам человеческого существования и рассматриваться как состояние неизменное, внеисторическое. В разные эпохи человечество обладало целостностью, отличавшейся количественно и качественно по объему содержания и форме проявления. Длительный период в человеческой истории преобладала пространственно-территориальная дезинтеграция, расселение и рассеяние родоплеменных общностей по земной поверхности. Лишь отчасти эта тенденция сдерживалась непосредственным общением разрозненных коллективов. Переход от присваивающей экономики к производящей («неолитическая революция» по Г.Чайлду), от кочевого образа жизни к оседлому, оживление и рост городов, постоянно действующих коммуникаций, государств, а затем империй с мессианской идеологией мирового господства на основе идеи единобожия – все это вело к перелому в ходе всемирной истории, наступлению «осевого времени» (по К.Ясперсу). Процесс дивергенции, обособляющей специализацию этнокультурных и этнополитических общностей постепенно сменяется конвергенцией, сближающей универсализацией способов их воспроизводства активнее всего в духовной сфере по мере распространения мировых религий. Объективно преобладание конвергенции над дивергенцией закрепляется в эпоху утверждения индустриальной цивилизации, капиталистической общественной формации. И если на этапе ее возникновения временно усиливается тенденция к национальному обособлению, формированию национально-региональных хозяйств, рынков и государств, то на зрелой стадии ее развития окончательно верх берет тенденция образования мирового хозяйства (международное разделение и кооперация труда), мирового рынка (международное обращение капиталов и товаров) и государств-империй нового типа, их коалиций, разделяющих между собой экономически, политически, идеологически территорию геосферы.

Механизм выбора обществом того или иного варианта своего исторического пути неизбежно включает в себя процедуру анализа социально-исторического опыта, не только и не столько собственного (приобретенного всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий), но и транслированного иными социальными системами (заимствованного, возникшего таким же образом у других народов). Второй тип влияния связан с анализом и усвоением опыта других народов, государств, культур. На сегодняшний день, в условиях глобализации, все более актуализируется вопрос об эффективности и возможных ограничениях в использовании «внешнего» опыта. Дело в том, что наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Кроме того, значительно уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример.

Однако современная ситуация в мире показывает, что победа целостности над дискретностью оказывается «пирровой», поскольку выигрывают лишь отдельные коллективно-собираательные субъекты международной жизни, действуя в ущерб остальным. Отсюда антагонистичность этих процессов вплоть до проявлений геноцида. Показательно, что пространственное единство не исключает, а предполагает борьбу за самосохранение и передел мира для всех участников «игры» на международной арене. Временное же единство достигается стремлением к динамике расширенного воспроизводства «передовых» держав за счет стагнации и деградации слабых и отставших.

В своем нынешнем, буржуазно-либеральном, варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально потребительскому отношению к миру. Самая главная опасность, однако, состоит в том, что глобализация (как она сейчас разворачивается в горизонте подчиненности субъективным интересам) ведет к изменению, а в тенденции и к устранению национальных культур, до сих пор выступающих основой цивилизационного разнообразия человечества.

Эволюционной парадигме противостоят мультилинейные теории, сторонники которых подчеркивают вариативность моделей, этапов развития. Данный подход нашел яркое выражение в теории локальных цивилизаций, обращающей внимание на особенности динамики отдельных цивилизаций или культур. В основе второго подхода лежит идея множественности цивилизационных законов. При этом, однако, фактически элиминируется идея единства истории, исчезают тенденции развития человечества.

Таким образом, в условиях глобализации перед обществоведами и философами стоят, как минимум, две проблемы, касающиеся структуры и элементов исторического действия, а именно: 1) необходимость нового рассмотрения проблемы субъекта исторического действия, формирующего современные процессы развития в условиях кризиса модели национального государства; 2) оценка жизнеспособности концепции суверенного государства в условиях глобализации и развития информационных технологий, а также установление связи деятельности элит с «духом народа», *esprit genera*.

По мнению одних ученых, «принцип приоритета общечеловеческих ценностей – не просто благое пожелание и красивая фраза, а аксиологический императив,... без осуществления которого человечество прекратит свое существование»³. Однако многие, в частности современные российские философы, ставят под сомнение такую постановку вопроса, поскольку она противоречит в первую очередь истории. «Что же касается теории общечеловеческих ценностей, преувеличивающей значение идеалов и стандартов жизни индивидуалистического общества, то она в данном преувеличении внутренне несостоятельна. Во-первых, ценное – это всегда имеющее отношение к субъекту из числа многих субъектов, следовательно, ценное исключает общечеловеческое. Во-вторых, ценностное, потребительское отношение к содержанию мира – это одно из возможных отношений к нему, а потому такое отношение, традиционное для Запада, реально оказывается неприемлемым в других регионах мира, особенно там, где имеется традиционно более дальновидное отношение к внутреннему и внешнему миру людей. В-третьих, ценностное отношение к содержанию мира – это прикрываемое положением о непознаваемости мира циничное, пренебрежительное отношение к объективным законам природы и общества (в частности, к законам объективной диалектики), к действию законов микро- и макрокосмоса. В-четвертых, ценностное отношение к содержанию мира и навязывание прагматизма и эгоизма всему миру на практике привело к разворачиванию на планете трагедии под названием глобальных проблем современности. И стало очевидным, что с позиций ценностного отношения к содержанию мира разрешить указанные глобальные проблемы не удастся»⁴. Дело в том, что индивидуалистическое общество складывается не усилиями индивидов по обособлению, а действием объективных сил и процессов, среди которых первоочередное место занимает глобализация. Последняя подменяет универсализацию и снижает способность как отдельных обществ, так и индивидов контролировать ситуацию. В современных оценках ценностного состояния Запада намечается образ того главного врага, который разрушает универсальные ценности, заменяя их локальными, партикулярными или отказываясь от них. Главный враг демократии западных обществ – либертаризм, требование неограниченной свободы, которое

разрушает общественную солидарность и нормы.⁵ Безразличие к качеству внутреннего мира, характерное для западного общества, и упование на формально-правовые гарантии в правовом государстве могут трагическим образом сказаться на его судьбе. Наилучший правовой порядок теряет свою жизнеспособность, если больше не находит добросовестных интерпретаторов, сохранивших приоритет нравственности, что в современных условиях наглядно подтверждают США.

Еще одну важную особенность подчеркивает В.А.Кутырев: «На ХХI в. объявлен постмодернизм, и, словно издеваясь над критиками гегелевско-марксистской диалектики, в развитии мысли происходит буквальное, типовое отрицание отрицания. Возврат к прошлому на новом уровне. В аналитической философии процесс самоотрицания начался несколько раньше, в 70–80-е годы. Она перестает избегать онтологических утверждений и прямо заговорила о необходимости «реабилитации метафизики» (П.Стросон), «переоткрытия субъекта» (Д.Серль), «реализма с человеческим лицом» (Х.Патнэм). Несмотря на подобную приспособительную активность к «вновь открывшимся обстоятельствам», сейчас ее теснит еще более органичная им эволюционная эпистемология, включающая проблему человек-среда непосредственно в свое концептуальное ядро»⁶.

В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данному обществу, вплоть до «гуманитарной интервенции». Сомневаться в том, следует ли транслировать чужой опыт, очевидно, уже поздно – процесс идет весьма интенсивно и в самых разнообразных формах: от разного рода общественных и государственных фондов и институтов – «агентов влияния» до международных и межгосударственных организаций. Вместе с тем наличие чужого социально-исторического опыта может стать помехой на пути накопления своего собственного, затормозить или не допустить выработки альтернативных стратегий. Исторический опыт свидетельствует: нельзя общество, относящееся к одному типу развития, перевести в одночасье на принципиально иной путь.⁷ Дело в том, что народы уходили с исторической арены не только в результате военных поражений, поражения военные порой, напротив, побуждали народ к жизни, к новому самоутверждению. Народы растворялись, уходили в небытие, если утрачивали свою культуру, свои корни. Специфика нашего времени в том, что утрата национальной культуры приобретает глобальный характер. Такого еще не случалось в истории. Культура народов вытесняется своим антиподом – племенным националистом.⁸ Например, отцы-основатели американской демократии вместе с продолжателями их дела до самого последнего времени были страшными ксе-

нофобами, бдительно оберегающими американскую идентичность. А потому, как отмечает А.Мелихов, «... неуклонно стремившимися и территориально, и культурно растворить пришельцев, временами просто ограничивая, а то и вовсе прекращая их приток. Но это была ксенофобия умная, добивающаяся искомого результата»⁹.

Доказательством необходимости учета исторического опыта в условиях формирования нового мира под воздействием глобализации является и попытка создания основы единого федеративного европейского государства путем заключения конституционного договора, который предусматривал постепенный отказ от национальных парламентов и институтов. Она, по мнению В.Зайфферта, четко продемонстрировала, что единого европейского народа нет, и, соответственно, не может быть никакой европейской Конституции и никакого единого европейского государства.¹⁰

Проблемы современного глобального мироустройства и его возможные альтернативы приобретают особую значимость для России. Дело в том, что, когда ставится вопрос о неоднозначности глобализационных процессов, ключевым для понимания новой ситуации в мире, определяющей в значительной мере собственно перспективы глобализации, является российская цивилизация, которая, в силу своего географического и социокультурного положения в течение длительного времени являлась одновременно водоразделом и мостом между Востоком и Западом. Пересыхание этого водораздела и крушение моста, по мнению О.Смолина, «...при определенных вариантах исторического развития может подтвердить правоту гарвардских сторонников социокультурного детерминизма»¹¹. Известно, что С.Хантингтон и другие ученые этой школы полагали, что границы цивилизаций являются одновременно потенциальными линиями фронта.

В конце XX – начале XXI вв. в России и других государствах на постсоветском пространстве происходят изменения, связанные со структурной перестройкой всей системы общественных отношений. Стратегическая задача, определенная Президентом России В.В.Путиным, как «понимание, в каком месте нашей истории мы находимся, каково наше место в современном мире и какие ценности цивилизации следует выбирать», имеет первостепенное значение для укрепления национальной безопасности России. Безопасность как социально-философская и политологическая категория отражает проблему будущего России. Будущее российской нации может оказаться под угрозой как по причине сильного внешнего воздействия, так и вследствие глубоких внутренних противоречий, приводящих нацию к распаду или гибели. Причем в этом случае национальная безопасность России напрямую зависит от механизма государственного управления, целей деятельности политических сил и общественных движений и, разумеется, от функционирования важнейших социальных институтов, которые призваны обеспечить стабильное развитие общественных отношений в современной России. Вот почему все

чаще российские ученые обращают свои взгляды к отечественной истории, традициям самоуправления. Особо подчеркивается, что в соборном государстве главенствующее положение занимают духовность, совершенство, добродетель. Только люди, преуспевшие в добродетели, могут управлять соборным государством.¹²

Все чаще российские граждане убеждаются, что не надо во всем бежать наперегонки с современной Европой. Дело в том, что о единой линии социальной эволюции можно было вполне обоснованно говорить, если бы существовала полная функциональная зависимость между всеми основными одномерными показателями социальной эволюции. В реальности, по мнению А.Коротаева, «... нет ни одной пары значимых эволюционных показателей, между которыми бы наблюдалась стопроцентная корреляция (функциональная зависимость). По крайней мере, более, чем за 100 лет поисков подобных корреляций, ни одной реальной функциональной зависимости между какими-либо социоэволюционными показателями обнаружено не было»¹³.

Своеобразие российского исторического пути часто с точки зрения Запада рассматривалось как выпадение нашей страны из общемирового контекста, хотя, на самом деле, стремление аккумулировать положительный опыт Европы и Азии означал перспективность именно российского общества. В этом смысле выход в свет тома, посвященного России, многотомной «Истории человечества», издаваемой под эгидой ЮНЕСКО, – крупное событие не только для российской историографии, но и в целом для нашей страны. Россия впервые основательно вписана в контекст мировой цивилизации, что принципиально важно в современных условиях. Понятно, что ученым при этом пришлось столкнуться с непростой дилеммой, ведь известно, что проблемы единства и вариативности исторического процесса по-разному трактуются в различных теориях общественного развития.

С точки зрения ведущих отечественных ученых, критериями прогресса выступают: совершенствование качества жизни людей, их образа жизни, развитие личности, прогресс, означающий движение людей «к благоденствию, удобствам, комфорту, к твердому и надежному жизнеобеспечению, к материальному достатку, к культурному и духовному развитию, к совершенствованию личности и в целом к повышению качества жизни во всех ее материальных и духовных проявлениях».¹⁴ Использование данных базовых параметров позволяет рассматривать историю стран и народов в качестве органических составляющих глобального развития человечества. При этом указанные параметры выступают индикаторами степени интеграции отдельных потоков истории в общечеловеческий процесс цивилизации. Однако в глобализирующемся мире контрасты по-прежнему сильны и имеют тенденцию к углублению, а сам процесс, главным мотором которого являются США, – американизирован. Возникают

определенные противоречия, сопротивление и в «ядре», и на «периферии». Вот здесь и навязывается всем народам теория общечеловеческих ценностей, понимаемых в сугубо прагматическом западном понимании, то есть то, что ценно для «ведущих» государств, субъектов глобализации.

В значительной мере вследствие неадекватности западной модели глобализации потребностям выживания современного человечества его современное состояние можно определить как «цивилизованный» слом или особого типа переходное состояние, где жестко сопряжены относительно новые и весьма опасные процессы: экологический, демографический, антропологический, социально-политический, финансово-экономический, этический, религиозный и другие кризисы.

Тем не менее, как показывает практика, выбор модели, по которой будет фактически строиться политика России, определяется не наукой (подобного прецедента в истории не было), а реальными интересами правящих элит (включая глобальные компоненты таких интересов).¹⁵ Диалектика противоречий между первыми, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном уровне. Выход из конфликта этих противонаправленных сил – в поиске переходной ступени, выполняющей роль своеобразного социального редуктора от общемировых к местным процессам. Этот промежуточный мезоуровень позволяет общие тенденции приспособлять к местным специфическим условиям, что дает возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры. В отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения. Взаимодействие социальных низов и верхов объективно рождает необходимость мезо-уровня. Так и локальные социумы нуждаются в таких же посредниках для выхода на макросистему. С другой стороны, на место государств единообразного большинства приходят мультикультурные государства, то есть государства различных меньшинств (социальных, культурных, этнических, профессиональных и других), оберегая исторические традиции и сохраняя этнокультурный плюрализм.¹⁶

Вместе с тем ни «американский» индустриальный проект, куда Россия сейчас подключается в силу цивилизационной инерции, ни «евразийское направление», предлагающее, по сути, ту же индустриализацию, но в экстенсивно-архаической форме, не способны служить путями перехода к новой реальности. В первом случае Россия оказывается не в собственном будущем, обеспечивающем самостоятельность, а в чужом прошлом и фактически лишь удерживает прежние цивилизационные рубежи, а во втором, кстати, являющемся до сих пор чисто кабинетной, схола-

стической разработкой, отказывается от будущего вообще и становится «застывшей цивилизацией» восточного типа. Ясную социальную перспективу эти идеи образовать не могут. России нужен проект, который бы обеспечил ей реальное присутствие в будущем.¹⁷

Вследствие этого информатизация культуры должна стать важнейшим элементом государственной политики, особенно для России, ибо модернизация России как проявление нового большого инновационного цикла без информатизации культуры и сопряженных с ней процессов и структур просто невозможна. Однако данный процесс должен идти, по нашему мнению, вне русских либералов, потому что «либерализм для России – это тяжкий крест, форма политического идиотизма. Либерализм в России выступает как удел политических проходимцев, как идеология политического маргиналитета. В России кризис либерализма в марксистской или какой-либо иной форме – это не перманентный кризис, не кризис либерализма как формы социального конструирования реальности, а кризис отторжения, отчуждения либерализма как формы общественного самоубийства»¹⁸.

А.Зубов, рассматривая циклы российской истории, пишет: «Тяжкие испытания, выпадающие на долю общества в период смуты, как правило, порождают нравственную рефлексию, возбуждают чувство раскаяния в делах отцов, усиливают религиозные настроения. Перед смутой для общества характерны эвдемонические ценности, ориентация на благо этой земной жизни, равнодушие к вечности и к спасению в Боге. Религия в предсмутное время превращается в служанку земного благоденствия, в его идеологическую подпору, утрачивая в глазах большинства самоценную значительность, замыкается в самодовлеющий обряд. Напротив, на выходе из смуты религия занимает центральное место в жизненных ориентациях... Однако, усиливаясь, и власть, и народ все более начинают обращать внимание на эвдемонические задачи политического и хозяйственного характера. Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты. Из цели государственной деятельности люди превращаются постепенно в средство для достижения национального величия, а вера, из залога Царствия Небесного, в консолидирующую народ политическую идеологию»¹⁹.

Именно в современных условиях, когда иллюзии по поводу однозначности глобализационных процессов рассеялись, по справедливому замечанию А.Фурсова, «... впервые за весьма длительный период русской истории у русских есть возможность построить нацию-государство на основе характерных для русского народа принципов и ценностей. Прежде всего – социальной справедливости»²⁰. Дело в том, что в современных условиях «... само время становится антиметафизическим и антидогматичным, требуя в отношении философии истории XX в. нелицеприятного суда диалектического разума»²¹.

Очевидно, правы авторы, отмечающие, что если история есть процесс практической идеализации человека, то есть последовательного ослабления его отрицательных черт и усиления положительных, то общечеловеческие черты, присущие разным историческим поколениям, обязательно должны быть исключительно положительными. Тем самым абсолютный человек диктует абсолютный идеал человека. А этому идеалу должна соответствовать выразительная модель, которая и является образом сверхчеловека. Благодаря этому образ сверхчеловека концентрирует в себе те же положительные общечеловеческие черты, но уже не в абстрактной, а наглядной форме.²²

Сегодня в гуманитарных науках предпринимаются попытки достижения нового исторического синтеза, предполагающего отказ от идеи всеобщего детерминизма. Внимание профессиональных историков привлекают новые теоретические подходы: цивилизационный, культурологический, антропологический. В конечном счете все это ведет к отказу от единой универсальной доктрины исторического процесса. В свою очередь, специалисты в области теории и методологии науки отмечают, что можно выделить 3 уровня научного знания, по-разному влияющих на культурное самоопределение российского народа: парадигмальный, методологический, конкретно-научный.²³

Мы склоняемся к мнению, что в условиях современной России возникает необходимость реализовать исторический шанс на базе коллективистского общества, поскольку Западная Европа оказалась не способной воплотить христианский идеал цельности жизни, потому что она переоценила логический способ познания и рациональность. Россия же до сих пор не смогла воплотить в жизнь этот идеал по той причине, что полная и всеобъемлющая истина по своей сущности развивается медленно, а также и по той причине, что русский народ уделяет слишком мало внимания разработке логического способа познания, который должен сочетаться со сверхлогическим пониманием реальности.²⁴

Дело в том, что дальнейшее использование идей западной цивилизации является уже неестественным (искусственным) давлением (насилием) над естественным (эволюционным) порядком вещей в мире. Поэтому если традиционная философия уже безвозвратно ассоциируется с формами рациональной западной философии, то разумным может оказаться введение в общественную (эволюционную) практику новых направлений целостного исследования действительного мира, полагающих основы универсального справедливого устройства общественной (в достойной личностной) жизни. Такими научными направлениями могут стать, например, философская космология, универсальная системология и т.п. В исследовании вопроса возвращения россиянам и мировой цивилизации истинного присущего им мировоззренческого базиса ученые все чаще полагаются на эволюционное развитие культурных потенциалов российской цивилизации.²⁵

А.И.Субетто считает, что на пути к ноосферному единению человечества именно гуманитарное знание в силу его диалогической природы способно во многих ситуациях выполнить посредническую миссию в диалоге идей, концепций, культур, парадигм, так как на основе гуманитарного познания осуществляется важнейшая историческая миссия подготовки человечества к осознанной кооперации в противовес конкуренции.²⁶

Положительной альтернативой и глобализму могла бы оказаться ноосферная традиция, которую следуют поставить в основу исторических концепций. Идея ноосферы – не панацея от всех неприятностей глобализма, как некоторые полагают; это «всего лишь» теоретический проект, за которым есть мировоззренческая перспектива, в которой примирены религиозные и исторические притязания очень разных и даже враждебных этноязыковых общностей.²⁷

Действительно, «нет сомнений, что прекрасные и трагичные страницы нашей национальной истории – это прелюдия к грядущим и еще более масштабным подвигам и свершениям. Не зря же нашу долю выпало столько страданий. Такое не бывает впустую. История готовила наш удивительный народ к чему-то небывалому, высшему, запредельному. И то, что предначертано, случатся. Никаких сомнений»²⁸.

В условиях переоценки ценностей, проявления русофобии и национализма задача состоит в том, чтобы избавиться от устоявшихся комплексов («тюрьма народов», «кровавое прошлое» и т.п.). Только на базе своих традиционных ценностей мы можем доказать, что многополярный мир сможет остановить американский глобализм, и именно в таком мире у России есть шанс не утратить суверенитет и идентичность. Сохранение и развитие национальной культуры также будут способствовать этому процессу.

Таким образом, воспроизводство «коллективной памяти» дает возможность связать в историческом производстве интересы формирования личности с целым рядом базовых исторических категорий (этнос, мировое сообщество, цивилизация), что приобретает особое значение в условиях глобализации, демонстрируя перспективы альтернативных проектов развития мирового сообщества.

¹ Габинская, А.А. Гуманитарный смысл образования / А.А. Габинская // Диалог поколений и культур в контексте глобализации : материалы международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. – С.135.

² Морена, Э. Принципы познания сложного в науке XXI века / Э.Морена // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире / отв. ред. Н.К.Удумян. – М., 2004. – С.16–19.

³ Столович, Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л.Н.Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 96, 97.

⁴ Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода / Н.М.Чуринов. – Красноярск, 2001. – С. 264.

⁵ Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В.Г.Федотова // Вопросы философии. – 2005. – №11. – С. 4–18.

-
- ⁶ Кутырев, В.А. Крик о небытии / В.А.Кутырев // Вопросы философии. – 2007. – №2. – С. 68.
- ⁷ Трофимович, Д.А. К вопросу о возможности использования исторического опыта в процессе социального выбора / Д.А.Трофимович // Диалог поколений и культур в контексте глобализации : материалы междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. – С. 385-387.
- ⁸ Корольков А.А. Конфликт или преемственность поколений / А.А.Корольков // Диалог поколений и культур в контексте глобализации : материалы междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. – С. 23.
- ⁹ Мелихов, А. Голод голодных и слабость сильных / А. Мелихов // Литературная газета. – 2006 г. – 13–19 декабря.
- ¹⁰ Зайфферт, В. Что будет с европейским союзом? / В. Зайфферт // Литературная газета. – 2006. – 22-28 февр. – С. 12.
- ¹¹ Смолин, О. Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки / О. Н. Смолин // Философские науки. – 2006. – № 3. – С. 9.
- ¹² Верховцева, Т. Е. Соборность: русская традиция и русский идеал / Т.Е.Верховцева // Теория и история. – 2004. – № 3. – С.86.
- ¹³ Коротаев, А.В. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А.В.Коротаев, Н.Н.Крадин, В.А.Лынша // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 30–31.
- ¹⁴ История человечества: в 8 т. Т. VIII. Россия / общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н.Сахарова. – М.: Издательский Дом «МАГИСТР-ПРЕСС», 2003. – С. 2.
- ¹⁵ Косолапов, Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации / Н.А.Косолапов // Восток (ORIENS). – 2003. – №4. – С. 149.
- ¹⁶ Симонян, Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным / Р.Х.Симонян // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 21–22.
- ¹⁷ Кудашов, В.И. Русский мир и национальная идея / В.И.Кудашов // Теория и история. – 2003. – №2. – С. 48.
- ¹⁸ Чуринов, Н.М. О кризисе либерализма / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2005. – № 2. – С.163.
- ¹⁹ Зубов, А.Б. Циклы русской истории / А.Б.Зубов // Вопросы философии. – 2003. – №2. – С. 162.
- ²⁰ Фурсов, А. Круглый стол «В бывшем царстве, многонациональном государстве» / А. Фурсов // Литературная газета. – 2007. – № 22-23.
- ²¹ Бойко, П.Е. Идея России в русской философии истории / П.Е.Бойко. – М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006. – С. 18.
- ²² Бранский, В.П. Смена поколений и смысл истории / В.П.Бранский, С.Д.Пожарский // Диалог поколений и культур в контексте глобализации : материалы междунар. конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. – С. 51.
- ²³ Вяземский, Е. Историческая наука и историческое образование: некоторые проблемы теории и методологии / Е. Вяземский // Преподавание истории в школе. – 2001. – №3.
- ²⁴ Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О.Лосский. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 41.
- ²⁵ Хруцкий, К.С. Российский электронный философский журнал – журнал для России и для будущего России / К.С.Хруцкий, А.Г.Самарин // Вестник РФО. – 2005. – № 2. – С. 188–189.
- ²⁶ Субетто, А.И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив / А.И.Субетто. – М.: Исслед. Центра управления качеством подготовки специалистов, 1990.
- ²⁷ Исупов, К.Г. Проблемы глобализации на фоне русской мысли (предварительные соображения) / К.Г.Исупов // Глобализация: pro et contra : материалы международной

конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006. – С. 46–47.

²⁸ Суверенитет XXI века // Литературная газета. – 2006. – 15-21 марта.

Князев Н.А.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф.Решетнева (г. Красноярск)

**ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ**

Исторической особенностью развития современного общества на рубеже тысячелетий является глобализация различных сторон его жизнедеятельности, вхождение человечества в эпоху глобальных кризисов. Объективной основой данного процесса выступает ускорение темпов наращивания социотехносферы, воплощающей в себе новейшие научно-технические достижения и интегрирующей в рамках междисциплинарных отношений важные функции жизнеобеспечения общества. Социотехносфера все более приобретает черты гигантского «искусственного» экоса, своеобразного дома, воздвигаемого человеком из природных ресурсов и отделяющего его от внешней дикой природы для поддержания цивилизованных условий жизни. Но этот процесс наращивания «искусственных» условий жизни пока что не снимает, а, напротив, расширяет и усугубляет спектр противоречий в рамках диалектического единства природы и общества. В связи с этим в науке и философии возрастает актуальность исследований, касающихся ноосферных явлений.

Понятие ноосферы существует в литературе уже многие десятилетия, в течение которых оно развивалось, уточнялось, а в настоящее время даже существенно корректировалось в своем содержании. Это вызвано не только прогрессом в близких к пониманию ноосферных явлений областях естествознания и обществознания, но и развитием современного философско-методологического знания. Цель философских исследований в данном направлении заключается в определении принципиальных возможностей и границ интерпретации тех систем и моделей социотехносферы (ноосферы), которые предлагаются учеными – представителями различных отраслей научного познания природы, общества, человека. Философия способна, а в переломные этапы развития познания просто обязана раскрывать наиболее перспективные направления разви-

тия науки, прояснять основную тенденцию в эволюции отношений между обществом и природой. Положительных примеров на этот счет в истории мировой классической философии немало. Мы сошлемся лишь на одно из высказываний Г.Гегеля, которое относится к 1816 г. В этом высказывании, актуальном и для нашего времени, Гегель следующим образом определил диалектическую сущность деятельного отношения человека к природе: «Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей»¹. Из этого философского изречения нетрудно извлечь весьма важные смыслы для решения современных теоретических и методологических проблем в области глобалистики и экологических исследований. К такого рода контекстуальным смыслам приведенного высказывания Гегеля мы относим, прежде всего, его концептуальную догадку о коэволюции между обществом и природой, о ноосферном развитии биосферно-социальных систем, хотя, конечно, как таковых научных терминов «коэволюция» и «ноосфера» в то время еще не существовало.

Одним из главных условий раскрытия понятий «социотехносфера» и «ноосфера», адекватных современному уровню научного и философского познания, является, на наш взгляд, соотнесение их общенаучной основы с разработкой социально-онтологической концепции постиндустриального общества. Вместе с тем в силу своего ключевого положения по отношению к социотехносферным проблемам разработка указанной концепции превращается в самостоятельное философское направление. Ее исследование в развернутом (предметно-интегрированном) формате еще не было заявлено в философской литературе, хотя онтологический анализ отдельных аспектов современного общества представлен уже немалым числом публикаций, особенно в области изучения глобальных проблем человечества. «Осознание, – утверждает В.П.Фофанов, – неких тенденций в развитии современного человечества как его глобальных проблем – это постановка вопроса об угрозе жизни, угрозе актуальному бытию человечества. И если мы ставим задачу сохранения бытия человека, общества и человечества от самоуничтожения, то отсюда вытекает ряд производных задач, которые должна решить философия, чтобы найти и указать выход из исторически сложившейся проблемной ситуации. ... Для построения новой онтологии необходимо сформулировать такую базовую онтологическую схему, сущностной особенностью которой стало бы решение проблемы социальности»².

В решении актуальных проблем социальной онтологии, касающихся в частности процессов глобализации, принципиальное значение имеют философские исследования сущности техногенной деятельности человека. Технический (в самом широком смысле этого слова) аспект практической и познавательной деятельности определяет важнейшие стороны бытия человека: условия его эволюции и творчества, тенденции и темпы

развития глобализационных процессов, освоение человеком современного информационного и коммуникационного пространства. Поэтому в рамках статьи мы остановимся на раскрытии онтологических оснований современного социума именно в аспекте отношения человек–техника.

Если обратиться к истории вопроса, то специальный философский анализ феномена техники в аспекте категории бытия впервые был проведен М.Хайдеггером еще до середины XX в. Результаты его исследований имеют большое значение, прежде всего, для понимания фундаментальных основ индустриального типа общества. Вместе с тем Хайдеггер стал одним из первых философов, сумевших обнаружить в технике такие всеобщие свойства, которые впоследствии превратили ее в мощнейший фактор ускорения глобализационных процессов. Поэтому принципы онтологического исследования техники Хайдеггером, на наш взгляд, несколько не утратили своей актуальности и в отношении к современному, постиндустриальному, этапу развития общества на рубеже XX–XXI вв.

Как известно, в философии Хайдеггера категория бытия занимает особое теоретическое место: бытие – основополагающее начало всего, что существует в мире. Спрашивать о чем-либо (о сущем) – значит, по Хайдеггеру, прояснять его бытие. И, наоборот, спрашивать о бытии – значит просветлять вопрошаемое сущее в его бытии. Применительно к уже ушедшей в историю эпохе индустриального развития общества он утверждал: техника первична по отношению к обществу, техника есть способ самореализации человечества. «Техника не просто конструирует "технический мир", в котором она победоносна и универсальна. Нет, она подчиняет своему диктату едва ли не все пространство бытия. Присущая ей логика проникает в социальное и человеческое измерение истории. Ее инструментальный разум поражает все сознание эпохи»³. Технологическая предопределенность едва ли не фатальна для человека в смысле непререкаемости, заданности мышления и поведения. При этом техника – не просто средство достижения цели, не просто прагматический инструмент. Она, по Хайдеггеру, – «универсальная ценность вселенского масштаба». Техника предстает важнейшим способом обнаружения глубинных свойств бытия.

В другом фрагменте своих рассуждений Хайдеггер замечает, что извлечение, переработка, накопление, распределение и преобразование техникой природной энергии и природного субстрата «не просто идет своим ходом. Оно и не растекается в неопределенности. Техническое раскрытие потаенности (бытия. – Н.К.) раскрывает перед самим собой свои собственные сложно переплетенные ходы тем, что управляет ими. Управление и обеспечение становятся даже главными чертами производящего раскрытия»⁴. Здесь, на наш взгляд, представлен именно социально-онтологический смысл размышлений Хайдеггера о технике, хотя и применительно к индустриальной фазе развития общества. И если раз-

вивать дальше эту концепцию, «спроецировав» ее на современный (то есть постиндустриальный) тип общества, то в результате мы получим четыре важных теоретических положения:

- феномен современной техники (в самом широком смысле этого слова) детерминирует раскрытие (и, конечно, развитие) сущности человека в условиях информационно-технологического этапа развития общества;

- сущность человека раскрывается («извлекается») в его способе существования по отношению к бытию современной техники. И, наоборот, сущность техники раскрывается в ее отношении к основам современного человеческого бытия, превращающегося постепенно в глобальное единение людей, в так называемое мегаобщество по ряду социальных параметров;

- социотехносферу необходимо рассматривать в качестве такого посредника между взаимно обуславливаемыми процессами раскрытия сущности техники и сущности человека, в котором аккумулируются результаты постепенного превращения общества в глобальное («надцивилизационное») единство, а техники – в один из главных факторов глобализации;

- через опосредующую функцию социотехносферы формируются механизмы управления (и самоуправления) в системе человек–природа. Такого рода управление и его самообеспечение (если придерживаться концепции Хайдеггера) становятся атрибутивной характеристикой в ходе выстраивания ноосферных отношений между человеком и природой.

Вообще коренная потребность человека извлекать из природы ее скрытые ресурсы и приспосабливать их для решения социальных задач определяет направление развития техники любого назначения (от орудий земледелия и простейших образцов письменности в прошлом до искусственных спутников Земли и Интернета сегодня). Данную сторону отношений между человеком и техникой можно выразить как единство бессознательного импульса к техническому поиску и осознанной реализации его в изобретениях. Это внутренняя, существенная сторона деятельной природы человека. Поэтому социотехносферу можно отнести к той среде существования человека, в которой он, по словам одного из основоположников философии техники Э.Каппа, «систематически воспроизводит самого себя»⁵. Воспроизводство человеком самого себя осуществляется и в условиях современного этапа развития общества, т. е. в условиях выстраивания глобальных отношений между социумами на межцивилизационной (в экономическом и технологическом, например, аспектах) основе.

Более предметное, чем Хайдеггер, исследование техники как непосредственного фактора глобализации провел К.Ясперс. Актуален его тезис о том, что философия техники обретает возможность «всепроникающей и целостной картины реальности»⁶. Ясперс подчеркивает очень важную (а именно «глобальную», на наш взгляд) особенность технического фактора в истории человечества. Она заключается в том, что через

призму техники мировая история обнаруживает в ретроспективе последовательность и даже единство. Техника обуславливает и ускорение исторического процесса. Техника преобразует все в мире, что человек обрел в области труда, жизни, символики. Но при этом, добавляет Ясперс, важна роль и науки; все происходящее в мире подвергается наблюдению, рассмотрению, исследованию.⁷

Еще ближе по времени к эпохе глобализации относятся труды по философии техники французского ученого Ж.Эллюля. Он считает технику наиважнейшим фактором современной цивилизации. Вызов, который бросает этот феномен человечеству, состоит в систематическом сопротивлении тому, чтобы его (вызов) интерпретировали с заведомой целью включить «технические» стандарты мышления в систему нетехнических принципов и форм общественной мысли. Вызов человечеству (имеющий глобальное значение) со стороны техники в том и состоит, что феномен техники сам объясняет другие формы деятельности как свои собственные формы и тем самым пытается преобразовать их по своим меркам и включить их в себя. Техника определяет и преобразовывает такие социальные явления, как экономика, государство и «человеческая технология» (термин Эллюля).⁸ Она широко внедряется во все сферы общественной жизни. Говоря словами Н.А.Бердяева, «техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил»⁹.

Постиндустриальная революция второй половины XX в. привела к массовому внедрению на качественно новой научной и информационной основе элементов управления в сферу профессиональной деятельности. Это коренным образом изменило не только всю картину технико-технологических структур социума, но и вскрыло информационно-технологический фактор глобализации современного общества. Основное, что отличает третью технологическую революцию от остальных, заключается в появлении принципиально новых, наукоемких (или высоких) технологий, получивших название «Hi-Tech». Становление постиндустриального общества как раз и связано с быстрым распространением высоких технологий, которые вызывают глубокие культурные и социальные сдвиги во всех сферах жизни социума (в образовании, рекламе, отдыхе, спорте, медицине). Высокие технологии существенно преобразуют профессиональную деятельность, ведут к структурным перестройкам в экономике, формированию клип-культуры, качественно обновляют способы коммуникации, ускоряют ритм социальной жизни. Изменения лавинообразно нарастают и затрагивают не только социально-культурную сферу, но и самого человека.

Одной из важнейших социально-онтологических характеристик общества, связанных с информационно-технологической революцией, являются качественные изменения в человеке как субъекте познавательной и практической деятельности. И это имеет непосредственное отно-

шение к анализируемому онтологическому аспекту состояния современного общества. Изменения социально-онтологических условий влияют на изменение особенностей познавательной деятельности человека, а существенные изменения особенностей познающего субъекта ведут к формированию качественно новых элементов содержания самой социально-онтологической действительности. Именно одним из последствий развития глобализационных процессов современного общества в аспекте единства его онтологической и гносеологической сторон является интенсивное распространение качественно новых, наукоемких технологий и сопутствующих им социогуманитарных технологий под названием «Hi-Nume». Рассмотрение глобализационных процессов в единстве его онтологической и гносеологической сторон позволит нам раскрыть ведущий фактор глобализации, проявляющийся со стороны познавательной и практической деятельности самого человека.

Широкое применение в обществе новейших технологий ведет к наращиванию эффективности рациональных способов деятельности (в том числе с использованием «искусственного интеллекта») при достижении практических и познавательных целей. По существу, метод искусственного интеллекта превращается, на наш взгляд, в атрибут информационно-технологического общества как атрибут именно гносеологического субъекта в условиях ускорения глобализационных процессов в обществе. Диалектическая связь между онтологическим и гносеологическим аспектами развития социума по мере возрастания значения техники в жизни общества была замечена еще в преддверии глобализации. Это можно обнаружить в работах представителей философии техники и других теоретиков первой половины XX в., особенно в ходе исследования этими учеными творческого компонента человеческой деятельности. В самом общем виде картину в этой области раскрыл философ и палеонтолог Тейяр де Шарден. Он выделил три характерные черты современной ему эпохи:

- возрастающее воздействие на нынешнее мышление деятельной страсти к открытию;
- последовательное замещение фабрики лабораторией, а производства исследованием;
- замещение стремления *больше иметь* стремлением *больше быть*.

«Научное исследование, – подчеркивал Тейяр де Шарден, – только лишь вчера бывшее каким-то аристократически благородным времяпрепровождением, становится важным, в сущности, основным делом человечества... Человечество обзаводится, – переходил он на метафору, – колоссальным по своему масштабу общим "церебральным органом"»¹⁰.

В настоящее время отпала необходимость использовать эту метафору Тейяра де Шардена. Вместо метафорического «церебрального органа» человечество обзавелось вполне реальным феноменом, который и представляет собой один из основных факторов глобализации, присущий

познавательной и практической деятельности современного субъекта. Этим фактором, на наш взгляд, является не что иное, как «креативность» – термин, близкий по смыслу понятию «творчество». Но, несмотря на то, что эти термины близки друг другу благодаря их общей семантической основе, понятийная разница между ними остается пока что весьма значительной.

Согласно одной из современных дефиниций «креативность – это порождающая способность, характерная черта творческой личности, процесса, продукта, проявляющаяся в изменении универсума, культуры, опыта индивида или социальной значимости»¹¹. Но, как свидетельствуют многочисленные публикации, в которых анализируются объем и содержание понятия «креативность», оно (в отличие от понятия «творчество») все более наполняется социально-эмпирическим содержанием. «Креатив» часто интерпретируют как творческую составляющую, например, в рекламной и информационно-технологической деятельности, в коммуникативном процессе, в оформлении различных шоу и шопингов, в привлекательном выпуске товарных упаковок. «Креатив» нередко превращается в массовую форму выражения любой выдумки любого субъекта в любой точке современного информационного и коммуникационного пространства (в реальном или виртуальном его представлениях). В этом и состоит принципиальное отличие от «креатива» понятия «творчество». У последнего сохранилась единая, сущностная основа. Во всяком случае, это единство установлено в рамках определенных социокультурных традиций, в которых «творчеству» всегда уделялось большое теоретическое внимание. Поскольку же проявление «креатива» можно обнаружить во всех структурах человеческого интеллекта и даже на всех уровнях общественного сознания (включая обыденное сознание), то установить единую содержательную его основу, на наш взгляд, пока что не представляется возможным. В этом отношении можно согласиться с исследованием, проведенным О.А.Карловой. В одной из своих статей, обобщая «дискурс креативности», она формулирует некоторые наиболее устоявшиеся, типичные характеристики употребляемого на западе термина «креатив»¹²:

- связь его основного смысла с прибылью, экономикой и инновациями;
- специфическая всеядность креатива в традициях постмодернизма, вплоть до пошлости наподобие содержания интернетовского сайта «падонки.org»;

- измельчение целостного (образного) смысла в духе постмодернизма и логики «мертвой культуры» от информационной «галактики».

Феномен массовой креативной деятельности социума объясняется западными социологами как особенность и даже как атрибутка «общества с сервисными технологиями», общества современных информационных технологий, хотя различные философские трактовки креативной деятельности (психоаналитическая, экзистенциалистская и другие трак-

товки) существовали и раньше. Вовлеченность большого количества людей из различных слоев общества в творческую, «креативную» деятельность возможна только в условиях информатизации различных сторон жизни общества. Не менее важными факторами являются также масштабное развитие комплексных способов и средств по производству разнообразного перечня сложных услуг (в том числе, с высокой долей научного и информационного обеспечения) и, конечно же, развитое коммуникационное пространство. Диапазон этого «сервисного» разнообразия включает в себя широкий спектр: от услуг в организации шоу-представлений в крупных спортивных комплексах или шоппинга в супермаркетах до современных рекламных интернет-технологий и виртуальных проектов космических войн. В данный процесс вовлекаются большие массы людей, относящиеся к различным слоям общества с различным уровнем сознания, различной структурой интеллекта и имеющие открытый доступ к виртуальным средствам владения и обработки информации.

¹ Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3. Субъективная логика или учение о понятии / Г.В.Ф.Гегель. – М.: «Мысль», 1972. – С. 200.

² Фофанов, В.П. Социальность онтологии / В.П.Фофанов; Новосиб. гос. университет // Проблема способа бытия объекта исследования как методологическая проблема. – Новосибирск, 2002. – С. 13–14.

³ Гуревич, П.С. Закономерности и социальные перспективы научно-технического прогресса. Вступительная статья / П.С.Гуревич // Новая технократическая волна на Западе. – М.: «Прогресс», 1986. – С. 8.

⁴ Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М.Хайдеггер ; пер. В.В.Бибихина // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 52.

⁵ Митчем, К. Что такое философия техники? / К.Митчем; пер. с англ. под ред. В.Г.Горохова. – М.: «АСПЕКТ ПРЕСС», 1995. – С. 15.

⁶ Гуревич, П.С. Указ. соч. – С. 9.

⁷ Там же. – С. 10.

⁸ Митчем, К. Указ. соч. – С. 51.

⁹ Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А.Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 148.

¹⁰ Дайзард, У. Наступление информационного века / У.Дайзард ; пер. Ю.В.Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 345.

¹¹ Креативность // Современная западная философия : словарь / сост. В.С.Малахов, В.П.Филатов. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – С. 136.

¹² Карлова, О.А. Дискурс креативности: новая реальность или модный эвфемизм? / О.А.Карлова // Личность, творчество и современность : сборник научных трудов. Вып. 10 / отв. ред. Д.Д.Невирко. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. – С. 13–14.

Федотов А.П.,

доктор технических наук, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (г.Москва)

**ГЛОБАЛИСТИКА КАК НАУЧНО-КОНСТРУКТИВНАЯ ОСНОВА
БУДУЩЕЙ ЗЕМНОЙ УПРАВЛЯЕМОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ БЕРЕТ НА СЕБЯ ШТУРВАЛ
ВОСХОДЯЩЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

1. Постановка главной проблемы современной науки, образования, всей Земной цивилизации

Современный мир в своем стихийном движении вышел далеко за допустимые пределы как по напряженности во взаимодействии человечества и биосферы, так и по напряженности во взаимодействиях внутри мирового общества. Сверхсвязанный и сверхнапряженный мир, как единство общества и природы, стал запредельным, идущим в небытие. Наступил критический, чрезвычайно опасный для человечества момент его истории.

Еще двести лет назад французский естествоиспытатель, создатель первой целостной теории эволюции Ламарк (1744–1829 гг.) предупреждал: «Человеку суждено истребить самого себя после того, как он сделает Землю непригодной для обитания».

Можно ли на языке науки описать этот саморазрушающийся запредельный единый мир, движущийся в небытие? Можно ли разработать научно-конструктивную теорию такого мира и стратегию развития человечества?

Позитивные ответы на эти вопросы дает глобалистика – новая наука о современном мире, основы которой излагаются в этой статье.

Для понимания значимости поднимаемой проблемы и процесса становления глобалистики полезно знать, как формулировали проблему будущего человечества ученые. Приведем здесь два ярких примера.

В 1971 г. во французском городе Ментоне состоялась международная встреча ученых, посвященная проблеме будущего человечества. Составленное во время встречи «Обращение 2200 ученых» было передано Генеральному секретарю ООН У.Тану.¹ Обращение предупреждало о небывалой общей опасности, грозящей человечеству.

В обращении отмечалось, что в США на создание атомной бомбы были затрачены 2 млрд. долл., а на осуществление лунных экспедиций – от 20 до 40 млрд. долл.

«Но широкие исследования по проблемам, связанным с самим существованием человечества, заслуживают, пожалуй, даже большего внимания, чем изучение атома или космоса. Их надо начинать немедленно, вести в столь же широких масштабах и в еще более срочном порядке. Финансировать такие исследования должны промышленно разви-

тые страны, поскольку они, во-первых, лучше других могут перенести это новое бремя и, во-вторых, являются основными потребителями ресурсов Земли и основными «загрязнителями». Но к конкретному осуществлению исследований нужно привлекать представителей всех стран мира, квалифицированных специалистов различного профиля...

...Найти решения нынешних проблем загрязнения, голода, перенаселения, войны будет, вероятно, проще, чем отыскать ту общую формулу совместных усилий, на основе которой только и возможны эти решения. Но мы должны же, наконец, сделать первый шаг».

Таким образом, 2200 ученых Ментонского форума поставили важнейшей проблемой «отыскать общую формулу совместных усилий», на основе которой можно обеспечить будущее человечества.

Приведем еще один вариант формулировки проблемы. Академик-мыслитель Н.Н.Моисеев, разработавший теорию универсального эволюционизма, в книге-завещании «Быть или не быть... человечеству?» пишет²: «По существу речь должна идти... о стратегии человечества, то есть о совокупных действиях людей, способных до наступления экологической катастрофы обеспечить коэволюцию Человека и окружающей среды. Разработка такой стратегии мне представляется самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества. Может быть, вся история человеческих знаний, все развитие нашей общей культуры были всего лишь подготовительным этапом для решения этой задачи, от успеха в решении которой зависит сохранение в биосфере биологического вида *Homo sapiens*». И далее: «Если Человек не найдет нужного ключа к своим взаимоотношениям с Природой, то он обречен на гибель».

Вдумаемся: разработка стратегии человечества представляется академику Н.Н.Моисееву «самой фундаментальной проблемой науки за всю историю человечества».

Мысли и Жана Батиста Ламарка, и 2200 ученых, собравшихся в Ментоне, и Никиты Николаевича Моисеева укладываются в исключительно важное положение о том, что главной проблемой современной науки является разработка стратегии человечества, или, что тождественно, разработка научной теории современного единого мира. Но эта проблема становится главной и для системы образования мира, и для всей Земной цивилизации.

Это положение о главной проблеме науки имеет чрезвычайно важное значение потому, что ни одна из национальных академий наук мира, ни одно из государств мира, как следует из прессы, даже не ставят эту проблему.

Заключение этого параграфа мы сделаем в оптимистическом ключе. Основы решения поднятой проблемы содержатся в новой науке о современном едином мире – глобалистике. Глобалистика является и той «общей формулой совместных усилий», о которой мечтали 2200 ученых Ментонского форума.

2. Две гигантские вехи XX в. Глобалистика делит историю человечества на две части – стихийную прошлую и управляемую будущую

В XX в. в истории человечества произошли два великих события планетарного характера.

Первое событие – это выход человечества в космическое пространство и начало космической эры.

Начало эры датируется 4 октября 1957 г., днем запуска в Советском Союзе первого в мире искусственного спутника Земли. Вторая важная дата – 12 апреля 1961 г. – первый космический полет советского человека – космонавта Юрия Гагарина. Третий важнейший момент – лунная экспедиция американских астронавтов Нила Армстронга, Эдвина Олдрина и Майкла Коллинза с выходом на поверхность Луны Армстронга 20 июля 1969 г.

С начала космической эры мировая цивилизация стала выступать во Вселенной как космическая Земная цивилизация.

Второе событие – это выход мира за антропогенные пределы и начало периода запредельного мира.

Выход за антропогенные пределы произошел одновременно как во взаимодействии всего человечества со всей биосферой Земли, так и во взаимодействиях внутри самого мирового общества. Начало периода запредельного мира можно приблизительно отнести к третьей четверти XX в. Этот период может закончиться глобальной катастрофой.

Мировая обеспокоенность этим драматическим событием вылилась в первую международную экологическую конференцию – Конференцию ООН по окружающей среде, которая состоялась в Стокгольме в 1972 г. В ней участвовали представители 113 стран мира.

Перед нами уникальное в истории человечества совпадение двух великих событий – двух гигантских вех истории. Если первое событие открывает невиданное ранее движение человечества в космическое пространство и является прогрессивным, созидательным, то второе – крайне разрушительным.

Перед человечеством поднимается важнейшая задача – найти пути сохранения и развития Земной цивилизации. Основы решения этой задачи получены глобалистикой. Глобалистика доказывает, что Земную цивилизацию можно сохранить, лишь введя в нее управление. Глобалистика делит историю человечества на две части: стихийную прошлую и управляемую будущую.³

3. Глобалистика: предмет изучения

Глобалистике удалось отобразить современный единый мир, его антропогенные пределы, фундаментальные закономерности его динамики, его внутренние взаимосвязи в предельно обобщенном, математическом виде. Но чтобы решить эту дерзко-научную задачу – отобразить совре-

менный мир, как единство общества и природы, в предельном математическом обобщении, надо было подняться на высоту, с которой виден весь этот движущийся единый мир.

Впервые глобалистика как наука о современном мире в интегральном виде была изложена в книге «Глобалистика: начала науки о современном мире»⁴. На английском языке авторские идеи по устойчивому развитию общества и управляемому миру были опубликованы в юбилейном сборнике ООН.⁵

В авторских работах дается следующее определение глобалистики.

Глобалистика (фр. global – всеобщий, лат. globus – земной шар; букв. наука о всеобщем) – это наука, которая изучает наиболее общие закономерности развития человечества и модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трех основных глобальных сфер человеческой деятельности – экологической, социальной и экономической – в реальных условиях Земли с ее конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами в наступившую эпоху антропогенно перегруженной Земли.

Глобалистику можно назвать также наукой о Земной управляемой цивилизации, что будет ясно из дальнейшего текста.

Если учение Маркса изучает социальную и экономическую сферы человеческой деятельности для условий Земли с неограниченными возможностями, а учение Вернадского – сферу глобальной экологии, сферу взаимодействия человечества и биосферы, в тех же предположениях, то глобалистика изучает единство всех трех основных сфер человеческой деятельности – экологической, социальной и экономической – для реальных условий антропогенно перегруженной Земли.

Глобалистика, в отличие от философии, изучает наиболее общие закономерности развития человечества в математическом, количественном виде и, чем философия вообще не занимается, конструирует количественные модели жизнеспособного мира.

Первые краеугольные камни в фундамент глобалистики заложили американцы Медоузы⁶ и наш соотечественник В.Г.Горшков⁷.

4. Научные открытия глобалистики, отражающие суть современного мира

Глобалистике удалось сделать ряд научных открытий. Представим четыре из них, имеющих для судеб человечества жизненно важное значение.

Открытие первое. Открытие научного факта наступления глобальной катастрофы приблизительно в конце первой четверти XXI в. и, как следствие, установление полной нежизнеспособности традиционно движущегося современного единого мира.

Исследуя временную закономерность динамики взаимодействия человечества и биосферы и закономерность динамики взаимодействий внутри мирового общества (закономерности представлены на рис.1),

глобалистика установила, что современный традиционный единый мир с его темпами роста экономики и населения, его социально-экономическими системами, его технологией, окружающей средой, с его мировоззрением придет в состояние глобальной катастрофы приблизительно в конце первой четверти XXI в., а потому этот стихийно движущийся традиционный мир, или «мир как он есть», является полностью нежизнеспособным и обреченным.

За меру взаимодействий внутри мирового общества принят индекс социально-экономической дисгармонии мирового общества I_d , который представляет собой отношение доходов 20% мирового населения, проживающего в самых богатых странах, к доходам 20% мирового населения, проживающего в беднейших странах.

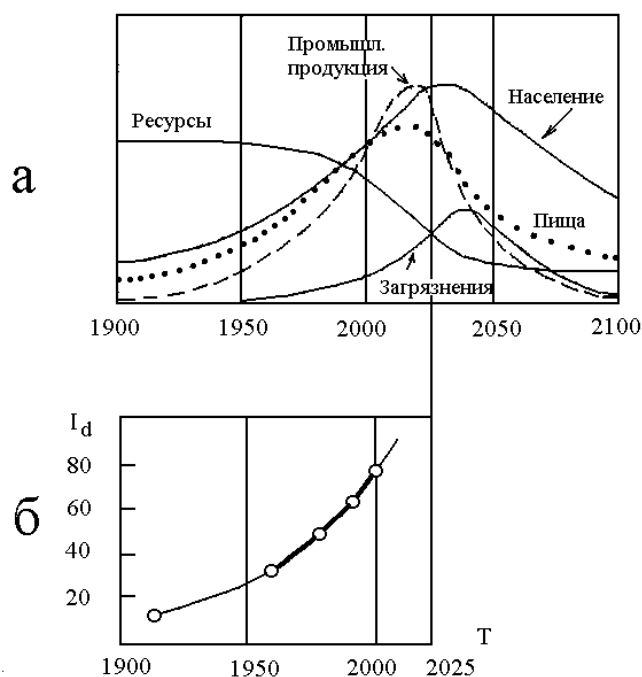

Рис. 1. Фундаментальные закономерности динамики саморазрушения современного мира, одновременно приводящие к глобальной катастрофе (приблизительно в конце первой четверти XXI в.):

а) закономерность, отражающая взаимодействие всего человечества со всей биосферой Земли (Медоузы);
 б) закономерность, отражающая взаимодействия внутри мирового общества, приближенно описывается гиперболической функцией $I_d = 1850 / (2022 - T)$ (А.Федотов). Точки-кружки взяты из работы «Human Development Report 1999», UNDP. Здесь T – текущий год.

К глобальной катастрофе в конце первой четверти XXI в. одновременно приводят как закономерность динамики взаимодействия человечества и биосферы, так и закономерность динамики взаимодействий внутри мирового общества. Этот факт свидетельствует о высокой достоверности данного научного открытия. Факт реально существует и не зависит от иных мнений отдельных личностей.

Возникает вопрос, как будет проявляться глобальная катастрофа? На него можно ответить лишь в общем виде. Глобальная катастрофа будет обусловлена равнодействующей множества факторов, часть из которых сегодня непредсказуемы. Возможно, это будет синтез химического, бактериологического, ядерного или иного глобального терроризма, ядерной войны и геоэкологических бедствий, как наводнения в городах мира, цунами в Юго-Восточной Азии в декабре 2004 г. или урагана «Катрина»

на юго-восточном побережье США в августе 2005 г. Глобальной катастрофой может оказаться «ядерная зима».

Скорее всего, начальным толчком к глобальной катастрофе станет социально-экономический взрыв, который будет сопровождаться геоэкологическими катаклизмами.

Открытие второе. Вставшую высшую цель человечества – сохранение Земной цивилизации можно достичь исключительно через преобразование Земной стихийной цивилизации в Земную управляемую цивилизацию, или переход от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации.

Речь идет о создании принципиально новой высокоорганизованной, высокоразумной, высокодуховной Земной управляемой цивилизации, со временем устанавливающей взаимосвязи с другими космическими цивилизациями Вселенной.

Если до настоящего времени развитие мировой цивилизации носило стихийный характер, то теперь оно должно быть подчинено единому глобальному управлению, организованному на основе науки. В принципиально новую эпоху управляемой цивилизации войдет и принципиально новый человек с совершенно новым мировоззрением.

Мировоззренчески революционное преобразование Земной цивилизации будет необычайно трудным, но человечество должно его осуществить.

Открытие третье. Открытие, или изобретение, модели управляемого мира, или модели Земной управляемой цивилизации, описываемой системой обобщенных параметров.

В отличие от двухэлементных (биосфера-человечество) моделей неуправляемого мира Медоузов, Горшкова глобалистикой предложена принципиально новая модель управляемого мира, состоящая из трех элементов: биосферы, стран мира в целом и отдельной страны. Взаимодействия между элементами модели описываются четырьмя обобщенными, количественными параметрами: индексом антропогенной нагрузки, индексом устойчивости развития, рентным числом (рентой) и индексом социально-экономической дисгармонии общества. Первый эффективный управляющий параметр – рента, которая будет взиматься со стран за пользование биосферой. Рентные деньги пойдут на сохранение естественной природы планеты. Рентные числа по 100-балльной шкале рассчитаны для всех стран мира.⁸

Модель управляемого мира с системой обобщенных параметров открывает необычайно широкие возможности по изучению и научному конструированию управляемого мира, или Земной управляемой цивилизации.

Открытие четвертое. Открытие, или установление, количественных критериев ноосферы и устойчивого развития.

Таковы четыре научных открытия глобалистики, направляющие, в научном смысле, дальнейшее движение истории человечества.

Эти открытия, по существу, определяют дальнейшую судьбу человечества, носят эпохальный характер и в настоящий момент являются сверхсутью Земной цивилизации.

Политики мира не могут не строить свою деятельность, не опираясь на эту сверхсуть Земной цивилизации.

На столе у мудрых политиков, разрабатывающих стратегии, не могут не лежать закономерности динамики современного мира (рис.1), а рядом – бумага, на которой они формулируют стратегии.

5. Модель Земной управляемой цивилизации – это модель космического корабля Земля с человечеством на борту

При разработке модели Земной управляемой цивилизации учитываются две ее составляющие. Первая – это схема модели. Вторая – это функции, которые она выполняет, и требования, которые она должна обеспечить.

В третьем научном открытии глобалистики, изложенном в предыдущем параграфе, представлена схема модели. Модель состоит из трех элементов – биосферы, всех стран в целом и отдельной страны, взаимодействия между которыми описываются системой обобщенных параметров.

Теперь можно сформулировать основные требования – положения, которые должна обеспечить модель.

1. В современном уже антропогенно перегруженном мире суммарный мировой экономический рост должен быть прекращен (занулен) и преобразован в гармоничное развитие человека, его творческих и духовных начал, которые пределов не имеют.

Суммарный мировой энергетический рост также должен быть прекращен (занулен).

Основу мировой энергетической стратегии XXI в. составляют два фундаментальных положения. Первое: стабилизация мирового потребления энергии на уровне (16–20) ТВт в год. Второе: переход от энергетики, основанной на невозобновляемых органических источниках, к энергетике, основанной на неистощимых, возобновляемых источниках.⁹

Проявляемое повсеместно в мире ошибочное стремление к экономическому и энергетическому росту ускоряет наступление глобальной катастрофы.

2. Общая численность населения мира должна быть стабилизирована с полным сохранением разнообразия народов мира. В настоящее время она составляет 6,6 млрд. человек.

3. В условиях надвигающейся глобальной катастрофы научное конструирование управляемого единого мира (Земной управляемой цивилизации) должно опережать конструирование моделей отдельных стран.

Без кардинальной реконструкции единого мира не может быть восходящей России, восходящих США или какой-либо иной страны. В обреченном саморазрушающемся мире становится крайне бессмысленной борьба за мировое господство.

4. Оптимальной эколого-социально-экономической системой Земной управляемой цивилизации может быть лишь управляемая, научно организованная, плановая система. Такой системой скорее всего станет экологический социализм, то есть классический социализм, установивший также гармоничное взаимодействие общества с природой.

Еще в 1948 г. великий Эйнштейн писал об «отжившем свой век капитализме» и резюмировал: «Все нации будут благодарны России за то, что она, несмотря на величайшие трудности, продемонстрировала осуществимость планового хозяйства»¹⁰.

5. На управляемом космическом корабле Земля с человечеством на борту войны недопустимы, так же как они недопустимы в космических пилотируемых кораблях, запускаемых с планеты Земля.

6. Основным содержанием первой четверти XXI в. должна стать закладка основ перехода от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации и основ создания Земной управляемой цивилизации, а основным содержанием всего XXI в. – создание Земной управляемой цивилизации, вхождение ее в новую эпоху и движение Земной управляемой цивилизации в космическое пространство.

7. В условиях надвигающейся глобальной катастрофы высшим приоритетом ООН становится организация перехода от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации, создание Земной управляемой цивилизации и осуществление самого управления этой цивилизацией.

8. Высшую ответственность за сохранение и развитие Земной цивилизации несут ученые и политики перед своими потомками, перед всем человечеством и всей Вселенной с ее космическими цивилизациями. При этом ответственность начинается с ученых, которые передают политикам науку о современном мире, научную картину мира и модели Земной управляемой цивилизации.

9. Если в настоящее время общественные науки, образование и мировоззрение обслуживают стихийное движение Земной цивилизации к глобальной катастрофе, движение в небытие, то в целях сохранения Земной цивилизации необходимо полностью, кардинально обновить общественные науки, образование и глобальное мировоззрение, подчинив все обновление созданию Земной управляемой цивилизации.

6. Глобалистика как методология

Глобалистика появилась в результате синтеза и обобщения ряда наук – экологии, социологии, экономики, энергетики, климатологии и др. Познав закономерности динамики и антропогенные пределы целостного мира, глобалистика приобрела и методологические функции. Она задает ориентиры развития своим материнским наукам.

Великий певец Ф.И.Шаляпин в замечательной книге «Маска и душа» рассказывает о том, как он создает сценический образ в опере. Чтобы про-

никновенно сыграть свою роль Шляпин выучивает не только ее, но все роли до единой. Он знает партитуру оперы от первой ноты до последней.

Глобалистика является интегральной наукой о целостной Земной управляемой цивилизации и одновременно методологией для отдельных наук, то есть той партитурой Земной управляемой цивилизации, которую должен выучить каждый исполнитель, будь то эколог, социолог, экономист, энергетик, демограф, климатолог, или какой-либо другой ученый.

Наряду с введением в систему образования самостоятельной дисциплины «глобалистика» было бы целесообразно в вузовских учебниках по экологии, социологии, экономике, энергетике, демографии, климатологии и некоторых других первую главу посвятить требованиям, накладываемым на предмет глобалистикой.

7. О цели и смысле истории человечества. Управляемая, или восходящая, история человечества.

Происходящая в настоящее время ломка жизни на нашей планете вызывает потребность пересмотра представлений о ходе глобального исторического процесса. Попробуем и мы посмотреть на историю человечества, ее цели и смысл с позиций сегодняшнего дня. Общепринято под историей человечества понимать процесс развития человечества.

Для наступающей истории человечества характерны три момента, которые в определенной степени связаны между собой.

Момент первый. История человечества будет продолжена, если только ее стихийное движение будет преобразовано в управляемое движение.

Введение на научной основе управления в историю человечества как процесс развития человечества будет означать акт величайшей важности – переход от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации. Теперь человечество знает только две указанные эпохи.

Момент второй. Внутренне доминирующей особенностью динамики управляемого глобального исторического процесса является неостанавливаемое совершенствование организованности человеческого общества.

Организованность как мера научной упорядоченности, планомерности общества охватывает как его структуры, так и функционирование. Высокая организованность живого человеческого общества, или его высокая негэнтропия – на языке физики, достигается научным, социальным, нравственным, мировоззренческим противоборством с силами стихии, стремящимися низвести человеческое общество до животного, физического уровня.

Момент третий. Основным содержанием (основной целью) XXI в. должно стать создание Земной управляемой цивилизации и ее движение в космическое пространство.

Информационное, робото-экспедиционное или какое-либо иное взаимодействие с другими космическими цивилизациями Вселенной воз-

можно лишь при условии, что Земная управляемая цивилизация будет совершенной космической цивилизацией с гармоничным взаимодействием как между человечеством и биосферой, так и внутри человеческого общества.

Теперь можно дать следующую формулу управляемой истории человечества.

История человечества, ставшая управляемой историей человечества – это управляемый на основе науки процесс развития человечества, который проходит при неостанавливаемом совершенствовании организованности человеческого общества и нацелен на создание Земной управляемой цивилизации и ее движение в космическое пространство.

«Управляемую историю человечества» можно также назвать «восходящей историей человечества».

Глобалистика имеет дело в основном с глобальным историческим процессом, охватывающим всю Земную цивилизацию. Переход к эпохе Земной управляемой цивилизации позволяет обоснованно назвать историю человечества управляемой историей человечества. Возможный термин «направляемая история человечества» вряд ли может отразить конкретную научно-конструктивную деятельность по созданию Земной управляемой цивилизации и по реальному управлению ею.

Для человечества нет иного пути как путь управляемой на основе науки цивилизации. Наука, являясь посланницей Вселенной, выполняет ее волю по созданию Земной управляемой цивилизации.

Высшей оценкой любого стратегического акта, осуществляемого в жизни планеты, является его соответствие управляемой, или восходящей, истории человечества.

С научных позиций управляемой истории человечества, или восходящей истории человечества, разрушение СССР, державы с плановым научно-управляемым хозяйством и высшим уровнем социального развития, и возврат к стихийному капиталистическому способу хозяйствования было самой грандиозной ошибкой во всей истории человечества.

8. Критерии Земной управляемой цивилизации, или критерии устойчивого развития общества

Поиски мироустройства, которое остановило бы возрастающее ухудшение окружающей среды, привели в 1987г. Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию к новому понятию – «устойчивое развитие».

За прошедшее после этого двадцатилетие были предложены многие десятки различных определений термина «устойчивое развитие», проведены две грандиозные конференции ООН на эту тему (Рио-де-Жанейро, 1992 г.; Йоханнесбург, 2002 г.) и сотни национальных конференций, изданы множество книг, приняты национальные программы по устойчивому развитию стран. Состояние же окружающей среды продолжает неуклонно ухудшаться. Спрашивается, почему?

Главной причиной, вероятно, является то, что в основу понятия и концепции устойчивого развития не положена наука. В частности, не разработаны научные количественные критерии устойчивого развития. Количественные критерии устойчивого развития – это своего рода бюджет Земной цивилизации, который регламентирует ее жизнедеятельность, уходящую в далекое будущее. Понятие и концепция устойчивого развития без количественных критериев – это все равно, что государственный годовой бюджет без цифр.

Именно поэтому вся титаническая деятельность ООН, стран мира, специалистов по устойчивому развитию в последние два десятка лет является непродуктивной.

Глобалистика ввела в концепцию устойчивого развития два количественных критерия. Эти критерии являются тождественными для устойчивого развития, ноосферы и Земной управляемой цивилизации. Поскольку более широким и всеохватывающим понятием является Земная управляемая цивилизация, можно положить ее в основу дальнейшего повествования. Дадим вначале определение Земной управляемой цивилизации.

Земная управляемая цивилизация – высшая в своем развитии управляемая, научно и духовно организованная, непрерывно совершенствующая свою организованность единая цивилизация людей, носителей жизни, разума и духа, на одной из планет Вселенной – Земле, функционирующая неограниченно во времени в условиях ограниченных возможностей Земли и условиях угрозы природных катастроф планетного и космического происхождения.

Критерии таковы.

Критерий первый. Взаимодействие между всем человечеством и всей биосферой Земли будет гармоничным, если плотность мощности антропогенной нагрузки не будет превышать приблизительно 70 кВт/км².

Допустимое значение плотности мощности берется как среднее, даваемое ресурсной моделью мира Медоузов и биосферной моделью Горшкова. В настоящее время эта реальная плотность в 1,5–2,0 раза превышает допустимое значение.

Критерий второй. Взаимодействия внутри мирового общества будут гармоничными, если индекс социально-экономической дисгармонии общества не будет превышать 10–15.

Допустимое значение индекса дисгармонии мирового общества принимается равным среднему значению индексов для стран мира. В настоящее время этот индекс для мира в целом, возрастая, приближается к 100.

Подчеркнем, что этот индекс является мерой не только углубления пропасти между богатыми и бедными странами, но и мерой международного терроризма, наркобизнеса, коррупции, военных и религиозных конфликтов, мерой столкновений цивилизаций, мерой деградации культуры и личности.

Выполняться должны оба критерия.

Для выполнения первого критерия необходимо вначале поработать над выполнением второго критерия. Внутренне противоречивое мировое общество в принципе не может ни достичь устойчивого развития, ни прийти к ноосфере, ни создать Земную управляемую цивилизацию.

Для В.И.Вернадского принципиальный вопрос о начале отсчета эпохи ноосферы оставался открытым. Лишь глобалистике удалось установить количественные критерии ноосферы, выполнение которых откроет эпоху ноосферы. Установление количественных критериев ноосферы после Вернадского значительно ускорит разработки теории ноосферы и устойчивого развития.

9. Высшая цель ООН – создание Земной управляемой цивилизации и управление ею

Единственной организацией, которая способна возглавить деятельность человечества по полному преобразованию мира, является ООН. Она была создана в 1945 г. с главной целью – поддержание и укрепление международного мира и безопасности и развитие сотрудничества между государствами.

В наше время в условиях приближающейся глобальной катастрофы высшей целью ООН становится принципиально новая более грандиозная цель – осуществление полного, мировоззренчески революционного преобразования мира, создание Земной управляемой цивилизации и осуществление постоянного управления этой цивилизацией.

ООН должна иметь в своем распоряжении Глобальную автоматизированную систему управления Земной управляемой цивилизацией с Глобальным научно-стратегическим центром управления, а также Глобальную автоматизированную систему мониторинга Земной управляемой цивилизации.

Приведем некоторые предварительные соображения по глобальному мониторингу. Глобальная автоматизированная система мониторинга содержит системы глобального мониторинга геосфер (атмосфера, гидросфера, литосфера), биосферы, климата, социальных параметров и характеристик, массива параметров глобалистики, катастроф и конфликтов, космического мониторинга, включающего, в частности, космическую защиту Земли от столкновений с астероидами и кометами.

Полученные и обработанные данные Глобальная автоматизированная система мониторинга направляет в Глобальный научно-стратегический центр управления, который готовит управляющие решения и направляет их в ООН. ООН принимает решения по глобальному управлению и направляет их для исполнения в международные органы управления и страны мира.

Сами задачи ООН по преобразованию мира на пятилетку 2007-2011 (период деятельности нынешнего Генерального секретаря ООН) таковы:

- a) разработка проекта Земной управляемой цивилизации;
- b) разработка проекта Глобальной автоматизированной системы управления Земной управляемой цивилизацией;
- c) разработка проекта Глобальной автоматизированной системы мониторинга Земной управляемой цивилизации;
- d) реформирование ООН, подчиненное достижению высшей цели – созданию Земной управляемой цивилизации.

В этих условиях первоочередными задачами UNESCO становятся введение в систему образования мира глобалистики как самостоятельной дисциплины для всех специальностей, подготовка специалистов по созданию Земной управляемой цивилизации и формирование нового человека с совершенно новым глобальным мировоззрением. Формирование нового человека для космического корабля Земля будет осуществляться примерно так же, как подготавливают космонавта для космического корабля, запускаемого с Земли.

Потребуется учреждение новых структур в области глобалистики: центры, институты, кафедры, журналы.

10. Подготовка в системе образования нового человека с новым мировоззрением

Итак, перед человечеством встала грандиозная задача, масштабы которой были неведомы всей его истории. Впервые нам надо создать Земную управляемую цивилизацию и перейти из эпохи стихии к эпохе управления. Стихийное движение цивилизации ведет ее к неминуемой гибели.

Нам надо создать Земную управляемую цивилизацию, являющуюся космическим кораблем Земля с человечеством на борту. Теоретические, научно-конструктивные основы Земной управляемой цивилизации есть. Это – глобалистика.

Для выполнения вставшей исполинской задачи требуется огромный отряд высококлассных специалистов всех профессий. Среди этих специалистов особое место должны занимать ученые-мыслители, которые развивали бы саму интегральную глобалистику в теоретическом и прикладном плане. Прикладной характер глобалистики – это организация управления и само управление Земной управляемой цивилизацией.

Такие специалисты должны быть подготовлены в системе образования, находящейся на государственном и международном уровнях.

Необходимо уже в ближайшие пять-десять лет подготовить на планете несколько десятков миллионов молодых специалистов, строящих принципиально новую цивилизацию. Каждый специалист – это уже новый человек с новой системой взглядов на новый мир, с новым мировоззрением.

Новый человек – человек с неограниченным развитием его творческих и духовных начал при незавышенно-достаточных материальных условиях. Новый человек на космическом корабле Земля должен подготавли-

ливаться так же, как подготавливаются космонавты или астронавты для космических кораблей, запускаемых с Земли.

Дерзко-талантливых творцов Земной управляемой цивилизации ждет фантастически захватывающая работа, которую не знала до этого история человечества.

11. Разрушение СССР, знаменовавшего собой важнейший этап в восходящем движении Земной цивилизации, – величайшая ошибка народов планеты

8 декабря 1991 г. в Вискулях (Беловежская пуца, Белоруссия) было подписано «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств». В документе констатируется, что «Союз ССР как объект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Произошло невероятное, экстраординарное, противоречащее человеческому разуму и духу событие. В одно мгновение была разрушена первая в мире могучая социалистическая держава, занимавшая одну шестую часть суши Земли, – государственный венец многовековой истории создания, строительства, централизации и укрепления человеческим гением многонационального государства с мощной экономикой, высочайшей наукой и культурой, истории создания государства с высшим уровнем социального развития. Такое государство по типу и характеру лучшим образом соответствовало государству будущей жизнеспособной Земной управляемой цивилизации.

День подписания Беловежского документа оказался трагическим днем не только в истории народов СССР, но и в истории всего человечества, истории величественной Вселенной, которая создала Земную цивилизацию как одну из удивительных космических цивилизаций разума и духа. На нем лежит печать крайнего исторического невежества.

Президент Российской Федерации В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. назвал разрушение СССР «величайшей геополитической катастрофой века». По существу, это величайшая геополитическая катастрофа всей истории Земной цивилизации.

Величайшая геополитическая катастрофа – это главный смысл разрушения СССР.

Образованные из союзных республик СССР «осколочные государства» стали на путь реставрации капитализма. Это означает, что в условиях надвигающейся глобальной катастрофы, вызываемой стихийным ведением мирового хозяйства, новые государства с научно-организованным хозяйством переходят к стихийному капитализму, приближая наступление катастрофы.

Некоторые новые государства искусственно устанавливают недружественные, неприязненные отношения с другими образовавшимися государствами.

Каковы последствия разрушения СССР в конкретных цифрах?

Обратимся к данным по изменению национального дохода на душу населения и валового внутреннего продукта на душу населения в СССР-России для времени функционирования СССР и настоящего времени. Динамику изучаемого параметра лучше всего дать в соотношении с динамикой того же параметра в богатейших странах мира.

В таблице 1 приведены данные по национальному доходу на душу населения в 1975 г. и по валовому внутреннему продукту на душу населения в 2004 г.

Таблица 1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В 1975 Г.
И ВАЛОВЫЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В 2004 Г.

Таблица 1а ¹¹ Национальный доход на душу населения в 1975 г.		Таблица 1б ¹² Валовый внутренний продукт на душу населения в 2004 г.	
Страна	НД на душу населения	Страна	ВВП на душу населения, долл.
США	3980	США	39883
Франция	2410	Франция	33896
СССР	2240	Россия	4042
Великобритания	1920	Великобритания	35485
Италия	1480	Италия	29143

Напомним, что валовый внутренний продукт (ВВП) – это общий объем товаров и услуг для конечного потребления, произведенный экономической страны.

Что говорят данные таблиц? Если в 1975 г. отношение национального дохода на душу населения в США и СССР составляло 1,8, то в 2004 г. это отношение увеличилось до 9,9. Это означает, что разрушение СССР повлекло за собой уменьшение подушного национального дохода (или ВВП) на душу населения в России приблизительно в 5,5 раз ($9,9/1,8$)!

В значительной степени разрушена промышленность и наука. Академик Д.С.Львов сообщает, что доля наукоемкой продукции в общем объеме ее мирового производства с 1990 г. по 2005 г. в США увеличилась с 28% до 32%, в России же эта доля уменьшилась с 7% до 0,8%, то есть в девять раз!¹³

Такова огромная цена разрушения СССР, под каким бы «флагом» это разрушение и ни происходило.

ВВП на душу населения характеризует, в основном, материальное состояние человека. А как сказалось разрушение СССР в сфере культуры, содержащей духовную составляющую? Весьма грубую оценку можно сделать следующим образом. Практически все сферы человеческой дея-

тельности и человеческих интересов освящаются в некогда замечательном научно-популярном журнале «Наука и жизнь». Если в 1990 г. тираж журнала составлял 2,7 млн. экз., то в 2007 г. он снизился до 46 тыс. экз., то есть уменьшился примерно в 60 раз. Поэтому с учетом уменьшения численности населения с СССР-России духовно-культурный уровень населения упал примерно в 30 раз.

Очень, очень многие россияне потеряли перспективу будущего, потеряли смысл жизни. По данным газеты «Труд» за последние 12 лет в России совершены около 800 тысяч самоубийств.¹⁴

Каковы причины разрушения СССР?

Разрушение государства – прообраза государств будущей жизнеспособной Земной управляемой цивилизации – произошло под воздействием двух факторов, внутреннего и внешнего.

Внутренний фактор. Этот фактор в предельно обобщенном представлении выглядит следующим образом. Для создания и совершенствования государства принципиально нового типа – социалистического государства – необходимы две вещи: непрерывно развивающаяся теория такого государства и гении, которые осуществляют его строительство и совершенствование. В первой половине XX в. была и теория социалистического государства (марксистская), и гении, которые осуществляли его строительство. Примерно в третьей четверти XX в. началась антропогенная перегрузка планеты. Марксистская теория уже не могла описывать запредельный мир, перешедший в запредельное состояние. Не оказалось и гениев, которые совершенствовали бы социалистическое государство. Глобалистика как наука, отражающая современный запредельный мир, родилась на рубеже XX–XXI вв.

Внешний фактор – попытка последнего передела мира в фатальную эпоху человечества, или массированное наступление Запада, нацеленное на завоевание мирового господства в самую решающую в истории человечества эпоху антропогенно перегруженной Земли, начавшееся на территории СССР и разрушившее его.

Первый разрушительный марш массированного наступления пришелся на Советский Союз не потому, что СССР – социалистическое государство, а потому, что оно обладает громадными природными богатствами. Наполеон и Гитлер, растапывая государства Европы, не обращали внимания на их тип или социальное устройство.

Ни один из двух факторов, действующих раздельно, не смог бы вызвать разрушения СССР. Советский Союз не был внутренне слаб. Для его разрушения потребовалось включение второго фактора в его мощнейшем проявлении, который и стал решающим.

Вот речь бывшего президента США Джорджа Буша на съезде Республиканской партии (Хьюстон, 20 августа 1992 г.): «Да, не сомневайтесь, крушение коммунизма не было чем-то само собой разумеющимся.

Для этого потрудились решительное руководство президентов от обеих партий, включая таких республиканцев, как Ричард Никсон, Джеральд Форд и Рональд Рейган. И вот советский медведь, возможно, исчез, но в лесах еще остаются волки». А другой государственный муж, бывший директор ЦРУ Роберт Гейтс писал в 1991 г. о том, что «отход республик от России – это только начало процесса. Затем надо демонтировать армию, сделать так, чтобы население впало в безразличное суггестогипнотическое состояние».

И это о великом народе, который открыл перед другими народами мира новые горизонты в области науки, культуры и социальных отношений!

В заключение необходимо отметить следующее. После подписания Беловежского соглашения прошло уже 16 лет. Россия, ставшая на путь внутренне стихийного капитализма, ни по экономике, ни по науке не смогла вернуться на уровень советского государства 1991 г.

Обратимся к Советскому Союзу времен Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства.

В таблице 2 приведены данные по уровню валовой продукции промышленности СССР в военное и послевоенное время.

Таблица 2

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ (1940 Г. – 100%)¹⁵

Год	Валовая продукция, %	Год	Валовая продукция, %
1940	1,0	1945	0,92
1941	0,98	1950	1,7
1942	0,77	1960	5,2
1943	0,90	1970	11,8
1944	1,04	1975	16,9

Из таблицы видно, что промышленный уровень предвоенного 1940 г. в управляемом, плановом социалистическом государстве был достигнут примерно спустя два-три года после окончания войны. В социалистическом государстве заложены огромные возможности.

12. Россия – огромное, дерзки новаторское, необычайно плодотворное и динамичное явление на планете Земля

Изложим основные особенности России, которые сложились к настоящему времени и которые несомненно проявятся в ее новаторской, активной роли при создании Земной управляемой цивилизации.

Первая особенность. Огромные территория и подземные богатства России.

Россия обладает территорией в 17,1 млн. км², что составляет почти 1/8 суши Земли.

На территории России сосредоточены огромные запасы природных ресурсов. Валовая стоимость минеральных разведанных и предвари-

тельно оцененных ресурсов составляет 28,5 трлн. долл., а прогнозная стоимость всех полезных ископаемых оценивается в 140 трлн. долл.¹⁶

Вторая особенность. Россия – мировой центр стабилизации окружающей среды и климата планеты.

Леса страны занимают площадь 8,5 млн. км², что составляет 22% площади всех лесов Земли. Поэтому Россия является мировым центром стабилизации окружающей среды и климата планеты.

Третья особенность. Россия – владелица уникального исторического опыта создания первого в мире социалистического государства.

Создание могучего социалистического государства с высшим на XX в. уровнем социального развития на 1/6 земного шара – СССР дает бесценный опыт для конструирования государств с управляемой, плановой деятельностью во всех своих сферах, государств, которые составят основу Земной управляемой цивилизации.

Четвертая особенность. Богатейший интеллектуально-духовный потенциал России.

Россия обладает богатейшим научным, экономическим, духовно-культурным потенциалом, значительно увеличенным в XX в. Этот потенциал обеспечил высочайший уровень развития науки, образования и культуры страны.

Россия обогатила мировую науку трудами таких выдающихся ученых как М.В.Ломоносов, Д.И.Менделеев, И.П.Павлов, К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский, П.Л.Капица, братья Н.И. и С.И.Вавиловы, С.П.Королев, И.В.Курчатов, М.В.Келдыш и другие. Россия сделала величайшее открытие – она открыла космическую эру и отправила в космическое путешествие первого в истории человечества космонавта – Ю.А.Гагарина.

Пятая особенность. Россия – центр приложения разрушительных сил планеты, а потому вынужденный центр защиты своего будущего и будущего всего человечества.

Россия, вслед за СССР, в настоящее время стала полем, на которое устремлены разрушительные силы мира, центральным полем планеты, на котором решаются не только судьбы России, но, вероятно, и судьба всего человечества.

Таковы особенности России, уникальным подбором которых не владеет ни одна другая страна мира.

Более того, что бы ни думали, что бы ни говорили, но именно в России заложены основы новейшей науки о современном мире – глобалистики, которая обещает стать научно-конструктивной основой мировоззренчески революционного перехода от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации.

Россия скорее всего и станет инициатором грандиозной смены эпох. И не потому, что россияне, русские более одарены, чем другие народы, – все народы одинаково талантливы, а потому, что Россия вынуждена

стать инициатором перехода к эпохе Земной управляемой цивилизации, чтобы сохранить себя и одновременно сохранить все человечество.

Вот как оценивали историческую поступь России в будущее гиганты мысли Гегель и Энгельс.

Творец диалектики Г.В.Ф.Гегель (1770–1831 гг.) в письме своему ученику Борису Искюлю отводил особое место России во всемирной истории¹⁷: «Ваше счастье, что отечество ваше занимает такое выдающееся место во всемирной истории, имея, без сомнения, еще более великое предназначение. Остальные современные государства как будто бы уже более или менее достигли цели своего развития, быть может, кульминационный пункт многих уже позади, и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди прочих, в лоне своем заключает небывалые возможности развития своей интенсивной природы».

Ф.Энгельс в 1893 г. писал в Петербург русскому писателю-экономисту Н.Ф.Даниельсону: «Великая нация, подобная вашей, переживет любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь *modus operandi* (образ действия) изменяется. Да свершится предначертанное!...».

Хотелось бы привести также поэтически философский образ России – предвестник будущего, который создал замечательный советский архитектор К.С. Мельников: «Ни одно место на Земле не имело столь ясного знамения будущего, как та, широко распластанная на мощном континенте, трепетная Россия, воспринявшая на себя одну всю современную новизну проб, экспериментов».

13. СССР – Россия в грандиозных проектах: от «Атомного проекта СССР» к проекту «Земная управляемая цивилизация»

Чтобы оценить реальность разработки в России проекта «Земная управляемая цивилизация» и реальность его последующего воплощения, разумно обратиться к опыту грандиозного «Атомного проекта СССР» по созданию атомной бомбы в СССР, к масштабу и срокам осуществления этого проекта.

Государственный Комитет Оборона СССР к 1942 г. уже располагал информацией о проводившихся в США и Германии в обстановке особой секретности работах по созданию атомного оружия. Академиком А.Ф.Иоффе и уполномоченным ГКО по науке С.В.Кафтановым было подготовлено письмо в ГКО о необходимости создания научного центра по проблеме атомного оружия: «Докладывая вопрос на ГКО, – рассказывал С.В.Кафтанов, – я отстаивал наше предложение. Я говорил: конечно, риск есть. Мы рискуем десятком или даже сотней миллионов рублей... Если мы не пойдем на этот риск, мы рискуем гораздо большим: мы можем оказаться безоружными перед лицом врага, овладевшего атомным оружием. Сталин походил, походил и сказал: "Надо делать"»¹⁸. Заседание ГКО прохо-

дило в августе 1942 г., в невероятно трудное для страны время, когда немецкие войска рвались к Сталинграду, на Кубань и Северный Кавказ.

Во главе атомного проекта был поставлен И.В.Курчатов. Трижды Герой Социалистического Труда Ю.Б.Харитон говорит¹⁹: «Игорь Васильевич Курчатов был человеком, удивительно подходившим для осуществления такой грандиозной программы. Великолепный физик, выдающийся организатор и исключительно доброжелательный человек. Эти черты привлекали к нему не только умы, ни и сердца людей».

Весной 1943 г. в здании Сейсмологического института АН СССР были начаты работы по созданию отечественной атомной промышленности, обеспечившей оборонное могущество страны и мощную атомную энергетику.

Первая советская атомная бомба была успешно испытана 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне. Мощность бомбы около 20 килотонн тринитротолуола.

Таким образом, на осуществление грандиозного Атомного проекта СССР потребовалось шесть с половиной лет, от весны 1943 г. до августа 1949 г.

Хотелось бы обозначить еще две вехи в истории отечественного ядерного оружия.

12 августа 1953 г. была испытана первая в мире термоядерная (водородная) бомба.

30 октября 1961 г. на полигоне Новая Земля был осуществлен воздушный взрыв самого мощного термоядерного заряда за всю практику ядерных испытаний. Ее мощность 50 мегатонн тринитротолуола превышала мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму, примерно в 2,5 тысячи раз. Параметры баллистического корпуса «царя-бомбы»: длина 8 м, диаметр 2,1 м, вес 26 т.²⁰ Авторы указанной статьи подчеркивают, что крупнейший ядерный полигон на Новой Земле позволил стране сохранить оборонную мощь и избежать войны (академик Ю.А.Трутнев – один из ведущих разработчиков этой бомбы).

Действительно, сразу же после окончания Второй мировой войны США начали планировать атомную войну против СССР. Уже в конце 1945 г. был разработан первый план «Тоталити», который предусматривал сбросить 20 атомных бомб на 17 городов СССР. Один из последующих планов «Дропшот» («Моментальный удар») начала 1950 г. предусматривал ликвидацию Советского Союза как государства (атомная бомбардировка 200 городов с уничтожением 85% экономического потенциала, развертыванием 160 дивизий).²¹

Вряд ли уместны подобные планы на нашей единой Земной цивилизации, принадлежащей всей Вселенной.

В 2007 г. Ф.К.Щелкин, с которым мы когда-то вместе работали в ныне Всероссийском НИИ технической физики (г. Снежинск), подарил мне свою

книгу «Апостолы атомного века»²². Необычайная сила воздействия этой книги на читателя кроется в том, что она излагает эту историю через творческую деятельность шести гигантов – ведущих ученых и конструкторов, стоявших на вершине этой истории. Книга передает глубокий психологизм той эпохи. В могучую кучку творцов входят трижды Герои Социалистического Труда: И.В.Курчатов (руководитель проекта) и далее по алфавиту: Н.Л.Духов, Я.Б.Зельдович, А.Д.Сахаров, Ю.Б.Харитон и К.И.Щелкин. Автор книги, сын К.И.Щелкина, знал всех творцов оружия. Шесть трижды Героев Социалистического Труда – это феноменальная концентрация научной мысли и воли, созданная гением советского народа и его руководителей в тяжелейшее время войны и послевоенной разрухи.

Сделаем отступление, связанное с Манхэттэнским проектом по созданию атомной бомбы в США. В проекте были заняты 150 тыс. человек; стоимость проекта 2–4 млрд. долл.

Отметим одно значимое обстоятельство. В широкоформатной брошюре «Los Alamos 1943–1945. The beginning an Era...»²³ представлена портретная галерея 14 ведущих руководителей проекта – «They built the bomb», начиная с директоров Л.Гроувза и Р.Оппенгеймера. В области теории работали четыре ученых, все выходцы из Европы: Э.Ферми из Италии, Х.Бете из Германии, В.Вайскопф из Австрии и Дж.Нейман из Венгрии. Чем не международный проект?

Что показал и что подсказал опыт Атомного проекта еще более грандиозному проекту Земной управляемой цивилизации?

Можно отметить следующие характерные моменты опыта.

Высочайший уровень ученых, конструкторов, инженеров, рабочих, обеспечивших создание совершенно нового, сложного, сверхмощного атомного оружия.

Создание новейшей первоклассной многофункциональной промышленности, начало которому было положено в трудные годы Великой Отечественной войны.

Высокий уровень организации работ по Атомному проекту.

Титаническая деятельность, высочайшее вдохновение, могучая воля и патриотизм огромного числа людей, участвовавших в проекте.

Теперь о методологическом переходе России от Атомного проекта к проекту Земной управляемой цивилизации.

В каждом из этих двух проектов можно выделить следующие составляющие: наука (теория), экономика (промышленность, транспорт и т.д.), организация, воля и психологические барьеры.

Можно полагать, что наука для обоих проектов равновелика. Россия имеет начальные теоретические основы Земной управляемой цивилизации.

При переходе от Атомного проекта к проекту Земной управляемой цивилизации, возможно, упадут усилия в экономике.

Организация более обширна и трудна в предстоящем проекте.

Могучая, неукротимая воля Атомного проекта СССР должна повториться в проекте Земной управляемой цивилизации.

Невероятно трудны психо-политические барьеры в предстоящем проекте. Взятие таких барьеров можно обеспечить широкой пропагандой научных открытий глобалистики.

Судьбы на планете Земля складываются таким образом, что именно России придется взять на себя инициативу по разработке необычайно трудного, но и необычайно важного проекта Земной управляемой цивилизации.

Для этого есть все: нужна только могучая воля!

14. Российская академия наук: новейшей эпохе – новейшую науку

Главнейшей проблемой современной науки являются сохранение Земной цивилизации, а потому и разработка, и развитие глобалистики как интегральной науки о современном едином мире. Новейшей эпохе необходима новейшая наука. Посмотрим, как этому девизу следует Российская академия наук.

В ноябре 2007 г. принят новый Устав Российской академии наук.²⁴ В нем определено: «Основной целью деятельности Российской академии наук является организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию».

Как видим, актуальная интегральная проблема разработки и развития глобалистики, охватывающей природу, общество и человека, полностью укладывается в основную цель РАН. Более того, она «просится» в эту основную цель.

Тем не менее, РАН не включает эту интегральную проблему в программы своих исследований.

Все свои исследования академия поделила на девять направлений, которые проводятся в следующих девяти тематических отделениях.

- Отделение математических наук.
- Отделение физических наук.
- Отделение информационных технологий и вычислительных систем.
- Отделение энергетики, машиностроения, механики и процессов управления.
- Отделение химии и наук о материалах.
- Отделение биологических наук.
- Отделение наук о Земле.
- Отделение общественных наук.
- Отделение историко-филологических наук.

Академия не имеет структурного подразделения, которое занималось бы глобалистикой как интегральной наукой о современном едином мире.

Российская академия наук, как высшее собрание ученых России, не замечает критического состояния Земной цивилизации и встроенной в

нее России. Такую ситуацию необходимо изменить. РАН должна дать научную картину мира, встроенную в нее научную картину России и передать ее политическим лидерам России.

Российская академия наук, принадлежит не членам академии, а народам России. Ее деятельность должна служить не интересам членов академии, а интересам народов России.

К.А.Тимирязев как-то заметил: «...есть кто-то, кто выше ученых, даже гениальных, – это сама наука».

15. Методологический принцип, регламентирующий взаимодействие науки и политики

Для обеспечения жизнедеятельности нынешнего мира, вышедшего за допустимые антропогенные пределы, необходимо выполнять еще один принцип, регламентирующий взаимодействие науки и политики.

В современном запредельном мире, идущем к глобальной катастрофе, в методологическом плане первичной является наука о современном мире – глобалистика, отражающая мир, его антропогенные пределы, закономерности его динамики и внутренние взаимосвязи в предельно обобщенном, математическом виде, а вторичной – политика, геополитика, действующие на основе глобалистики.

Политики в силу своей профессиональной специфики не нарабатывают новых знаний о природе и обществе.

Во времена Александра Македонского (356–323 гг. до н.э.), когда численность населения Земли составляла всего около 100 млн. человек, и даже Петра I Великого (1672–1725 гг.), когда численность населения Земли возросла приблизительно до 650 млн. человек, биосфера компенсировала умеренные возмущения, оказываемые на нее человеком. Государственным деятелям не требовалось оглядываться ни на природу, ни на науку, изучающую природу.

В настоящее время биосфера уже не способна компенсировать мощные антропогенные возмущения. Политики, геополитики должны строить свою деятельность исключительно на основе глобалистики. Бытующая сегодня обратная полярность «политика – первична, наука – вторична» создает хаос в жизнедеятельности мирового общества и уверенно ведет мир к глобальной катастрофе.

16. Сибирский федеральный университет берет на себя штурвал восходящей истории человечества на одной из космических цивилизаций Вселенной.

В декабре 2007 г. бывший вице-президент США Альберт Гор получил Нобелевскую премию мира за активные призывы к человечеству мобилизовать свои усилия по предотвращению опасного изменения климата Земли. Конструктивна ли эта деятельность Гора по проблеме изменения климата?

В книге «Земля на чаше весов»²⁵ Гор дал следующую классическую характеристику современной цивилизации, под которой понимается запад-

ная цивилизация: «...все это свидетельство духовного кризиса современной цивилизации, порожденного ее внутренней пустотой и отсутствием великой духовной цели» (с.404); «Я пришел также к более глубокому пониманию самого устрашающего факта из всех, с какими нам пришлось столкнуться в наш век: цивилизация способна уничтожить самое себя» (с.12).

Современная цивилизация с «ее внутренней пустотой и отсутствием великой духовной цели» не способна решить проблему изменения климата в принципе. Проблема изменения климата – чисто научная проблема, и она не решается одними призывами.

Априори можно утверждать, что проблема изменения климата будет решена автоматически, если будут выполнены количественные критерии Земной управляемой цивилизации, или устойчивого развития общества, разработанные глобалистикой и изложенные в §8. Климат – лишь часть целостного мира, изучаемого глобалистикой.

Глобалистика является единственной наукой в системе современных наук, которая знает, как сохранить Земную цивилизацию. Исключительно важно, чтобы этой наукой и учебной дисциплиной овладели студенты высшей школы всех специальностей.

Необходим запальный импульс для того, чтобы глобалистику ввести в систему высшего образования. Такой импульс мог бы произвести Сибирский федеральный университет. Для этого необходимо организовать в нем вначале кафедру глобалистики, а потом и факультет глобалистики.

СГУ должен бы готовить специалистов по глобалистике для Красноярска и всей Сибири. Более того, являясь единственным университетом в мире, владеющим глобалистикой, он мог бы готовить специалистов по глобалистике для таких именитых университетов, как Гарвардский, Кембриджский, Оксфордский, Московский, Берлинский. Это – не фантазия. Замечу, что фундаментальная, гиперболическая закономерность, отражающая возрастание напряженности взаимодействий в мировом обществе, показанная на рис.1, открыта мною.

И это все по плечу СФУ. Сибирский федеральный университет должен взять на себя штурвал восходящей истории человечества на одной из космических цивилизаций Вселенной.

¹ Послание учёных // Курьер UNESCO. Антология за 30 лет. – М.: Прогресс, 1990. – С. 65-67.

² Моисеев, Н.Н. Быть или не быть... человечеству? / Н.Н.Моисеев. – М., 1999. – С. 66,67.

³ Процесс становления глобалистики представлен работами: Федотов, А.П. Введение в глобалистику. Наброски теории единого мира / А.П.Федотов. – М.: «СИМС»-«Слово», 1997; Федотов, А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире : курс лекций. – 2-е изд., доп. / А.П.Федотов. – Аспект Пресс, 2002; Fedotov A.P. Global Crisis of the World System // Moscow, International Affairs. – 1994. – №7. – P.52–57; Fedotov A.P. The UN and the Problem of the Sustainable Development of Humanity // We the Peoples of the United Nations... – Moscow, International Affairs, 1995. – P. 245–253; Федотов, А.П. Планета Земля, человечество, экономика / А.П.Федотов // Экономист. – 1995. –

№11. – С.43–56; Федотов, А.П. Каноны современного мира / А.П.Федотов // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 1997. – №4. – С.105–114; Федотов, А.П. Реальный мир: динамика, пределы, реконструкция / А.П.Федотов // Зелёный мир. – 2003. – № 4-6. – С.8–9; Оленьев, В.В. Глобалистика на пороге XXI века / В.В.Оленьев, А.П.Федотов // Вопросы философии. – 2003. – №4. – С.18–30; Федотов, А.П. Новая историческая миссия России в меняющемся мире / А.П.Федотов // Синтез цивилизации и культуры : международный альманах / отв. ред. Ю.Пивоваров, Т.Тимофеев, Н.Шмелёв. – ИНИОН РАН, 2003. – С. 157–175; Поздняков, Д.В. Разработка и картографирование интегральных показателей устойчивого развития стран мира / Д.В.Поздняков, В.С.Тикунов, А.П.Федотов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2003. – №2. – С.19–29; Федотов, А.П. Модель управляемого единого мира и её реализация поколением первой четверти XXI века / А.П.Федотов // Россия: перспективы прорыва в цивилизацию знаний. – М., 2004. – С. 33–58; Федотов, А.П. Тревога мира / А.П.Федотов // Белорусская мысль. – 2004. – №12. – С.46–53; Федотов, А.П. Лекция профессора Медоуза в Менделеевском университете. Развитие его идей в России / А.П.Федотов // Вестник Российского философского общества. – 2005. – №2. – С.128–131; Федотов, А.П.Образование в судьбе Земной цивилизации / А.П.Федотов // Цивилизация знаний: будущее и современность. – М., 2005. – С.7–13; Федотов, А.П. О сверхзадачах науки в XXI веке, сформулированных С.П.Курдюмовым и Г.Г.Малинецким, а также о ноосферном критерии / А.П.Федотов // Там же. – С. 67, 68; Федотов, А.П. О математической истории мира XX и начала XXI веков в её предельном обобщении / А.П.Федотов, А.Е.Горепёкина //Там же, С.80, 81; Федотов, А.П. Жизненная необходимость перехода от эпохи Земной стихийной цивилизации к эпохе Земной управляемой цивилизации / А.П.Федотов // Цивилизация знаний: российские реалии. – М. 2006. – Ч. I. – С. 45–56; Федотов, А.П. Развитие глобальной модели планеты Земля: концентрированный доклад Римскому клубу (Предложение Исполнительному комитету Римского клуба) / А.П.Федотов. – М.: Аспект Пресс, 2008.

⁴ Федотов, А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире : курс лекций / А.П.Федотов. – 2-е изд., доп. – М.: Аспект Пресс, 2002.

⁵ Fedotov A.P. The UN and the Problem of the Sustainable Development of Humanity // We the Peoples of the United Nations... Moscow, International Affairs, 1995, p. 245-253.

⁶ См.: Пределы роста: пер. с англ. – М.: МГУ, 1991; Медоуз, Д.Х. За пределами роста : учебное пособие / Д.Х.Медоуз, Д.Л.Медоуз, Й.Рандерс. – М.: Прогресс-Панагея, 1994; Медоуз, Д.Х. Пределы роста. 30 лет спустя: пер. с англ. / Д.Х.Медоуз, Й.Рандерс, Д.Л.Медоуз. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.

⁷ Горшков, В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни / В.Г.Горшков. – М.: ВИНТИ, 1995.

⁸ Поздняков, Д.В. Разработка и картографирование интегральных показателей устойчивого развития стран мира / Д.В.Поздняков, В.С.Тикунов, А.П.Федотов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2003. – №2. – С.19–29.

⁹ Федотов, А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире. – С.134–144.

¹⁰ История США: в 4 т. Т.4. 1945–1980. – М.: Наука, 1987. – С.599.

¹¹ Источник: Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1977. – Т.24. – С.260.

¹² Источник: Доклад о развитии человека, 2006. Издано для Программы развития ООН. – Изд-во «Весь Мир», 2006. – С.331, 332.

¹³ Российская Федерация сегодня. – 2005. – №16.

¹⁴ Труд. – 2006. – 27 мая.

¹⁵ Источник: БСЭ. – 3-е изд. – Т. 4. – С. 402; Т. 24. II. – С. 205.

¹⁶ Осипов, В.И. Реформы глазами эколога / В.И.Осипов // Вестник Российской академии наук. – 2003. – №12. – С. 1061-1067.

-
- ¹⁷ Гулыга, А.В. Гегель / А.В.Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 1970. – С.107.
- ¹⁸ Головин, И.Н. Это начиналось в Замоскворечье. Препринт Института атомной энергии им. И.В. Курчатова / И.Н.Головин, Ю.Н.Смирнов. ИАЭ – 4926/3. – М., 1989.
- ¹⁹ Губарев, В.С. Ядерный век. Бомба / В.С.Губарев. – М.: ИздАТ, 1995. – С.20.
- ²⁰ Трутнев, Ю. Взрывы на Новой Земле / Ю.Трутнев, И.Андрюшин, А.Чернышев // Поиск. – 2004. – 24 сентября и 1 октября.
- ²¹ Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т.5. 1945-1965 годы. – М.: Международные отношения, 2003. – С.36-39.
- ²² Щёлкин, Ф.К. Апостолы атомного века. Воспоминания, размышления / Ф.К.Щелкин. – М.: Де Пи принт, 2004.
- ²³ Los Alamos. 1943-1945 / The Beginning of an Era. Los Alamos Scientific Laboratory, 1970.
- ²⁴ Устав Российской академии наук: утв. постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2007 г. №785 // Поиск. – 2007. – 30 ноября.
- ²⁵ Гор, А. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух: пер. с англ. / А.Гор. – М.: ППП, 1993.

Красиков В.И.,

доктор философских наук, профессор
Кемеровский государственный универси-
тет (г. Кемерово)

НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ*

В основе современной господствующей либеральной идеологии – идеологии глобализующегося мира и формирующегося «мирового государства» лежат идеи эпохи Просвещения, появившиеся без малого три столетия назад. В культурном многообразии Нового времени мы можем встретить разные этические учения (утилитаризм, ригоризм, романтизм), по-разному акцентировавшие парадигмальные компоненты индивидуализма, свободы, разума и креативности. Но из них следовали ключевые либеральные представления о первичности интересов индивида перед государством, об истинных правах человека и необходимости для каждого иметь вместо иррациональной веры свои разумные взгляды на природу и общество.

Казалось бы, следовало ожидать, в соответствии с уже столь гуманными взглядами на природу человека, если не полного исчезновения насилия, то, по крайней мере, хотя бы существенного снижения его общего уровня. Гуманизация, как устранение показной жестокости, варварских практик, питаемых прежними низкими оценками человеческой природы, действительно произошла, однако насилия в конечном счете не стало

* Статья выполнена в рамках выполнения и при финансовой поддержке РФФИ, грант №07-06-00067-а.

меньше, оно стало просто другим: в своих механизмах, формах и частоте проявления. Что это означает?

Во-первых, произошла *рационализация* насилия, что имело как позитивные, так и негативные стороны. Положительным следует признать разумное лимитирование насилия:

- запрет варварских практик наказаний и в конечном счете смертной казни;

- смягчение отношения к преступлениям, не несущим большой общественной опасности;

- реабилитация в правах социальных изгоев – женщин, детей, представителей сексуальных меньшинств, умалишенных;

- повышение эффективности в снижении преступности, ее профилактике, раскрываемости преступлений – благодаря возможностям централизованного государственного аппарата принуждения (полиция, тюрьмы).

Последнее, однако, порождает и негативную сторону в рационализации насилия:

- инструментализацию насилия в виде создания больших бюрократических машин насилия (полиции, спецслужб, разнообразных юридических структур);

- анонимизацию насилия, которое каталогизируется (в кодексах), данные о его носителях помещаются в гигантские картотеки, компетенции и ответственности борцов с насилием распределяются и строго прописываются;

- деморализацию насилия как следствие функционализации и насильников, и защитников от насилия в мегаполисах, отделения права от морали.¹

Во-вторых, налицо *идеологизация* насилия. Эпоха массовых организованных вероисповеданий сменилась эпохой тотально организованных идеологий. Основной вектор насилия перемещается в межи идеологическое противостояние: либерализм versus коммунизм, западная идеология versus религиозный фундаментализм и пр. Причем размывается граница между «внешними» и «внутренними» противостояниями, как то было ранее в целом однородных, гомогенизированных – будь то по подданническому, этническому или же религиозному признакам – обществах. Здесь же идеологические враги могут быть везде – и вовне, и среди своих: шпионы, вредители, саботажники, контрреволюционеры, партизаны, агенты влияния, бунтовщики, заговорщики, пятая колонна и т.п. Насилие «упаковывается» изоощренно идеологически и применяется исключительно «хорошими ребятами» против «хищников», «эксплуататоров» или «безбожников» ради счастья всех людей, против несправедливости и эксплуатации, подрывных элементов, за свободу и права человека, к вящей славе Господа.

В-третьих, хотя вследствие рационализации и идеологизации насилия происходит, похоже, относительное снижение частоты насильственных актов,² равно как и его видимо грубых, варварских форм. Это ком-

пенсруется *аритимизацией* насилия: его уплотнением в отрезки массового и жесточайшего насилия, в которое вовлекаются все большие людские массы – от полос европейских войн XIX в. до двух мировых горячих и одной холодной войн века XX.

Насилие, как известно, не изобретено нами, а имеет длительную славную предшествующую историю, зависимую от развития человеческого сознания. Речь идет о следующем.

Первое. Существуют многозначные взаимные связи между историческими формами осознания человеком своей природы, общественной эволюции власти и насилием. Политическая власть в формах своего государственного развития постепенно монополизирует, упорядочивает и регулирует применение насилия – с помощью рычагов права и морали, сообщая жизни людей рациональность и предсказуемость. Соответственно, на планете сокращаются пространства общественной анархии, лишённые практики гуманистического правового регулирования: сегодня это самопровозглашенные, непризнанные националистические, религиозные квазигосударства, приграничные спорные регионы, территории, контролируемые бандами, мафией и пр. Они могут стать детонаторами ретро возвращений насилия в его прежних качествах, свидетельство тому – распад СССР, Югославии, чья судьба вряд ли эксклюзивна и является неизбежной участью всех оставшихся империй.

Развитие антрополого-этических представлений в сторону эскалации эмпатии³ и роста ценностного статуса человека⁴ определяет приоритетные сферы применения насилия,⁵ маркеры «свой-чужой», обеспечивает ресурсы легализации и оправдания определенных направлений насилия.⁶

Второе. Исторически меняется характер существования насилия.

Уменьшается частота явления одиозных, жестоких, публичных актов насилия – это следствие развития чувств сострадания и неприятия грубости. Не то чтобы все люди стали более сострадательны и мягкосердечны – всегда есть антропологические и социальные категории, более других склонные к насилию,⁷ просто сейчас всерьез озабочены скрывать насилие от общественности – даже нацисты, и те старались тщательно скрывать свои концлагеря не только от своего гражданского населения, но и от простой армейской среды.

Символизация, «окультуривание» насилия. Заставление уже идет не напролом, в своей физической или же директивно-волевой направленности. Оно более терпеливо, методично-последовательно осаждаёт свой объект, «душа его любовью» – это насилие «в шелковых перчатках». Не важно, государство ли воздействует на своих граждан, друг ли бо возлюбленный на объект своих притязаний, главное, что давление здесь замаскировано озабоченностью с лейтмотивом: «делай так-то и так-то, поступай таким-то образом – это все ради твоего же блага».

Традиционные искусники символического насилия, ограничивания по своим правилам свободы другого, стремятся занять привилегированные

символические ниши – роли в извечном антропологическом репертуаре: государство – «отечески оберегает, подправляет, защищает отечество от внешних и внутренних супостатов»; женщина – «хранительница очага и семейных ценностей».⁸

Эти тенденции стали возможными в формате нарастания *интериоризации* насилия или же его «овнутрения», перемещения процессов корректирующего ограничивающего своеволия извне вовнутрь. Фундаментальная подоплека этого процесса – в одном из когнитивных атрибутов нашего вида: способности в индоктринации. Это «способность к специальному формированию диспозиции, обеспечивающей принятие групповых характеристик и идентификацию с ними, которая тем самым служит сплочению и демаркации "мы-они"».⁹ Как и у животных, в сенситивные периоды детства у людей формируется групповая верность, и они становятся впоследствии, во взрослом состоянии, очень резистентными к формированию других культурных представлений и измене чувствам родовой или этнической сопричастности.

Появившееся государство, используя этот биологический механизм, в дальнейшем уже преднамеренно внушает идентичность верности более крупным, нежели кровнородственным социальным группам с помощью систематического повторения («вдалбливания») соответствующих верноподданных моральных и религиозных императивов.

Назойливый обман формирует внутри сознания мощную структуру «совести», или «супер-эго», как говаривал Фрейд, создавая тем самым репрессивный формат культуры как таковой, которая «передает» свое насилие вовнутрь индивида, переименовывает его, снимая с себя ответственность за него, в итоге мы имеем «культурного человека», который «самонасилием», вполне по Ильину, ограничивает в себе то, что культура (а скорее, – господствующие группы, государство) полагает вредным.

В наши дни индоктринация приняла тотальный характер – в силу вездесущности современных средств масс-медиа и развития социально-психологических технологий (знают уже, на «что» и «как» точно воздействовать). Примеры быстрого формирования масс «арийской нации», homo soveticus или же современных отрядов исламских «мучеников» – зловещие подтверждения ахиллесовой биосоциальной уязвимости коллективного поведения человека. Насилие потому и сокращается в своих публично-видимых проявлениях, поскольку сейчас его основная часть находится, как у айсберга, в глубинах душевной жизни уже «сверхсоциализированного» индивида. Если ранее социализация заключалась в формировании чувств верности и подчинения небольшой общине, то с Нового времени предпринимаются систематические усилия, достигшие состояния современной сверхинтенсивности, навязывания эмпатии с абстракциями «государства» (отечества), «пролетариями всех стран», «прогрессивным человечеством» или же «единоверцами». Однако, если ранее род, община могли ответить и отвечали той же мерой верности и выручки, то за со-

временными идеологическими и религиозными индоктринациями зияет пустота фальши и обмана, никто реально не ответит верностью – ведь не принимать же всерьез агитки типа фильма «Спасти рядового Райена».

Итог этого: закомплексованный, полный изнутри «несвоим» насилием, индивид, а снаружи – негласно-конвенциональная, мотивируемая сообщениями взаимной терпимости система фальши и уступок, так называемая «социальная ложь во благо всех».¹⁰ Лучше промолчать, закрыть глаза, похвалить с прицелом на ответное, «понять ближнего», «принять его таковым, каков он есть», и тебя также примут с твоей ленью, пустыми амбициями, ложью, своеволием и капризами, чем требовать ответственности, долга, честности, профессионализма и доброжелательности. И эта древняя карикатурная система социальной лжи¹¹ получила новый интенсивный толчок в своем развитии в век идеологий «потемкинских деревень» (Нашего Совершенного Общества: Демократии, Социализма или же Благочестия) с помощью масс-медийных технологий. Интериоризация насилия достигает здесь своего апогея в благонамеренно отформатированных гражданах, живущих «хорошо, рационально и правильно».

Однако участились сбои в виде немотивированных (внутренними и внешними программами) расстрелов в школах, студенческих кампусах и магазинах, поджогов и погромов, побегов из системы в секты, леса, иные края. Похоже, что интериоризованное насилие начинает выбивать все предохранительные реле: «С меня хватит!».

Что же можно умозаключить из всего сказанного – становимся ли мы добрее и мягче?

С одной стороны, уверенно растут, особенно с Нового времени, пространства правовых регламентаций, ценностный статус человека и его эмпатические способности. Тому в подтверждение существуют даже чуть ли не математические расчеты.¹²

И часто сказать о том нам мешает застарелая «левая» интеллигентская привычка «критики общества и идеологии», что считается хорошим тоном, нежели «хвалить правительство и существующие порядки», – никто не завоеует популярности «интеллигентских масс», утверждая, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Да и традиционалисты с консерваторами вряд ли будут благосклонны к «прогрессистскому» тезису – нравы не могут не портиться по сравнению со славным добрым прошлым. Тем не менее трудно оспаривать, что грубые и жестокие практики систематических публичных актов насилия ушли в прошлое и гуманистической пропагандой успешно создается вера в то, что люди в целом стали более сострадательны и милосердны. Однако означает ли это, что насилия стало меньше?

С другой стороны, существуют резоны в пользу того, что мы теперь, как и обычно в истории, склонны преувеличивать свою сегодняшнюю развитость и цивилизованность. Подтверждением тому – следующие доводы.

Расчеты количеств смертоубийств в военных конфликтах, где имеют место публичные вооруженные коллективные столкновения, выражают

только один, и далеко не единственный, аспект насилия. А урон (и смерти, и страдания от увечий) от криминала (подросткового либо профессионального бандитизма) или от ДТП, где стабильно гибнут больше людей, чем в войнах. Причины ДТП – следствия не столько «случайности», сколько социальной сублимированной агрессии – будь то в пьяном виде или же в агрессивной манере вождения.

Далее, с одной стороны, мы видим торжество демократии, правового регулирования и охраны прав – у представителей разных меньшинств и даже уже у животных. С другой же стороны, в одном только Нью-Йорке, форпосте мировой демократии, совершается больше преступлений, чем во всей Японии, то есть нет желанной корреляции между развитием правового упорядочивания и уровнем насилия.

Человечество существует все же уже около 200 тыс. лет, из них от силы последние 10 тыс. лет – в формате городских цивилизаций и 4 последних века, прошедшие под знаком гуманизма, – вовсе не гарантия того, что все дальнейшее развитие пойдет лишь по этому руслу. Существовали и более долговечные, казавшиеся гарантами стабильности и нашего человеческого процветания – тысячелетия Древнего Египта или же тысячелетие Римской империи, а ведь после их краха человечество всякий раз ввергалось в новую пучину насилия после тысячелетия относительных правовых гарантий и человеколюбия. «Звоночки» о том между тем поступают: мировые войны с их «фабриками смерти», Хиросима, армянские, еврейские, африканские геноциды, новое средневековье талибов (разрушение статуй Будды), «Аль-Каиды». Когда в героях масскульта ходят Ганнибал Лектор, Чикатило, бесконечная вереница соплеменников графа Дракулы и техасская резня бензопилой, возникает серьезная озабоченность по поводу основ душевного здоровья садомазохистствующих граждан.

Скорее всего, истина находится где-то рядом с подобными безапелляционными противоположными заявлениями относительно нашей добросклонной либо насильственной сущности. Насилие органично для человека в силу как его биологически-консервативных черт (самцовые иерархии, мужская гормональная агрессивность, склонность к индоктринации), так и взрослой на подобной биологической основе специфической патриархатной социальности. Известно, что весь существовавший до XX в. социальный мир был отформатирован как «мужской мир», а «человек» понимался, «по умолчанию», по матрице «мужчины». Соответственно, формирование «самости» («я», воли, рациональности и рефлексии) – главные черты подобным образом понимаемой «человечности» (Франкфуртская школа).

Эта самая «самость» формируется в виде победоносной воли к власти через систематическое применение насилия – к природе, другим и себе. Нельзя сказать, что лишь мужским насилием исчерпывается мир,¹³ однако бесспорно, что и предшествующий, и современный социальный миры держатся им и через него в основном развиваются.

Скорее всего, общий объем насилия, если бы таковой можно было количественно определить, включая сюда не только убийства, грабежи и членовредительства, но и микрокосм душевного, морального насилия, применяемого людьми друг к другу¹⁴ и к самим себе, остается неизменным, как пока неизменны исходные душевная и ментальная экспозиции в человеке. Меняются, скорее всего, внутренние пропорции распределения видов или сфер насилия: публичного и внутреннего, легального и нелегального, физического и символического, садизма и мазохизма – в соответствии с направлениями общей трансформации политэкономической и культурно-ментальной архитектуры социального целого, к которой уже принаравливаются сознание и поведение его единиц.

¹ Преступность профессионализируется – ничего личного, просто это наш бизнес. Нарушения законов, которые ранее по умолчанию считались морально ущербными, в новоевропейском обществе вовсе не обязательно квалифицируются таковыми (уход от налогов, экологические нарушения и пр.), а явно морально нечистоплотные действия (кумовство, белая коррупция) находятся вообще вне поля правового регулирования.

² Криминолог Manuel Eisner взял на себя труд подсчитать по доступным документам уровень преступности в Англии XIV в. и в начале 60-х гг. века XX. В первом случае – 24 убийства на 100 тыс. населения, во втором – 0,6 на 100 тыс., и это учитывая радикально разные размеры популяции. См. A History of Violence by Steven Pinker [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edge.org/3rd_culture/pinker07/pinker07_index.html.

³ Распространение на все более широкий круг людей: род → племя → этнос → государство → человечество → жизнь.

⁴ Сокращение, под угрозой талиона, физических посягательств на человека → религиозные запреты на рабство и убийство людей – существ с дарованной Богом бессмертной душой → осуждение любого насилия над человеком, от природы обладающего вечными неотчуждаемыми правами.

⁵ Между: родами, общинами, государствами, идеологиями, цивилизациями.

⁶ Незнакомцы, чужаки, иноверцы, еретики, увечные, маргиналы, аутсайдеры, ненормальные, уголовники, идеологические или классовые враги и т.п.

⁷ Вообще антропологически самая склонная к насилию группа – это мужчины от 15 до 25 лет; замкнутые мужские же в основном коллективы: армейская среда – последние примеры «дедовщины» у нас или насилия, учиненного американцами в Ираке, в тюрьме Абу-Грейб; криминальная среда. Территории без государственного контроля или же вообще развивающиеся страны в режиме догоняющей модернизации – с разрухой в умах и культуре и мн. др.

⁸ Стратегия женского насилия, наиболее символически кодированного и коварного, – создание у мужчины чувства вины и пожизненная его эксплуатация в виде мягкого и настойчивого манипулирования. Самые сильные и умные мужчины, грозные владыки и жестокие деспоты задокументированно испытывали на себе силу женского насилия-власти: Сократ и Аристотель, Марк Антоний и Чингисхан, Сулейман Великолепный и Наполеон. Что же говорить о легионах более простых «подкаблучников»?

⁹ Eible-Eibesfeldt I. (1998), & Salter E K. (Eds.), *Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives*. – New York: Berghahn Books. – P. 51.

¹⁰ Может это в конечном счете и хорошо. Лучше меньше конфликтов, обид, ссор и насилия, которыми чревата жизнь «по правде». Однако надо ведь констатировать и оборотную сторону столь превозносимой толерантности как системы благонамеренного попустительства по принципу «себе же дороже» (быть правдивым, принципиальным и пр.).

¹¹ Велеречиво называемая «золотым правилом» этики, а более прагматистски, по современному: «ты – мне, я – тебе».

¹² Уровень насилия снижается, утверждает А.П. Назаретян: во всех международных и гражданских конфликтах XX в. погибли от 100 до 120 млн. – 1 % живших (10,5 млрд. в трех поколениях), такое же соотношение мы находим в XIX в. – 35 млн. на 3 млрд. Ранее же эта цифра убиваемых была равна 4 %, у австралийских аборигенов – 2%. Согласно данным Human Security Brief 2006, число смертей в войнах между государствами сократилось с 65 тыс. в год в 50-х гг. до менее чем 2 тыс. в первом десятилетии XXI в. См. Назаретян А. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://truemoral.ru/naz_ogl.html.

¹³ Женское насилие не менее, может даже более эффективно, имея "византийский" характер – следствие исторической ситуации позиции слабого, вынужденно-угодливого и оттого двуличного, лицемерного, долготерпеливого, чрезвычайно искусного в плетении кружев замысловатых системных интриг, чрезвычайно мстительного, злопамятного и особого жестокого, прежде всего душевного, насилия. И еще нет таких методик, которые могли бы сравнить последствия мужского и женского насилия для их жертв.

¹⁴ Социальные психологи обнаруживают, что как минимум 80 % людей фантазируют об убийстве тех, кто им не нравится. См.: A History of Violence by Steven Pinker [Электронный ресурс].

Иваненков С.П.,

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы
Российской таможенной академии

Кусжанова А.Ж.,

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский филиал Российской
таможенной академии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Проблема менталитета является одной из центральных в ряду современных актуальных проблем социальной философии. Вопрос о менталитете – его сущности, структуре, специфических и существенных признаках и т.п. – ныне широко дискутируемый. Сейчас сам этап разработки этой проблемы можно охарактеризовать как уровень описания, то есть идет сбор информации, кто и что сейчас по поводу этой проблемы думает, слышал, знает. Все участники круглого стола – одного из первых публичных коллективных обсуждений этой актуальной темы – И.К.Пантин, В.К.Кантор, Г.Д.Гачев, А.С.Панарин и др.¹ – тоже классифицируют

это как проблематику. При этом сегодня отмечается «преобладание полярных суждений», которые « есть следствие, с одной стороны, чрезмерной политической ангажированности, с другой – отвлеченно-спекулятивного характера рассуждений, неизбежного, покуда они ведутся по преимуществу на страницах газетно-журнальной публицистики. И то, и другое преодолимо только при наличии должного академизма и научной основательности, базирующихся на серьезном методологическом и источниковедческом обеспечении. Предпосылки подхода, сочетающего в себе данные качества, на сегодня, думается, можно считать в общем и в целом сложившимися»².

В принципе, соглашаясь с таким утверждением, мы, однако, не согласны с тем, что к « предпосылкам» оказались отнесенными работы и мнения лишь русских философов начала XX в. и позже – эмигрантов. Такая историческая ограниченность в данном вопросе представляется принципиальной ошибкой, поскольку она сужает поиск действительных предпосылок, необходимых для адекватного осмысления реальной истории России, смещает акценты, искажает историческую перспективу.

Не возражая против использования трудов Е.Трубецкого, Н.Бердяева, И.Ильина и других в качестве предпосылок, мы тем не менее подчеркнем, что в данном случае, применительно к проблеме российского менталитета, неоспоримое историческое первенство (с учетом определенного менталитета и оценки ситуации с русификацией) принадлежит не этим авторам, а пионером здесь, несомненно, является П.Я.Чаадаев, которому принадлежит ключевая констатация: «Дело в том, что мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения. Ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом характеризовано, ни один из великих переломов нашей истории не был добросовестно оценен; отсюда все эти странные фантазии, все эти ретроспективные утопии, все эти мечты о возможном будущем, которые волнуют теперь наши патристические умы»³. Согласитесь, что это про нас и наше время.

Возникновение термина «менталитет», авторство которого приписывается Р.Эмерсону, ориентировочно датируется 1856 г.⁴ Но термин еще только рождался, а уже были мыслители, которые пытались понять суть и истоки конкретного, российского, менталитета, формулируя стартовую задачу к пониманию российской специфики. «Одним "философическим письмом", – писал Плеханов о Чаадаеве, – он сделал для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженьями иной трудолюбивый исследователь России "по данным земской статистики" или бойкий социолог фельетонной "школы"»⁵.

Определяя основание, исследование и понимание которого позволило бы вскрыть сущность данного феномена, Чаадаев обращает внимание на особые моменты развития того или иного общества: «Серьезная

мысль нашего времени требует прежде всего строгого мышления, добро-совестного анализа тех моментов, когда жизнь обнаруживалась у данно-го народа с большей или меньшей глубиной, когда его социальный прин-цип проявляется во всей своей чистоте, ибо в этом – будущее, в этом элементы его возможного прогресса»⁶.

Таковым особым моментом русской истории он считал эпоху Петра I, деятельность которого и была объектом его пристального анализа. Если верить советским учебникам истории и мнению С.Соловьева, которые сходились в том, что эпоха петровских реформ была переворотом, с ко-торого началась Россия, в отличие от допетровской Руси, то «мы должны обратиться к предшествующей ему истории русского народа, допроситься у нее, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошел этот переворот, для чего понадобился»⁷.

Выработка теоретических принципов и подходов к выявлению гра-ниц и признаков, сущности российского менталитета шла непростым пу-тем, и процесс еще не завершен сегодня. Славянофильство и западни-чество в своей аргументации и поисках места России не смогли уйти дальше отрывочных суждений и иллюстраций из художественной литера-туры, «лубочного» или скептического описания фрагментов народного быта. Но если искомое понимание сути российской специфики невозмож-но получить без анализа особых моментов, характеризующихся интен-сификацией социальной жизни, то нельзя не отметить, что историческая верификация предлагавшихся воззрений свершилась – как это ни пара-доксально – в XX в., в горниле трех революций и последующих за ними событиях России и СССР. А это значит, что понять судьбу России невоз-можно без осмысления ее событий всего XX в., особенно первой четвер-ти, а также и событий начала XXI в. Следовательно, хотим мы того или нет, но необходимо для этого соотнестись с работами ученых, по-разному оценивавших и исследовавших процессы (все – от экономиче-ских до религиозных), происходившие в стране.

Вторым существенным основанием для понимания российской спе-цифики Чаадаев указал «факт, который властно господствует над исто-рическим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, ко-торый проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определя-ет характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»⁸. В этом факторе, безусловно, – один из краеугольных камней основания так и не родивше-го еще россияне учения о природно-социокультурном обра-зовании. Это «бессилие» Л.Н.Гумилев преодолел, положив географиче-ское начало как осмысленное отношение к человеку, его природе и дея-тельности, тем самым конкретизировав в данном направлении биосоци-

альную природу человека. Но в целом проблемы русской истории Гумилев не решил, а лишь поставил, и не случайно у него свой «таинственный» и «трудноопределимый» источник – пассионарность.

Между тем со времен Чаадаева, несмотря на появление и широкое продвижение попыток понять и наполнить содержанием понятие «российский менталитет», мы и сегодня не ушли далеко, хотя перипетии отечественной истории не раз и не два ставили проблему понимания этой судьбы и ее причин в разряд наиболее злободневных. Но вся беда в том, что по-прежнему в реальностях российского менталитета никто систематически не разбирался. Не было попыток опереться на факты, способные подтвердить рассуждения о том или ином историческом типе российской ментальности русского (российского) народа ни у русских, ни у русско-советских философов. Процедура верификации общих рассуждений о менталитете российском делалась практически невозможной запретом социологии, неразвитостью социальной психологии, убожеством статистики, идеологическими табу и т.п. Сейчас появились первые ростки фактологической базы. Первые факты говорят о разном, например, о деградации нации⁹, но по-прежнему оставляют открытым вопрос о ее специфических чертах как нации, вопрос, ответ на который еще долго не будет найден на пути умозрительных построений.

Задача пристального научного исследования содержательных характеристик нашего отечественного менталитета по-прежнему не находит достаточного круга энтузиастов, хотя такие попытки известны. Начало XX в. для России было бурным и трагичным, как, кстати, и ожидания его конца окрашены были в те же тона. Крайности оценок российской реальности того времени обнаруживаются у представителей русской религиозной философии, чьи рассуждения, по замечанию В.В.Розанова, носят умозрительный характер и отличаются пренебрежением ко всему конкретному живому. Образованные россияне начала века спешили выразить свое пренебрежение к «проклятой России», но в противовес им народники и марксисты – каждые по-своему – искали пути реального и духовного освобождения народа. Последние сосредоточились прежде всего на анализе материальной составляющей жизни и быта, в то время как философы-немарксисты говорили о духе, русской душе и т.д. И все это было как бы многофокусным отражением реалий исторической ментальности российского народа. В советское время нам стремились показать только одну точку отсчета, сейчас мы имеем возможность взглянуть на другие. И важно подчеркнуть, что при этом бросается в глаза базовая ограниченность и религиозных, и марксистских философов, осмысливавших судьбы российского = русского = православного народа. Так, Средняя Азия и Казахстан умышленно ими специально не рассматривались, и В.И.Ленин, например, в работе «Развитие капитализма в России»

говорит об этом прямо: «Мы берем главным образом и почти исключительно данные о внутренних, чисто русских губерниях»¹⁰.

Но Г.В.Плеханов, а затем В.И.Ленин и другие марксисты, показав, что они понимают под понятием «эпоха» в отличие от «метафорического» употребления его у других мыслителей, дали четкое определение этого понятия, и тогда российский менталитет начал приобретать исторические контуры, зависимые от характера эпохи. Марксисты доказали, что центр исторического развития России в их эпоху переместился из деревни в город, а потому сосредоточили внимание на пролетариате и его менталитете. Этим переносом акцентов понятие «народ» впервые было операционализировано не в плане противопоставления правящим элитам, группам, классам, а дифференцировано внутри самого себя, что дало мощный импульс к пониманию механизмов динамики общества. «Что бы ни говорили об исключительном будто бы, земледельческом характере современной России, – писал Плеханов, – несомненно, однако, что "деревня" не может привлечь к себе всех сил нашей революционной интеллигенции... Пока у нас нет рабочей партии, "городские" революционеры поневоле обращаются "к обществу", так что фактически они являются его революционными представителями. "Народ" отодвигается на задний план, а этим не только замедляется установление связи между ним и интеллигенцией, но нарушается и существовавшая прежде связь между "сельскими" и "городскими" революционерами самой интеллигенции»¹¹.

Плеханов не случайно взял «общество» и «народ» в кавычки. Эти понятия нельзя определить, пока нет для этого основания, прежде всего деятельностного, и до того времени они суть лишь слова. Однако, несмотря на дальнейшие попытки и усилия, даже самые правильные и привлекательные рассуждения, встречавшиеся у представителей тех или иных философских течений, так и не смогли «раскавычить» эти термины и ответить на вопрос: «Что за общество сегодня в России, что за народ ее населяет?».

Наряду с исторической наукой сейчас (как и на рубеже XIX–XX вв.) усиленно разворачивается религиозно-культурная позиция в интерпретации всей русской истории (нередко с акцентировкой ее нравственно-религиозного аспекта). Нравственные и религиозные нормы, как известно, формируются в процессе длительном, и это обстоятельство чуть ли не автоматически превращает их в предмет исторических изысканий. Претензии религии на часть истины не менее основательны, чем претензии науки. Но встает резонный вопрос, а насколько само религиозное сознание, являясь частью культуры, исторично, так ли непрерывно оно сохраняло свои собственные ценности и транслировало культуру народа, как это пытаются утверждать?

Е.Трубецкой, которого трудно обвинить в пристрастии к атеизму, марксизму и т.п., описывая «явление» рублевской «Троицы» при рестав-

рации, отмечает: «...пришлось снять с иконы несколько последовательных слоев записей, чтобы добраться до подлинной древней живописи, после чистки икону опять заковали в старую золотую ризу. Открытыми остались только лик и руки. Об иконе в ее целом мы можем судить только по фотографии». А далее размышления приводят его к широким нравственным обобщениям: «Судьба прекраснейших произведений древнерусской иконописи до недавнего времени выражалась в одной из двух крайностей. Икона или превращалась в черную, как уголь, доску, или заковывалась в золотую ризу, в обоих случаях результат получался один и тот же – икона становилась недоступной зрению. Обе крайности в отношении к иконе, пренебрежение, с одной стороны, неосмысленное почитание – с другой, свидетельствуют об одном и том же: мы перестали понимать икону и по тому самому мы ее утратили. Это не простое непонимание искусства, в этом забвении великих откровений прошлого сказалось глубокое духовное падение. Надо отдать себе отчет, как и почему оно произошло»¹².

На наш взгляд, здесь затронута реальная и очень значимая проблема. Ведь замалевать или закрыть Рублева – это практически то же, что взорвать церковь, – и с эстетической, и с религиозной точки зрения эти явления однопорядковы. А значит, на Руси до определенного времени вообще не было критериев оценки значимости исторической судьбоносности явлений, в том числе и собственной истории. Следовательно, в действительно существующем историческом сознании народа, общества, индивида нет монотонно нарастающей составляющей прогресса, там с неизбежностью будут существовать – и реально существуют – разрывы и провалы, которые периодически возникают, ставя проблему изучения их возникновения, а затем – если это возможно – и преодоления. Стало быть, историческая составляющая национального менталитета содержательно являет собой специфическое образование, не идентичное историческому знанию, зафиксированному в летописях и исторических повествованиях.

Сказанное выше означает, что само историческое сознание не есть монотонное и гладкое отражение исторического процесса. Цивилизованное отношение к собственной истории есть продукт значительно развитого общества и его исторического сознания в том числе. При такой постановке вопроса становятся невероятно понятными и доходчивыми слова Чаадаева: «Пятьдесят лет назад НЕМЕЦКИЕ УЧЕНЫЕ открыли наших летописцев». А также: «Было бы преувеличением не воздать должного этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утешает ЗА ПУСТОТУ НАШИХ ЛЕТОПИСЕЙ»¹³.

Истории Карамзина, Ключевского, Соловьева были мощными трудами, которые удовлетворили и сформировали в русском обществе потребность в знании собственной истории, но вот в каких слоях и кругах – это вопрос особый. Так, Ключевский отмечал: «Спросите у любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека, когда

жил преподобный Сергей и что делал он для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ, но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно»¹⁴.

В этих словах заложен глубокий смысл, указывающий на взаимосвязь исторических событий с ценностными установками, определяющими действия людей. Роль исторического сознания в формировании качественных и содержательных характеристик менталитета того или иного общественного образования является одной из самых значимых. Не случайно периодически в том или ином обществе – частью осознанно, а частью неосознанно – разворачивается «борьба за историю», причем довольно жесткая, невзирая на попрание – будь то научно-теоретическая, политическая, идеологическая и любая другая арена. Достаточно упомянуть в одном ряду замену государственного праздника 7 ноября совсем другим праздником 4 ноября и якобы «Исторические хроники» Сванидзе, транслируемые на всю страну.

Почему Французская революция является Великой, а российской Октябрьской отказано в этой характеристике? Уже в одном этом обстоятельстве можно увидеть стремление определенных социальных групп (в том числе и националистических, разных мастей, за рубежом) принизить роль и значение Октября 1917 г. как благородного порыва и прорыва русского народа к новым социальным ориентирам и ценностям, сохранению и приумножению в одновременном акте своих собственных исторически сложившихся коллективистских (пусть объективно патриархально-феодальных) ценностей (русский утопический социализм). Гораздо выгоднее – и в тактическом, и в стратегическом планах – объявить большевиков и Ленина злодеями мирового масштаба, которые-де заманили и обманули народ.

Первая мировая война явилась лучшей верификацией понятия «народ». Ее события показывают, как формировались представления о социально-классовой базе этого понятия. Они, в частности, объясняют и тот факт, почему именно трудящимися массами связывали свое понимание народа представители русской социал-демократии. Именно благодаря большей операциональности марксистского понятия «народ» большевикам в свое время удалось «оседлать» революционную волну, хотя и у них позиция не всегда была адекватной, в силу особой классовой нагруженности. Приведем несколько исторических примеров, для большей объективности предоставив слово журналистам «Биржевых ведомостей», которые, как известно, не принадлежали к числу марксистских теоретиков.

В конце июня 1915 г. они сообщают: «Война, всколыхнув деревню, разорвала тот круг, в который были замкнуты интересы деревни, и связала деревню с миром. В результате небывалый наплыв в деревню газеты. Газета стала «хлебом насущным». Газеты выписывают теперь «без

исключения в каждой деревне» в том числе и «те, которые чуть только умеют читать». За недостатком средств газеты часто выписываются вскладчину обществом. Вместе и читают, и обсуждают прочитанное, собираясь, в облюбованной хате. В одной деревне крестьяне наняли избу, где и собираются ежедневно читать газету, обсуждать военные события»¹⁵.

В этом факте важно отметить, что деревня реально встала на путь осознания себя и своего места в мире и Отечестве. Тем самым она вышла в позицию осознания своей судьбы в единстве с судьбой страны. Посылая своих отцов, мужей, сыновей на войну и переживая за них, она устремилась к более широкому миру, нежели деревня или община. При этом, отметим деталь, в это кризисное военное время самим народом была найдена форма и просвещения, и соучастия в общей судьбе Отечества. Как видно, изба-читальня, изобретение которой впоследствии было приписано ленинской культурной революции, появилась задолго до этой вышеназванной революции и была детищем политической активности народа. В таких акциях формировалась и проявлялась «народная» природа русского крестьянства. Главное, до чего дошел в этом процессе крестьянин как часть народа, – это осознание причастности и ответственности за общую судьбу. И он был готов подставить свое плечо для спасения Отечества, а не только себя. В.И. Ленин это хорошо почувствовал, понял и в нужное время облек в знаменитый лозунг-призыв: «Отечество в опасности!».

По свидетельству тех же «Биржевых ведомостей», и другая часть «народа» – рабочие – также выразила готовность работать на Отечество. 22 июля 1915 г. газета сообщала, что в военно-промышленный комитет поступило заявление от группы московских рабочих-токарей, которые предлагают «безвозмездно работать в деле изготовления снарядов по ночам»¹⁶. Таким образом, и здесь инициатива в рождении прообразов будущих коммунистических субботников принадлежала трудящимся еще до революции.

Следовательно, «низы» в эти критические для страны моменты проявили свои лучшие патриотические чувства, которые присущи российскому менталитету и характеризуют его на протяжении всей истории существования государства российского. А что же «верхи»?

Опять слово очевидцам: «Война вызвала усиленный спрос на дорогие дамские материи и шелк. До войны дамские моды были значительно скромнее, чем сейчас. Нужно ли сказать, что это в высшей степени ненормальное и прямо уродливое явление? Неужели для наших дам прошел совершенно незамеченным тот факт, что в самом начале войны дамы высшего английского общества первым делом занялись упрощением моды»¹⁷. Этот «пир во время чумы» не только показал, что русские «верхи» оказались оторванными от судеб страны и народа, но он обозначил раскол в массе населения России, расхождение в готовности различных социальных групп взять на себя бремя ответственности за ее будущее. И это обстоятельство рано или поздно должно было проявиться во всей своей тотальности.

Результат не замедлил сказаться, сначала в феврале, а затем и в октябре 1917 г. Тогда «верхи» не смогли понять свой народ, а народ не захотел принять безответственность «верхов». (Заметим, что сегодня политическая элита страны страшно далека от народа: когда наследника Британского трона срочно из-за журналистских выходок эвакуировали из Афганистана, наши журналисты провели специальное исследование и выяснили, что никто из отпрысков нашей политической элиты, сформировавшейся после 1993 г., не то что не принимал участие в боевых действиях в горячих точках страны, но даже в армии не служил. Как говорится – без комментариев!) Таким образом, Октябрьская революция в полной мере продемонстрировала миру одновременно весь позитив и весь негатив, которые веками копились и хранились в русском народе. Поэтому у нас есть все основания считать Октябрь великим событием не только нашей истории.

Равноположенными и также понятными являются попытки вытравить характеристику «Великая» из истории отечественной войны 1941–1945 гг. С точки зрения российского сознания – и не мещански ограниченного, а нравственно-ценностного – это кощунственное действие, прикрываемое лозунгом псевдообъективизма. Из факта, что Советский Союз и Сталин готовились к войне наступательной (малой кровью и на чужой территории), о чем знал каждый советский человек, с помощью «научно-объективных» манипуляций¹⁸ делается очередная сенсация и попытка перевернуть и переписать реальную историю. Но война, пережитая и прожитая советским народом, в его собственных ощущениях и намерениях не была ни захватнической, ни преступной. Ее историческое восприятие вполне согласовывалось с традиционными ценностями российского менталитета, она была для него актом справедливости и самозащиты. Поэтому ее новая трактовка – это интеллектуальный изыск, лежащий за границами данной конкретной ментальности.

В трагических коллизиях российской истории XX в., в подсчетах жертв индустриализации и коллективизации ныне усматривается лишь вина «утопического идеала коммунизма», во имя достижения которого были принесены в жертву миллионы жизней. Но «американская утопическая мечта» не была «коммунистической», и, возможно, поэтому сегодня стыдливо умалчивается цифра истребленных индейцев, ставших платой за ее реализацию? Примеров таких несоответствий для желающих разобратся в реалиях отдаленного и недавнего прошлого немало.

Мы сейчас переживаем период складывания национальной целостности, в явном виде впервые поставив себе эту проблему после десятилетий коммунистического интернационализма, соответственно впервые, может быть, за последнее время возникла реальная возможность отстоять стержень российской ментальности. Но тогда возникает проблема: как развести российский и русский менталитет? Сейчас зачастую отде-

лить российское, скажем, от башкирского, невозможно. Но ведь Россия не отказывается от русскости. И, как представляется, российское – не есть механическая совокупность характеристик народностей, Россию населяющих. Вдумаемся: когда мы говорим о башкирах, которые присоединялись к русским, в этом есть какая-то механическая разделенность; а когда о российском менталитете – в нем нет ничего русского, противопоставленного башкирскому. Но все же как тогда понимать связь с русским языком, что никем не отрицается как существенная черта российской ментальности? А что тогда есть культурно-национальная автономия?

История дает нам совершенно различные примеры того, какими факторами определялась национальная самоидентификация того или иного народа, по каким критериям относил он себя к той или иной истории, обществу, стране. Что сохранило болгар, помнивших, что они болгары и славяне, под тысячелетним турецким игом? Территория обитания и история этой территории? Но у евреев не было территории, а была одна история. Именно такие экстремальные ситуации и показывают, что некая реальность – а именно национальный менталитет – существует и как-то воспроизводится во вполне реальных феноменах и институтах. В экстремальной ситуации – того же еврейского народа, например, – он воспроизводился в культуре, религии и образовании (в письменности, языке).

Но что особенно примечательно: когда происходит самоидентификация людей с какой-то общностью, тем или иным национальным образованием, то при этом в очень большой степени значимы их отношение или ценностная квалификация того, куда они себя стараются отнести. И старания эти направлены на приобщение к лучшему или значительному. Те же болгары – если историческая память зафиксировала какие-то громкие исторические деяния, связанные именно с болгарам, то они будут под любым игом помнить, что они были, есть и будут представителями того замечательного и достойного народа, давшего истории эти известные подвиги. То же евреи: каким бы гонениям повсюду они ни подвергались, они помнят, что они есть тот самый избранный народ, у которого были и знаменитый мудрец Моисей, и Библия, и божий завет. То есть для менталитета должна быть история. Но не любая и вся, а значимая. И для исторического сознания, оседающего в ментальные конструкции, не последовательность и хронология важны, а значимость тех или иных исторических событий.

Современные итальянцы после стольких завоеваний и этническо-исторических смешений и сегодня называют себя не иначе как наследниками Великого Рима. Потому что Великая Римская империя в исторических анналах осталась как некий бессмертный символ национального – военного, культурного, исторического и т.д. – величия. В менталитете история неотделима от гордости за свою общность, за свой народ, «за своих». И таких примеров очень много.

Все знают, что Ярослав Мудрый – это с зрения истории явление. Начиная с его достойного княжения, сильной и мудрой политики, и кончая тем, что он – отец трех европейских королев. Но почему он русский князь? Его с таким же успехом можно было назвать украинским или византийским царем. Но где-то осело – в письменных источниках или устных, что он русский. И хотя княжил он на территории современной Украины, однако же мы говорим, что это Древняя Русь и он – ее история. И суть здесь отнюдь не в территории, а в том, как увязывается национальное единство с какими-то значимыми событиями или явлениями. Современные монголы ставят памятники Чингисхану, обосновывают свое родство с ним, поскольку «тоже» монголы. Равным образом Александр Македонский – чьей истории он принадлежит? Греки, от Эллады которых ничего не осталось, относят себя все же к народу и стране того прекрасного периода, с которого ведет историю вся европейская культура. И, без сомнения, Македонского, который от имени Эллады завоевал полмира, они будут считать греческим царем, а вместе с ним причислят его славу и величие к достоянию собственной истории и собственного народа. Македонцы сделают то же самое. Поскольку за ним есть нечто великое, исторически значимое, постольку и за «приобретение» его в собственную историю будут бороться все имеющие хоть малую надежду и оправдание этому. Механизм формирования и воздействия ментальности здесь тот, что нечто приживается или принимается, если есть к нему чувство сопричастности. Причем оно либо культивируется, либо воспроизводится, либо реально происходит.

Кто сегодня вспомнит День Бородина или Полтавы? Но они существуют в сознании (менталитете) русского народа как символы русского (российского) величия. Можно ли сегодня относиться к Бородино так же, как к битве под Сталинградом? Вопрос риторический. Большинство не знают и даты Сталинградской битвы, хотя она у всех на слуху и обязательна в школьном курсе истории. Значит ли это, что для появления исторического сознания надо тренировать память? Нет! Для менталитета важно чувство, вызываемое данным событием, а дата не важна, не существенна. Здесь тоже должен работать иной, нежели академический, принцип. Но он должен быть социокультурным, культуросообразным. И только ли профессиональное сообщество историков является хранителем и формирователем исторического сознания народа?

Историческая верификация содержательных характеристик российского менталитета произойдет не ответом на вопрос, скажем, когда произошла битва под Полтавой, а выделением того ядра, то есть наиболее признанного и повторяющегося многократно ответа на вопрос: «Что бы Вы выделили как наиболее характерное проявление русского духа и в каких ситуациях?» И там обязательно многое совпадет – вспомнят и что шведов били, и Наполеона, и немцев в Великую Отечественную. И нор-

мально поставленная проблема здесь – это не какие даты помнят люди, а с чем они связывают свое определение и самоидентификацию как личности: Куликово поле или строительство Петербурга, открытие периодического закона или завоевание Сибири... Но здесь как раз любое профессиональное сообщество, которое хочет зацепиться за менталитет, – не важно, кто они, физики, химики, математики, – должно нащупать тот крючок в ментальной конструкции, который будет использован для того, чтобы их профессиональные знания были востребованы этой ментальностью.

Такой период мы в своей истории проживали. Когда говорили, что всю науку создали Лебедев, Мечников, Сеченов, Ломоносов и т.д. Это была примитивная попытка представить всю совокупность возникновения научных знаний как процесс, имеющий собственные корни в русской традиции. Она была связана тогда с вполне определенной идеологической установкой, что все, что произведено, или производится впервые у нас, или уже у нас было. Установка – фактически славянофильская. Но что интересно, ведь в целом считалось, что в советский период в России (точнее, в СССР) господствовал марксизм, а по наиболее расхожей квалификации марксизм – это западническая конструкция. Но поскольку в это время страну отделяют от Запада железным занавесом, то и развернуться в ней должна – по господствующей идеологии (марксизму) – западническая тенденция. А на деле разворачивается славянофильская посылка и внутри этого замкнутого занавесом пространства ищутся собственные корни. Мимо этого, как правило, все исследователи проходят, разводя эти платформы и говоря обычно, что это славянофильство или западничество, и при этом не анализируя собственную российскую историю, в которой наблюдается этот внутренне противоречивый культурологический феномен. А если посмотреть на нашу советскую историю, то это – стремление закрыться внутри собственной китайской стены, то есть на деле – «китайщина».

Если же мы отождествляем менталитет и национальный характер и считаем, что это рядоположенные понятия, то стоит ли еще рассуждать о некоем туманном источнике традиции или еще о чем-то неуловимом? В то время как те, кто занимается серьезно и упорно национальным характером, уже давно его разложили. Так, американские психологи оценивают около 80% наследственных черт характера. По данным Р.Пэка, в нем 50% дает мать, 28% – отец, 6% – братья и сестры, 4% – другие члены семьи, 6% – сверстники, 3% – школа и другие общественные институты, включая церковь, 3% – другие взрослые, 0,3% – замещающий жизненный опыт.¹⁹ То есть имеется ментальная модель индивида, а через нее – ментальная обобщенная модель национального характера. И каждому индивиду через различные определенные формы воздействия на него прописывается его место.

Историко-логический подход к исследованию феномена российской специфики требует основания, с которого могут быть рассмотрены все

процессы, происходящие в России. Подходя к проблеме исторически, необходимо для начала определить адекватную историческую рамку, способную дать понять, что с Россией происходило и происходит. Здесь можно долго спорить, с чего начать, что есть для истории 15–20 лет, надо ли начинать «с семнадцатого года» или с Ивана Грозного, или – в соответствии с наметившейся в последнее время тенденцией – принять более широкие исторические рамки – столетия или даже тысячелетия.

На наш взгляд, сегодня пока наиболее плодотворным является путь интеграции всех этих попыток в систематическое целое, поскольку никто из разделяющих ту или иную точку зрения ныне не может претендовать на исчерпывающую истинность своих суждений. Объединив же их, можно будет очертить границы, в рамках которых возможно осмысленно оценивать те или иные периоды, эры, эпохи. Здесь неуместен чисто хронологический подход. 10 лет, 100 лет, 1000 лет – это пустой звук, если не наполнить их социальным содержанием, и, соответственно, нельзя сказать, много это или мало, значимо или нет. О.Шпенглер, характеризуя античное отношение к истории и времени, отмечал: «Появляющиеся очень поздно попытки греков создать себе, по образу египтян, некоторое подобие календаря или хронологии поражают своей наивностью. Счет времени по олимпиадам не есть эра, подобная, например, христианскому летоисчислению, и был только литературным паллиативом, мало привычным для народа... Тот факт, что точная датировка событий какой-нибудь «тroyанской войны», отвечающей по своему положению периоду наших крестовых походов, показалась бы прямо вразрез со стилем, обнаруживает сказочно-детский характер античной исторической картины»²⁰.

Два акцента напрашиваются в связи с этим. Во-первых, известно, что в обществе действует свое, социальное, время, и оно не может измеряться – да и не измеряется – чисто хронологически; во-вторых, чтобы определить свою позицию не в рамках сказочно-детской картины мира, не в рамках определенной мифологии, по Лосеву (см. А.Ф.Лосев «Диалектика мифа» – о смене одной, буржуазной, мифологии, другой, пролетарской), а в рамках «должного академизма», надо задать (исследовать), какие процессы и на каком этапе их развития присутствуют сегодня в нашем типе социальности. Но наша историческая наука все еще во многом пребывает в том самом состоянии сказочно-детской наивности, потому что до сих пор не отважилась на главный для науки шаг – постоянно выдвигать гипотезы и заменять их другими, более совершенными, если есть на то основания.²¹

Однако временная положенность, шкала вечности все равно должна быть предзадана. Где она должна быть положена? Мы вряд ли сможем найти сейчас в истории пример некоего положенного вечно в менталитете свойства. Например, наш народ добр. Но какой народ и когда с собственной, внутренней точки зрения когда-нибудь оценивал себя как недоб-

рый? Нет такого. Здесь мы и обнаруживаем, что в менталитет как внутри оцениваемую целостность, не выходящую за ее границы, положены вне-временные ценности. А когда они разворачиваются во времени, с ними происходят довольно своеобразные метаморфозы. Например, «добрый русский народ» пошел и завоевал шестую часть земли. «Добрые американцы» в течение века в четыре раза увеличили свои владения. Стоит ли продолжать про «добрый британский народ» и т.д.? Хотя есть, конечно, трудолюбивый японский, гостеприимный русский, упорядоченный немецкий и т.д. народ. Но это исторически сравнительные характеристики, исходящие из какой-то универсалистской системы оценок, имеющей к тому же весьма мифологизированную основу.

Здесь не надо сбрасывать со счетов, что, например, японцы узнали, что они желтая раса, из чужих источников, равным образом как и то, что они трудолюбивы. О невероятной способности к подражанию и легкости отказа от собственных национальных корней русские тоже больше слышаны от европейцев. Однако русский менталитет при этом, например, так и не позволил никогда принять византийское христианство, которое прижилось на Руси в язычески-трансформированном виде. Научной объективной верификации многих характеристик никто не попытался произвести. Но тем не менее все народы в собственном менталитете все равно оценивают себя этими же шкалами: добрые, порядочные, справедливые. И специфика ментального конструкта состоит в том, что он упорядочен внутренним образом.

А вневременность – его характерная черта, возникающая только тогда, когда при наличии внутреннего еще нет внешнего, сравнения, а значит, в рамках этого целого – как, например, у изолированных народов – оно одновременно является и внутренним, и внешним. Тогда у народа и складывается представление о себе самом, которое транслируется устной традицией в основание собственного ментального ядра, до начала внешних контактов. С появлением же последних и разделением на «свое» и «чужое» это поле взаимодействия внутреннего с внешним становится проблемой: вы белые или желтые, а мы трудолюбивые или нет?

Замечено, что когда происходят различные модернизационные катаклизмы, то внедрить всякую инновацию мешают или способствуют, искажают ее или модифицируют такие условия и факторы, которые входят в менталитет. К примеру, японский менталитет и японская традиция сломали неоднократные попытки американской модернизации, несмотря на очень мощный напор. Соответственно, имея инновационные намерения, мы оцениваем, что удастся в конкретно этих условиях реализовать, а что нет, что пройдет или не пройдет. И если возникает необходимость какого-то социального преобразования, то нас с той же необходимостью должно интересовать то, что это понятие – менталитет – может выполнять операциональную функцию, то есть позволяет анализировать некую

ситуацию, которая без него не анализируется, соответственно, не понимается адекватно и т.п. В связи с этим проблема менталитета ставится в двух аспектах: первый – на какие ментальные конструкторы можно опереться, модернизируя социальную жизнь, ту или иную ее сферу, знаем ли мы их, адекватно ли оцениваем и можем ли использовать; второй – какие инновации при этих условиях будут иметь успех, какие – нет или будут трансформироваться ввиду объективного наличия этих устойчивых ментальных конструкций, то есть необходимо четкое осознание того, что мы должны учитывать, пытаюсь проводить ту или иную модернизацию.

Например, такая социальная сфера, как образование, тесно связанная с ментальными реалиями. И здесь сразу – предмет для размышлений. Российский менталитет не дал прижиться в России образованию как совокупности систем научных знаний, не позволил сформироваться такой ценности, как систематически-научно обоснованный профессионализм. Формально образование у нас имеет очень высокий уровень распространения – количество выданных инженерных, медицинских, педагогических и прочих дипломов у нас вполне на уровне ведущих стран мира. Но то, что изучалось, а точнее, сдавалось в вузе, в самой незначительной мере влияет на отправление реальных должностных функций выпускников вузов впоследствии, в их профессиональной жизни.

Эта проблема совсем не нова, она существовала уже в дореволюционной России. И как реакция на нее, продиктованная ощущением и пониманием несоответствия дипломированного образования реальному культурному содержанию, приобретаемому учащимися в казенных учебных заведениях, стали возникать во второй половине XIX в. так называемые вольные учебные заведения, предоставлявшие слушателям возможность лишь по собственному желанию получать образование, то есть удовлетворять свою потребность в освоении культуры безо всяких обязательных дисциплин и экзаменов, но при этом не дававшие никаких дипломов, а вместе с ними – никаких формальных статусов и гарантий казенных должностей. По словам К.А.Тимирязева, истинное образование, «свободное от всякой китаищины»²².

Подход, на наш взгляд, был очень плодотворным. Хочешь образовываться – приходи. Вот тебе аудитории, вот – лучшие преподаватели, вот – лаборатории, вот – библиотеки. Но образование ради него самого, а не ради тех пожизненных благ, с которыми связывался статус, приобретаемый вместе с дипломом. Никаких дипломов и никаких казенных государственных мест: образовываться, а не воспроизводить «дипломированное невежество».

Но Россия и до сего дня в этом отношении – «китайская» страна. Она обращает внимание на диплом и не обращает на то, что остается (или прибавляется) в самом человеке от этого диплома. Причем это на удивление устойчивая отечественная характеристика. Ведь в 1918 г. на

совещании по реформе высшей школы заместитель наркома по просвещению М.Н.Покровский изложил основные принципы реформы высшей школы в советской России. Тогда предполагалось уничтожение дипломов как для поступления в университет, так и при окончании университета; уничтожение ученых степеней для занятия кафедры и т.д. Куда все подевалось? У нас опять переводные экзамены чуть не с первого класса, вступительные, переводные, выпускные – и везде бесконечные аттестаты, дипломы, свидетельства, удостоверения, справки, сертификаты... Что опять нас заставило вернуться к казенной аттестации, которая ничего реально не отражает, что, кстати, положив руку на сердце, является секретом полишинеля? Известно, что наши дипломы не котируются, а их обладателей практически во всех странах подвергают переучиванию или переэкзаменовке (за исключением фундаментальной науки). А вся эта канитель – из-за того, что нам иначе нечем формально подтвердить тот уровень образованности, на который затрачиваются государственные средства (и не такие уж малые в абсолютном выражении), но которого реально нет. А средства затрачены, время пройдено – надо отчитываться. И сейчас «болонизация» высшего образования – это не только нехватка денег, но отчасти и понимание того, что огромные средства уходят неэффективно и образованности реальной наше образование сейчас не дает.

Что ожидает Россию завтра – во многом зависит и от того, какие знания и какие иллюзии питает народ российский о себе, своей истории и государственности. Ныне народ безмолвствует, радуется, что еще жив, если вообще задумывается об этом. Есть ли у России историческая перспектива – ответ лежит и в углубленном исследовании прошлых ментальных конструкций, и в ментальности сегодняшней.

¹ См.: Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С.25–53.

² Шаповалов, В.Ф. Россиеведение как комплексная научная дисциплина / В.Ф.Шаповалов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С.39.

³ Чаадаев, П.Я. Апология сумасшедшего / П.Я.Чаадаев // Чаадаев, П.Я. Статьи и письма. – М.1987. – С.141.

⁴ Современная западная философия : словарь. – М.,1991. – С.177.

⁵ Плеханов, Г.В. Сочинения: в 24 т. / Г.В.Плеханов. – М.-Пг.,1925. – Т.10. – С.135–136.

⁶ Чаадаев, П.Я. Указ. соч. – С.142.

⁷ Соловьев, С.М. Публичные чтения о Петре Великом / С.М.Соловьев. – М.,1984. – С.13.

⁸ Чаадаев, П.Я. Указ. соч. – С.146.

⁹ Морозова, Г.Ф. Деградация нации – миф или реальность? / Г.Ф.Морозова // Социс. – 1994. – №1.

¹⁰ Ленин, В.И. ПСС. – Т.3. – М., 1970. – С.5.

¹¹ Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения / Г.В.Плеханов. – Т.1. – М.,1956. – С.366.

¹² Трубецкой, Е. Умозрение в красках / Е.Трубецкой // Три очерка о русской иконе. – Новосибирск,1991. – С.96–97.

¹³ Чаадаев, П.Я. Указ. соч. – С.145.

¹⁴ Ключевский, В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В.О.Ключевский // Исторические портреты. – М.,1990. – С.64.

¹⁵ Биржевые ведомости. – 1995. – № 26, июнь. – С.12.

¹⁶ Биржевые ведомости. – 1995. – № 29, июль. – С.6.

¹⁷ Чаадаев, П.Я. Указ. соч. – С.12.

¹⁸ См.: Суворов, В. Ледокол / В.Суворов. – М.: Новое время, 1993.

¹⁹ См.: Воробьев, Г.Г. Легко ли учиться в американской школе? / Г.Г.Воробьев. – М.,1993. – С.21.

²⁰ Шпенглер, О. Закат Европы / О.Шпенглер. – М.-П., 1923. – С.8.

²¹ Лосев, А.Ф. Из ранних произведений. – М.,1990. – С.413.

²² Тимирязев, К.А. Наука и образование / К.А.Тимирязев. – М.,1963. – С.370.

Марцева Л.М.,

доктор исторических, доктор философ-
ских наук, профессор

Омский государственный университет
путей сообщений (г. Омск)

РОССИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ С ПОЗИЦИЙ МЕТОДОЛОГИИ ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМА

Актуализация методологии идеал-реализма в познании современного мира, на наш взгляд, равно открывает путь к *целостному* знанию в естественнонаучных, гуманитарных и технических исследованиях. Более того, российский научный дискурс новейшего времени уже во многом содержит основанием исследований идеал-реализм, в частности принцип воссоединения веры и знания, науки и религии, подкрепление аналитики ссылками на фундаментальные библейские и богословские тексты. Примером тому являются работы философов Ю.В.Мамлеева, А.С.Панарина, А.П.Ветошкина, В.И.Копалова, Н.М.Чуринова, А.И.Некlessа, В.М.Князева, В.И.Большакова и др.; историков Л.Н.Гумилева, В.Б.Перхавко, Н.А.Нарочницкой, В.Б.Шепелевой, В.И.Липатниковой и др.; экономистов Н.Н.Зарубиной, В.Н.Лаврова, К.П.Стожко, А.М.Меняйло, В.Н.Подшивалова и других. Это лишь немногие имена в современном отечественном научно-гуманитарном дискурсе ученых, сверяющих с православным вероучением свои научно-исследовательские позиции.

Можно уверенно сказать, что атеистическая «парадигма» не удовлетворяет познавательных потребностей социально мыслящих ученых и даже у конъюнктурной науки выходит из моды. Фактом является то, что ни качественное состояние, ни тенденции развития страны не имеют сегодня внятного научного объяснения. Осмысление очередного мучительного перехода к стратегии развития России в XXI в., как и вообще «постижение» (А. Тойнби) ее истории, ставит потрясающий воображение во-

прос: чего хочет наш народ? Монархия – плохо («Долой царя!»), анархия – плохо (результат гражданской войны – «Долой всех!» и полная власть большевиков), социализм – плохо («Долой КПСС!»), либерализм – плохо («Долой либералов!» – итоги думских выборов 2007 г.). Чего мы хотим? Ведь цена жертв исторических «встрясок» неисчислима, если ее оценивать по критериям земного бытия. Но Ф.И.Тютчев не напрасно и не случайно оставил нам в наследство способ и/или методологию «постижения» России – «умом не понять», надо присоединить веру.

Сегодня социально продуктивный философский синтез различных уровней реального и идеального бытия вырастает из онтологического христианства, творящего реальную жизнь, а *мерой достоверности* теоретического знания все чаще выступает *соответствие* реальности заданному христианством *абсолютному идеалу человека и его взаимоотношений с окружающим миром*. Убедительный тому пример, на наш взгляд, – осмысление пережитых Россией «трансформаций», разрушивших все социальные институты. Главный критерий трансформационных сдвигов – высокая смертность и предельно низкое здоровье нации – показывает их отрицательные смыслы. Более того, «трансформации», заворожившие научное сообщество, предваряли предупреждения западных наставников наших реформаторов, включая Дж. Сакса, писавшего о «другой анатомии» России, исключаяющей прямое заимствование чужих моделей развития. О специфичности западных заимствований в России написаны тома отечественными мыслителями.

Западные теории и опыт, насыщаясь историческим самосознанием, национальной интуицией, православной хозяйственной этикой, географической и социальной плотью русского бытия, изменяются до неузнаваемости, превращаясь в совершенно иные, отличные от заимствованных феномены. А.С.Панарин назвал такую специфику *мобилизационным западничеством* и отмечал, что эффективность «тонкой игры избирательных заимствований» продемонстрировал еще Петр I, «заимствующий западные промышленные и организационно-управленческие технологии для строительства России как сверхдержавы, решившейся стать активным субъектом мировой политики». По утверждению А.С.Панарина, русский тип мобилизационного западничества, в котором синтезируются черты «адепта передовой цивилизации» и социокультурные национальные основания, «со временем стал все меньше нравиться самому Западу», что наблюдается и сейчас.

А.С.Панарин раскрывает негативную и позитивную стороны феномена «тонкой игры избирательных заимствований», диалектику перетекания, постепенного *преображения* инородных элементов теоретических и практических заимствований в адаптированные национальному бытию идеальные смыслы и социальные технологии. Крайности *одного рода* выражаются в «беспощадной и ужасающей» (как «русский бунт» у А.С.Пушкина)

ломке существовавшего способа производства нередко с неисчислимыми материальными и человеческими жертвами. *Другого рода* крайности сопряжены с «родовыми муками» новых, приемлемых для России форм социальной жизни. А.С.Панарин объясняет «крайности» заимствований на примере современных реформ: «Берется на вооружение новое «великое учение», которое выражает уже не мобилизационную доминанту, а эмансипаторско-гедонистическую, расслабляющую» доминанту либерализма. Сохраняя во многом лексику прежнего классического либерализма, он насыщает ее новым содержанием». Раскрывая суть «постнеклассического» либерализма в нашей интерпретации, философ называет его основные лозунги: мораль успеха, открытое общество, права человека.

При этом «мораль успеха открыто противопоставляется всем разновидностям коллективного долга: не человек для общества, а общество для человека. Этот либеральный софизм предназначен скрыть ту простую истину, что человек вне общества жить не может, или, следовательно, пресловутая альтернатива является ложной... Мораль успеха на деле оказывается апологетикой социального дарвинизма и ничем не стесненного, не знающего пределов хищничества». Такое превращение «быстро ведет от продуктивной экономики к господству теневой, основанной на спекуляциях, рэкете, мафиозных акциях и прямом грабеже»¹.

Отрицательный эффект либеральных заимствований выявился тем, что со всей самоотдачей, специфичной национальному характеру – «дойти до самого края» (И.А.Ильин), либерализация России была осуществлена в режиме «шока» и доведена до предельного обнаружения ее хищнической природы. Ложь и красивые упаковки либерализма сбрасывались одна за другой, и «чистый либерализм» обнаружил перед нами свою зоологическую сущность, которая из-за огромных, ужасающих жертв получила именование – «русский крест». Очередная русская жертвенность раскрыла миру смертоносный смысл либеральной глобализации. Социальный дарвинизм и беспредельное хищничество современного российского либерализма в лице западных благодетелей, маргинальной интеллигенции, беспрецедентно коррумпированного чиновничества, действительно, перепугали Запад не меньше, чем коммунизм по-советски, т.к. последний, как утверждал А.Тойнби, нес миру угрожающие западному либерализму *положительные идеалы*, вызывавшие симпатии народов всех стран. «Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах», – писал А.Тойнби.² Можно сказать, что, предельно проявив *отрицательные идеалы*, российский либерализм также бросил Вызов либерализму на его родной земле – Западе и в тех регионах мира, где он попытался закрепиться.

Советская модель развития, рожденная в беспрецедентных муках и страданиях, но все-таки состоявшаяся для всего мира как *положительный идеал* организации социальной жизни, противоположна смертоносному со-

держанию либерализма по-русски, оказавшегося позитивно бесплодным. Только теперь либерализм, «разоблаченный» обществом до видимости «голого короля», постепенно вытесняется из содержательной части реформ, которые начинают приобретать вид осмысленных действий, соответствующих с национальными интересами России. Тем более очевидна правота А.С.Панарина, назвавшего *общим местом раздражение* Запада по поводу как провалов, так и успехов в историческом развитии России. Сейчас, как и прежде, наших друзей и/или партнеров настораживает, что формирующаяся из социально-экономического хаоса модель национального хозяйства по-русски представляет собой своеобразное применение технологий мобилизационного западничества в реалиях новейшей истории.

С учетом идеальной, трансцендентной, православно-христианской составляющей русской истории можно предложить такой вариант осмысления развития России.

Суть нашей истории, *во-первых*, в конкретно-предметном *поиске* такой социальной организации, которая соответствовала бы вековым *идеальным* представлениям людей о человеческом достоинстве, социальной справедливости, заповеданной христианством и исламом гармонии отношений «мир-человек». В основе резкого и рискованного (бунтующего) поведенческого стереотипа – эмоционально-психические особенности русского национального характера. И.А.Ильин определил это свойство как *интенсивность* (напряженность, усиленность) *бытия*, так как «русский воспринимает страстно и радуется могуществу мировой стихии», ощущая себя ее частью. По И.А.Ильину русский характер включает «*безмерность в проявлении чувств и достижении цели*», *действенную* «мечту о последнем и конечном, желание заглянуть в необозримую даль, способность не страшиться смерти».

Во-вторых, суть русской истории – это *смыслообразование справедливости* в реально-содержательных формах, в постоянном *процессе совершенствования* социальных отношений, а шире – в конкретно-воплощаемой в различных социальных экспериментах и формах устремленности к совершенству человеческого общежития. И.А.Ильин назвал эту национальную черту «*инстинктивной (врожденной) устремленностью к совершенству, красоте, преображению мира, достижению гармонии*». Инстинктивная устремленность к совершенству и гармонии дополняется врожденным бесстрашием, воспитанным природой, «пусть даже она ужасающе неистова и грозна». Отсюда рискованность в социальных преобразованиях и расставании с тем, что не соответствует христианским идеалам совершенства.

В-третьих, способность к социальному экспериментированию связана с развитым национальным качеством, определенным И.А.Ильиным как «*житейская мудрость*», выработанная природой, которая «за любой бытийный шаг заставляет расплачиваться тяжким трудом и лишениями». Это

мы ощущаем в виде техногенных и экологических катастроф, не обоснованных ничем, кроме алчно-гедонистической либерализации в хозяйственной и финансово-дисциплинарной сфере именно наперекор «житейской мудрости», здравому смыслу и реальным страданиям людей. Характеризуя русский характер, И.А.Ильин пишет о развитой *интуиции, предусмотрительности и проницательности, чутье и догадливости*, определяет интуицию как «*вчувствование*» в грозную природу и в событийные сюжеты.

Основанные на интуиции и опыте особенности национального характера коренятся в неиссякаемой православной вере, что и позволяет быстро, иногда мгновенно различить истину и ложь, добро и зло, честь и бесчестье.³ Поэтому-то малоэффективно в России применение самых совершенных PR-технологий и манипуляций сознанием. Скепсис основной части народа в отношении обрушенных на общество либеральных «учений» и «проектов» основан на интуитивном различии лжи и правды, укорененном в ментальности. Наше коллективное сознание – это нераздельность и взаимосвязь идеального и реального, выраженные в целостной методологии идеал-реализма русской философии.⁴

А.Ф.Лосев писал о *мифах идеализма и материализма*, которые в реальной жизни отдельно не существуют. Св. Лука (В.Ф.Войно-Ясенецкий) объясняет принцип троичности человека через единство Духа, души и тела: «Бог есть Дух: Бог есть любовь, а излияние Духа Его есть излияние любви на все живущее... Вечной материи нет, как вообще нет материи, а только энергия в ее различных формах, конденсация которой и является в форме материи»⁵. Нераздельность идеального и реального в жизни отражается в имманентном национальной ментальности диалектическом способе ее познания. По утверждению А.Ф.Лосева, «*диалектика стоит на точке зрения абсолютного эмпиризма*», при этом сама диалектика не является непосредственным опытом, но только *осознанием опыта*. Диалектика есть «*учение о необходимых для всякого опыта логических скрепах, о смысловых основах всякого опыта...* Диалектика – *абсолютная ясность, строгость и стройность мысли*. Это абсолютный эмпиризм, ставший абсолютной мыслью». А.Ф.Лосев писал, что диалектика «*лежит в основе всякого разумного отношения к жизни*. Вся жизнь насквозь есть диалектика, и в то же время она – именно жизнь, а не диалектика, она – неисчерпаемая, темная глубина непроявленных оформлений»⁶.

Важнейшей составляющей «разумного отношения к жизни» является абсолютно *идеальный*, основанный на вере способ познания бытия. Нравственные доктрины мировых религий заключают абсолютные критерии различения добра и зла. И.А.Ильин считал, что православие вооружает человека *интуицией* – особым способом познания, который он определял через семантический ряд – *проницательность, чутье, догадливость, вчувствование*. А христианская *антропология* (В.И.Несмелов) представляет процесс вечного и нескончаемого совершенствования человека и всего мира, так как человек – со-творец и со-работник Бога.

Здесь коренятся глубокие отличия человека западноевропейской и русской культуры. Западный человек в соответствии с традицией просвещенческого гуманизма верит в себя и в знания, ощущает себя творцом своей жизни. Он верит в себя так, что берется решать судьбы других людей, обществ и «судьбы мира». Человек русской культуры, «вольно или невольно» соприкасающийся с православием (в основном через русскую литературу и художественную культуру), верит в себя до определенного предела – до «укола совести», заставляющего «вздрагнуть» от присутствия забытого до времени Бога. Интуиции помогают чувствовать меру своей воли и отличить ее от Сверх – Воли, очертить *пределы* своей свободы, за ее пределами которой действует иная Свобода. Здесь кроется наша вечная склонность к сомнениям, «самоедству», разборкам между собой. Там, где западный человек с улыбкой встречает «негатив», полагая его правом свободного самовыражения, мы начинаем «выяснять отношения». Мы меряем друг друга «высшей мерой» соответствия и/или несоответствия христианским заповедям, известным нам даже не по «бу-кве», а по историческому самосознанию.

Человек – не одномерен, не однозначен, не прост, но страстен и грешен. Все проблемы бытия человека (человечества, общества, коллектива, семьи и т. д.) от того, что самая большая проблема – человек. А.Ф.Лосев говорил: «Человек – вечная проблема, которая вечно решается ... – и которая никогда не будет решена. Да, она никогда не будет решена. А зачем окончательное решение? Чтобы перестать стремиться? Чтобы перестать быть проблемой? Чтобы умереть для жизни? Чтобы мне превратиться в гроб, в могилу, а всему человечеству превратиться во вселенское кладбище? Да, проблема человека никогда не будет решена. Разве мало того, что уже правильная постановка проблемы есть начало разрешение этой проблемы? Конечно, она так или иначе и в то или иное время будет разрешена. Но это только для того, чтобы достигнутое решение проблемы тут же оказалось постановкой еще новой проблемы. И так далее, до бесконечности». А.Ф.Лосев развивает свою мысль: «Ведь даже если бы мы одолели смерть и, как учит Федоров, стали бы вечными, то мне кажется, что и сама вечность тоже будет находиться в вечном становлении, только что без убыли бытия, без антагонизмов, без крови, без драки»⁷.

Россия устремлена к христианским идеалам добра и справедливости. Она тяжелым трудом, потом и кровью, вновь и вновь распинаемая человеческими страстями, стремится испытать все известные социальные формы жизни и безжалостно отбросить их как не соответствующие идеалам. Среди сторонних практик и теорий, а также собственными креативными проектами Россия стремится понять замысел Вышнего о человеке. Апостол Павел в «Послании к Колоссянам» предупреждает: «Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением» (Кол.: 2, 8). «Сбрасывание» и освобождение от обольщений и искушений различными идеями и теориями вне и/или вместо запо-

ведет Божьей о совершенстве самого «внутреннего» человека – это и есть смыслообразование нашей истории.

Российская цивилизация ценой огромных жертв (жертвенно) буквально *«сносит» в ущерб себе социальные формы жизни, утрачивающие первоначальный смысл взаимной любви и целей совершенствования*. Как только организационные технологии социальной жизни начинают развиваться по проектам «книжников и фарисеев», утрачивают духовно-нравственные смыслы, искажаются человеческими грехами и пороками (лицемерие, ложь, стяжательство, клевета и проч.), они отторгаются коллективным сознанием и сбрасываются в анналы истории мировой общественной мысли. При внешнем безрассудстве («умом Россию не понять») наша история наполнена глубоким смыслом – верой в промысел Божий о справедливом жизнеустройстве.

Главное отличие России в том, что она, как и во всю свою историю, не принимает целью развития «экономическую эффективность». Материальные «комфорт», «успешность», «благополучие», «права» несовершенного и распираемого житейскими страстями человека, «открытое» вселенскому греху общество, внушаемые теперь в русском переводе протестантские ценности (Kinder, Kirsch, Kuschen) вызывают тоску и социальный скепсис. Новейшие информационные и нейролингвистические технологии изобильно предлагают обществу «хлеба и зрелищ», но при этом исключают всякое смыслообразование, оставляя массы в неведении о глубинных процессах, определяющих перспективы и качество будущей России. Как не вспомнить: «... и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеваете, и глазами смотреть будете – и не увидите» (Мф.: 13, 14). Потребительское общество «обволакивает» искушениями, обольщает житейскими удобствами и немислимыми удовольствиями, но массовый «потребитель» и «пользователь» современной России *все-таки интуитивно чувствует греховность* нового образа жизни, особенно на фоне беспрецедентного социального разрыва между богатством и нищетой.

Отторжение либеральной идеологии показывает, что эмоционально-психологическое восприятие несправедливости в современной России, удалившейся от христианских заповедей еще дальше, чем при социализме, не утрачивает остроты. Из нового «ряда ценностей» выглядят знакомые (казалось бы, прожитые) физиономии бюргера и «мурло мещанина». Но масштаб гедонистических ценностей, во-первых, тесен для национального характера, всегда озабоченного «мировой скорбью» (Ф.М.Достоевский, И.А.Ильин). Во-вторых, они противоречат коллективистскому (общинному, имманентно социальному) типу жизнеустройства исторической России. Наконец, укорененное в историческом сознании, культуре, ментальности православие по своему духовно-нравственному содержанию не совпадает не только с предельным гедонизмом, но и «общечеловеческими ценностями», ассоциируемыми со старой католической и протестантской этикой.

Цивилизационные особенности России, включая православную этику и основанный на вере интуитивизм в миропонимании и мироустройстве, выразились в русской философии, стоящей особняком на «проспекте» мировой философской мысли. Своеобразие русской философии в том, что она выразила своеобразие России, русской жизни и русского сознания, которые, по утверждению Ю.В.Мамлеева, принципиально не укладываются в «рационалистическую поверхность бытия». Такое «выпадение», неместимость во внешнюю прагматику социально-исторических процессов «приводит некоторых иностранцев к заключению о психологической «инопланетности» русских». Автор объясняет, что именно выпадение «из мертвой, рационалистической поверхности жизни современного мира... дает возможность русским творить вторую реальность, второй план жизни»⁸.

При этом русская философия обладает внутренним единством теоретико-познавательных практик в виде методологии *идеал-реализма*. Суть этой методологии – в осмыслении гносеологических, онтологических и социальных проблем в целостности *взаимосвязного единства идеального и реального и/или осмыслении связей трансцендентального и действительного бытия*. Русская философия передает экзистенциальную внутреннюю «неустроенность» бытия, объясняя ее через совмещение, противопоставление и сопоставление *первой* реальности – антропологической и социальной, со всей ее «суею сует», порочностью и мертвечиной, и *второй* реальности – идеальной и совершенной. Иначе говоря, универсальность русской философии – в несомненном признании бытия Бога и познавательной практике *выявления сущностных взаимосвязей и единства идеального и реального бытия*, что придает ей методологическую и содержательную завершенность. Русская философия обычно определяется как религиозная философия и философия реализма, а ее метод в процессе становления назывался «религиозным материализмом» (В.С.Соловьев), «мистическим реализмом» или «религиозным реализмом» (С.Н.Булгаков), «идеал-реализмом» (Н.О.Лосский).

Думается, пришло время обобщить терминологические искания наших предшественников и определить методологию русской философии *одним термином* – *идеал-реализм*. Думается также, что и советская философия, обозначенная как марксизм-ленинизм, в отечественной, конечно же, искаженной атеистическим безвременьем интерпретации, все-таки несла существенные черты идеал-реализма. Ведь и сегодня трудно разобратся, где она «отражала и осмысливала» *реальность*, а где задавала *идеальные* в новейшей терминологии тренды. Ученые нового поколения *сдержаннее и добрее* в оценках советского общества, названного «Уникальной конструкцией»: «Коммунисты сделали ставку на логику, но логика не может быть фундаментом совести. Призывы соблюдать заповеди Христа, изложенные в их моральном кодексе, ни к чему, кроме двойной морали, не привели. И все же мы снимаем перед ними шляпу. То, что они

сделали, предстоит еще осмыслить будущим поколениям, свободным от личных обид... Их подвиг предстает в необычном свете. Они отдавали жизнь, зачастую принимая мученическую смерть, за идеалы, выведенные из Христианства, не имея надежды на воздаяние в другом мире»⁹. Сегодня необходимо не отвержение мучительного состояния поисков, вынужденной иносказательности (А.Ф.Лосев и др.), заблуждений советской философской науки, но восстановление философского единства.

Попытаемся представить с позиций идеал-реализма важнейшую для современной России тему формирования нового типа национального хозяйства и социально-трудовых отношений. Сегодня нет единства в научном сообществе по многим вопросам. Но при этом *есть принципиальное согласие* большинства ученых различных направлений в негативных оценках общей ситуации в стране, совпадающее с оценками большинства граждан.

Вот ряд примеров. Свой 80-летний юбилей М.Н.Руткевич отметил публикациями, которые отличаются взволнованностью в сравнении с его обычно сдержанным академическим стилем. В статье об образовании он приводит такие данные: по заявлению министра А.Фурсенко, государство ежегодно нуждается в притоке 175 тыс. специалистов с высшим образованием. Но в 2005 г. в стране было 5985 тыс. студентов в государственных и 1079,3 тыс. в частных вузах, то есть более 7 млн. человек с ежегодным выпуском 1152 тыс. чел. Вывод академика: «Число вузов и их филиалов, особенно частных, нуждается в сокращении. Это не очень сложная «процедура». По его мнению, иначе будет продолжаться *перепроизводство специалистов непроизводственных специальностей*, которыми уже *перенасыщен* рынок труда. При этом «государственные средства будут расходоваться понапрасну или идти на пополнение людских ресурсов в других странах за счет выпускников, выезжающих за границу (это, в основном, физики, химики, биологи, биохимики, специалисты по вычислительной технике, инженеры, то есть те специалисты, в которых остро нуждается наша страна)». Фиксируя предельно низкий уровень качества образованности в России, автор заключает: «Перспективы развития образования во многом зависят от *коренного изменения курса* социально-экономической политики»¹⁰. Здесь доказательно выражена *преобладающая* в коллективном сознании оценка системы образования, качество которого ущербно и противоречит стратегии развития России.

Другая сторона этой же темы – кадровый кризис на предприятиях. По данным опроса 2005 г., доля работников, которые, по мнению руководителей, соответствовали бы профессиональным требованиям, составляет примерно 40%. Директора предприятий даже при избытке кадров отмечают «острую нехватку квалифицированных кадров – как специалистов, так и рабочих»¹¹.

По характеристике уровня жизни исследователи делят все население России на четыре слоя. В 2006 г. те, кто по-настоящему беден («ни-

щие» и «бедные»), составляли 33% от всего населения. «Немного более позитивным самочувствием отличается от первого слоя слой «необеспеченных» (21%)», слой достигших «приемлемого уровня жизни» – «обеспеченных» составляет 29%, а самый «верхний слой (11%) объединяет наиболее успешных – «зажиточных» и «богатых», количество которых с 1998 г. практически не меняется». Автор констатирует, что «в России происходит углубление материальной дифференциации населения», и делает вывод: «Нужен новый экономический курс и социальная политика, которые расширили бы базу роста активных слоев общества за счет развития инновационных производств, сектора услуг, науки» а также пространственное расширение зон хозяйствования.¹² Сегодня никто в России не станет с этим спорить. Эти и подобные примеры лежат на «поверхности».

В научных публикациях ощутима медленная реанимация «классового подхода». Вот рубрики и статьи только одного номера журнала: «Рабочий класс в постсоветской России», «Социология села», «Социальное самочувствие рабочих» (Г.П.Бессокирная), «Протестное движение рабочего класса» (А.М.Кацва), «Неформальные практики в реализации национального проекта АПК (С.Ю.Барсуков), «Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации» (Е.Н.Гришина).¹³

Сходство и единение наблюдаются также в ощущениях несправедливости сложившейся системы отношений, интуитивном отторжении как новых «правил игры», так и их результатов (где всегда выигрывает крупье или тот, кто за «кадром»), чувствах разочарования в результатах реформ и уверенности, что их надо проводить по-другому. Эти подчас неосознанные эмоционально-психологические переживания имеют отношение именно к *идеальному* – «уколам совести», «большому комплексу Иуды» нравственному чувству, ощущению неполноты бытия, личной и национальной униженности. Наряду со сходством в оценках российских реалий есть сходство в тенденции массового обращения к духовным в широком смысле и конкретно религиозным верованиям, что позволяет говорить о религиозном Ренессансе в России (вот и следствие очищения от атеистического искуса).

Тенденции массового совпадения идеальных представлений о справедливости и эмоционально-психологических настроений, сопряженных с верой, надеждами и пока незначительными признаками внимания, сострадания и сопереживания другим людям (признаками любви), – это тенденции идентификации индивидуалиста (героя нашего времени) с судьбой всей страны. «Общество – вовсе не то, что народ, и не то, что государство. И жизненные задачи их, и отвечающие им формы жизни, и внутренний строй совершенно различны», – писал П.Е.Астафьев. Для общества «это задача всегда – производство тех или иных жизненных благ, ценностей и распределение их между наличными членами, из которых общество состоит... *Отдельное* лицо связано с обществом только тем *интересом*, который в нем существует».

Народ и государство характеризуются совершенно иными и противоположными чертами: «И народ, и государство немислимы без и вне определенной территории, так же как и без какой-либо истории, преданий». Индивидуальные воля и интересы члена общества отодвигаются народом и государством, так как это уже союз лиц, связанных историей, этнографией, религией, мировоззрением, культурой: «Жизнь народа и государства определяется поэтому не задачей и потребностью настоящего только, подобно жизни общества, но в еще большей мере задачей прошлого и будущего... Только перестав придавать значение всему этому, только порвав органическую связь со своей землей и со своей историей, получает человек возможность освободиться от налагаемых на него обязанностей и автономно устроить свою жизнь на чисто утилитарном начале личного интереса, начале общества, но не народа и не государства»¹⁴.

Тенденции преобразования постсоветского, болезненно индивидуализированного «начального» общества в народ, государство и, наконец, в нацию обнаруживаются в том, что актуальность изменения экономического курса и принципов всей системы хозяйствования с редким единодушием осознана народом и властью. Но какой должна быть новая модель национального хозяйства с позиций идеал-реализма, то есть именно реализуемых в реальной практике идеальных образов и целей совершенства?

Мы солидарны с предложением Н.Н.Зарубиной различать и разделять термины *экономика* и *хозяйство*. За основу взята введенная М.Вебером типология социального действия, позволившая «показать вариативность самого понятия рациональности». *Целерациональное* социальное поведение ориентировано на достижение целей наиболее эффективными средствами (например, выселение людей зимой за неуплату ЖКХ, снос ветхого жилья, экономически выгодные чиновникам и бизнесу вавилонские застройки мегаполисов, создающие нездоровую среду жизни людей и т.д.). Рациональность целей и средств определяется экономическими показателями (процентами), это и есть *экономика*. *Ценностнорациональное* социальное поведение ориентировано на реализацию *ценностей*, значимых социокультурных стандартов поведения, преемственность «задач прошлого и будущего», «органическую связь со своей землей и со своей историей» (П.Е.Астафьев), продуктивный труд на благо всех, а не только ради своих доходов – это суть *хозяйство*.

Раскрывая отличия экономики и хозяйства, Н.Н.Зарубина показывает, что занятые в *производственной* сфере «хозяин и труженик ориентированы на длительное приложение усилий, трудолюбие, рациональный учет всех находящихся в их распоряжении ресурсов – как природных, так и человеческих». Отдача от трудовых вложений в хозяйстве отдалена во времени, в отличие от экономики, ориентированной на быстрый эффект. Экономическая эффективность достигается нередко за счет пренебрежения ко всему, что мешает прибыли, включая людей и их интересы. Для хозяйствующего субъекта важны перспективы общества: «Моральное и

культурное состояние общества, демография и воспроизводство здорового населения, природопользование и экология, международные отношения и степень проницаемости национального рынка приобретают значение содержательных факторов хозяйствования в будущем»¹⁵. Выстраданный нашими предками, историей и народом России тип национально-го хозяйства имеет идеальные смыслы.

В период реформ модернизация экономики выразилась в предельно жестких формах *отчуждения труда*, имеющих болезненный социальный характер в постсоветском обществе, системообразующей основой которого был принцип всеобщего обязательного труда. Всеобщий труд обуславливал *трудовые* источники доходов (более или менее скромные в различные периоды) и соответствующее относительное равенство в системе распределения, обмена и потребления. Это-то относительное равенство и осмеяно теперь как «уравниловка». Формы отчуждения труда в социальных и экономических теориях напрямую связаны с частной собственностью. В России тема частной собственности озвучена, визуально представлена в социальной реальности, массовой культуре и защищена правовыми механизмами. Частная собственность вошла в социальный организм России, но вот ее источник – *отчуждение труда* остается вне научного дискурса. Отчуждение труда искажает онтологическую, антропологическую и социальную природу человека.

Зародившееся в период становления западноевропейского капитализма отчуждение труда явилось, согласно работам М.Вебера, следствием реализации протестантской хозяйственной этики. С развитием капитализма труд *утрачивает внутреннее* целеполагание как способ раскрытия творческого потенциала человека и его личностного самосовершенствования и *приобретает внешнее* целеполагание – обязанность работать с целью достижения богатства и успеха, утверждение человека в обществе. Основной целью и мотивациями труда является заработок – обеспечение средств для жизни *вне труда*. Поэтому отчуждение труда – одна из главных причин лени и халтуры. Лень как реакция на отчуждаемый труд характерна для всех типов общества, это общее выражение капиталистического характера труда. Во-вторых, отчуждение труда порождает враждебность к труду и всему, что с ним связано. Апатия, неудовлетворенность жизнью, разрушение внутренней гармонии, братского и дружеского отношения к окружающим людям, эмоционально-психологические переживания опустошенности и бессмысленности бытия, враждебности человеку внешнего вещного мира – все это прямые следствия отчуждения труда.

В западной цивилизации лень оформилась в ценностях потребительского общества, ориентированных на то, чтобы человек «расслабился» *вне труда*, получил в распоряжение все мыслимые и немыслимые средства и услуги для получения удовольствия, вариативность которого порождается праздностью. Потребление как основной вид деятельности

выражает биологическую природу человека, «насыщающего» и удовлетворяющего потребности социальными средствами, которые выступают стимулами и целями экономики, включая труд по производству товаров потребления. Н.Н.Зарубина пишет: «Причем даже такой отчужденный труд оказывается уделом лишь высших и средних классов, а для большинства он выступает просто как трудовая повинность. Таким образом, отчуждение труда в период становления капитализма выразилось в труде-обязанности у собственников и в принудительном труде – у пролетариев». Н.Н.Зарубина отмечает, что К.Маркс, Э.Фромм и многие другие исследователи труда считали отчужденным не только труд рабочих, но и труд предпринимателей, которые «чувствуют себя узниками собственного бизнеса» – производимых товаров, клиентов и покупателей, перед которыми вынуждены «вынуждены разыгрывать бессмысленный и нелепый спектакль»¹⁶.

Но главное, отчуждение труда искажает его *христианский смысл служения* друг другу, которое выступает как ведущий принцип общезития вне зависимости от конкретно-исторических форм организации социальной жизни. Св. Лука (В.Ф.Войно-Ясенецкий) говорит: «Христианская религия требует от человека *постоянного восхождения*. Требование служения людям пронизывает все Евангелие». Он напоминает слова Христа: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют нами; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою... Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф.: 20, 25-26, 28)». Христианский смысл труда раскрывает сюжет, когда на прощальном вечере Христос Сам омыл ноги своим ученикам и объяснил свой поступок: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу» (Ин.: 13, 14). Св. Лука говорит: «Это пример того, как и сильные мира сего должны служить человечеству»¹⁷.

По утверждению Э.Фромма, сущность труда в том, что он «создает человека как социальное и независимое существо. В процессе труда, то есть в процессе формирования и изменения внешней природы, человек изменяет и формирует самого себя. Он выходит из природы, подчиняя ее себе; он развивает свои способности к сотрудничеству, разум, чувство прекрасного. Он обособляет себя от природы, от изначального единства с ней, в то же время вновь объединяет себя с ней уже как *хозяин и создатель*. Чем больше совершенствуется его труд, тем совершеннее его индивидуальность». Многочисленные попытки и организационные технологии (материальные и моральные стимулы), применяемые в мировой истории с целью сделать труд содержательным, творческим, интересным и т.д., не принесли и не приносят ожидаемого результата. По убеждению Э.Фромма, единственной альтернативой отчуждению является «гуманистическая коммунитарность»¹⁸.

В 1985 г., в начале «перестройки», об этом же говорил А.Ф.Лосев: «Куда дальше движется человечество? А дальше идет то, что противоположно индивидуализму. А именно: *общественность и коллективизм* (выделено мною. – Л.М.). То есть социализм. Он стоит на очереди после индивидуализма. Что противоположно индивидуализму? Коллективизм. Конечно, такой коллективизм, который не подавляет личность, а помогает ей развиваться, предоставляет ей возможности и стимулы для самораскрытия. Важно и то, как он может проявиться, в каких видах. Но то, что коллективизм – это требование времени, это для меня ясно. Ясно также, что индивидуализм, эта великая культура последних пятисот лет, прошла или проходит. Теперь наступает новая эпоха»¹⁹.

Превращение человека из обезличенного «придатка машины» и средства производства, а шире – выведение его из дисциплинарно регламентированного технологического процесса и превращение в подлинно творческую хозяйствующую личность, открытую для полноты бытия и самосовершенствования, возможно только на путях его *социализации*. «Она должна основываться на том, что, в отличие от экономических, хозяйственные отношения включают помимо чисто экономических ориентаций еще и весь комплекс межличностных отношений, социокультурных ценностей, норм поведения, символики, ролевых функций, которые соотносимы уже с моделью не экономического, но социологического человека. Для человека в рамках хозяйственной парадигмы социальные и культурные институты, нравственные и эстетические ценности, а также природное окружение являются не средствами достижения цели, а предпосылками деятельности и ее значимыми факторами»²⁰. Такое дальнесрочное, не выраженное в скорой экономической эффективности и денежном эквиваленте «неоплаченное содержание» хозяйственной деятельности А.С.Панарин обосновывает как *истинно социальное бытие*.²¹

В основных чертах уже ясен современный тип национального хозяйства России. В нем не может быть разделения материального и идеального, социально-практическая деятельность хозяйствующих субъектов не должна ориентироваться только на экономическую выгоду. Речь должна идти не о частной, а *национальной конкурентоспособности*. *Национальное хозяйство* – это современный тип домовладения, где хозяйство ведется для жизни людей, их нравственного и телесного здоровья (С.Н.Булгаков). Человек играет главную роль в хозяйстве, без его духовного здоровья и трудолюбия хозяйство быстро приходит в упадок, разоряется и разрушается, бесхозное (без человека-хозяина) хозяйство разворовывается и превращается в запущенное пространство для чужеземцев. Поэтому *принцип* устроения национального типа хозяйства – синтез нравственного просвещения человека и социально-экономического инвестирования в его развитие.

Тип национального хозяйства – это только экономика и прибыль, а выстраданный Россией тип жизнеустройства и общежития, отвечающий

грозным вызовам XXI в. Н.А.Нарочницкая пишет: «Общество устало презирать свое Отечество, как это было модно в период перестройки и реформ. Пора дать здоровую основу для национального чувства, неискоренимого, имманентно присущего, как любовь к матери. Освященное высшими этическими и духовными целями, оно может быть побуждением к историческому творчеству. Подавляемое, лишенное моральной санкции – оно деградирует и рождает уродливые плоды. Не стоит удивляться, что в низкокультурной среде и молодежной субкультуре появляется зоологический или языческий эгоцентризм, который, конечно, не имеет шансов на успех, так как русские – не тевтоны. Он бесплоден, ибо ищет лишь, против кого действовать, но не способен сформулировать положительную цель – *за что мы и зачем живем*.

Несмотря на это влиятельная часть элиты не дает преподавать основы православной культуры, подвергает травле Церковь. Но именно православный нравственный поиск побуждает преодолевать собственную гордыню и задумываться о своих грехах прежде, чем о чужих... А тем временем множатся "россияне", которые, как муфтий Нафигуллы Аширов, требуют убрать христианскую символику из всех государственных ритуалов и символов России. То меньшинство, что пытается под видом демократии и верности светскому государству изъять духовный стержень русского государствообразующего народа, – посягает на стержень, что создал Россию и, среди прочего, обеспечил мирное и конструктивное содружество народов, их уникальное взаимодействие и сотворчество. Демократия защищает права меньшинства. *Но никогда и ни при какой демократии меньшинству не должно быть дозволено безнаказанно оскорблять большинство*²². Ответом России на вызовы новейшей истории могут быть православно-нравственное образование и тяжелый, упорный труд, к которому нам не привыкать!

¹ Панарин, А.С. Правда железного занавеса / А.С.Панарин. – М.: Алгоритм, 2006. – С.179-181.

² Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / А.Дж.Тойнби. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – С. 220.

³ Ильин, И.А. О русской культуре / И.А.Ильин // Ильин, А.А. Собр. соч.: в 10 т. Т.6. Кн.2. – М.: Русская книга. – С.381-387.

⁴ Марцева, Л.М. Методология идеал-реализма в русской философии / Л.М.Марцева // Теория и история. – 2005. – №1. – С. 43-53; Марцева, Л.М. Методология идеал-реализма в философии И.А.Ильина / Л.М.Марцева // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. – Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2004. – С.37-65.

⁵ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело. – М.: Троицкое слово, Феникс, 2001. – С.195.

⁶ Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф.Лосев. – М.: Правда, 1990. – С. 21–23.

⁷ Лосев, А.Ф. Страсть к диалектике / А.Ф.Лосев. – М.: Советский писатель, 1990. – С.30.

⁸ Мамлеев, Ю.В. Россия вечная / Ю.В.Мамлеев. – М.: Аиф-Принт, 2002. – С. 44–46.

⁹ Проект России. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – Кн. I. – С.184.

¹⁰ Руткевич, М.Н. Образованность в постсоветской России: противоречивость процесса / М.Н.Руткевич // Социологические исследования. – 2007. – №12. – С. 16–17.

¹¹ Рывкина, Р.В., Коленникова О. А. Кадровый кризис на промышленных предприятиях России / Р.В.Рывкина, О.А.Коленникова //Социологические исследования. – 2007. – №8. – С. 56.

¹² Беляева, Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции / Л.А.Беляева //Социологические исследования. – 2007. – №11. – С. 33, 40.

¹³ Социологические исследования. – 2008. – №3.

¹⁴ Астафьев, П.Е. Философия нации и единство мировоззрения / П.Е.Астафьев. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. – С. 168–170.

¹⁵ Зарубина, Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе / Н.Н.Зарубина. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – С.16–17.

¹⁶ Там же. – С.265.

¹⁷ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Указ. соч. – С.91.

¹⁸ Фромм, Э. Здоровое общество / Э.Фромм // Психиатрия и культура. – М.: АСТ, 1995. – С. 420, 563.

¹⁹ Лосев, А.Ф. Страсть к диалектике. – С. 67.

²⁰ Зарубина, Н.Н. Указ. соч. – С. 16–17.

²¹ Панарин, А.С. Дарение и бытие / А.С.Панарин //Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002.

²² Нарочницкая, Н.А. Повестка дня для России / Н.А.Нарочницкая //Наш современник. – 2007. – №11. – С.241.

Шабельникова Н.А.,

доктор исторических наук, профессор
Владивостокский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России
(г. Владивосток)

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

С наступлением эпохи глобализации мировое сообщество становится все более взаимозависимым как по экономическим, так и по политическим составляющим. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) по глубине геополитических процессов не только превращается в один из центров мирового развития, но и по своей международно-политической значимости постепенно выходит на первое место в мире. В XXI в. именно здесь будут решаться судьбы мира.

Россия развивает всеобъемлющее сотрудничество и поддерживает добрососедские отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В современных условиях российские регионы расширяют свои связи, что

способствует общему подъему экономики России и ее большей значимости на мировом рынке. В этом отношении роль Дальнего Востока России в международной деятельности характеризуется тем, что он является связующим звеном между Россией и Азиатско-Тихоокеанским регионом и в целом стратегическим ключом России к воротам Северо-Восточной Азии.

Важность изучения геополитических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их влияние на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации обусловлена следующими факторами:

- во-первых, возрастанием роли АТР, усилением влияния региональных геополитических процессов на изменение геополитической обстановки в мире. АТР по многим показателям вышел на передовые позиции в мире. Азиатско-Тихоокеанский регион – это 60% мирового промышленного производства, почти 60% мировой торговли, 40% реализации мирового экспорта, стабильно высокие темпы роста ВВП, почти 40% населения земли, три (из пяти) ядерных державы. Прогностическое исследование, которое велось в Институте мировой экономики и международных отношений, показывает, что в настоящий момент доля США в мировом ВВП составляет примерно 21%, Европейского союза – 21%, Японии – около 8%, Китая – около 7%, Российской Федерации – 1,7%. По прогнозу на 2015 г., США вместе с Канадой и Мексикой будут обладать примерно 19% мирового ВВП, Европейский союз – 16%, Китай обгонит Японию, его доля достигнет 10%, доля Японии – примерно 7%¹;

- во-вторых, возрастающей степенью вовлеченности и интеграции Российской Федерации в региональные геополитические процессы в АТР, расширяющимся участием нашей страны в региональных и субрегиональных неправительственных организациях АТР и его субрегионов. Именно в этом регионе пересекаются интересы крупнейших государств мира. Китай, Япония, ряд новых индустриальных стран соперничают как между собой, так и с США, со странами Запада. Это ставит новые задачи в сфере обеспечения международной безопасности с учетом как возможного сценария доминирования США в качестве «супердержавы», так и возможности установления многополярного мира с элементами сетевого устройства;

- в-третьих, значительным изменением и усложнением задач по использованию Вооруженных Сил России для обеспечения национальной безопасности и необходимостью осуществления их реформирования и совершенствования в новых условиях. При уменьшении экономической и военной мощи, изменившихся не в пользу России геополитических условиях необходимы кардинальное изменение военной политики России, оценка нынешнего военно-стратегического положения России в АТР и создание условий для его улучшения. Особое внимание должно быть уделено созданию на основе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) при решающей роли Российской Федерации элементов стабиль-

ности, обеспечивающих предотвращение, минимизацию угроз и вызовов России на Дальнем Востоке страны.

В ходе уточнения и детализации Концепции национальной безопасности, военной доктрины Российской Федерации, разработки основополагающих документов по организации и проведению военной реформы, военного строительства на период 2010–2015 гг., при утверждении федерального бюджета на ближайшие годы обязательно должны быть учтены особенности пространственно-географического положения страны, сложности защиты большой границы, уроки истории и современности. Вниманием не должна быть обойдена и пограничная безопасность как одна из составных частей национальной безопасности. Поскольку состояние пограничной безопасности меняется в зависимости от изменения геополитических региональных и локальных международных отношений, от состояния политической, экономической, военной, социально-демографической и других ситуаций внутри данного государства², необходимо учитывать особенности военных доктрин стран АТР, в первую очередь США, Китая и Японии, предполагающие при определенных условиях развития ситуации в России территориальную экспансию. Дальний Восток и Сибирь всегда привлекали к себе внимание со стороны вышеназванных стран, особенно в периоды слабости нашего государства.

В современных условиях возник и продолжает углубляться антагонизм между Россией, обладающей значительными природно-сырьевыми ресурсами, и «мировым сообществом», которое практически исчерпало возможности поддержания прежнего уровня потребления «золотого миллиарда» и динамичного развития стран «третьего мира». Не следует забывать о том, что усиление новых центров политического, военного и экономического влияния и стремительное увеличение населения АТР в ближайшие 25–50 лет потребуют кардинального изменения экономической ситуации за счет поглощения слабейших.³

Реализовывать свои стратегические интересы в АТР России удастся, если она будет опираться на свой экономический потенциал, причем значительно увеличенный и обновленный. Однако место России в качестве «сверхдержавы» сегодня занимает Китай. По ВВП Китай оказался в тройке лидирующих стран: вместе с Японией делит 2 и 3 места в мире. По прогнозам мирового банка, Китай через 20 лет переместится на первое место в мире, США спустится на второе место, за ними будут следовать Япония, Индия и Индонезия.⁴

России для активного взаимодействия со странами АТР следует учитывать особенность интеграционных процессов, которые связаны преимущественно с частной инициативой, с деятельностью наднациональных организаций при незначительном участии государств. К сожалению, у России, несмотря на ряд предпринятых в последние годы инициатив (например, по возможности проведения саммита стран АТЭС во Владивостоке), нет четкого и обязательно выполняемого плана вхождения

Дальнего Востока в региональные процессы интеграции, стратегии и тактики получения политических, экономических, финансовых выгод и преимуществ, связанных с удобным геополитическим положением, с огромными запасами природно-сырьевых ресурсов, с наличием высокотехнологичных предприятий и квалифицированной рабочей силы.

В советские годы неоднократно ставились определенные задачи по подъему Сибири и Дальнего Востока. Так, в 1967 г. на Пленуме ЦК КПСС была принята комплексная социально-экономическая программа подъема производительных сил. 28 июля 1986 г. М.С.Горбачев, находясь во Владивостоке, заявил, что Советский Союз – это «великая тихоокеанская держава». Тогда же была принята Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района (200 млрд. рублей до 2000 г.).

Сейчас нужна не просто аналогичная государственная программа освоения дальневосточных краев и областей России, а комплексная, отвечающая современным геополитическим реалиям инновационная стратегия развития Сибири и Дальнего Востока России, предполагающая его вхождение в формируемый механизм интеграционных процессов в АТР. Для России координация внешнеэкономической деятельности этих двух мощных регионов – Сибири и Дальнего Востока – важна в силу ряда объективных условий: она способна существенно стимулировать экономический подъем в этих регионах, обеспечивая экономическую основу для обустройства обширных российских территорий (при условии объединения усилий федеральных властей и регионов).

Долгосрочное сотрудничество в таком направлении несет для Российской Федерации большие экономические выгоды и дает большие стратегические и геополитические преимущества, ставя партнеров в определенную технико-эксплуатационную зависимость. Создавая два мощных региональных экономических комплекса (Западная Сибирь и Восточно-Сибирско-Приморский), федеральные власти не должны допустить разрыва в экономическом развитии этого огромного геополитического пространства, что будет способствовать решению внешнеполитических проблем.⁵

В качестве важнейшего направления обеспечения национальной безопасности России, требующего формирования четких национальных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, следует выделить необходимость избавления от пагубного влияния внешних сил на внутреннюю и внешнюю политику страны. Но для этого национальные интересы России должны стоять выше сиюминутных интересов некоторых политических деятелей Российской Федерации. Развал СССР начался с культурно-экономической экспансии, затем она продолжилась экономической экспансией, а с 1990-х гг. последовала и военная, в частности приближение блока НАТО к границам России. Подобную схему экспансии детально описал русский философ начала XX в. И.А.Ильин. В работе «О грядущей Рос-

сии» он отмечал, что «весь кризис, переживаемый ныне Россией и миром, есть кризис по существу своему духовный..., идет измельчение духовного характера, утрата духовного измерения жизни, обмеление и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости в духовной культуре, отмирание рыцарственности и вырождение гражданственности»⁶.

России для сохранения российской государственности и возрождения былой мощи необходимо укрепление своих позиций на Дальнем Востоке. Для этого в качестве основных стратегических задач целесообразна реализация таких национальных интересов в АТР:

1) поддержание на должном уровне экономического, технологического, научного потенциала России, сохранение огромных природных богатств, исключение практики торговли ими за бесценок;

2) разработка планов на перспективу по восстановлению былой мощи, проведение более гибкой внешней политики с бывшими среднеазиатскими республиками СССР, недопущение появления «зон вакуума», практически сразу же заполняемых США;

3) осуществление экономических, политических шагов, ведущих к совершенствованию российско-китайских и российско-японских отношений и одновременно недопущение возрастания экономической и политической роли США в регионе.

В настоящее время для России удобен вариант тесных партнерских отношений с Вашингтоном, но, являясь реалистами и зная суть геополитики, опираясь на факты и события современности, нельзя ждать от США максимально доверительных отношений с Россией. Для России большую значимость имеют отношения и с остальными странами региона, в первую очередь с Китаем, Республикой Корея, Индонезией, КНДР, Монголией и Вьетнамом.

В условиях XXI в. Россия стала активно формировать сбалансированный и многовекторный внешнеполитический курс, где акцент сделан на участии регионов страны в международной деятельности.

Региональный дальневосточный фактор является важным в комплексном развитии международных связей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако экономическая слаборазвитость российского Дальнего Востока, отсутствие современной инфраструктуры, тревожная демографическая ситуация – это объективные проблемы, требующие от федеральных и региональных властей кардинального решения. В противном случае есть вероятность потери этих территорий в геополитическом контексте развития Северо-Восточной Азии.

Внешнеполитический курс России в Азиатско-Тихоокеанском регионе открывает новые перспективы для развития многостороннего сотрудничества, и прежде всего со странами Северо-Восточной Азии. Партнерство России с Японией и странами Корейского полуострова в торгово-экономической, а с Китаем – в военно-политической сфере приобретает

все большее значение. Благодаря своим дальневосточным территориям Россия начинает интенсифицировать свои политико-экономические контакты с участниками региональных структур Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по безопасности (АСЕАН).⁷

Особую значимость Шанхайской Организации Сотрудничества придадут интеграционные процессы, которые позволят сделать российский Дальний Восток приоритетным регионом в международном сотрудничестве с Китаем. В этом случае будет обеспечен выход российского Дальнего Востока на восточноазиатский рынок. Темпы развития этого рынка в основном зависят от экономики Китая, Японии и Республики Корея.⁸

Поддержка плодотворного сотрудничества с Китаем даст России возможность укрепить ее позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее важным достижением в отношениях между Китаем и Россией стало Соглашение об окончательном урегулировании территориальных споров, что дает новый импульс стратегическому партнерству. Одним из основных направлений этого партнерства может стать развитие социально-экономических отношений приграничных регионов России и Китая. В современных условиях дальневосточные регионы России нуждаются в иностранной рабочей силе и в зарубежных капиталовложениях. Необходимы создание благоприятного климата для инвестиционного сотрудничества двух стран и законодательное решение проблемы нелегальной миграции китайской рабочей силы.⁹

Россия может способствовать мирному решению проблемы ядерной программы КНДР. Участие России в урегулировании этой проблемы может стать решающим фактором в стабилизации политической ситуации на Корейском полуострове.¹⁰

Япония наряду с Китаем заинтересована в приграничном сотрудничестве с российским Дальним Востоком. Несмотря на отсутствие договоренностей по «Курильскому вопросу», важной составляющей российско-японских отношений становится энергетическая дипломатия. Большие перспективы открываются в связи с развитием совместных проектов по освоению природных ресурсов на восточных территориях России.¹¹

Участие дальневосточных регионов России во внешней политике может способствовать плодотворному формированию ее Тихоокеанской стратегии. Особая роль в этом процессе отводится энергетической дипломатии, так как 40% энергоресурсов в АТР – это российское сырье. Но наличие природных ресурсов на азиатской части России не должно делать ее сырьевым придатком для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а скорее, должно способствовать взаимовыгодному сотрудничеству по интенсивному освоению богатств восточных регионов России.¹²

В настоящее время для развития экономики российского Дальнего Востока ключевое значение имеет обоснованное законодательное регу-

лирование экономической деятельности, гарантии защиты иностранных инвестиций. Полноценное включение Дальнего Востока России в систему интеграционных связей Азиатско-Тихоокеанского региона позволит конструктивно изменить характер сотрудничества с Китаем, Японией, Республикой Корея и КНДР, где стабильно растет спрос на энергоресурсы.

Таким образом, Россия, во многом утратив былую военную мощь, должна во все большей мере укреплять свое экономическое, социальное и научно-техническое содержание. На обеспечение безопасности России в АТР в той или иной степени влияют глобальные и региональные геополитические процессы, протекающие в этом регионе. Учитывая тенденции развития Азиатско-Тихоокеанского региона, мы считаем необходимым уточнение национальных интересов и целей Российской Федерации в АТР, формирование вокруг российского Дальнего Востока стабильного геополитического окружения, становление и развитие устойчивого геополитического пространства. Необходимы осознание значения российского Дальнего Востока, его активное участие в процессах интеграции в регионе.

¹ Василенко, И.А. Геополитика : учебное пособие / И.А.Василенко. – М.: Логос, 2003. – С. 152.

² Богданов, С.А. Пограничная безопасность – важнейшая составляющая национальной безопасности / С.А.Богданов // Стратегическая стабильность. – 1991. – № 4.

³ Анчуков, С. Безопасность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе / С.Анчуков // Информационное агентство «Славянский мир». – 2001. – 30 января.

⁴ Касьянов, В.В. Политология для технических вузов / В.В.Касьянов, С.И.Самыгин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 355.

⁵ Нартов, Н.А. Геополитика / Н.А.Нартов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – С. 174–175.

⁶ Ильин, И.А. Родина и мы / И.А.Ильин. – Смоленск: Посох, 1995. – С. 150.

⁷ Российский Дальний Восток и страны АТР: проблемы развития экономических отношений : материалы научно-практической конференции. – Владивосток, 2001.

⁸ Николаев, М.Е. Устойчивый вектор в развитии России / М.Е.Николаев. – М., 2005.

⁹ Пекинская декларация РФ и КНР от 18 июля 200 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 5; Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июня 2001 г. // Пресс-канцелярия Госсовета КНР; Совместная декларация РФ и КНР от 27 мая 2003 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 1 и др.

¹⁰ Российско-корейское совместное заявление от 27 февраля 2001 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 2; Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР от 9 февраля 2000 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 1.

¹¹ Программа углубления сотрудничества в торгово-экономической области между Российской Федерацией и Японией от 5 сентября 2000 г. Меморандум о создании совместной хозяйственной деятельности на четырех островах // Дипломатический вестник. – 2000. – № 9; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии российско-японского плана действий от 10 января 2003 г. // Информационный бюллетень Японии № 42.

¹² Костюнина, Г.М. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество / Г.М.Костюнина. – М.: Международные отношения, 2002.

Раздел 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Чуринов Н.М.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный аэрокосми-
ческий университет имени академика
М.Ф.Решетнева (г. Красноярск)

СОВЕРШЕНСТВО СЛОВА: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

*Ибо ничто ныне так не редко, как встреча с ду-
ховным братом, мирное слово, духовное общение,
какое обретя в твоём совершенстве, возблагодарил
я Господа, прося исполнить меня и совершенным
о тебе веселием. Ибо если таковы письма, то каково
личное с тобою общение? Если издали берешь так в
плен, то чего будешь достоин, явившись близ меня?*

Св. Василий Великий

На пути теоретического анализа свободы слова как альтернативы совершенства слова важно обратить внимание на то, какое значение придавали западные специалисты формальной логике со времен великих схоластов и до наших дней.

В книге «Диалектическая логика» И.Д.Андреев пишет: «Гегелевскую философскую систему называют системой панлогизма»¹. И это так, хотя по сути неореалистская философская система Гегеля включена в мощную общую теоретическую традицию Запада, в которой ныне и неореалисты, и неоминалисты являются своего рода «единоверцами», приверженцами тех или иных контекстов формальной логики и ее технологических достоинств. В связи с этим идею панлогизма как нечто относящееся непосредственно к философской системе Гегеля, на наш взгляд, правильно было бы признать таковой лишь в узком смысле слова. А в широком смысле идея панлогизма могла бы быть определена как нечто такое, что является доминантой духовной жизни Запада, основой его респектабельности, его рациональности, его прагматизма и т.д.

И в духе панлогизма современный немецкий философ К.Хюбнер раскрывает «точное значение понятия "рациональность"». Интуитивно с ней связаны представления о познаваемости, обоснованности, последовательности, ясности и общеобязательной приемлемости... Указанные

понятия являются предпосылками всякой рациональности. Рациональность понятий усматривается, однако, в их ясности и общепринятости, что означает, что они понимаются всеми одинаково и потому могут употребляться одним и тем же образом... я назову рациональность, которая основывается на ясности и общей приемлемости понятий и построенных из их суждений семантической intersубъективностью... высказывания, опирающиеся на эмпирические факты, принимаются за рационально обоснованные... они должны быть общеобязательно приемлемы или приняты кем-то... Этот тип рациональности я бы предложил именовать эмпирической intersубъективностью... рационально считаются такие высказывания, которые являются результатом логического вывода... В этом случае мы будем говорить о логической intersубъективности... формой рационального обоснования является опора на определенный способ деятельности... Это я обозначу как операциональную intersубъективность»². Как видим, К.Хюбнер строит своеобразную логически-куртуазную определенность: понятия (семантическая intersубъективность); суждения (эмпирическая intersубъективность); умозаключения (логическая intersубъективность); сущностная intersубъективность, то есть intersубъективность восполнения абстракций, получила название операциональной intersубъективности технологически общеобязательной приемлемости. Не случайно Хюбнер пишет: «Intersубъективное признание выводов, полученных строго логическим путем, может быть гарантировано. Наука в своем стремлении к наибольшей рациональности пытается поэтому придать своим теориям по возможности логическую и тем самым... аксиоматическую и систематическую структуру. Более того, она пытается объединить различные теории в более крупные системы, чтобы в перспективе вывести их все в конце концов из каких-то наиболее общих аксиом»³. Стремление к устройству науки подобным образом, по-видимому, уже давно было бы осуществлено, если бы западный проект науки не содержал в себе столь разительной логической коллизии, определяемой методологической, так сказать, нестыковкой (она прослеживается и в самой работе Хюбнера). Дело в том, что традиционно неоминалистская методология ориентирует науку на труды, выступающие как трактовки, комментарии, конструированные описания предметов науки и т.д., тогда как традиционно неореалистская методология ориентирует науку на подтверждение догматических установлений, например мнимой единой теории поля, которой А.Эйнштейн безуспешно и понапрасну посвятил львиную долю своей творческой жизни. Следствием подобной «нестыковки» в западном проекте науки стала закончившаяся безрезультативно дискуссия между Н.Бором и А.Эйнштейном по проблеме физической реальности дискуссия по поводу идеи инвариантов М.Борна и т.д. Хюбнер особо подчеркивает единство логической intersубъективности и операциональной (по существу, технологической) ин-

терсубъективности. Он пишет: «Таким образом, логическая интерсубъективность есть только особая форма операциональной»⁴. Как видим, такая сторона панлогизма, как логический интерсубъективизм, так сказать, вписана в общий строй западного рационализма и неотделима от него. И далее Хюбнер продолжает: «В основном в силу этой тесной связи обеих форм интерсубъективности научным теориям может порой придаваться логическая форма, которая не только делает возможным ее схематическое применение, но и позволяет также перенести это применение в ту предметную область, к которой оно относится. Это становится прежде всего ясно применительно к теориям точных естественных наук, которые поэтому особенно пригодны для практического применения в технически-производственной сфере»⁵. Данная сфера в силу ее рациональности, так сказать, пронизана логической и операциональной интерсубъективностями, подчеркивая тем самым истинные пределы панлогизма, его (панлогизма) прерывность и непрерывность. В данном отношении существует другая сторона рациональности, получившая название полилогизма.

Полилогизм выступает как характерная сторона панлогизма и рационализма Запада. Согласно полилогизму многообразие направлений формальной логики (различные оформления дедуктивных и индуктивных логик) свидетельствует о том, что процесс формально-логического освоения действительности, процесс «проникновения» формальной логики в различные сферы общественной жизни продолжается, и в каких-то отношениях (как, например, многозначная логика) формальная логика идет, так сказать, впереди практического освоения мира, хотя не исключено, что в соответствии с императивами существования и долженствования те или иные области формальной логики могут оказаться невостребованными и, следовательно, тем самым доказать, что мир, для которого они (области логики) созданы, не существует. Однако в данном случае важно подчеркнуть, что всякая формальная логика представляет собой систему ограничений и, будучи использованной в процессе мышления, задает определенный технологический канал получения вероятностного знания.

Панлогизм – это метка, черта и судьба Запада, это система оправдания и оправданности его жизни, это характеристика его должного и сущего, права и ответственности, это характеристика его конкуренции, состязательности властей, прокуратуры и адвокатуры, продавцов и покупателей, продавцов с продавцами, покупателей с покупателями, науки и религии и т.д., и т.п. Вся жизнь человека – это логика зданий и сооружений, это логика производства и потребления, логика доходов и расходов, подавления и подчинения, это логика технологического детерминизма, по природе своей сугубо лапласовского детерминизма, согласно которому логично, что причина и следствие – это только то, что технологически следует друг за другом по времени. Г.Маркузе в работе «Одномерный человек» в главе «От негативного мышления к позитивному: технологи-

ческая рациональность и логика господства» пишет: «Технологическая рациональность скорее защищает, чем отрицает легитимность господства, и инструменталистский горизонт разума открывает путь рационально обоснованному тоталитарному обществу»⁶. Вообще технологическая рациональность – это рациональность неореалистского толка, предполагающая и придающая значение всеобщности практики восполнения абстракций. И поскольку, по Маркузе, всякое технологическое – это технологическое, постольку неореалистски технологическая рациональность выступает как рациональность панлогизма. Поэтому Маркузе совершенно логично доказывает: «Логика и математическая логика являются... (действием с каким-либо объектом, действием, приспособленным к общему); «действием», которому присуща общая значимость»⁷. В настоящее время еще не поставлена точка в дискуссии о том, не является ли математика в конечном счете логикой, и в этом смысле математизация научного знания – это апофеоз панлогизма, его идеациональный покров. Маркузе в собственно неореалистском духе совершенно точно пишет: «Идеациональный покров математической науки является, таким образом, покровом символов, одновременно репрезентирующим и маскирующим практический мир»⁸. Действительно, практический мир – это мир, по Маркузе, «технологически» восполняющий абстракции и, следовательно, «технологическое» – это нечто призванное репрезентировать абстракции посредством технологии.

И далее неомарксист (неореалист) Г.Маркузе пишет: «В подведении частных случаев под всеобщее, в их подчинении всеобщему мышление достигает власти над ними. Оно становится способным не только к познанию, но и к действию с ними, к управлению ими. Однако, хотя мышление в целом подчинено правилам логики, развертывание этой логики различно в различных способах мышления. Классическая формальная и современная символическая логика, трансцендентальная и диалектическая логика – каждая из них определяет свой универсум дискурса и опыта. Но все они развиваются в историческом континууме господства и платят ему дань»⁹. Панлогизм мышления, о котором пишет Маркузе, действительно не вызывает сомнения. Однако он полагает, что каждая из логик определяет свой универсум, то есть каждая из логик по-своему якобы раскрывает свой универсум, то есть универсалистскую модель мира, и это так, за исключением диалектической логики: диалектическая логика – это логика, вытекающая из космической модели мира, она (диалектическая логика) адекватна космической модели мира, теории отражения, а не теории репрезентации; диалектике как науке о всеобщей связи, а не метафизике и т.д. Можно согласиться также с Маркузе, что каждая логика развивается в своем историческом континууме, в частности в историческом континууме определенного типа общества, где она служит «господству и платит ему дань», например, служит самоутверждению тоталита-

ризма – крайне негативной формы консерватизма, за исключением диалектической логики, к консерватизму никакого отношения не имеющей, как, впрочем, и к либерализму, и его крайней форме (либертаризм) также.

Отметим также: если реалисты и неореалисты рационализировали аристотелевскую дедуктивную логику, то номиналисты и неонминалисты рационализировали индуктивную логику Ф.Бэкона, У.Минто, Г.Рейхенбаха, Р.Карнапа, Дж.Кемени и др. В индуктивной логике как математической логике изучаются способы получения статистических законов, активно используется теория вероятностей и т. д. и, наш взгляд, не случайно.

Панлогизм, пронизывающий всю духовную жизнь Запада, рационализм в форме полилогизма, пострационализм, утверждающий преимущества логики таблоидов, неорационализм, уготавливающий принятие мелькания, бесконечной сменяемости логик, череду замещений одной логики поведением другою, приходящей ей на смену, и т.д. – это феномены XX–XXI вв., и никто не может сказать, что последует на новом этапе развертывания рационализма, вектора его (рационализма) утилитаристской направленности и градуса его утилитаристского смещения, чему, безусловно, будет гарантирована соответствующая логическая определенность поведения; ничего не поделаешь: формальная логика в процессах ее применения есть совокупность ограничений – канал получения вероятностного знания, и состав ее исходных данных является предметом произвола, предметом свободы воли, предметом своего рода логического релятивизма жизнедеятельности атомизированных, индивидуализированных обществ, получивших название человеческих масс, толп и т.д. Действительно, общество одиночек, друг от друга независимых, потому и определяется как толпа или как масса, что входящие в них одиночки ничем друг с другом не связаны, кроме как какими-либо потребительно-существенными узами. И в этом смысле массе, толпе одиночек, своего рода социальных атомов все равно, в рамках какой именно логики поведения реализуются их узы, актуальный тип рационализма (пострационализм, неорационализм и т.п.). Так что, может быть, в системе отрицания панлогизма и возникла идея диалектической логики.

Однако теоретические традиции, в которых развертывалось научное творчество в области развития идей формальной логики, дает много сомнений: прежде всего это традиция реализма (неореализма) и традиция номинализма (неонминализма). При этом главной задачей научного познания, по Ф.Бэкону, являются формирование научных понятий, открытие определений и связанных с ними аксиом, хотя проблема образования понятий не входит в компетенцию формальной логики. Гоббс решающую роль в познании отводил языку. Язык же он рассматривал как соединение имен (слов), а имена, с его точки зрения, суть произвольные знаки окружающих нас предметов. Соединения имен образуют предложения, соединения же предложений образуют силлогизмы, а соединения силлогизмов

дают нам доказательства. Истина же постигается искусством правильно расставляя слова, имена, понятия.¹⁰ Аналогичным образом для целей развития формальной логики неореалистами был разработан метод дедукции, согласно которому формальная логика должна строить доказательства и выводы исходя из общих понятий, трансценденталий, абстракций, и новое знание предстает как нечто восполняющее данные абстракции, однако не способное их восполнить. В данном отношении раскрывается природа трансцендентальной логики Канта.

О Гегеле, с некоторыми оговорками принявшем трансцендентальную логику Канта, Ф.Энгельс пишет как о неореалисте: «Гегель был идеалист, то есть для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира»¹¹. Иными словами, вещи и процессы для Гегеля являются репрезентациями идей. В данном отношении раскрывается собственно гегелевская версия панлогизма.

Отметим, что со времен основоположников теории информации и кибернетики известно, что канал связи представляет собой совокупность ограничений, и с этой точки зрения, например, передача, хранение, переработка информации – это характеристики различных каналов связи, например хранение информации выступает как ее передача во времени, а переработка информации выступает как ее передача по специальному каналу связи и т.д. В связи с этим всякая формальная логика выступает как система ограничений, и, соответственно, процесс мышления, осуществляющийся в рамках принятой формальной логики, предстает как определенный канал связи, а также в этой мере как источник получения вероятностного знания, о чем пойдет речь далее. Диалектическая логика предстает как нечто, выходящее за рамки технологицистского (в качестве канала связи) видения ее реализации, за рамки панлогизма. Диалектическая логика характеризует принципиально иной тип порождения нового знания и принципиально иное качество научного знания, то есть диалектическая логика имеет дело не с вероятностным знанием (репрезентацией действительности), а с совершенным знанием – образом действительности.

Действительно, неоминалистская, индуктивная логика строится на убеждении в том, что понятия, суждения и умозаключения являются репрезентациями действительности, пригодными для интерпретации, описания, комментирования любых вещей и процессов. Неореалистская же, дедуктивная логика, напротив, строится на убеждении в том, что понятия, суждения и умозаключения репрезентируются, то есть воспроизводятся как абстракции. Однако диалектическая логика является образом действительности, неотделимым существованием сущности действительности.

Данное обстоятельство, характеризующее принципиальное отличие теории познания как теории репрезентации от теории познания как теории отражения, сформировало то недоразумение, которое лежит в основе непризнания диалектической логики как логики. Подобное недоразумение иногда предстает в форме своего рода пижонства или своеобразного позерства, сковывающего творческий потенциал тезиса о диалектической логике, а также творческий потенциал представлений о природе исходных пунктов формальной и диалектической логики.

Отметим, что в византийской философии, начиная со святого Иоанна Дамаскина, и в русской философии всех времен вплоть до В.Г.Белинского и Н.Г.Чернышевского можно найти множество предпосылок для возникновения диалектической логики. Например, святой Иоанн Дамаскин пишет: «Итак, совершенными будут те определения, которые допускают обращение с определяемым предметом. Но так как и свойство допускает обращение с тем предметом, которому оно принадлежит, – ибо, если известное существо есть человек, то оно и способно смеяться, и если оно способно смеяться, то оно и человек, – поэтому мы должны, прибавляя к данному раньше определению, сказать, что совершенные определения суть те, которые состояются из рода и образующих разностей, в которых сказано не более и не менее, чем следует, и которые допускают обращение с определениями. Равным образом (совершенными определениями) будут те, которые состояются из предмета и цели, а также из материи и формы. Иногда (совершенными являются) и такие определения, которые состоят из одного предмета, – именно, когда предмет не подлежит другому искусству, как например, стекло – стеклянному искусству – и из одной цели, когда эта цель не может быть целью других искусств, как например, это имеет место в отношении кораблестроения. Из всего этого следует сделать вывод, что совершенство определения заключается в его способности к обращению»¹². Развитие данного положения приводит в конечном счете к раскрытию обращения, заключенного в диалектическом противоречии, например: сущность является – явление существенно, форма содержательна – содержание оформлено, возможность действительна – действительность возможна и т.д., то есть «совершенные определения» взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга, «совершенные определения» являются образами действительности, и таким определениям в своих «Философских тетрадах» В.И.Ленин придает принципиальное значение. «Совершенные определения» святого Иоанна Дамаскина раскрывают противоречивость соответствующего оформления совершенства, показывают переход из одного оформления совершенства в другое, согласно которому: 1) происходит отрицание отрицания; 2) система предстает как развитое целое, а организация выступает как развитая институциональность, упорядоченность, как развитая последовательность, развитая сложность, по К.Н.Леонтьеву, – как цветущая сложность и т.д.

Отсюда вопрос особой актуальности: способен ли Запад побороть в себе панлогизм? Да и есть ли у него необходимость и потребность в этом? И, следовательно, откажется ли Запад от риторики, призванной украшать технологичность, панлогизм свободного слова? И потому можно понять русских философов, снисходительно относящихся к риторике в ее западном варианте. Например, А.А.Потебня (1835–1891 гг.) пишет: «Риторичность – стремление сознательно изображать чертами, далекими от действительности... Когда люди отворачиваются от природы или составляют целью подражание себе и другим (отсюда манерность, риторичность). Безусловное подражание не есть цель искусства»¹³.

О том, что касается понятия «диалектическая логика». В связи с этим И.Д.Андреев пишет: «Следует в заключение отметить, что в произведениях Гегеля не встречается самого термина "диалектическая логика", он был введен классиками марксизма-ленинизма»¹⁴. И в данном отношении само понятие впервые встречается у Ф.Энгельса, а потом у В.И.Ленина, чему, по-видимому, главным образом способствовала общая западная обстановка панлогизма: вот появилась сильная концепция диалектики, следовательно, и она должна быть помечена логикой, своей логикой. Ф.Энгельс пишет: «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, то есть различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»¹⁵. После данного положения Ф.Энгельс строит из «форм движения мышления» отношения субординации суждений и умозаключений, полагая, что формальная логика может удовлетворяться лишь отношениями координации.

По-видимому, поиск «следов» диалектической логики в той или иной конструкции формальной логики или соотношении произвольно сконструированной совокупности полилогизма не имеет перспектив, поскольку как в плане неореалистского панлогизма, так и в плане неоминалистского панлогизма формальная логика образом действительности быть не может, то есть формальная логика является или репрезентантом, требующим своего восполнения (неореализм), или репрезентацией действительности, выступающей в качестве описания, трактовки, комментирования, интерпретации и т.д. действительности. Во всех этих случаях формальная логика, в отличие от диалектической логики, образом действительности быть не может. И, следовательно, раскрытие диалектической логики в терминах формальной логики изначально является глубоко ошибочным: в основаниях формальной логики и диалектической логики находятся принципиально различные теории познания (теория познания как теория репрезентации – формальная логика, теория познания как теория отражения – диалектическая логика).

Теперь, когда Советский Союз потерпел поражение в «холодной войне», когда Советский Союз исчез с лица земли, не пережив и ста лет, когда многие несчастья опалили жизни миллионов людей, все это стало основаниями серьезно задуматься над безрассудностью и неуместностью пижонства и безответственного позерства по поводу диалектической логики, понять, что поражение в «холодной войне» должно нас чему-то научить, чтобы мы освоили своевременно новые формы вторжений, новые формы ведения войн, чтобы учились на ходу, чтобы мы были способными с ходу вступить в новое качество боя и чтобы мы быстро могли оснащаться новыми средствами ведения боя, в том числе и новыми средствами.

Диалектическая логика – это альтернатива формальной логике и ее технологической сущности. Диалектическая логика – это логика иной сущности, это логика иной природы. Это логика иного, альтернативного типа мыслительного оснащения, идущего вразрез с западными интеллектуальными технологическими ухищрениями. Формальная логика – это система технологического теоретического оснащения.

Запад многими столетиями «пригвожден» к стандартам технологицистского мышления и технологицистскому образу мысли, и в этом его слабость. С какой стати, зная эту его слабость, мы не должны использовать против него силу диалектической логики, то есть направить для блокирования его технологических усилий технологическое оружие, то есть диалектическую логику, по принципу: за одного битого двух небитых дают. И есть в народе такое слово – «человек битый», то есть наученный жизнью. Может быть, именно в диалектической логике состоит известная всему миру «непостижимость русской души» (непостижимость для Запада).

И в свете данного рассуждения мы должны обратиться к великому труду Аристотеля под названием «Риторика». И первые же слова, которыми открывается его книга, проливают свет на все. Он автор дедуктивной логики, то есть формальной логики, которую древние западные философы «ошибочно» приняли за диалектику. К настоящему времени, во-первых, данная «ошибка» превратилась в полилогизм, поглотивший всю социальную жизнь Запада; во-вторых, данная «ошибка» вызывает сомнение, способен ли Запад и найдет ли нужным избавиться от данной «ошибки», поскольку приверженность данной «ошибке» не мешает ему в свое удовольствие пребывать в излюбленном им «обществе потребления» и вызывать зависть у иных соседей. Аристотель пишет: «Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки»¹⁶. Во-первых, Аристотель, рассуждая о диалектике, в отличие от западных философов, знал, о чем пишет. Во-вторых, раскрывая единство риторики и диалектики, он придавал поня-

тию «риторика» значение, адекватное диалектике. Отметим, что, подобно тому как аристотелевскому понятию «метафизика» некоторое время спустя после его смерти был придан антиаристотелевский, софистский смысл, также и понятие «риторика» не избежало аналогичной участи, в связи с чем для некоторых русских исследователей, например для В.Г.Белинского и А.А.Потебни, слово «риторика» стало нарицательным. В-третьих, диалектики Платон и Аристотель вступили в спор с софистами – античными технологами доказательств, быть может, софисты в какой-то мере подготовили «почву» для аристотелевской формальной логики – силлогистики, и поэтому Аристотель, создавая силлогистику, отделял ее от диалектики и риторики, видел их принципиальное несовпадение, так что риторика представляла как определенная дисциплина диалектики; и вместе с риторикой во времена Энгельса и Ленина возникла другая дисциплина диалектики, получившая название диалектической логики.

В некотором смысле диалектику можно определить как диалектическую логику. В данном отношении В.И.Ленин пишет: «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов»¹⁷. Быть может, он имел в виду обращающиеся «совершенные определения» святого Иоанна Дамаскина, в плане которых и следует изучать действительность: сущность является, явление существенно и т.д.

Диалектическая логика есть логика совершенства слова, то есть той полноты, которая является отражением (по М.В.Ломоносову и Я.В.Толмачеву – изображением) всеобщей связи, объективной диалектики, единства пространства, времени, движения, материи, единства мира и т.п. Диалектическая логика – это логика совершенных определений, оформлений совершенства: это логика диалектического противоречия, это логика системности, логика организации, логика «цветущей» сложности и т.д. Можно сказать, что диалектическая логика – это логика отображения, логика неотделимости друг от друга образа и прообраза, согласно которой образ является существованием сущности прообраза, это логика опосредствования, задающая содержание образа как существования сущности прообраза. Потому образ выступает как нечто узнаваемое. И в этом смысле диалектическая логика предполагает совершенное знание (знание – образ действительности), а формальная логика предполагает вероятностное знание, так сказать, правдоподобное знание.

Необходимо отметить, что русские философы хорошо знали и, по крайней мере, уже в XVII в. по достоинству оценили «Диалектику» святого Иоанна Дамаскина. Эта работа святого к XVII в. была, по-видимому, неоднократно переведена на русский язык. Тогда жили два брата, два старообрядческих философа Андрей и Семен Денисовы. Сохранилось словесное описание облика старшего брата Андрея: «К сему же украшен он был и благодарственною естественною к риторству доброю, имел довольный мужественный возраст и сановитость всего тела, главу, аки бисером, чинны-

ми кудрями светло-русыми и в полъ сединою украшену, острый ум, белистою чистою светло удобрено лице, ясные очи и зрением по чернилу скорозрительны, и румяностию цветущия ланиты и оною же помазанные уста, окруженную браду, свободный и легкий язык, крепкую грудь...»¹⁸. Вместе с братом Семеном они посетили различные библиотеки России, встречались с основными идеологами и теоретиками страны, а также собирали необходимую для их творческой миссии литературу.

До нашего времени дошла «Книга Семена Денисова», в которой развертывается теория совершенства слова, которая свидетельствует о том, что оба брата хорошо знали работы святого Иоанна Дамаскина. В своей книге, написанной в стиле сократического диалога, Семен Денисов пишет: «Вопрос: Того ради и приидох к тебе, яко велие желание хитрости сея имею, мнящее но бытии в житии человеческом паче иных полезнейшую.

Ответ: Аз убо краткое тебе и ясное преподам наставление, аки за руку ведущее тя, како совершенное и своего намерения не лишаемое слово составити имаша. Множайшаго же ради удобия и сам, излагающее правила во образ тех, особное некое имамъ составить, да не токмо убо видиши мене учащего, но не творящего, но и творящего, и тако совершенное учением сугубым, си есть словом и делом моим, наставлен будеши.

Первое убо достоит уведати многократные ли суть роди слова. Та же колико части имать слово. Потом же, на колико частей разделяется вся хитрость риториков, или кая нужная ведати ритор имать, да доброе и совершенное слово его будет»¹⁹. Рассуждение о совершенном слове Семена Денисова, очевидно, навеяно положениями святого Иоанна Дамаскина о совершенных определениях, которым свойственна обратимость. И в этом смысле данное рассуждение выходит за рамки ухищрений западной риторики и технологических определений формальной логики как дедуктивной, так и индуктивной, то есть риторики, служащей дополнительному оснащению процесса мышления в рамках формальной логики как канала связи, формирующего вероятностное знание панлогизма.

Когда польский философ и логик Я.Лукасевич (1878–1956 гг.) создал трехзначную логику (истинно, ложно, возможно), то тем самым он «открыл двери» для четырехзначной, многозначной, бесконечнозначной и других логик подобного типа. Отметим, что, например, пятизначная логика нашла свое применение в теории релейно-контактных схем, созданной изначально русскими специалистами (В.И.Шестаков, М.А.Гаврилов, А.Н.Колмогоров и др.); она была положена в основу теории искусственного интеллекта, экспертных систем, электронно-вычислительной техники и т.д. В свою очередь, диалектическая логика лежит в основе антиэнтропийных процессов, текнологий человеческой деятельности во всех сферах общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной), согласно которой часть оказывается большей, чем целое, целое оказывается большим, чем сумма частей, или целое оказывается

меньшим, чем сумма частей. Диалектическая логика, будучи развернутой в системе главной идеи синергетики как науки о самоорганизации в природе (в том числе и в неживой природе) и в обществе, способна послужить получению фундаментальных исследовательских результатов, а именно получению совершенного знания. И если формальная логика оперирует репрезентациями действительности (понятиями, суждениями и умозаключениями), то диалектическая логика оперирует образами действительности (понятиями, обращающимися «совершенными определениями» и тектологическими выводами, характеристиками части большей, чем целое, целого большего или меньшего, чем сумма частей). Таково соотношение формальной и диалектической логик, на чем, собственно, и настаивали Андрей и Семен Денисовы.

Отметим, что до времени дедуктивная логика была неявным каналом получения вероятностного знания, но со времени расцвета индуктивной логики, многозначных, бесконечнозначных и иных логик формальная логика становится характеристикой явного канала получения вероятностного знания.

Совершенное же знание, являющееся достоянием диалектической логики, способом ее оформленности, отличным от способа оформленности вероятностного знания в рамках формальной логики, предполагает иную «архитектуру» канала связи определяемого стандартами диалектической логики. И потому от времени диалектиков античности до философов Византии, а от них до древнерусских философов и философов «серебряного века» осмысливалась диалектика единомыслия и многомыслия (единодушия, единоумия), относящаяся непосредственно к оформлению совершенного знания.

Не случайно особое значение святой Василий Великий придает мудрости, сочетающейся со смирением, то есть мудрости, которая делает слово совершенным, позволяет слову быть частью большей, чем целое, или целостности слова большей, чем сумма его частей. Смиренномудрие – это мудрое слово, встраивающееся в процесс реализации космической модели мира, это слово, вовлеченное в антиэнтропийный процесс, благодаря которому возникают и разворачиваются оформления совершенства, космические оформления. Святой фактически показывает, что благодаря смиренномудрию формируется устойчивость общественной жизни: «И совершенство в смиренномудрии, чтобы ни знатность предков не помнить, ни, ежели есть у нас от природы какое преимущество душевное или телесное, не превозноситься им, ни мнение о себе других не обращать в повод к превозношению и надменности – и это принадлежит к жизни евангельской, также как в воздержании – твердость, в молитве неутомимость, в братолюбии – сострадательность, с нуждающимися – общительность, в образе мыслей – скромность, сокрушение сердца, здоровая вера, в печали – равнодушие, и то, чтобы в мысли нашей никогда не прекращалось напомина-

ние о страшном и неизбежном суде, к которому мы спешим, хотя весьма не многие помнят о сем и заботятся о том, чем он кончится»²⁰.

Совершенство в смиренномудрии – это значит лишенность легкомыслия, это значит углубленное постижение истины, это значит самокритичное, взвешенное познание процессов и вещей; это значит придиристичность и повышенная требовательность к слову устному или письменному, поскольку за подобной требовательностью находится забота о том, чтобы слово было авторитетным, действенным, «задевающим за живое», достопамятным, словутным. Совершенное знание, оформленное диалектической логикой, по Хюбнеру, гарантирует убедительность не определенностью законченности вероятностного знания, полученного на основе западного метафизического проекта науки, а гарантирует убедительность законченностью диалектического проекта науки, на базе которого совершенное знание было получено. В.И.Ленин пишет: «Диалектика есть правильное отражение вечного развития мира»²¹. В данном случае понятие «правильное отражение» есть характеристика совершенного знания, раскрывающая объективное содержание и диалектическую логику «вечного развития мира».

Диалектическая логика в этом значении принципиально отличается от формальной логики, поскольку последняя (формальная логика) в ходе ее реализации в процессе собственно интеллектуальной деятельности является источником вероятностного знания. После разработки Я.Лукасевичем трехзначной логики это стало уже очевидным, но и все двузначные логики встали перед вопросом: не являются ли и они наравне с трехзначной, многозначной, бесконечнозначной логиками контурами совокупностей ограничений канала получения вероятностного знания? На этот вопрос проливает свет Р.Карнап – один из видных разработчиков индуктивной логики. Р.Карнап (1891–1970 гг.), американец немецкого происхождения, показывает, что трудности его предшественников, создававших свои версии индуктивной логики, были вызваны тем, что они не различали частотной и логической вероятностей. Он пишет: «В некоторых своих утверждениях авторы классической теории могли иметь в виду не логическую, а, по-видимому, частотную вероятность. Я считаю, что намек на это содержится даже в заголовке первой систематической работы в этой области – "Искусство догадок" Якоба Бернулли»²². Следовательно, Карнап исходит из того, что его индуктивная логика:

1) предполагает различение определенных типов вероятностей, и среди них отдается предпочтение логической вероятности;

2) вероятностное знание может базироваться на данных как частотной вероятности, так и логической вероятности (искусство догадок);

3) индуктивная логика выступает как совокупность ограничений источника вероятностного знания, базующихся на стандартах логической вероятности.

Карнап пишет: «Я верю..., что может быть построена индуктивная машина... Если даны некоторые наблюдения – и гипотеза (в форме, ска-

жем, предсказания или даже множества законов), тогда я уверен, что во многих случаях путем чисто механической процедуры возможно определить логическую вероятность, или степень подтверждения h основе e . Для этого понятия вероятности я употребляю также термин "индуктивная вероятность", потому что убежден, что это основное понятие, которое входит во все индуктивные рассуждения»²³.

1. Тезис о том, можно построить индуктивную машину, означает, что можно построить совокупность ограничений источника вероятностного знания, т. е. канал, в котором реализуется логическая вероятность подтверждения h на основе e . И, желая подчеркнуть, что данный канал самореализуется именно в рамках индуктивной логики, Карнап вводит новое понятие – «индуктивная вероятность», тем самым увеличивая арсенал характеристик вероятностного знания.

2. Употребляя понятия «индуктивная машина», «механическая процедура», Карнап подчеркивает технологичность индуктивной логики как формальной логики.

Развивая мысль о логической вероятности, Карнап показывает, что данная разновидность в чем-то схожа с логическим союзом «если..., то», имеющим название импликации. Он пишет: «В моей концепции логическая вероятность представляет логическое отношение, в чем-то сходное с логической импликацией. Действительно, я думаю, что вероятность может рассматриваться как частичная логическая импликация. Если свидетельство является таким сильным, что гипотеза логически следует из него – логически имплицируется им, – тогда мы имеем крайний случай, при котором вероятность равна 1... Подобным же образом, если отрицание гипотезы логически имплицируется свидетельством, тогда вероятность гипотезы есть 0. Между ними имеется континуум случаев, о которых дедуктивная логика не говорит нам ничего, кроме отрицательного утверждения, что ни гипотеза, ни ее отрицание не могут быть выведены из свидетельства. В этом континууме должна занять свое место индуктивная логика. Но индуктивная логика, подобно дедуктивной, имеет отношение исключительно к рассматриваемым утверждениям, а не к фактам природы. С помощью логического анализа установленной гипотезы h и свидетельства e мы заключаем, что h не логически имплицируется, а, так сказать, частично имплицируется e в такой-то степени»²⁴. Как видим,

1) и дедуктивная логика, и индуктивная логика, будучи принятыми к реализации, то есть став машиной, становятся источниками и каналами вероятностного знания, хотя для этих целей, так сказать, оправдано функционирование понятий «частотная вероятность», «логическая вероятность», «индуктивная вероятность» и т.п. Данные понятия призваны подчеркнуть ту мысль, что вероятностное знание в своем отношении неоднородно;

2) панлогизм, понятый в широком смысле, будучи представлен многообразием «машин», подобных «индуктивной машине», выступает как характеристика совокупности ограничений – канала вероятностного знания;

3) полилогизм как стандарт рациональности выступает как показатель неоднородности вероятностного знания, предназначенный для того, чтобы каждая формальная логика, оказавшись предметом предпочтения, могла стать «машиной», то есть источником необходимого качества вероятностного знания;

4) понятие «интеллект», разрабатываемое в системе общественной предрасположенности к формальной логике, отрицающей диалектику, имеет смысл как нечто, имеющее непосредственное отношение и к панлогизму. Панлогизм – это основа интеллекта;

5) логическая интересубъективность представлена и раскрывается как технологичность всякого источника вероятностного знания на базе формальной логики. При этом в логической интересубъективности получает соответствующую степень свободы всякая свободная личность, способная, не нарушая нормы права, руководствоваться формальной логикой для достижения потребного будущего вне зависимости от того, каким видится данное потребное будущее другой свободной личности и та формальная логика, на основе которой предполагается достижение проектируемого потребного будущего. Любой, кто примет формальную логику как руководство к действию, становится каналом и источником вероятностного знания.

Диалектическая логика не является логикой в собственно формально-логическом значении:

1) это логика совершенного знания, а именно знания как образа действительности, существования сущности прообраза;

2) это логика совершенства слова, то есть благоглаголения, способности «глаголом жечь сердца людей»;

3) это логика отрицания панлогизма, и в этом смысле это логика за-предельного, то есть лежащего за пределами панлогизма;

4) это логика оформлений совершенства в рамках их действия в области совершенства слова;

5) это логика совершенного ума, то есть ума, находящегося и действительного за пределами панлогизма, поскольку панлогизм – это область действия интеллекта.

Принцип грубости, известный в математике, применительно к диалектической логике – это принцип запредельности диалектической логики. Согласно данному принципу панлогизм – это характеристика отрицания диалектической логики, это признание несущественности различий формальных логик, входящих в состав полилогизма по сравнению с диалектической логикой, поскольку все формальные логики, становясь машинами, оказываются источниками и каналами вероятностного знания, и

все логические союзы предполагают, что формальные логики представляют собой теории – репрезентации действительности. Принцип грубости – это принцип ничтожности технологизма формальных логик, это принцип нетехнологического (тектологического) оформления реализации диалектической логики.

Диалектическая логика в своем отношении – не логика, как принято понимать формальную логику. Она не распространяется на область вероятностного знания, то есть она адекватна совершенному знанию и совершенному уму – своеобразному визави интеллекта. Она строится на базе теории отражения, а не на основе теории репрезентации. С тех пор как Кантом были выявлены антиномии, то есть положения, противоположные друг другу и одинаково верные, даже на Западе стало очевидно, что данные положения (антиномии) предполагают свою логику, исключаящую лежащий в основании формальной логики закон противоречия. Согласно данному закону не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении. Кант выявил такие положения, суждения, мысли типа: мир конечен и мир бесконечен. И, следовательно, антиномиям в той мере, в какой они являются образами действительности, должна быть присуща принципиально иная логика, отличная от любой формальной логики, от панлогизма как в узком, так и в широком смыслах.

И в данном отношении характерно, что Гегель пишет о внутреннем отрицании. Последовательное проведение положения о внутреннем отрицании относительно субъективной реальности, по-видимому, предполагает, что панлогизм, представленный всем многообразием формальных логик, предстает как результат внутреннего отрицания диалектики. И, следовательно, всякая формальная логика (рационалистическое содержание субъективной реальности, так сказать, ее безобразное содержание) выступает как результат внутреннего (внутри субъективной реальности) отрицания самоотрицания диалектики. Это, так сказать, внутренний переход от одной (космической) модели мира, где реализуется диалектическая логика, к другой (универсалистской) модели мира, где реализуются формальные логики. Самоотрицание диалектики в составе субъективной реальности является предметом специального анализа в ходе изучения субъективной реальности. Общая неизученность или крайне слабая изученность субъективной реальности является причиной общей запущенности диалектической логики и, соответственно, запущенности изучения совершенства слова, причиной бесплодных поисков «следов» диалектической логики в содержании формальной логики, в содержании панлогизма. Мы полагаем, что панлогизм – это собственно рационалистическое содержание субъективной реальности, это развертывающаяся в соответствии с универсалистской моделью мира сегментарность субъективной реальности, лежащая вне входящей в состав субъективной реальности субъективной диалектики и диалектической логики.

Самоотрицание диалектики в пользу панлогизма как самоотрицание космической модели мира в пользу универсалистской модели мира, по-видимому, имеет объективную основу в форме определенного способа производства общественной жизни, исторически это коллективистский способ производства общественной жизни, он является актуальным для одних объективных условий и субъективных факторов общественной жизни, он обуславливает и актуализирует космическую модель мира и складывающуюся на ее основе субъективную реальность и индивидуалистический способ производства общественной жизни, когда исторически оказывается актуальным для других объективных условий и субъективных факторов общественной жизни, и он обуславливает и актуализирует универсалистскую модель мира и складывающийся на ее основе панлогизм субъективной реальности. Так в соответствии с космической моделью мира складывается одно содержание субъективной реальности, для которой характерны, в частности, субъективная диалектика, диалектика рационального и иррационального и диалектическая логика; назовем ее коллективистской субъективной реальностью. А в соответствии с универсалистской моделью мира складывается другое содержание субъективной реальности, представленное, в том числе, панлогизмом, всеми версиями формальной логики, рационализмом (неиррационализмом, пострационализмом и т.п.); назовем ее индивидуалистической субъективной реальностью.

Так что по-настоящему речь о диалектической логике в связи с изучением совершенства слова и совершенного знания еще только начинается. И в данном отношении по-новому сыграют свою роль диалектические логики И.Д.Андреева, Ф.Кумпфа, З.Оруджева, Э.В.Ильенкова, коллектива авторов из МГУ, возглавляемого З.М.Оруджевым и А.П.Шептулиной, и т.д. И тогда мы сможем точно определить адреса, то есть людей, кому, по Семину Денисову, можно будет сказать: «Совершенно рекл еси»²⁵.

¹ Андреев, И.Д. Диалектическая логика / И.Д.Андреев. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 72.

² Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер.- М.: Республика. 1996. – С. 220-221.

³ Там же. – С. 254.

⁴ Там же. – С. 259.

⁵ Там же. – С. 259.

⁶ Маркузе, Г. Одномерный человек / Г.Маркузе // Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, 2003. – С. 421.

⁷ Там же. С. 423.

⁸ Там же. – С.425.

⁹ Там же. – С. 430.

¹⁰ Андреев, И.Д. Указ. соч. – С. 47–49.

¹¹ Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс, К. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. / К.Маркс, Ф.Энгельс. – М.: Политиздат, 1966. – С. 144.

¹² Иоанн Дамаскин. Диалектика, или философские главы / Иоанн Дамаскин. – М.: Екклесия Пресс, 1999. – С. 53.

¹³ Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – С. 333–334.

¹⁴ Андреев, И.Д. Указ. соч. – С. 80.

¹⁵ Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс, К. Сочинения. Т. 20. / К.Маркс, Ф.Энгельс. – С. 538.

¹⁶ Аристотель Риторика / Аристотель // Античные риторика. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 15.

¹⁷ Ленин, В.И. Философские тетради / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 227.

¹⁸ Аннушкин, В.И. Старообрядческая статья О произношении гласа и движении тела // В.И.Аннушкин // История русской риторики. – М.: Флинта, Наука, 2002. – С. 142.

¹⁹ Аннушкин, В.И. Книга Семена Денисова / В.И.Аннушкин // История русской риторики. – С. 130.

²⁰ Василий Великий. Письма / Василий Великий. – Минск: Харвест, 2003. – С. 244.

²¹ Ленин, В.И. Указ. соч. – С. 99.

²² Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Р. Карнап. – М.: УРСС. – С. 81.

²³ Там же. – С. 78.

²⁴ Там же. – С. 76.

²⁵ Аннушкин, В.И. Книга Семена Денисова. – С. 131.

Лойко О.Т.,

доктор философских наук, профессор
Томский политехнический университет
(г.Томск)

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МЕЖПАРАДИГМАЛЬНАЯ ДЕСКРИПЦИЯ

Память – это антология реминисценций о том, что должно приоритетнее отрефлексироваться, чем все остальное.

М. Хайдеггер

Парадоксальность ситуации, в которую невольно попадает исследователь памяти в социальном контексте, состоит в том, что нет ничего более прочного, чем память, и, как отмечает Д.Зильберман, именно памяти отпущен столь короткий срок. Люди, относящие себя к разным поколениям, могут совершенно справедливо сказать: «Мы помним иначе, если помним вообще». Возникает ситуация, когда понять содержание и смысл зафиксированного в воспоминаниях становится предельно сложно потому, что сама память не поддается однозначному описанию и требует, как правило, нетривиальной интерпретации. Эта гносеологическая ситуация свойственна всему социальному познанию. Как отмечает А.Макинтайр, «истинные достижения в социальных науках сокрыты от большинства самих социальных ученых из-за систематического искажения интерпретаций этих достижений»¹. Попытка раскрыть и по возможности

объяснить достижения в области философского исследования социальной памяти – одна из основных задач, которую ставит перед собой автор.

Как только социальная память стала предметом философской реценции, возникла потребность досконального анализа основных существующих ныне теоретических подходов, отражающих степень ее изученности в современной гуманитарной науке, что явилось основной задачей настоящего раздела исследования. Сложность ее реализации определяется следующими основными моментами.

Во-первых, память, в том числе и в ее социальном контексте, была и остается предметом исследования многих наук: от биологии, нейропсихологии, истории и культурологии до современных информатики и семиотики. Наиболее полно и последовательно это обстоятельство отражено в работах Я.Ассманна (J.Assmann), О.Эксле (G.Oexle), А.Н.Леонтьева, Ю.М.Лотмана, Б.Г.Могильницкого, Я.К.Ребане, С.Л.Рубинштейна и др., констатировавших необходимость исследования внегенетических, социальных, культурных механизмов сохранения информации в памяти социума. Именно они создавали картину мира каждого конкретного человека и на качественно ином уровне коррелировали биологическую наследственность, реализуя преемственную связь между поколениями людей. «Эти внегенетические механизмы информации выступают как для каждого конкретного индивидуума, так и для социальных групп, обществ, цивилизаций и т.д. в качестве своеобразного резервуара прошлого социально-культурного опыта. С функциональной точки зрения они выполняют роль социальной памяти»².

Констатация полифоничности проблемного поля социальной памяти требует «вынесения за скобки» тех теоретических позиций, которые напрямую не связаны с выявлением сущностных характеристик социальной памяти. К ним, в первую очередь, относятся бихевиористская, нейропсихологическая и концепция памяти в гештальтпсихологии.

Во-вторых, рассмотрение основных теоретических концептов в исследовании социальной памяти вызывает необходимость использования междисциплинарного подхода, который позволит, с одной стороны, осуществить дескрипцию явленности социальной памяти на достаточно широком социокультурном фоне, а с другой – выделить из отдельных, частных научных подходов анализа памяти те, которые в большей степени способны дать представление о социальной ее сущности.

В-третьих, исследование памяти в социальном контексте само по себе имеет длительную историю. Не будет преувеличением утверждать, что изучение памяти занимает достойное место в ряду таких «вечных» философем, как человек, природа, смысл жизни, ценность. Отчетливо осознавая, что решение «вечных» философских проблем можно сравнить лишь с созданием «вечного» двигателя или открытием секрета «вечной молодости», автор ставит перед собой более скромные задачи: из всего мно-

гообразия подходов к исследованию феномена социальной памяти выделить те, которые явно или латентно способны раскрыть предпосылки философской рефлексии форм бытия социальной памяти и способов понимания и интерпретации ее содержания.

В 1986 г. М.К.Мамардашвили высказал удивительную мысль, как нельзя более тонко отражающую сущность памяти человека, о том, что забывать – естественно, помнить – искусственно. Естественность забывания и искусственность памятования предельно точно выявляют особенность памяти человека, памяти социальной. Данное положение автор, опираясь на достаточно авторитетные научные позиции, считает необходимым детально обосновать. Обратимся к опыту, с которым в той или иной мере сталкивался каждый. Замечено, что обычно запоминается то, что оставило приятное впечатление, позволяющее в процессе самого воспоминания представить себя и предстать перед другими в наиболее выгодном свете. В памяти сохраняются события, обладающие положительным модусом, в силу этого продолжающиеся в настоящем, не завершенные в прошлом, которые длятся в сегодняшнем дне и будут продолжаться в последующем. «Удержание (усвоение, сохранение и восстановление или воспроизведение) – одна из важнейших черт нашей духовной природы; иначе мы называем это явление идеями (представлениями), памятью»³. В этом случае память выступает как удерживающая сила духа, способная не только сохранить, но и передать сохраненное последующим поколениям.

То, что не несет положительной эмоциональной окраски, являясь нейтральным для человека, часто не запоминается. И необходимо прилагать значительные усилия для того, чтобы вспомнить. Современная нейрофизиология также отмечает, что забывание – это естественный процесс, который помогает человеку сохранить свою духовную целостность. Именно поэтому начиная с глубокой древности и до наших дней человек стремится к улучшению, тренировке своей памяти. Мнемотехника остается достаточно востребованным способом ориентации человека в мире.

Но одновременно в истории становления изучения памяти существовала и противоположная позиция, наиболее полно представленная Платином в «Эннеадах». Используя диалогическую форму общения со своими современниками, он задает удивительно глубокий вопрос: «Увеличивается ли счастье со временем, если счастье воспринимается в настоящем? Ведь и память не приносит никакого счастья. Ведь либо это память о разумении, которое было до этого, значит, он в таком случае говорит о более разумном.... Либо память об удовольствии, как будто счастливый нуждается в каком-то избытке радости и не довольствуется настоящей. И к тому же, какое удовольствие в памяти об удовольствии»⁴. Налицо рассуждение о памяти в модусе пессимизма, в котором невольно слышатся отзвуки Екклезиаста о тщете не только памяти, но и знания, да и самого смысла человеческой жизни.

«Нет памяти о прежнем: да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Еккл.: 1, 11).

Отметим, что эта позиция в понимании памяти не была превалирующей. Рассматривая память как одно из существенных свойств человека, отличающее его от всего остального мира, Немесий Эмесский писал: «Если же словом «помнить» мы будем обозначать то, что прежде видели, или слышали, или узнали каким-либо образом, а прежнее относится к предшествующему времени, то, очевидно, что памяти подлежит бывшее (смежное) во времени. Хотя память касается отсутствующего, но, конечно, не вызывается отсутствующим»⁵.

Такое понимание памяти подчеркивает ее способность быть связующей нитью между прошлым и настоящим, позволяющей как бы продолжить бытие прошлого в актуальном настоящем, возвыситься над реальностью материального мира и увидеть за этим истинную духовность мира горнего. Кроме того, сам процесс помятования приобретает достаточно отчетливый модальный оттенок, связанный, в первую очередь, с индивидуальным воспоминанием человека, где собственно время, в котором происходит событие, отодвигается на второй план. Эту память Августин называл «настоящее прошедшего»⁶. Именно модус, который человек задает, выстраивая свои отношения с памятью, позволяет «снять» противоречие между прошлым, настоящим и будущим для отдельного человека, способного овладеть искусством запоминания. Антропологическая модальность социальной памяти элиминирует разорванность воспоминания в его ценностно-смысловом контексте и тем самым «включает» человека в контекст социальной памяти, что влечет за собой реальную возможность восстановить утрачиваемую в современном бытии человека идентичность. Человек, в контексте социальной памяти преодолевая свою собственную «манкуртизацию», выступает как субъект, способный подняться над временным в памяти и обрести свою истинную сущность в памяти вечной. Человек, будучи, по словам К.Ясперса, существом, которое не только есть, но и знает, что оно есть, постоянно помнит об этом своем существовании, расширяя и углубляя его именно за счет способности помнить, придавая смысл и значимость своему воспоминанию. Вновь обратимся к К.Ясперсу. «История для будущего фактически бесконечна, – пишет он, – в качестве прошлого она – открытый интерпретации бесконечный мир смысловых отношений, которые, во всяком случае иногда, как будто сливаются во все расширяющемся смысловом потоке»⁷. Укорененность человека в мире памяти позволяет ему как существу креативному постоянно воссоздавать мир прошлого, детерминировать им свое настоящее и прогнозировать будущее.

Анализ многочисленных исторических источников, литературных эссе, классических произведений философии позволяет разделить позицию, сложившуюся в рамках научных школ А.Варбурга (Aby Warburg),

М.Хальбвакса (M.Halbwachs), о том, что память человека по своей природе социальна. Определяя эвристическую ценность этого положения, О.Г.Эксле (Otto Gerhard Oexle) в работе «Память как культура» («Memoria als Kultur») пишет: «Значимость работ А.Варбурга и М.Хальбвакса состоит в том, что при всех различиях в постановке проблемы (исследования памяти. – О.Л.), они впервые предприняли попытку перенесения вопроса о сверхиндивидуальном знании в контекст коллективной (М.Хальбвакс) или социальной (А. Варбург) памяти»⁸.

Заметим, что А.Варбург был представителем культурно-исторической школы, последователем Я.Буркхарда и учеником К.Лампрехта. Современный исследователь творчества А.Варбурга М.Дирс (Michael Diers) определяет программу анализа социальной памяти А.Варбурга как основанную на междисциплинарных изысканиях культуры во всех ее проявлениях: «высокой», «низовой», «тривиальной»⁹. Именно исследования «духовных фактов традиций (культуры. – О.Л.) позволяют отыскать ключ к социальной памяти человечества»¹⁰. Причем этот «ключ» Варбург пытался отыскивать на протяжении всей своей жизни, создавая своеобразные «атласы памяти». В настоящее время концепция социальной памяти А.Варбурга продолжает развитие в исследованиях Варбургинского института.

Для нашей работы особо важным является факт бытия социальной памяти в качестве имманентного состояния культуры, что позволяет в первом приближении определить память как трансцендентное отношение к другому, возникающее в процессе постоянно длящегося диалога.

Позиция М.Хальбвакса, несмотря на иные идейные истоки (ученичество у Э.Дюркгейма, работы по проблемам социологии), в 1918 г. приводит его к исследованию истории как проявлению «универсальной памяти человечества», существующей как «коллективная память, которая показывает группе общую картину себя самой»¹¹. К основным идеям Хальбвакса мы будем еще неоднократно возвращаться прежде всего потому, что в его работах проблема памяти ставится в связи с исследованием вопросов идентичности социальной группы, с одной стороны, и с другой – потому что его идеи достаточно ангажированы в современных программах анализа социальной памяти. Так, в книге «Национализм и память» Крайслейфе Динер Дан (Kreisläufe Diner Dan) отмечает: «Социальная память всегда гражданственна, принадлежит определенной группе и помогает этой группе осознать себя как таковую; универсальной памяти не существует»¹². Налицо еще один теоретический шаг в исследовании социальной памяти: из факта признания ее тотальной социальности вытекает значимость социальной памяти как способа самоидентификации социума.

Но следует отметить, что гораздо раньше (о чем мы уже упоминали), в начале XX в., П.Н.Милюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция», исследуя проблему становления российской интеллигенции, связывает этот процесс с возникновением социальной памяти.

Милюков утверждает, что интеллигенция в России возникла в период реформ Петра I, создавшего новую культурную традицию, которая замыкается для начала в тесный круг бюрократии и высшего социального слоя, но оттуда постепенно она расширяет свое влияние на другие социальные круги при помощи новой интеллигенции. С этого момента является в России и прочная социальная память. Основным круг научных интересов Милюкова – это исследование истории русской культуры, но наряду с глубокими историческими проблемами он считал необходимым манифестировать понятие «социальная память» как философскую категорию, отражающую важный момент становления своего носителя, каким выступает определенная социальная группа, в данном случае – интеллигенция. В положении, выдвинутом П.Н.Милюковым, существенным является утверждение о глубинной взаимосвязи памяти и традиции. Это теоретическое положение является достаточно перспективным, что обосновывается многочисленными исследованиями, в которых традиция выступает в качестве формы социальной памяти.

В частности, И.Е.Кознова в исследовании «Социальная память крестьянства как фактор аграрных преобразований» рассматривает традицию в контексте социальной памяти, обосновывая свою позицию тем, что «в крестьянской культуре происходит постоянная коммуникация с прошлым, а память является важным средством познания и социализации личности. Память выступает элементом культурного наследия и тесно связана с традицией»¹³. На существование связи традиции и социальной памяти в процессе коммуникации обращает внимание и А.В.Соколов: «Традиции в качестве коммуникационного явления обеспечивают коммуникационную связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни. Поэтому традиции – слой социальной памяти, пронизывающий все ее разделы»¹⁴. Выявление взаимосвязи традиции и социальной памяти в процессе коммуникации высвечивает еще одну важную грань бытийствования социальной памяти в современном хронотопе, но не позволяет в полной мере реализовать программу ее философской рецепции. Кроме того, из приведенных суждений сложно выявить принципиальное отличие традиции от социальной памяти. Необходимость выявления отличительных спецификаций существует прежде всего на теоретическом уровне. Так, в докторской диссертации М.В.Захарченко «Типологическая интерпретация понятия традиции» дается предельно широкое определение традиции как фундаментальной конкретно-исторической характеристики общественной реальности, формы самоорганизации всякой устойчивой во времени человеческой общности.¹⁵ Теоретическая некорректность такого рода широких определений представляет своего рода вариант логического круга, где определяемое и определяющее тождественны. Мы полагаем, и надеемся обосновать это в дальнейшем, что традиция и социальная память взаи-

модополняют друг друга. Социальная память, фиксируя в своем содержании феномены реальности, обладающие аподиктической или деонтической модальностью, могут стать основой традиции. Сама же традиция способна как бы дополнить, антропологизировать содержание социальной памяти. В обоснование этого утверждения обратимся к исследованию С.Бергмана «Дух, освобождающий природу», в котором автор с теологических позиций рассматривает традицию как социальную память в серии локальных теологий, где она (традиция. – О.Л.) является не просто суммой преемственных явлений, но представляет собой вид социальной памяти сообщества верующих, будучи языковой системой передачи христианской веры»¹⁶. С.Бергман, эксплицируя теологическое понимание социальной памяти в контекст религиозной традиции, тем самым выносит рассмотрение проблемы на уровень функционирования социальной памяти как традиции религиозной культуры. Именно такое представление о традиции и социальной памяти, как справедливо утверждает исследователь, предоставляет человеку возможность физически подобающе вести себя в различных ситуациях. «Воспоминание о прошедшем и о себе самом в нем несет всегда функцию возможности встретиться с будущим. Воспоминание, – пишет Бергман, – происходит редко ради самого себя, оно возникает большей частью для настоящего и будущего. В этом смысле социальная память традиции имеет функцию, которая, с одной стороны, подчинена отношениям современной ситуации, а с другой, безусловно необходима и качественно ценная для преодоления настоящего в будущем»¹⁷. Данная научная позиция не относится к числу особо ангажированных в современном исследовательском процессе взаимосвязи социальной памяти и традиции, но ее несомненная значимость состоит в том, чтобы за теоретическими проблемами суметь разглядеть возможность практического использования наличия теснейших связей социальной памяти и традиции в жизни социума.

Рассмотренные позиции обосновывают явленность (П.Н.Милюков, И.Е.Кознова, А.В.Соколов), культурную и историческую детерминированность (А.Варбург и М.Хальбвасс) социальной памяти традицией (С.Бергман), но исследование истоков самой социальности памяти не является предметом их научных опытов. Попытаемся восстановить этот теоретический пробел.

Главные аргументы, обосновывающие истоки социальности памяти, сгруппированы нами в два блока. Первый наиболее полно представлен трудами древних и средневековых авторов, рассматривающих память как целостное явление, как искусство, способное помочь человеку в мироустройстве своего бытия.

Тексты Ветхого и Нового Заветов, диалоги Платона – бесспорные тому доказательства. Анализируя понимание памяти в ветхозаветных текстах, А.Хенгги (A.Hänggi) отмечает: «В Ветхом завете память, или в

латинском контексте "memoria", предстает не как голое воспоминание, не как повторение прошедших событий, но в большей степени как представление, актуализирующее определенные процессы Священной истории. Благодаря памяти сакральность прошлого выступает актуальностью настоящего»¹⁸.

Таким образом, прошлое становится явленностью настоящего, и память в этом контексте выступает как постоянно длящаяся связь времен, позволяющая избежать народом утраты своей социокультурной идентичности. В Новом Завете кульминационным событием выступает Воскресение Христово; именно Пасха являет собой единый хронотоп памяти, представляющий целостность освященного прошлого, настоящего и будущего, где прошлое является реальностью настоящего и одновременно залогом будущего.

Но еще задолго до составления канона Нового Завета античная философия рассматривала память как мать девяти муз, которая пользовалась достаточно пристальным вниманием античных философов. Память, по мнению Платона, возникает одновременно с появлением способности к истинному мышлению. Память дает знание о мире благодаря тому, что «наш мозг вызывает чувство слуха, и зрения, и обоняния, а из них возникают и память, и представление, а из памяти и представления, когда они приобретут устойчивость, возникает знание»¹⁹. Причем, как отмечает Платон в «Законах», память относится к нравственным свойствам и возникает раньше, «чем длина тел, их ширина, толщина и сила, коль скоро душа возникла раньше тела»²⁰. Понять или припомнить можно то, что уже содержится в памяти. Таким образом, память выступает базисом познания. Но память – это не хранилище ненужных вещей и воспоминаний. Память, которая демонстрирует у Платона интенциональную открытость, есть само познание. Память, согласно позиции Платона, – это не только способ связи с прошлым. Он употребляет термин «припоминание», вполне сознавая, что речь не может идти о прошлом в отношении Идей. Идеи вечны, вневременны и постоянно присутствуют в мире, отражая прошлое в настоящем.

В культуре античной Греции присутствовали два вида памяти, постоянно сопротивляющиеся всепоглощающей Лете и открывающие возможности духовного бессмертия. Первый принадлежал пророкам, способным видеть прошлое и предвидеть будущее и в силу этого не знающим забвения. Вторым обладали ораторы, риторы, которые были способны помнить все благодаря постоянной тренировке своей искусной памяти. Именно искусству памяти были посвящены первые учебники риторики. В трактате «Ad Herennium», созданном в 86–82 гг. до Р.Х., отмечаются два рода искусной памяти – «память для слов» и «память для вещей». Для того чтобы научиться удерживать в памяти слова и вещи, необходимо мысленно помещать их в определенные места, локусы. Аврелий Августин в «Испо-

веди» определяет память как место встречи с Богом. Обладающий достаточно искусной тренированной памятью, он анализирует процесс запоминания, сочетающий усилие воли и целенаправленность в постижении сущности явленных в воспоминании предметов. По его мнению, мощь памяти усиливается в процессе изучения наук. Взятые в единстве знание, воля, направленность памяти позволяют Августину поставить вопрос о ее объеме. В удивительно поэтической форме он пишет: «Широки поля моей памяти, ее бесчисленные пещеры и ущелья полны неисчислимого, бесчисленного разнообразия: вот образы всяких тел, вот подлинники, с которыми знакомят нас науки, вот какие-то отметины или заметки, оставленные душевными состояниями, – хотя душа их сейчас и не переживает, но они хранятся в памяти, ибо в памяти есть все, что только было в душе. Я пробегаю и проношусь повсюду, проникаю даже вглубь, насколько могу, – и нигде нет предела; такова сила памяти, такова сила жизни в человеке, живущем для смерти»²¹. Августин рассматривает память как свойство, которое наряду с рассудком и волею является образом Троицы в человеке. Фактически Аврелий Августин как бы предчувствует существование той самой памяти, которая, будучи вечной, объединяет людей, позволяя им вечно пребывать в памяти Бога.

В Средние века и в начале Нового времени создавались особые театры памяти, основная цель которых – тренировать память как «сокровищницу всех вещей» (Алкуин), «часть благоразумия» (Альберт Великий). Тренировка памяти именно в этот период была сущностно необходимой: до изобретения книгопечатания текстовая культура не могла в полной мере сохранить и транслировать содержание культурно-исторического наследия. Необходимы были усилия для тренировки искусной памяти.

Если принять во внимание, что большинство профанного населения Европы этого периода не владели латынью, языком образованной элиты, а значит, и не могли читать письменные тексты, именно устная традиция, основанная на тренированной памяти, была способна выполнить все основные последовательные этапы мнемического процесса: запоминание, сохранение и воспроизведение.

Анализ античных и средневековых источников позволяет сделать вывод о том, что память, имея биологические предпосылки, рассматривалась как целостное, трансцендентальное свойство, которое человек приобретает в процессе социализации, сознательно тренируя свою память и тем самым расширяя границы ее ментальной вместимости.

Можно предположить, что механизм памяти и забвения основан на дихотомии движения сознания от за-бытия к бытию, которое с завидным постоянством раскрывается в со-бытии и значимость которого не всегда понятна современникам этого события. За-бытие может быть представлено не только как нечто забытое и не существующее в данный момент бытия человека, группы, сообщества, а как то, что уже было в прошлом и

латентно присутствует в настоящем. На эту особенность памяти обратил внимание Ж.Делез. В работе «Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза» он отмечает: «Мы слишком привыкли мыслить в терминах «настоящего». Мы верим, что настоящее является прошлым только тогда, когда оно замещается настоящим. Прошрое никогда бы не конституировалось, если бы оно уже не было конституировано с самого начала – в то самое время, когда оно было настоящим.

Здесь есть, так сказать, фундаментальная позиция времени, а также наиболее глубокий парадокс памяти: прошлое «одновременно» с настоящим, в котором оно уже есть»²². Своим пониманием памяти Ж.Делез демонстрирует ее модальность, которая выражается в том, что содержание прошлого определяется не столько тем, что его в данный реальный момент бытия не существует, а тем, что оно продолжает существовать, разворачивать свое бытие в сознании, которое фиксирует память.

«По сути, длительность – это память, сознание и свобода. Но сознанием и свободой длительность является именно потому, что прежде всего она – память»²³.

Увеличение объема научного знания инициировало возникновение новых отраслей наук и привело, соответственно, к появлению различных исследовательских программ в изучении памяти. Лидирующее положение психологии в изучении сознания, психических процессов, душевных состояний человека стимулировало изучение памяти в нейropsychологии с использованием экспериментальной базы. Анализ результатов, полученных на психофизическом и нейронном уровнях, завершился построением модели, согласно которой память как целое должна обладать свойствами, обнаруживаемыми на психофизическом уровне, а каждый нейроподобный элемент – характеристиками того реального нейрона, функциональную роль которого он имитирует в модели. Эта научная позиция, представленная работами Р.Клацки, Р.Аткинсона, позволяла выявить психофизиологические характеристики памяти и различные формы проявления мнемической деятельности. Несомненным достоинством данных исследований было установление зависимости видов памяти от характера мнемической деятельности.

Основными критериальными характеристиками в этом случае выступали: характер психической деятельности; особенности целей, определяющих эту деятельность; временной промежуток, в котором осуществляется закрепление и сохранение запоминаемого материала. Соответственно, исследование характера психической активности в процессе запоминания способствовало выделению таких форм памяти, как двигательная и образная. Анализ целей мнемической деятельности позволил выявить память произвольную и произвольную. По времени закрепления и сохранения материала была осуществлена классификация памяти на кратковременную и долговременную. Общим для характеристики видов памя-

ти, выявленных согласно предложенным критериям, было установление органического, основанного на психофизиологических процессах факта целостности памяти, но содержание воспоминания, его смысл и ценность в данном случае не рассматривались. Исследование памяти в этом случае осуществлялось в тесной взаимосвязи с анализом процессов, происходящих в сознании. Изучая происхождение сознания, особенно интересно обращаться к простейшим существам, обладающим малым запасом хранения информации, малой памятью. В пределе, при полном отсутствии памяти, сознание сводится к чувственным восприятиям. Это положение доказывает существование глубинной связи памяти и сознания, из чего должно логически следовать изучение данных феноменов в тесной взаимосвязи, что, к сожалению, на практике реализовывалось не часто.

Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что начиная с XIX в. произошла своеобразная подмена ценности памяти значимостью таких явлений духовной жизни социума, как интеллект, мышление. На эти моменты в исследовании памяти обратили внимание Т.П.Зинченко, Ф.Йейтс. «В истории культуры, – отмечает Т.П.Зинченко, – было время, когда память занимала подобающее место среди сил души, более того, она считалась первой и главной среди них»²⁴. Память выступала как своего рода «предчувствие» интеллекта, но не сам интеллект как таковой. Искусство памяти, как отмечает Ф.Йейтс, превратилось во вспомогательное средство при создании энциклопедии мира с целью получения нового объективного знания. Изучение проблемы исследования памяти позволило сделать вывод о том, что до начала Нового времени, до изобретения книгопечатания, память рассматривалась как преимущественно мнемотехника, искусство запоминания больших объемов информации о прошлом, настоящем и будущем. Память определялась как «ищущий себя интеллект, или интеллект, нуждающийся в "очищении", но ни в коем случае не есть самый этот интеллект как таковой. Мера развития интеллекта определяла меру развития памяти (да и других способностей души), а не наоборот»²⁵. В определенном смысле памяти отводилась функция бессознательного в сознании, тем самым элиминировалась ее социальная детерминация. Появление новых (первоначально печатных, а позднее и иных, более совершенных) способов сохранения и передачи информации привело к своеобразному «расколу» в понимании некогда единой памяти. Соответственно, возникли теоретические конструкции, анализирующие отдельные грани бытия памяти.

Наиболее разработанной из них выступает концепция памяти в культурно-исторической психологии, в рамках которой впервые был поставлен вопрос о социальной обусловленности мнемических процессов. Ее влияние на развитие представлений о социальной памяти осуществляется в следующем разделе работы.

Как уже было отмечено, из всего многообразия существующих психологических концепций памяти предметом нашего анализа выступает культурно-историческая, в силу того, что именно она наиболее полно выявляет социальную и историческую обусловленность психологии мнемических процессов.

Было бы опрометчиво утверждать, что проблема памяти в культурно-исторической психологии в ее социальном контексте не привлекала внимания исследователей. Но парадоксальность данной проблемы заключается в том, что до сих пор анализ памяти осуществляется в рамках психологии, информатики, истории, теории и практики обучения. Но именно сейчас назревает потребность в целостном осмыслении памяти как особого явления, имеющего глубинную социодуховную сущность, неразрывно связанную с содержанием и формами сознания. Сознание рассматривается в контексте той или иной философской системы, а память – лишь как глубинная структура психического мира социума.

Подчеркивая значимость исследования социально-культурных доминант в объяснении механизмов функционирования памяти, один из ведущих психологов современности Ц.Флорес высказывается о том, что предметом изучения психологии является не вся память, а лишь ее отдельные фазы: запоминание и сохранение. «Память, – пишет он, – с точки зрения психолога, не является психической способностью – свойством или функцией психики, – которую можно было бы познать с помощью изощренной интроспекции. Термин "память" позволяет объединить совокупность действий, включающих в себя как биологические, так и психические процессы, осуществление которых в данный момент обусловлено тем, что некоторые предшествующие события, близкие или отдаленные во времени, существенным образом модифицировали состояние организма»²⁶. Включение деятельностного аспекта в исследование памяти человека позволило рассмотреть саму память как особое управляемое действие.

Плодотворной попыткой вынесения проблем исследования памяти за пределы чистого психологизма является уже упоминавшаяся ранее позиция М. Хальбвакса, выдвинувшего идею о социальных рамках памяти, способных определить ее природу и служащих своеобразным инструментом для воссоздания образов прошлого, соответствующих внутри каждой эпохи доминирующим идеям данного общества. В своей ранней работе «Социальные рамки памяти» он приходит к выводу о зависимости воспоминаний индивида от его социальных ориентиров, утверждая, что память человека, благодаря содержащимся в ней коллективным воспоминаниям, связывает прошлое и настоящее. В работе «Коллективная память» М.Хальбвакс более детально анализирует коллективную и индивидуальную память, особо выделяя воспоминания детства, которые позднее включаются в память взрослого. Последовательность анализа

возрастных воспоминаний позволяет ему выявить еще один вид структурирования памяти человека в зависимости от возраста. Этот момент в исследовании памяти человека позволяет обратить внимание на существенную особенность памяти: ранние детские воспоминания являются наиболее яркими, значимыми для субъекта, в то время как воспоминания взрослого, затрагивающие различные стороны повседневной жизни, стираются из памяти значительно быстрее. Объяснить это явление, только исходя из особенностей психологии человека, было бы опрометчиво. Более обоснованным, по нашему мнению, является утверждение о том, что универсальной памятью обладает бессмертная и нестареющая душа человека, обладающая определенным объемом, фиксирующим ее ментальную вместимость. Память ребенка, несмотря на то, что в биологическом отношении ребенок являет собой еще не полностью «развернутую» социокультурную субстанцию, запоминает из окружающего ее мира значительное количество информации. Но в силу социальной незрелости ребенка как субъекта, имеющего сравнительно небольшой опыт социальной деятельности, его память не способна отрефлексировать запоминаемое. Последнее не означает, что в памяти ребенка не сохраняется содержание запоминаемого. В процессе взросления, который совпадает с активной социализацией субъекта, содержание воспоминания переходит из потенциального в актуальное.

М.Хальбвакс сознательно отходит от психологизма в понимании памяти, делая акцент на ее социальном характере. Но его социологизация памяти не носит вульгарного характера. Он убежден, что коллективная память «...не способна объяснить все наши глубинные личные воспоминания»²⁷, которые носят временный характер и под воздействием различных причин склонны к исчезновению. Одновременно то, что переработано, осмыслено коллективной памятью, приобретает статус вневременного, вечного, включенного в память отдельного человека. Продолжая изучение взаимосвязи коллективной и индивидуальной форм памяти, М.Хальбвакс отмечает, что из их различия не следует, «что индивидуальная память в своих свойствах выступает как противоположность коллективной памяти»²⁸. Выделяя доминанты, определяющие содержание коллективной памяти, он подчеркивает, что в их основании «лежат воспоминания событий, опытов, участниками которых были большинство членов группы, и которые в той или иной степени испытали непосредственное прикосновение к происходящему»²⁹. Коллективная память, согласно концепции М.Хальбвакса, отличается от истории. «История может проявляться как универсальная. Но не существует универсальной памяти как таковой. Каждая коллективная память ограничена»³⁰. Именно эта особенность памяти позволяет ей стать основой самоидентификации общества, социальной группы. «Коллективная память показывает группе самое себя изнутри в процессе временных отрезков, которые не превы-

шают средней продолжительности человеческой жизни. Коллективная память является картиной (отражением) внутреннего единства группы до тех пор, пока группа, ее интересы, ориентиры остаются тождественными»³¹. В этом отношении коллективная память способна стать источником нравственной рефлексии как группы в целом, так и отдельной личности, входящей в ее состав. Это позволяет предположить особый онтологический статус памяти отдельного человека и тем самым обосновать ее ценность. Несомненно новаторской мыслью у М.Хальбвакса является идея взаимосвязи памяти с пространством и временем. В этом едином хронотопе каждый человек «может иметь свое собственное время, которое способно стать основой его сознания»³². Но это восприятие времени и фиксация его в памяти человека являются реальностью. Человек способен «прожить» в своей памяти самые различные исторические эпохи. Но это возможно лишь в том случае, когда он, действуя как свободная личность, отдает себе отчет в непреходящей ценности предшествующих эпох, когда он способен к сопереживанию с прошлым. Удивительно романтичны последние страницы книги «Коллективная память», где автор как бы обращается к будущему: «Соберитесь, закройте глаза и, насколько это возможно, остановите свой взгляд на сценических подмостках, где играют свою пьесу персонажи прошлого, только это убережет их от забвения»³³.

Последователь М.Хальбвакса профессор П.Бурке (P.Burke), анализируя память как культурно-исторический феномен, пишет: «История как социальная память – это как бы теоретический концепт, в котором фиксируется комплексный историографический процесс отбора-истолкования информации как о собственно прошедшем, так и о том, как это прошедшее будет вспоминаться»³⁴. Социальная память, согласно позиции П.Бурке, рассматривается как культурно-историческое явление, тесно связанное с традицией и передающее свое содержание посредством традиции. Причем явленность социальной памяти манифестируется в ряде последовательных шагов, которые, в свою очередь, детерминируются медийными средствами своей представленности. Первой в этом ряду располагается устная традиция, которая начинает занимать все большее место в передаче «символики рассказанного». Второй является представленная в воспоминаниях и зафиксированная в письменных источниках текстовая традиция. Но, отмечая значимость культурно-исторических текстов, аккумулирующих содержание социальной памяти, П.Бурке как добросовестный исследователь обращает внимание на то, что в текстах отражается не только истинное содержание социальной памяти, но и представления историка, который составляет этот текст. Следующей формой представленности содержания социальной памяти, согласно концепции П.Бурке, выступают картины, фотографии, любые статичные или движущиеся изображения. Причем особую роль в презентации содержа-

ния социальной памяти в этой форме отводится сувенирам, монументам, которые как бы тиражируют ее содержание, опрофанывая его.

Историки XIX в. и XX в. демонстрируют особый интерес к открытию монументов, которые в последнее время появляются все чаще, зачастую искажая или моделируя содержание воспоминания. Если устная, письменная и монументальная традиции сохранения социальной памяти представляют ее содержание как бы в аподиксии, то коллективные ритуалы, географическое и социальное пространство ее бытия представляют иной способ фиксации содержания социальной памяти. Человек выступает здесь как активный участник ритуализированного действия, направленного на сохранение в памяти того события или факта, который имел когда-то в прошлом значение аподиктического, а в современном хронотопе получил деонтическую, нормативную значимость. Но идеи культурно-исторической детерминации социальной памяти развивались не только в исследованиях европейских историков, философов, культурологов.

В один ряд с трудами М.Хальбвакса и П.Бурке следует поставить исследования С.Л.Рубинштейна, Л.С.Выготского, А.Р.Лурии, в которых выявляется особая значимость социальной жизни для сохранения содержания памяти, которая, раскрываясь как самосознание личности, определяет основу самоидентификации человека. Именно начиная с этого момента в отечественной психологии осуществился поворот от психофизиологического понимания памяти к памяти социально и культурно детерминированной. В работе «Основы нейропсихологии» А.Р.Лурия отмечает, что проблема памяти и ее возможностей длительное время была сравнительно мало разработанным разделом нейрофизиологии, и предлагает перейти к исследованию реальной мозговой архитектуры процессов памяти, иначе – к анализу того, что именно вносит каждая из зон мозга в организацию мнемических процессов человека. Эта позиция позволила предложить конструктивную программу исследования памяти, которая включала следующие этапы: запоминание, сохранение в памяти, способность узнавания, легкость и точность воспроизведения, но не была способной выявить ее культурно-историческую сущность.

В последующих работах отечественных психологов все более отчетливо проступает научная позиция, которая позволяет рассматривать память как культурно-историческое явление. Этот этап связан с началом совместной работы Л.С.Выготского и А.Р.Лурии. В исследовании «Этюды по истории поведения» при анализе развития ребенка авторами раскрываются социальные и культурные функции становления психики. «В целом ряде экспериментов, – отмечают они, – мы имели случай проследить эти культурные приемы, связанные с памятью ребенка»³⁵. Под памятью в этом случае понимается природная пластичность нервно-психического аппарата, благодаря которой закрепляются полученные человеком впечатления, возникшие непосредственно под влиянием окружающего мира.

Анализ памяти как культурно-социального явления позволил прийти к выводу о том, что изучение памяти культурного человека – это не исследование изолированной «мнемической функции», а раскрытие всего социокультурного континуума человека, зафиксированного не только в его личной памяти, но и в памяти предшествующих поколений деятельности человека. Понимание памяти как культурно-исторического явления породило установление новых связей между историками и психологами.

Для того чтобы культурный человек был способен раскрывать свое бытие в современном ему мире, не утрачивая связи с предшествующим, ему необходимо понимать смысл уже существующих мифов, ритуалов, знаков, социокодов и уметь находить в них отзвуки своей культуры. Лишь в этом случае его культурно-историческая деятельность будет носить ценностно-ориентированный, осмысленный характер. На эту особенность социальной памяти обратили внимание практически одновременно немецкий культуролог Я.Ассманн, который в статье «Помнить, чтобы быть сопричастным» пишет: «Воспоминания опосредуют причастность человека миру, приобретая при этом обязательный характер. Мы можем назвать это нормативной памятью, определяющей, в частности, идентичность и сопричастность»³⁶, и отечественный психолог С.Л.Рубинштейн, который полагал, что именно социальная жизнь доставляет опорные точки для воспоминаний. Воспоминания, как правило, связаны с определенными ситуациями, в которых человек принимает участие и которые, становясь событиями, приобретают свое собственное самостоятельное бытие и значимость. Эти события обретают значение независимо от индивидуальных воспоминаний и включаются уже в общую, коллективную память, содержание которой детерминировано историей. В этой культурно-исторической памяти, воспроизводящей прошлое, отчетливо выявляется его значение для формирования требований, предъявляемых к человеку социальными отношениями, в которые он вступает, и исторической эпохой, современником которой он является. Необходимость действовать в дальнейшем в соответствии с характером обязательств перед другими людьми влечет за собой необходимость сохранять воспоминание о прошлом. Участие в общественной жизни требует также уточнения воспоминаний. Именно оно поставляет для этого определенные нормативные воспоминания.

«Мы, – пишет С.Л.Рубинштейн, – должны помнить наше прошлое, поскольку оно связано с другими людьми, и именно это участие в коллективной жизни связывает события нашей индивидуальной жизни с событиями коллективного опыта; это дает возможность восстановить первые, исходя из вторых. И на памяти человека, следовательно, сказывается то, что он – общественное существо, включенное в общественную жизнь»³⁷. Последователи С.Л.Рубинштейна, Л.С.Выготский и А.Р.Лурия, развивая идеи социальной обусловленности содержания памяти, создали культурно-историческую психологию, которая позволила объяснить

постоянное расширение объема памяти человека по мере развития его социокультурных функций.

При изучении эволюции памяти первобытного человека был впервые применен принцип сравнительно-генетического исследования. Авторы отметили такие особенности памяти первобытного человека, как буквальность и фотографичность. Эти свойства соответствуют особенностям эйдетической памяти, присущей ранним ступеням развития психики человека. Характеризуя особенности примитивной памяти в целом, Л.С.Выготский и А.Р.Лурия выявили стихийность как ее специфическую черту: человек пользуется памятью, но не господствует над ней (так называемый «эффект Герострата», когда запрет, наложенный на воспоминание о событии, факте, становится мощным стимулом его запоминания).

Решающее значение для исследования памяти имел сформулированный авторами общий принцип ее дальнейшего развития – переход от эволюции биологической к эволюции культурно-исторической. Изучение основных этапов развития психики человека и, соответственно, его памяти, позволило сделать вывод о том, что последующее развитие примитивной памяти не связано с совершенствованием ее естественной органической основы, а определяется коренным изменением ее функционирования в социальной среде. Определяющим моментом в таком изменении является употребление знаков как средств запоминания. С этого момента и далее по мере развития языка, письменности и других знаковых систем эйдетическая репродуктивная форма памяти идет на убыль, и развитие памяти связывается с возрастающими возможностями управления ею на основе все более развивающихся социальных средств, определяющих реконструктивную форму памяти.

В работах А.Н.Леонтьева более глубоко обосновано представление о социальной природе человеческой памяти и истории ее формирования в фило- и онтогенезе, раскрыт, опираясь на экспериментальные данные, опосредуемый инструментальный характер функционирования памяти. Автор анализирует природу высшей формы памяти в связи с общей исторической закономерностью развития человеческой трудовой деятельности. Подобно тому как применение орудий труда снимает необходимость пассивной биологической адаптации к среде и позволяет человеку приспособливаться к своим потребностям, употребление внешних средств организации поведения прекращает развитие психических функций через прямое изменение их биологической основы. Использование внешних средств памяти – это как бы «обходной путь», позволяющий от пользования памятью перейти к господству над ней. А.Н.Леонтьев рассматривает генезис высшей формы памяти в ходе исторического развития, а затем в процессе индивидуального. Единой линией в этом генетическом процессе служит понимание памяти как опосредованной формы поведения. Автор прослеживает в опытах изменение акта запоминания в

ходе индивидуального развития. Применяя метод двойной стимуляции, он показывает, как на основе «вращения» средств, при помощи которых осуществляется процесс запоминания, коренным образом перестраивается функционирование памяти – из непосредственного, а затем внешне опосредованного процесса запоминания становится внутренне опосредованным произвольным актом, обеспечивающим высокую продуктивность памяти.

Это положение было подтверждено эмпирической закономерностью, так называемой «параллелограммой развития». Ее сущность состоит в том, что от младшего дошкольного к среднему возрасту происходит постепенная дивергенция, а от среднего школьного возраста к взрослым испытуемым – конвергенция показателей продуктивности непосредственного и опосредованного запоминания. Анализ такого явления, как произвольное запоминание, в основе которого лежат социальные, культурно-исторические доминанты, вступает в противоречие с ранее господствующей концепцией о противопоставлении произвольной и произвольной памяти. Непроизвольная память рассматривалась как пассивное влечение, «память материи» (А.Бергсон); произвольная – «память духа» представлялась в качестве высшей формы материи. Развивая этот тезис, А.Бергсон пишет: «Пусть непосредственное наблюдение показывает нам, что сама основа нашего сознательного существования есть память, то есть продолжение прошлого в настоящем»³⁸.

Достоинством такого понимания памяти было обращение от чисто физиологических механизмов ее исследования к иным, более глубинным, личностным характеристикам человека, эти положения были развиты А.А.Леонтьевым в работе «Язык, деятельность, социальная память», в которой был сделан принципиальный вывод о глубинной укорененности социальной памяти в деятельности человека в зависимости от его личностных качеств.

В трудах Л.С.Выготского и его школы было обосновано, что произвольное запоминание представляет собой действие, реализующееся при помощи вполне реальных – сначала внешних, материальных, а затем и внутренних, мыслительных, речевых средств. Произвольность данного способа запоминания была связана, в первую очередь, с деятельностью, опирающейся на реальные средства. В этом случае память, по определению Л.С.Выготского, «означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении; с этой точки зрения память и в момент закрепления реакции, и в момент ее воспроизведения представляет собой деятельность в полном смысле этого слова»³⁹. Аналогичная позиция отстаивалась в исследованиях П.Жане. При описании памяти он вводит понятия «присутствие» или «отсутствие», что позволяет ему выделить последовательный ряд форм поведения, составляющих следующую номенклатуру: ожидание, поиск, отсроченное действие, поручение (с реалиями, символи-

ческое со знаками) и поручение со знаками языка»⁴⁰. Соответственно, память, по определению П.Жане, выступает как «социальное действие, произвольное запоминание, припоминание и память повествования»⁴¹.

Процесс исследования внутренней структуры памяти поставил вопрос о ее носителе. Эти проблемы анализировались в работах П.И.Зинченко. Подводя итоги многолетних исследований памяти, он пришел к выводу о том, что «общей единицей структурного, генетического и функционального анализа произвольного и произвольного запоминания является действие человека»⁴².

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование памяти в контексте культурно-исторической психологии позволило выявить три существенных момента: 1) детерминированность процесса запоминания социальными условиями; 2) структурность процесса запоминания, который составляет в конечном итоге цельную, гармоничную память человека, в основе которой заложены процессы социальной деятельности; 3) субъектом, осуществляющим сложнейшую интеллектуальную деятельность по запоминанию и трансляции содержания памяти, выступает человек как целостная уникальная личность.

В то же время культурно-историческая концепция памяти в психологии позволяет ответить на ряд вопросов, важнейшими из которых являются: какова культурно-историческая основа процессов запоминания, каким образом осуществляются запоминание и воспроизведение содержания памяти, но не способны раскрыть сущность того, **что** запоминается, **каковы** историко-культурные основы емкости памяти. Именно эти проблемы выступают в качестве главных в изучении социальной памяти в контексте историзма.

¹ Макинтайр, А. После добродетели: Исследование морали / А.Макинтайр ; пер. с англ. В.В. Целищева. – М., 2000. – С. 124.

² Ребане, Я.К. О биологических предпосылках «социальной памяти» / Я.К.Ребане // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1974. – Вып. 15. – С. 32.

³ В преддверии философии: духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт [и др.]. – М.: Наука, 1984. – С. 220.

⁴ Плотин. О том, что увеличивается ли счастье со временем? / Плотин // Вопросы философии. – 2003. -№ 9. – С. 163–164.

⁵ Эмесский, Н. О природе человека / Немесий Эмесский ; пер. с греч. Ф.С.Владимировского. – М.: Свет, 1986. – С. 193.

⁶ Аврелий, А. Исповедь / Августин Аврелий ; пер. с лат. М.С.Сергиенко; вступ. ст. А.А. Столярова. – М.: Ренессанс, 1985. – С. 295.

⁷ Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К.Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – С. 269.

⁸ Oexle O.G. Memoria als Kultur. – Göttingen, 1995. – S. 23.

⁹ Diers M. Mnemosyna oder Gedächtnis der Bilder. Über Aby Warburg // Memoria als Kultur. – Göttingen. – S. 87.

¹⁰ Ibid. – S. 91.

¹¹ Halbwachs M. Das kollektive Gedächtnis //Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. H. Maus. – Marburg, 1967. – S. 78.

-
- ¹² Kreisläufe D.D. Nazionalismus und Gedächtnis. – Berlin, 1986. – S. 4.
- ¹³ Кознова, И.Е. Социальная память крестьянства как фактор аграрных преобразований / И.Е.Кознова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Conmgt@qku.msk.ru>.
- ¹⁴ Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации : учебное пособие / А.В.Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – С. 254.
- ¹⁵ См.: Захарченко, М.В. Типологическая интерпретация понятия традиции: дис. ... докт. филос. наук / М.В.Захарченко. – СПб., 2002. – С. 8.
- ¹⁶ Бергман С. Дух, освобождающий природу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agnuz./infobook.php?id=472&url=page12.htm>
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Hänggi A. Das Gedächtnis in der Liturgie – Neue Ansätze im Zweiten Vatikanischen Konzil // Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet. – Freiburg, 1985. – S. 109.
- ¹⁹ Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Наука, 2000. – Т. 2. – С. 55.
- ²⁰ Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3 т. – М.: Наука, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 356.
- ²¹ Аврелий, А. Исповедь. – С. 253.
- ²² Делез, Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях: Бергсонизм. Спиноза / Ж.Делез. – М., 2000. – С. 136.
- ²³ Там же. – С. 136.
- ²⁴ Зинченко, Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Т.П.Зинченко. – СПб.: Питер, 2002. – С. 7.
- ²⁵ См.: Йейтс, Ф. Искусство памяти / Ф.Йейтс. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 97.
- ²⁶ Флорес, Ц. Память: экспериментальная психология / под ред. Ц.Флореса, Ж.Пиже. М., 1973. Вып. 4. С. 293.
- ²⁷ Halbwachs M. Das kollektive Gedächtnis. – S. 13.
- ²⁸ Ibid. – S. 25.
- ²⁹ Ibid. – S. 72–73.
- ³⁰ Ibid. – S. 74.
- ³¹ Ibid. – S. 76.
- ³² Ibid. – S. 81.
- ³³ Ibid. – S. 162.
- ³⁴ Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis Gedächtnisbilder // Vergessen und Erinnern in der Gegenwartskunst. – Wiesbaden, 1996. – S. 94.
- ³⁵ Выготский, Л.С. Этюды по истории поведения: обезьяна, примитив, ребенок / Л.С.Выготский, А.Р.Лурия. – М.: Изд-во Акад. пед. Наук, 1993. – С. 78.
- ³⁶ Assmann J. Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in Frühen Hochkulturen. – München, 2000. – S. 57.
- ³⁷ Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л.Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – С. 282.
- ³⁸ Бергсон, А. Творческая эволюция / А.Бергсон. – М.: ТЕРРА Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 52.
- ³⁹ Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций / Л.С.Выготский. – М., 1960. – С. 56.
- ⁴⁰ Janet P. L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. – Paris, 1928. – P. 34.
- ⁴¹ Ibid. – P. 40.
- ⁴² Зинченко, П.И. Культура и научно-технический прогресс / П.И.Зинченко // Красная книга культуры. – М., 1989. – С. 4.

Московченко А.Д.,

доктор философских наук, профессор
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
(г.Томск)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В 1984 г. вышел 4-й, завершающий, том сочинений Аристотеля, предисловие к которому было написано известным советским философом, академиком Ф.Х.Кессиди.¹ Предисловие замечательно тем, что философ предлагает оригинальную концепцию философии истории. Подробно анализируя основные пункты расхождения между Аристотелем и Платоном, Кессиди приходит к выводу о том, что первый делал упор на действительных (относительных, «земных») благах, исходя из *сущего*, то есть из того, какова реальная жизнь, а второй – на нравственном (абсолютном, «небесном») идеале, ориентируясь на *должное*, то есть на то, какой должна быть жизнь людей. Методологические выводы, сделанные мыслителем, имеют принципиальное значение для понимания хода исторического развития и тех процессов, которые мы наблюдаем во всем мире и особенно в «постперестроечной» России. Должное и сущее, идеальное и материальное, или, образно говоря, небесное и земное, составляют необходимые формы исторического бытия человека. Расхождение между Платоном и Аристотелем затронуло одно из коренных противоречий, лежащее в «онтологической основе» европейской (да и мировой) культуры, – мучительное противоречие между идеалом и действительностью, между должным и сущим. Сказанное, в сущности, означает новое формулирование закона истории, а именно того факта, что источник как подъема, так и падения мировых цивилизаций коренится в диалектике (противоречивом единстве) должного и сущего, идеала (цели, ценностной ориентации) и действительности. «Механизм» подъема и падения цивилизаций заключался, соответственно, в соблюдении и нарушении подвижного равновесия между сущим и должным, материальным и идеальным, то есть между сложившимся положением вещей (общими экономическими и геополитическими отношениями, политическими порядками и т.п.) и тем, каким это отношение вещей должно быть, должно стать с позиций того или иного идеала, намеченной цели жизни и реальности. В этих «должно быть», «должно стать» кроется нравственный и психологический пафос социальных революций, источник уверенности революционеров в своей, можно сказать, святой правде, ради которой они готовы идти на любые жертвы. Сущее и должное, действительность и идеал (идеалы) не существуют сами по себе, они проявляются в судьбах народов и наций, в особенностях их психологического склада (характера), менталитета (об-

раза мышления и духовного склада), образа жизни, обычаев и культуры. Одни народы (а также их культуры, в значительной степени обусловленные генетическими особенностями характера – народного духа, как было принято говорить в прошлом веке), ориентированы преимущественно на должное, на сверхъестественное (религия), сакральное и иррациональное (Восток); другие – на сущее (сервисная технология), светское и рациональное (Запад). При этом порочность капитализма состоит в переоценке сущего, материально-сервисного аспекта индивидуальной и общественной жизни. И, напротив, утопический (и поэтому шаткий) характер строительства коммунизма в бывшем СССР коренился в преувеличенных представлениях о роли должного, о роли идеалов в истории. Добавим, что «сопротивление материала», то есть человеческой природы, оказанное на пути реализации коммунистических идей в бывшем СССР, сделало неизбежными усиление государства как орудия построения нового общества, применение насильственных мер принуждения. Ставка же на сущее, что наблюдается в современной России, приводит к абсолютизации рыночных механизмов, к неконтролируемому потреблению, к необычайному усилению криминальных структур. Вместе с тем истощающиеся природные ресурсы вряд ли смогут обеспечить «нормальное» функционирование рыночных механизмов. Рано или поздно человечество, чтобы не погибнуть, будет вынуждено ввести контроль над потреблением. Поэтому вполне возможно, что уже в обозримом будущем рыночная экономика (базирующаяся на «сущем») будет объявлена вне закона как угрожающая существованию человечества. Плановая же экономика (основывающаяся на «должном») с ее пусть несовершенным, но действующим механизмом контроля потребления в гораздо большей степени соответствовала грядущим целям человечества.

На Западе, судя по докладам на Конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и публикациям Римского клуба, уже давно это поняли и потихоньку стали перестраивать свои экономики в сторону стабилизации производства и потребления. По существу, в странах «золотого миллиарда» началось (пока медленно, со скрипом) формирование пострыночных экономических структур, в которых рыночным механизмам отводится все меньшая роль и явственно просматриваются элементы контроля и регулирования потребления с использованием «чисто социалистических» методов обобществления собственности и перераспределения доходов. Но «сущее» остается доминирующим фактором западной цивилизации.

Высшим этапом западного пути развития явился капитализм со свойственной ему жадой наживы, конкуренцией и эксплуатацией трудящихся. На этом фоне возник марксизм, приверженцы которого, вслед за древним Платоном, увидели первопричину всех социальных бед в частной собственности на средства производства, включая орудия произ-

водства. Ликвидация частной собственности означала первенство должного над сущим, над действительностью. Интересно отметить, что Ленин раньше других понял преждевременность абсолютной приоритетности должного над сущим, желаемого над действительным. Должное требует объективных экономических и культурных предпосылок. Это не было понято соратниками Ленина, что привело к грандиозному эксперименту по тотальной реализации должного (коммунистической утопии) на огромных пространствах великой страны. Невнимание к сущему привело в конечном итоге к распаду СССР. Этого можно было избежать только в случае сохранения авторитарной власти («диктатуры пролетариата»), совмещающей государственную собственность на главные средства производства с различными видами кооперативной и мелкой (возможно, и средней) собственности. Можно сказать, что реформы, предложенные Дэн Сяопином и осуществляемые в современном Китае, представляют собой вариант, первые контуры которого были намечены Лениным.

Диалектика должного и сущего в материалистическом плане раскрывается через диалектику фундаментального и технологического исторического знания. Мир, в котором живет человек, как бы удваивается: кроме природных объектов, многое из того, что нас окружает, является продуктом человеческой деятельности. Более того, природная составляющая становится все менее заметной в человеческой деятельности. Наряду с природными объектами появляются объекты искусственные. При этом необходимо отметить следующее: искусственно созданное начинает существовать по природным, естественным законам, то есть искусственное как бы превращается в естественное, включаясь в естественно-исторические механизмы природного и социального. Но это не естественно-природное (с человеком не связанное и от него не зависящее), а естественно-социальное. Например, техносфера, постоянно создаваемая человеком, – явление искусственное, но, рассматривая ее ретроспективно, замечаем глубинное естественно-историческое содержание, от человека не зависящее. Если бы было наоборот, то не наблюдались бы весьма нежелательные (и даже трагические) для человека результаты его техносферической деятельности, связанные с разрушением окружающей среды, да и самого человека. Человеческая деятельность связана не только с созидательными, но и разрушительными тенденциями, и все усилия необходимо направить на то, чтобы уменьшить разрушительное начало, подготовившись к разрешению действительно человеческих проблем. *Выявить меру созидания и разрушения в должном и сущем* – важная задача философии истории.

Естественное шире природного и с необходимостью включает в себя социальное. Такой взгляд обнаруживается у К.Маркса и особенно у В.Вернадского. История, по Марксу, предстает как «естественно-исторический процесс», где действуют объективные «законы-тенденции»

в сочетании с субъективными факторами. Природное и человеческое рассматриваются Вернадским с единых, естественно-исторических позиций, а если говорить о перспективе, – с позиций ноосферы. При этом ноосфера выступает одновременно и как явление естественно-историческое (результат длительного исторического процесса), и как искусственное (контролируемое и управляемое человеком). Даже сама человеческая мысль далеко не случайна и, как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг homo sapiens и ту социальную среду, в которой как ее следствие, как связанный с ней природный процесс создается научная мысль о должном и сущем.

Естественное нельзя сводить к объективному в человеческом обществе. Отождествление естественного (естественно-исторического) и объективного приводит к механическому противопоставлению объективного и субъективного в человеческой деятельности. При этом субъективная сторона человеческой деятельности попросту отбрасывается. Должное (идеал) только тогда становится конструктивным, когда включает в себя субъективное, человеческое начало во всех своих проявлениях. Вульгарно понятая коммунистическая идея, имея, по существу, объективный характер, не обращает должного внимания на человека, его внутренний душевно-духовный мир. Тогда человек превращается в «административный винтик», что нарушает естественно-исторические механизмы проявления социального. Поэтому методологическим правилом при изучении человеческой истории должно быть следующее: не отрывать объективное от субъективного и исследовать диалектику объективного и субъективного. И что очень важно: объективное и субъективное необходимо рассматривать с единых, естественно-исторических позиций. В этом и заключается фундаментальность подхода к человеческой истории. Тогда будет схвачена как объективная детерминация исторического процесса, так и сам человек, активно влияющий на ход истории. Фундаментальный, естественноисторический подход обнаруживает не только объективную логику хозяйственной и культурной эволюции, но, что особенно важно, – объективную логику человеческих поступков. В связи с этим становится актуальным вопрос о соответствии логики человеческих поступков логике хозяйственной и культурной эволюции. Абсолютизация должного предполагает единомыслие во взглядах на естественноисторические механизмы и преследование инакомыслия. Об опасности тоталитаризма в мышлении предупреждал еще Аристотель. Ликвидация всякой частной собственности, чрезмерная централизация государственной власти могут привести к развалу и гибели государства, что мы наблюдали в 1990-е гг., когда распался СССР. Поэтому от государственных деятелей требуется большое искусство выявления естественно-исторических тенденций как общества в целом, так и отдельных индивидуумов. Мировой

политике не хватает фундаментальности в вопросах формирования должных целей и идеалов.

Фундаментальная философия истории призвана раскрыть естественно-исторические механизмы человеческой деятельности, где объективное и субъективное органически взаимосвязаны. При этом можно сформулировать следующий ряд методологических процедур:

1) провести тщательный анализ уже сложившихся форм взаимодействия объективного с субъективным;

2) выявить на этой основе объективные детерминации важнейших субъективных решений и поступков (например, почему Ленин был вынужден ввести НЭП);

3) выявить все многообразие нереализовавшихся субъективных позиций и решений (например, что предлагали по поводу социалистического строительства меньшевики Плеханов, Суханов и другие);

4) объяснить «победу» одного из альтернативных решений, раскрыть механизм превращения одного из возможных решений в действительность (например, с чем связано свертывание НЭПа после смерти В.И.Ленина и почему соратники последнего были столь напуганы кооперативным планом умирающего вождя);

5) спроектировать все многообразие будущих социальных «маршрутов» (например, что произошло бы с советским государством, будь жив Ленин, и т.д.);

6) выбрать оптимальный вариант решения (это самый трудный вопрос исторической методологии, поскольку требует оценки прошлого с позиций настоящего, а настоящее должно интерпретироваться с точки зрения будущего, то есть должного).

При этом необходимо заметить следующее: выявляя естественно-исторические механизмы человеческой деятельности (процедуры первая и вторая), мы вынуждены восстанавливать исчезнувшие фрагменты исторической реальности (см. процедуры третья и четвертая). Это, по сути, «реконструкция» прошлого. В результате такой реконструкции опыт прошлых поколений используется в полной мере для решения насущных задач (процедуры пятая и шестая). Отыскивая повсюду и во всем объективную детерминацию, мы вместе с тем расширяем «историческое поле», обнаруживая все многообразие альтернативных позиций и решений (а что было бы, если бы...). «Предсказать» прошлое не менее трудно, чем предвидеть будущее. При этом если какое-либо историческое событие, даже якобы «ошибочное» с точки зрения настоящего, совершилось, то считать его «произвольным» (как это часто делают по отношению, например, к Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.) методологически неверно, а если затрагивать политическую стратегию, то и опасно. На это обращал внимание еще в начале 20-х гг. XX столетия известный русский мыслитель Л.П.Карсавин, рассматривая с естественно-исторических позиций политику большевиков и их «коммунистическое

строительство»: «Мы не утверждаем, что большевики – идеальная власть, даже – что они просто хорошая власть. Но мы допускаем, что они – власть наилучшая из всех ныне в России возможных. До самого последнего времени русский народ их поддерживал. Это не значит, что он их нежно любит: он их поддерживал, как неизбежное и наименьшее зло... По существу своему, политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и при данных условиях может быть единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры»².

История заслуживает глубокого фундаментального осмысления, чтобы варианты, опрокинутые историческим развитием, не теряли своей познавательной ценности в наших нынешних поисках оптимальных решений. Но в таком случае мы покидаем область фундаментальной философии истории и переходим в область философии истории технологической, связанной с проектированием и конструированием прошлого, настоящего и будущего.

Философия сущего – это технологическая философия истории, которая кардинально отличается от философии должного – фундаментальной философии истории.

Фундаментальная философия истории разрабатывалась в трудах Гегеля и Маркса, Н.Данилевского и В.Соловьева. Главное, что их объединяло, – поклонение будущему (должному), хотя объяснительные принципы исторического процесса были разными. У Гегеля – это самодвижущаяся абсолютная идея, развивающаяся по определенному плану, у Маркса – естественно-исторические условия проявления материального способа производства, у Данилевского – культурно-исторические факторы возникновения, развития и исчезновения всего многообразия жизнедеятельности различных этносов, у Соловьева обнаруживаются целый ряд объяснительных принципов: космогонический, теологический и исторический.

Главный вопрос для фундаментальной философии истории – это вопрос о *смысле истории*. Почему человечество до сих пор не достигло совершенного общественного состояния? И достигнет ли оно такого состояния вообще? Почему зло принципиально неустранимо из истории? Почему с развитием человеческого общества увеличивается не только добро, но и возникают новые формы зла?

Чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы, необходимы концепции, связанные с природой человека, с судьбами отдельных личностей, с влиянием естественно-исторических факторов на *процесс формирования человека*. Это, по сути, технологическая философия истории, философия сущего, где непосредственный живой опыт людей вплетается в сложную структуру естественно-исторического. Человек сопротивляется, пытаясь воздействовать на ход исторического процесса, а сопротивляясь, начинает испытывать страдание. Это нашло свое выражение в

персоналистских концепциях (лат. *persona* – личность) философии истории, связанной с именами Н.Бердяева, Л.Шестова, К.Ясперса, Ж.Маритена, Х.Ортега-и-Гассета и др. Главным фактором исторического процесса выступают личность, ее достоинство и ответственность. XX в. характерен тем, что утрачивается ценность личности, уважительное отношение к личности. Необычайно остро встает проблема прав и свобод личности. Для технологической философии истории в ее персоналистском варианте характерно изучение исторического человека во всей полноте его конкретных проявлений, что в конце XX в. выродилось в постмодернистские настроения, где главное – *секс, безумие и тюрьма*. Технология человеческой деятельности принимает все более сервисный характер, обуславливающий удовлетворение самых низменных потребностей. На это еще в конце XIX в. обратил внимание выдающийся русский мыслитель К.Леонтьев. Он считал, что со временем (которое мы сейчас наблюдаем) выработается средний человек, ориентированный на сиюминутные потребности, на бесконечное отстаивание своих прав и свобод, природы и сути которых он не знает. Русский мыслитель считал, что процессы «усреднения» человека происходят во всемирном, космическом масштабе и что этих процессов не сможет избежать и Россия. Все дело только во времени: она запоздает с этим процессом, и это запаздывание надо продлить, надо замедлить, «подморозить» темпы вступления России в сервисно-технологическую жизнь с тем, чтобы спасти ее культурное своеобразие. Замечательное предвидение К.Леонтьева. Мы сейчас наблюдаем активное вхождение России в мировую сервисно-технологическую цивилизацию, которая приведет ее к распаду и гибели. Еще более резко высказывался по поводу западных ценностей основатель русского космизма Н.Федоров. Он называл Европу «цивилизацией молодых». Ее главную особенность Федоров видел в том, что сыны человеческие сняли с себя обязанности перед отцами, предками, то есть перед традицией, отделились от них в своей гордыне, перестали считаться с прошлым, забыли свой сыновний долг. Следует отметить, что легализацию секса Н.Федоров связывал со спецификой «цивилизации молодых», которая, по его словам, возродила культ языческой «народной Афродиты». Спустя полвека такие же мысли высказывал испанский философ XX в. Ортега-и-Гассет: *«Безнравственность ныне стала ширпотребом, а отвращение к долгу укоренилось онтологически, породив «полусмешной-полустыдный» феномен нашего времени – культ молодежи как таковой»*³. Он сравнивал современного ему европейца с «взбесившимся дикарем», именно «взбесившимся», ибо «нормальный дикарь» чтит традиции, следует вере, табу, заветам и обычаям.

Таким образом, технологический персонализм начала XX в. в конце века выродился в «технологический постмодерн», где главное не создание, синтез, творчество, а «деконструкция» и «деструкция», то есть перестройка и разрушение прежней структуры человеческой деятельности.

Это случилось по той причине, что человек плохо представляет себе природу человека, природу его потребностей, более того, природу эволюционирующей потребности. Технологическая философия истории не сложилась. И не сложилась она потому, что оказалась оторванной от философии истории фундаментальной. Необходим синтез фундаментальных и технологических факторов исторического развития, который бы сумел совместить космологические, природно-биосферные и человеко-духовные тенденции развития.

Синтетический подход к осмыслению исторического процесса обнаруживается в *русской философии истории*. Подобная синтетическая парадигма русской историософии нашла достойное выражение в идее соборности (А.С.Хомяков), в принципе цельного знания (И.В.Киреевский), в проектно-преобразующем знании будущего (Н.Федоров), в концепции всеединства (В.С.Соловьев), в автотрофном человечестве будущего (В.В.Вернадский).

Нам представляется, что автотрофная концепция В.Вернадского является наиболее конструктивной историософской концепцией.⁴ Во-первых, она подытоживает богатейший опыт философско-исторических построений русских и зарубежных мыслителей, во-вторых, она дает возможность найти механизм совмещения фундаментального и технологического исторического знания, в-третьих, автотрофная концепция может разрешить самые насущные потребности человечества.

Какие же выводы можно сделать исходя из автотрофной концепции?

1. Автотрофное человечество независимо от живого вещества, и в этом заключается автономность (независимость) человечества. Оно независимо прежде всего от биосферы, его органических продуктов (нефти, газа, угля и т.д.), от растительного и животных миров, которые современное человечество вынуждено уничтожать.

2. Автотрофное человечество – это человечество, обладающее высочайшей эффективностью общественного производства, и эта эффективность связана с переходом на автотрофные механизмы связи человека с природой (в настоящее время эти связи носят гетеротрофный, паразитический характер, уничтожающий все живое). Появится новое социальное существо – автотрофное, которое будет владеть этой эффективностью. Вернадский отмечал: «Создание нового автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет перед ним пути лучшей жизни»⁵.

3. Движение к автотрофному человечеству необходимо воспринимать как глубинный природный, биосферно-геологический процесс. Это движение носит естественно-исторический характер и оно неотвратимо.⁶

Удивительно, что более полувека назад В.Вернадский указал человечеству выход из создавшегося катастрофического положения. На современном этапе развития человеческого общества представляется воз-

можным технологически описать переход на принципиально новую ступень человеческого развития.

В литературе широко употребляется понятие «ноосфера», связанное главным образом с именем В.Вернадского, но мало кто увязывает ноосферные поиски мыслителя с идеей автотрофности, вследствие чего смысл понятия «ноосфера» остается не проясненным. Ноосфера без автотрофности выступает выхолощенной и непривлекательной абстракцией. Автотрофный же взгляд на ноосферу позволяет раскрыть ее существенные характеристики и выявить основные этапы (уровни) становления и развития ноосферы.⁷

Таким образом, автотрофная концепция исторического развития человечества снимает многие трудности и неясности философии истории. Она, во-первых, содержит в себе «должное», поскольку автотрофное эволюционное движение затрагивает не только ближайшее, но и отдаленное будущее, во-вторых, она содержит в себе «сущее», так как затрагивает телесную и духовную стороны настоящего человека.

Автотрофная философия истории – фундаментальна, идет поиск самоорганизующихся механизмов социальных систем, их переход от одной ступени развития к другой. Автотрофная философия истории – технологична, поскольку указывает человеку конкретные шаги по перестройке образа жизни, потребностей, мыслей в сторону большей духовности. Автотрофная философия истории позволяет понять природу человека, смысл его деятельности, его перспективы, его связи с Космосом.

Современному поколению, прежде всего молодому поколению (студенчеству), следует усвоить наследие русской философской и историко-философской мысли, которое в силу идеологических причин долгое время находилось под запретом. Подлинное отношение к наследию предполагает не только его освоение и сохранение, но и творческое развитие. Поэтому на основе достижений русской философии истории, этого грандиозного философско-исторического синтеза, мы должны создать новую концепцию русской философии истории, которая в полной мере учитывала бы достижения современной философской мысли, а также реалии современного исторического бытия и русского народа.

Подведем итоги. Философия истории – это раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания. Главная проблема – раскрытие природы движущихся сил исторического процесса; поиск механизмов периодичности исторического движения, природных и социальных циклов; их соотношение и совмещение.

Возникает вопрос: является ли история человечества естественно-историческим феноменом или же выступает как проект социального и Вселенского Разума? Выявились две концепции: фундаментальная и технологическая.

Фундаментальная концепция нашла свое классическое воплощение в трудах Гегеля (исторический процесс как саморазвертывание Абсолютного разума) и К.Маркса (саморазвертывание общественно-экономических формаций). Фундаментальное направление включает в себя обширный спектр исследовательских поисков от географической школы, где самодвижающим историческим началом выступает географическая среда, до теорий круговорота локальных цивилизаций А.Тойнби.

Технологическая концепция основное внимание обращала на проблему прав и свобод личности, на природу эволюционирующей человеческой потребности (Н.Бердяев, К.Яперс и др.). В XXI в., в условиях опасности нарастания глобальных кризисов, особенно экологических, встает задача совмещения фундаментального (должного) и технологического (сущего) представлений о движущих силах исторического процесса и создания всеобъемлющей философско-исторической теории. Конструктивная системная парадигма представлена в рамках русской философии истории, особенно в трудах В.И.Вернадского, связанной с концепцией будущего автотрофного человечества. Данная концепция дает возможность совместить естественно-исторические природные и социальные механизмы и развивающиеся потребности человечества.

¹ Кессиди, Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля / Ф.Х.Кессиди // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. А.И.Доватора. – М.: Мысль, 1984. – С. 8–38.

² Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П.Карсавин. – СПб.: АО Комплект, 1993. – С. 307.

³ Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 162.

⁴ Вернадский, В.И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. – М.: Современник, 1993. – С. 462–486.

⁵ Там же. – С. 484.

⁶ Московченко, А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания / А.Д.Московченко. – Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2001; Московченко, А.Д. Автотрофность: фактор гармонизации фундаментально-технологического знания / А.Д.Московченко. – Томск: Твердыня, 2003.

⁷ Там же. – С. 73.

Жуковский В.И.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск)

Копцева Н.П.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск)

ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Предлагается выделить следующие элементы системы произведений изобразительного искусства: стилевой образец, рядовой, шедевр. «Стилевой образец» – это эталонное произведение изобразительного искусства «Ареаклассицизма» или «Ареаромантизма», предлагающее максимальную меру эманации из-образительности *либо* имманации в-образительности, критерий необходимых и достаточных свойств художественного творения *конкретного* стилевого пространства.

«Искусственность» стилевого образца можно зафиксировать в следующих тезисах.

1. Главными свойствами «*стилевого образца*» Ареаклассицизма, призванного быть эталоном открытия Абсолютного в конечных «вторично» чувственных формах, являются: «*плоскостность*», «*линейность*», «*замкнутость*», «*ясность*», «*множественность*». Свойства в-образительности Ареаромантизма в «стилевом образце» Ареаклассицизма минимизированы до возможного предела. «**Плоскостность**» – проявление Абсолюта из-образа наружу пластами, послойно. Выделяются «задняя», «средняя» и «передняя» зоны (планы), в пределах которых размещены элементы произведения искусства. Пространство художественного образа, зачастую организуемое по правилам линейной перспективы, разворачивается, раскрывается рядами из глубины или сверху вниз от горизонта «задней» зоны к «переднему» плану. Вообще появление того, что издавна принято называть «прямой перспективой», связано, вероятно, именно с необходимостью каким-то способом зафиксировать явление бесконечного в наглядных формах (перспектива – лат. *per-spicere* – «проникать взором», «видеть насквозь»). В этом случае эманацией из-образа и «проникающим» выступает Абсолют, открывающийся человеку-зрителю через нечто изобразительно конечное. «**Линейность**» («контурность», «графичность») – приобретение бесконечным в границах художественного образа умозримых очертаний. Акцентирование контуров элементов художественного образа, повышенное внимание

к линии как средству, улавливающему бесконечное в конечном, неочерченное в очерченном и графически зарегистрированном. *Беспредельное с помощью из-ображения обзаводится границей, концом, пределом.* Кристаллизованной конечности передается мощь бесконечного. В «линейном» художественном образе отсутствуют элементы, которые бы не обрели силуэтный контур и парцелированность определенных очертаний. **«Замкнутость»** – свойство произведения искусства в качестве художественного образа быть тем, в чем соизволил себя замкнуть Абсолют. Пределы произведения стали пределами беспредельного. В случае если те или иные части художественного образа представлены преодолевающими его границы, то это демонстрация из-образной эманации неконечного в конечное. «Замкнутое» произведение искусства отличают, во-первых, строгий порядок частей, во-вторых, тектоничность, в-третьих, тяготение к геометрическим формам, в-четвертых, симметрия. Замкнутость предстает как своего рода утоленность или насыщенность, то есть равновесие между энергией проявления бесконечного в конечном и обретенным покоем граненой устойчивости. «Замкнутый» художественный образ обладает началом и концом, владеет закономерностью. **«Ясность»** – из-ображение Абсолюта в предельной незамутненности. Отчетливость всех элементов художественного образа. Полное выявление, исчерпывающее прояснение, максимальное раскрытие бесконечного в пространстве конечного произведения искусства. Использование светотени в качестве средства, способствующего наглядному явлению элементов художественного образа. «Ясность» как антисмутность и антитаинственность. **«Множественность»** – демонстрация Абсолютом собственной эманации в из-ображение разнообразия наличного бытия. При «множественности» любой элемент художественного образа, тесно взаимодействуя с другими его элементами, обладает относительной самостоятельностью и самоценностью. Хотя здесь всякая отдельная часть обусловлена целым, она от этого не перестает быть сама собой. Общее достигается гармонией относительно свободных элементов. Показ единства самоутверждения и соучастия каждого элемента в утверждении целого с акцентом, однако, именно на демонстрации подобного единства. Каждая часть художественного образа показательна и может быть сама по себе. Вместе с тем ясна связь частей с целым. Координация наглядных ударений. При всей взаимосвязанности элементов они как бы отталкиваются друг от друга, дабы продемонстрировать свою относительную самостоятельность.

2. Основными свойствами *«стилевого образца»* Ареаромантизма, призванного быть эталоном представления процесса обесконечивания конечного во «вторично» чувственных формах, являются: *«глубинность»*, *«живописность»*, *«открытость»*, *«смутность»*, *«единство»*. Свойства из-образительности Ареаклассицизма в «стилевом образце» Ареаромантизма минимизированы до возможного предела. **«Глубин-**

ность» – манифестация имманации конечного в-образ, стремления его к своей истинности, то есть к бесконечному и Абсолютному. В пронизанном диагоналями пространстве художественного образа расположение всех элементов от «переднего» плана к «задней» зоне в глубину или снизу вверх с одновременным уходом от ограниченности плоскостей, слоев, пластов. Подчеркивание тех элементов произведения искусства, которые именно влекут в-образ. Пересечение и переплетение частей художественного образа, пафос его неиссякаемости. Перспектива здесь предстает как наглядное «видение насквозь» конечным через всевозможные препятствия бесконечного. **«Живописность»** – обесценивание в сфере художественного образа значения линий, контуров и вообще каких-либо границ. Зыбкая видимость совокупности элементов, теряющих в беспредельном и безграничном четкость очертаний. Масса частей вместо контурно очерченных элементов. Светотень как средство, стимулирующее процесс растворения всего во всем. Если границы и есть, то они теряют свою непрерывность и привлекательность, зачастую прячась в темноту теней. Тотальность колорита, то есть подчиненность разноцветности общему качеству. Выход частей «живописного» художественного образа за пределы собственных границ, но не из-образа, а в-образ, то есть погружение конечного в бесконечное. Контур отрешается от формы, подчеркивая не ее стабильность, а, наоборот, ее динамику, переход в другое, движение, разрыв, изменение. Всякого рода границы произведения искусства работают в аспекте объединения, слияния, общения. **«Открытость»** – атектоничность художественного образа, неустойчивое равновесие его частей, всевозможные отклонения от геометрической «правильной четкости» и симметрии. Произведение искусства в качестве художественного образа проявляет себя как нечто случайное, мгновенное, преходящее, эпизодическое. Акцентируются диссонанс, напряженность, вожделение, томление, неуголовность. Демонстрируется отрешение от правил, препятствующих расконечиванию. Однако это не хаос вместо порядка, а иные правила, порядок в-образительности. **«Смутность»** – затемнение ясности даже в случаях, когда художественный образ стремится к максимальной отчетливости. Постоянное присутствие в «смутных» произведениях искусства непроясненного остатка (неясность ясного). В художественном образе главное значение обретают элементы непостижимого, ускользающего, необъяснимого. С отдельных элементов акцент переносится на преобразующую их стихию имманации конечного в бесконечность, отчего художественный образ открывается в своей неисчерпаемости и таинственности. Части произведения пересекаются между собой, сплетаются, спутываются, проявляясь как нечто динамично становящееся и меняющееся. В среде «смутных» часты так называемые «неоконченные» произведения искусства. **«Единство»** – сплав всех элементов в-образительного художественного образа в некую целостность. От-

дельные части произведения искусства позволяют себя осваивать только с позиции их единства. Есть только господствующее целое, из которого выступают элементы в качестве безусловно руководимых и принесших в жертву свою обособленность (цель – целое). Выделяется главный элемент художественного образа, на который работают все второстепенные элементы, подчиняясь ему. Лишь взаимодействие побочных элементов с целым и главным сообщает смысл их существованию (субординация элементов в процессе обретения художественным образом единства).

3. Элитарность «стилевого образца». Он **«генерал»** в своем стилевом пространстве, по отношению к «высоте» и «чистоте» собственного главного чина в качестве мерила градуируя все остальные произведения Ареаклассицизма *или* Ареаромантизма (лат. *generalis* – общий, главный).

4. Элитный художественный образ в качестве «стилевого образца» формирует и элитного человека-зрителя, и элитные произведения-вещи. *Элитный зритель* для «стилевого образца», допустим, Ареаклассицизма, – это человек с тонким художественным вкусом, изящно и изощренно настроенным на главные свойства данного «генерала», для которого свойства противоположного стилевого пространства, в той или иной степени присутствующие в произведениях из-образительной тенденции искусства, являются чем-то, как примеси, излишним, замутняющим и загрязняющим кристальную чистоту родного «стилевого образца». *Элитное произведение-вещь* для «стилевого образца» – это такой иллюзорно-конечный второприродный продукт, при про-изведении которого его «родители» – художник и художественный материал – максимально позаботились о том, чтобы все в их художественном творении, начиная с логограмм, предельно способствовало *либо* эманации бесконечного в конечное, *либо* имманации конечного в бесконечное.

5. «Стилевой образец» очень дорог как эксперт всей системе произведений изобразительного искусства и меновая стоимость «стилевого образца» крайне высока.

6. «Стилевой образец» в качестве художественного образа – это вечное балансирование на грани «искусство – не искусство», ибо «генерал» в своем стремлении явить собой предельную «чистоту» изобразительной или в-образительной тенденций искусства тем самым постоянно рискует лишиться себя качества «художественный образ», поскольку произведение искусства, будучи местом встречи конечного с бесконечным, обязано быть комфортным одновременно и для конечного, и для бесконечного. Выходит, что «стилевые образцы» Ареаклассицизма и Ареаромантизма, максимально содержа в себе свойства произведений своего стилевого пространства и минимально – свойства произведений противоположного стилевого пространства, есть не что иное, как граница системы произведений изобразительного искусства.

7. Поскольку «стилевой образец» в системе произведений изобразительного искусства расположен на острие выхода собственно искусства в не искусство, в нем как новом качестве отношения «своего» и «иного» обязано присутствовать нечто от заграничных искусству сфер. «Стилевые образцы» Ареаклассицизма, размещенные на границе иллюзорно-конечных вещей искусства и подлинно конечных вещей мира «второй» природы, несут в себе рациональную расчетливость и математическую точность построения художественного образа, тогда как «стилевые образцы» Ареаромантизма, размещенные на границе иллюзорно-конечных вещей искусства и про-изведений первоприродных, несут в себе эмоциональную стихийность и иррациональную непредсказуемость творения художественного образа.

8. Принципиальная *однаправленность* «места встречи» конечно-го с бесконечным в качестве «стилевого образца». Искусственность аскезы «генерала» держать себя в векторе либо оконечивания бесконечного, либо обесконечивания конечного.

9. Зритель, участвующий в создании художественного образа «стилевой образец», есть зритель-наблюдатель и зритель-собеседник. При этом зритель-собеседник претендует, помимо собственных привилегий, на права зрителя-со-творца.

10. Произведение в качестве «вещи-в-открытости», участвующее в создании художественного образа «стилевой образец», есть произведение-вещь и произведение-собеседник. При этом произведение-собеседник претендует, помимо собственных привилегий, на права произведения-текста.

11. «Стилевой образец» как художественный образ обладает лишь материальным, индексным и иконическим статусами. Символический статус художественного образа в «стилевом образце» отсутствует, так как встрече зрителя-со-творца с произведением-текстом мешают одна-направленность из-образительности от бесконечного к конечному или в-образительности от конечного к бесконечному. В связи с этим «стилевой образец» как Ареаклассицизма, так и Ареаромантизма может обеспечить лишь «встречу» конечного с конечным, но не конечного с Абсолютным.

12. В «стилевом образце» господствует филиация, подменяя для зрителя подлинного Демиурга «родителями» произведения-вещи.

13. Иконический статус художественного образа «стилевой образец» сливается с символическим статусом, причем на иконической основе. Иконические знаки берут на себя функцию знаков-символов.

14. В пространстве художественного образа «стилевой образец» качество «реальность» сохраняется, но «действительность» и «бытие» сливаются так, что «действительность» берет на себя функцию «Бытия». При сохранении «достоверности» «художественная правда» берет на себя функцию «Истины».

15. Художественный образ «стилевой образец» производит отождествление значений и смыслов знаков. С одной стороны, завершенность конечного на уровне иконического статуса художественного образа претендует на совершенство смысла. С другой стороны, опасность войти в дурную бесконечность смыслов заставляет художественный образ «стилевой образец» замкнуться в завершенности значений иконических знаков.

16. «Стилевой образец» манифестирует, в случае стилового пространства Ареаклассицизма, качество объективности художественного образа, тогда как в случае стилового пространства Ареаромантизма – качество субъективности художественного образа.

«Искусность» стилового образца позволительно выразить в следующих положениях.

1. Мастерство «стилового образца», владея свойствами изобразительности «плоскостность», «линейность», «замкнутость», «ясность», «множественность» Ареаклассицизма или свойствами в-образительности «глубинность», «живописность», «открытость», «смутность», «единство» Ареаромантизма, быть своеобразным аналитическим «ситом» и для произведений всей системы изобразительного искусства, и своего стилового пространства.

2. Искусность «стилового образца» быть «генералом», то есть главным произведением искусства, посредством которого осуществляется либо эманация бесконечного в конечное, либо имманация конечного в бесконечное.

3. Мастерство «стилового образца» быть «генералом», то есть общим произведением-покрывалом, интегрирующим и систематизирующим различные художественные образы определенного стилового пространства.

4. Умелость доведения «стиловым образцом» четкости стилового качества до предела совершенства.

5. Искусность композиционной организации «стилового образца» в качестве художественного образа, производимой в случае изобразительности Ареаклассицизма с помощью художников-пророков, а в случае в-образительности Ареаромантизма – с помощью художников-героев.

6. Мастерство «стилового образца» как художественного образа в составе системы произведений изобразительного искусства формировать и эталонного зрителя, и эталонное произведение-вещь.

7. Искусность «стиловых образцов» Ареаклассицизма и Ареаромантизма быть границей системы произведений изобразительного искусства.

8. Умение «стилового образца» выступать в роли эмерджента, содержащего в себе как «свое» (свойства произведений системы изобразительного искусства), так и «иное» (свойства заграничных системе искусства сфер первоприродных и второприродных произведений).

9. Суперискусность «стилового образца» в качестве художественного образа.

10. Способность «стилевого образца» доводить качество себя как художественного образа до иконического статуса, организуя встречу конечного с конечным.

«Искус» стилевого образца позволительно зафиксировать в следующих положениях.

1. Искус определенности, предсказуемости, раскрываемости «стилевого образца» как Ареаклассицизма, так и Ареаромантизма.

2. Искус «стилевого образца» как предела и границы системы произведений изобразительного искусства.

3. Соблазн «стилевого образца» быть «генералом», то есть представлять и в качестве главного произведения определенного стилевого пространства, и в качестве своего рода общего покрывала, интегрирующего и систематизирующего произведения искусства изобразительности или в-образительности.

4. Искус «чистого» проявления «стилевым образцом» необходимых и достаточных свойств Ареаклассицизма либо Ареаромантизма.

5. Соблазн формировать «стилевым образцом» в качестве художественного образа элитных зрителей и элитные произведения-вещи.

6. Искус «стилевого образца» быть экспертом каждого произведения всей системы изобразительного искусства, мерилom любого произведения из-образительной или в-образительной тенденций искусства.

7. Соблазн «стилевого образца» через слияние в собственном художественном образе эмердженте «своего» и «иного» *выходить не выходя* либо в рациональный мир конечных второприродных вещей, либо в стихийный мир вещей «первой» природы.

8. Искус «стилевого образца», будучи местом встречи конечного с конечным, представлять собственный художественный образ в качестве места встречи конечного с бесконечным. Претензии «стилевого образца» на роль «шедевра» системы произведений изобразительного искусства.

«Шедевр» – это уникальный художественный образ системы произведений изобразительного искусства, отождествляющий в себе противоположные потенции оконечивания бесконечного и обесконечивания конечного, гармонизирующий эманацию и имманацию, придающий целостность тенденциям из-образительности и в-образительности, сплавляющий стилиевые пространства Ареаклассицизма и Ареаромантизма. «Шедевр» есть то, ради чего в конечном счете и существует система произведений изобразительного искусства, так как *только «шедевр» имеет возможность выступить в качестве максимально корректного и предельно комфортного моста между конечным человеком и бесконечным Абсолютом*. Все остальные когда-либо созданные человечеством произведения искусства в той или иной мере либо приближаются к подобной редчайшей возможности, либо удаляются от нее.

Хотя «стилевой образец» не предполагает быть местом встречи конечного с Абсолютным, а «шедевр» предполагает, они, тем не менее, взаимоположены. «Стилевой образец» и «шедевр» допускают наличие друг друга и друг через друга определяются, образуя вместе своеобразный костяк живой системы произведений изобразительного искусства. «Шедевр» определяется не сам по себе, а через другого, в роли которого и выступает «стилевой образец».

«Шедевр» находится в состоянии *стилевой инверсии*. С одной стороны, «шедевр» можно назвать *«стилевым инвариантом»*, остающимся неизменным при определенном преобразовании стиливых переменных. С другой стороны, «шедевр» – это точка *«стилевой бифуркации»*, то есть зона сдвоения и раздвоения, соединения и разделения, сращивания и разветвления из-образительной и в-образительной тенденций изобразительного искусства, стиливых пространств Ареаклассицизма и Ареаромантизма.

«Искусственность» шедевра можно выразить в следующих положениях.

1. Свойствами «шедевра» системы произведений изобразительного искусства, призванного быть эталонным местом встречи конечного с бесконечным, являются: *«плоскостно-глубинность»*, *«линейно-живописность»*, *«замкнуто-открытость»*, *«ясно-смутность»*, *«множественность-единство»*. Эти уникальные атрибутивные свойства «шедевра» мы попытаемся раскрыть путем анализа такого великого произведения изобразительного искусства, как «Джоконда» Леонардо да Винчи.

2. **«Плоскостно-глубинность»** – одновременное владение «шедевром» в качестве художественного образа элементами, позволяющими как бесконечному, осуществляющему из-ображение, кристаллизовать себя в конечном, так и конечному, осуществляющему в-ображение, рекристаллизовать себя. С одной стороны, части произведения искусства «Джоконда» структурированы как ряд параллельных пластов в форме горизонтальных наглядных линий (линия горизонта, совпадающая с линией крыльев носа женской фигуры, линия ее лба, линия бровей и глаз, линия губ, линия горных вершин, совпадающая с линией женской шеи, линия балюстрады, совпадающая с линией груди, линия плеч, линия локтей, линия руки, лежащей на подлокотнике кресла). Подчеркнуты раскрывающие себя из глубины наружу и сверху вниз по правилам линейной перспективы относительно плоские «задняя» зона (растворенный в дымке Горний мир), «средняя» зона (проявивший себя Горний мир в виде горных цепей и долин, пробитых дорогой, а также в виде реки с переброшенным через нее мостом) и «передняя» зона (Дольний мир человеческого жилья, обозначенный горизонталью балюстрады, вертикалью балюстр и женской фигурой в кресле). При этом женская фигура представлена как относительно самостоятельная зона, в свою очередь распадающаяся на ряд параллельных друг другу планов, выдвигаемых изнутри вовне (вплоть до зоны женских кистей рук). С другой стороны, в

произведении искусства «Джоконда» налицо элементы, обесценивающие плоскостность данного художественного образа. Наряду с горизонтальными здесь достаточно много диагонально пересекающихся умозрительных линий (абрис глаз, носа, губ, подбородка женского лица; вырез платья и шарф, наброшенный на плечо фигуры; перекрещивающиеся руки героини). Художественный образ разворачивает для в-образительности воздушную перспективу, тушующую слоистость произведения встречным движением извне вовнутрь и снизу вверх. В помощь этому используется прием наглядного объединения расположенных рядом разнородных элементов «передней» и «задней» или «передней» и «средней» зон (например, линия женских глаз и линия горизонта; светлый лоб и светлая даль; покрывающая волосы полупрозрачная ткань и покрывающая скалы полупрозрачная дымка; вьющиеся по плечам волосы и вьющаяся дорога; переброшенный через плечо шарф и переброшенный через реку мост). Вообще, фигура женщины как своеобразная ось пронзает все умозрительные зоны, объединяя в пространстве художественного образа ближнее с дальним, Дольнее с Горним. Произведение искусства предстает в качестве границы, в то же время и разделяющей, и объединяющей в себе изобразительную *«плоскостность»* с в-образительной *«глубинностью»*.

3. **«Линейно-живописность»** – одновременное наличие в «шедере» изобразительного искусства и контурной графичной граненности, и расплывчатой размытости очертаний. С одной стороны, в художественном образе «Джоконда» реализует себя необычайная сила флорентийского контура и поверхностей, разливаясь из глубины вовне сверху вниз и вроде бы одерживая верх надо всем и вся. Каждый элемент под действием светотени предстает в своей предельной очерченности, относительной самостоятельности и статичности. Акцент всех частей перенесен на собственные поверхностные границы, делая их представительно украшенными. И все это происходит в произведении искусства, автор которого в «Трактате о живописи» не раз предостерегал художников от оконтуривания форм линиями. С другой стороны, данный художественный образ вдруг, подобно хамелеону, неведомо как являет в себе ту мощь, которая всякую контурность здесь обессиливает. Знаменитое Леонардово «сфуматто» заставляет границы частей произведения искусства «таять», а сами части что называется «играть» (прозрачное покрывало на голове героини; прозрачность волос, сквозь которые просвечивает женская плоть). При этом светотень освобождается от функции простого прояснения элементов художественного образа. Свет, скользя по всем частям, перестает служить их отчетливости, возбуждая в пространстве художественного образа энергию движения и всеобщего колористического объединения. Значимость обретает не столько поверхность элементов произведения искусства, сколько их внутренняя жизнь. Недаром Дж.Вазари в свое время отметил, что под кожей Моны Лизы он ощутил

биение человеческого пульса. Продолжая замечание знаменитого историка искусства и художника, можно сказать, что под одеждой героини ощущается ее плоть; под шарфом на плече ощущается ткань одежды; ощущается тяжесть сидения фигуры в кресле; ощущается присутствие ручки подлокотника под лежащей на нем рукой; ощущается воздух между «передней» и «задней» зонами художественного образа. Оказывается, что все элементы «Джоконды», помогая из-ображению и в-ображению, вместе и «линейно» статичны, и «живописно» динамичны.

4. **«Замкнуто-открытость»** – одновременное тяготение художественного образа и к тектонике, геометричности, симметрии, и к атектоничности, асимметрии, неустойчивости. С одной стороны, в данном произведении искусства доминируют умозрительные вертикали и горизонталы. Части испытывают тяготение к центральной оси, осуществляя равновесие сторон художественного образа. Собственно вертикаль вызывает ощущение аристократизма предельно выпрямленной спины сидящей героини. Расположение элементов таково, что дает право художественному образу «Джоконда» заявлять о себе как эталонно самоценном и относительно самостоятельном мире. Все части произведения искусства умно сконструированы и рационально упорядочены. В пределах рамы пространство художественного образа самодостаточно. Бесконечное утоленно демонстрирует себе и всем, что оно наконец обрело здесь образцовую замкнуто-конечную форму. С другой стороны, «Джоконда» как произведение искусства, раскрываясь, вырывается за те пределы, которые установлены рамой. Достаточно вспомнить непрекращающиеся по сию пору разговоры о произошедшем когда-то усечении картинной доски справа и слева, о балясинах, которые на картине в ее первоначальном виде были якобы явлены чуть ли не полностью. Или неумолкающие споры о местонахождении той географической точки, где могла бы позировать художнику мифическая Мона Лиза. Складывается впечатление, что свойство художественного образа «замкнутость» зрители нарочно пытаются разомкнуть, выводя его за его пределы. И это не случайно. Достаточно чаще весов данного произведения искусства склониться от «закрытости» к «открытости» (а это происходит таинственно–внезапно–сразу–вдруг), как его тектоника начинает удивительным образом рушиться, порождая вместо рациональной построенности ощущение случайности, мгновенности и непредсказуемости художественного образа. Большинство частей произведения и откровенно обнажены (грудь героини, ее кисти рук, лоб, взгляд и пр.), и целомудренно прикрыты (женские волосы, прикрытые вуалью; платье и шарф, прикрывающие грудь; кисть правой руки, прикрывающая левую руку; косынка, прикрывающая лоб; взгляд, который невозможно открыть и т.д.). Манифестируются как «открытость при закрытости», так и «закрытость при открытости». В случае клонения чаши весов художественного образа к «открытости» геометризм умозрительных вертикалей и

горизонталей начинает, что называется, «плавать», смещая центральную ось произведения искусства то влево, то вправо, а то и вовсе направляя ее по диагонали слева снизу вправо вверх от «передней» зоны к «заднему» плану. Получается, что вертикальность и горизонтальность «Джоконды» как подчеркиваются, так и скрываются, предоставляя возможность становится и быть сразу из-ображению и в-ображению.

5. **«Ясно-смутность»** – способность произведения искусства «шедевр» свой художественный образ одновременно кристаллизовать и рекристаллизовать. С одной стороны, «Джоконда» подкупает своей исчерпывающей простотой и ясностью (что может быть композиционно проще и содержательно доступнее одиноко сидящей женщины, на фоне пейзажа прямо смотрящей на зрителя). Отсутствует всякий намек зрителю на необходимость приобретения им для общения с произведением каких-либо дополнительных сведений (иконографических, исторических, мифологических, религиозных, символических). Главный элемент – лицо улыбающейся (или грустящей?) героини – не скрыт, а классически представлен на центральной оси выше геометрического центра. В художественном образе вроде бы нет ни одной неотчетливо зримой части. Не зря же Леонардо да Винчи писал, что готов пожертвовать самым заманчивым мотивом, если он хотя бы в малой мере мешает общей ясности произведения искусства. С другой стороны, в недрах ясности художественного образа содержится нечто, оборачивающее предельную ясность в максимальную смутность. Например, тот самый свет, который, рассеянно падая на лицо героини сверху слева вниз, призван его раскрыть, внезапно делает это лицо удивительно загадочным, таинственным, ускользяще необъяснимым. Мышцы женского лица, ответственные за подъем уголков рта и глаз вверх, и мышцы лица, ответственные за опускание этих уголков вниз, представлены одинаково напряженными и освещены так, что при малейшем изменении умозрения зрителя, реагируя на его операционные действия, меняют из-ображение на в-ображение. Вызванная ясностью художественного образа «шедевра» его «вдруг откуда не возьмись» явившаяся смутность заставляет зрителей осваивать горы литературы о художнике, его модели, произведении-вещи, об истории культуры Италии, религии, мифологии и пр. и пр. Действуя таким образом, зритель, роясь в стороне от логограмм картины, пытается обратить смутность в ясность, считая в большинстве случаев собственное отношение с произведением-вещью завершенным. Сколько искусствоведческих «копий» было сломано в дискуссиях о загадочной улыбке «Джоконды» или о том, что, возя всюду картину с собой, мастер так и не дописал свое произведение. А всему виной является аспект «смутность» свойства «ясно-смутность» произведения искусства «шедевр», его в-образительность. Мы уже отмечали, что именно для в-образительной тенденции системы изобразительного искусства и стилевого пространства Ареаромантизма характерны так называемые «неоконченные» произведе-

ния, а также представление элементов художественного образа в качестве чего-то процессуально меняющегося и становящегося.

6. **«Множественность-единство»** – одновременное обладание элементами художественного образа «шедевра» и качеством самоутверждения своего наличного бытия, и качеством соучастия в утверждении единства произведения искусства как места встречи конечного с бесконечным. С одной стороны, каждый из множества элементов «Джоконды» владеет относительной самостоятельностью и наглядным наличным бытием в составе данного художественного образа. Каждая часть самоценна, хотя и выступает в общем контексте. При этом части проявляются из общего, то есть изнутри наружу и сверху вниз. Каждая из частей, включая фигуру героини, обретает виртуальное бытие, являясь в Дольний мир из туманных далей Горнего мира. С другой стороны, каждая часть произведения искусства связана с единым целым именно своим происхождением из него. Эту связь художественный образ открывает посредством «дороги» и «моста» как форм, содержательно призванных соединять нечто разъединенное – зоны, части, элементы. Исход мира Дольнего в мир Горний приводит к «плавлению» всего относительно самостоятельного в пламени единства самоутверждения и соучастия.

7. Максимальная искусственность художественного образа «шедевр», переходящая в предельную естественность места встречи конечного с бесконечным.

8. Обязательное преображение иконического статуса художественного образа «шедевр» в статус символический.

9. Искусственность «шедевра» одновременно и иерархически пребывать в состояниях «реальность», «действительность», «Бытие».

10. Искусственность «шедевра» быть моделью Бытия в единстве неорганического, ограниченного, душевного и Духовного слоев.

11. Искусственность «шедевра» одновременно и иерархически пребывать в состояниях «достоверность», «художественная правда», «Истина».

12. Предельное нивелирование филиации и одновременное подчеркивание гениальности «родителей» произведения искусства «шедевр».

13. Потеря художественным образом «шедевр» актуально-исторического, национального, конфессионального и пр. качеств с одновременным их резким проявлением.

14. Искусственность шедевра одновременно быть максимально целостным самодостаточным уникальным художественным образом и быть элементом системы произведений изобразительного искусства, находящимся в тесном взаимодействии со всеми остальными элементами данной системы.

15. Огромная меновая стоимость каждого «шедевра» и одновременная его бесценность.

«Искусность» шедевра изобразительного искусства можно выразить в следующих тезисах.

1. Искусность «шедевра» достигать качества «метаискусность», в снятом виде содержащем в себе качества «искусность» и «суперискусность».

2. Метаискусность «шедевра» как художественного образа-эмерджента в снятом виде содержать в себе главные свойства и в-образительности стилевого пространства Ареаромантизма и из-образительности стилевого пространства Ареаклассицизма, являя собой «*стилевой инвариант*» и точку «*стилевой бифуркации*».

3. Метаискусность «шедевра» являть собой системообразующее начало самодвижущегося и саморазвивающегося организма произведений изобразительного искусства.

4. Метаискусность «шедевра» существовать одновременно и в гордом одиночестве собственной неповторимой уникальности, и в состоянии «переклички» с прочими «шедеврами» системы произведений изобразительного искусства, и в «ряду» с другими художественными образами.

5. Метаискусность художественного образа «шедевр» мастерски формировать гениальных зрителя, произведение-вещь, а также их отношение друг с другом.

6. Метаискусность каждого произведения искусства «шедевр» быть предельно корректным местом встречи конечного с бесконечным, «ид» человека с «ИД» Абсолюта. Если «стилевой образец» в его суперискусности – это «**генерал**», то «шедевр» в его метаискусности достигает статуса «**святой**», поскольку именно святой есть тот «перекресток» между человеческим и божественным началом, который соединяет в принципе не соединимые качества противоположностей.

«Искус» шедевра изобразительного искусства позволительно представить в следующих положениях.

1. Искус «шедевра» быть системообразующим началом самоорганизующейся структуры произведений изобразительного искусства.

2. Искус взаимопределения конечного и бесконечного при их взаимоотношении в пространстве художественного образа «шедевр».

3. Искус преображения художественного образа «шедевр» в место встречи конечного с бесконечным.

4. Искус «временной безвременности» художественного образа «шедевр». Как новое качество художественный образ «шедевр» есть гармония «временности» конечного и «безвременности» бесконечного, то есть носитель того, что уместно назвать «временной безвременностью».

5. Соблазн обретения человеком посредством искусственности и метаискусности «шедевра» искомой естественности единства самоутверждения и соучастия в утверждении Полноты Бытия, открытии Истины.

Все произведения системы изобразительного искусства, которые не относятся к «стилевому образцу» и «шедевр», находятся в зонах при-

тяжения к «стилевому образцу» либо «шедевру», а также в зонах отталкивания от «стилевого образца» или «шедевра». Например, отталкиваясь от «стилевого образца», произведение в то же самое время притягивается к «шедевру», а отталкиваясь от «шедевра», притягивается к «стилевому образцу». Испытывающие притяжение и отталкивание произведения системы изобразительного искусства можно характеризовать негативно: в них мера свойств по отношению к «стилевому образцу» и «шедевру» либо в избытке, либо в недостатке.

Произведение «**рядовой**» системы изобразительного искусства – это образцовый художественный образ, находящийся в ряду между «стилевым образцом» и «шедевром». «Рядовое» произведение следует рассматривать и само по себе, и как «ряд», процесс, движение от «стилевого образца» к «шедевру» и от «шедевра» к «стилевому образцу» в стилиевых пространствах Ареаклассицизма и Ареаромантизма. Поскольку в системе произведений изобразительного искусства налицо изобразительная и в-образительная тенденции, постольку «рядов» здесь несколько. Во-первых, это «ряд» произведений искусства в качестве художественных образов, находящихся в эволюционном движении от «стилевого образца» к «шедевру» в стилиевом пространстве Ареаклассицизма (обозначим его «ряд» **КА** в «шеренге» **А**). Во-вторых, «ряд» художественных образов, находящихся в эволюционном движении от «шедевра» к «стилевому образцу» в стилиевом пространстве Ареаклассицизма (обозначим его «ряд» **КБ** в «шеренге» **Б**). В-третьих, это «ряд» произведений искусства, осуществляющих процесс движения от «стилевого образца» к «шедевру» в стилиевом пространстве Ареаромантизма (обозначим его «ряд» **РБ** в «шеренге» **Б**). В-четвертых, «ряд» художественных образов, эволюционирующих от «шедевра» к «стилевому образцу» в стилиевом пространстве Ареаромантизма (обозначим его «ряд» **РА** в «шеренге» **А**). По своим качествам произведение искусства «рядовой» тяготеет либо к «стилевому образцу» в статусе «генерал», либо к «шедевру» в статусе «святой». Однако в любом случае *каждый «рядовой» художественный образ уникален и неповторим мерой в нем свойств изобразительной и в-образительной тенденций искусства.*

Точкой отсчета для любого «рядового» произведения выступает «стилевой образец», так как «генерал» есть своего рода мерило всем художественным образам системы произведений изобразительного искусства.

«Искусственность» произведений искусства, находящихся в «рядах» **КА**, **РА**, **КБ**, **РБ**, можно выразить в следующих положениях.

1. Художественные образы «ряда» **КА** в эволюции от «стилевого образца» к «шедевру» в стилиевом пространстве Ареаклассицизма от произведения к произведению шаг за шагом разворачивают в составе художественных образов «ряда» меру свойств в-образительной тенденции искусства, сворачивая при этом меру свойств изобразительной тен-

денции искусства (лат. *evolutio* – разворачивание). То есть произведения «ряда» в своем стремлении к «шедевру» решаются на отказ от генеральной четкости и ясности свойств произведений определенного стиливого пространства в пользу поисков священной гармонии из-ображения и в-ображения. «Рядовые» произведения «ряда» **КА**, по составу своих свойств приближающиеся к «шедевру», получают возможность, озаряемые святостью «святого», становиться все более и более корректным местом встречи конечного с бесконечным.

2. Художественные образы «ряда» **РА** в движении от «шедевра» к «стилевому образцу» в стиливом пространстве Ареаромантизма продолжают то, что было начато «рядовыми» произведениями «ряда» **КА**. «Шедевр», будучи мигом гармонии эманации и имманации, выполнил свою функцию точки стиливой инверсии, отчего произведения «ряда» **КА**, теряя в составе своих художественных образов приоритет свойств изобразительности, обернулись в произведения «ряда» **РА** (лат. *inversio* – переворачивание, перестановка). Художественные образы «ряда» **РА**, постепенно от произведения к произведению разворачивая свойства в-образительной тенденции искусства, в своем стремлении к мере «стилевого образца» все усерднее избавляются от «баласта» свойств произведений Ареаклассицизма, сводя в конце концов их присутствие в «рядовых» художественных образах, близких «генералу», к необходимому минимуму (действия по принципу «плох тот рядовой, который не хотел бы стать генералом»).

3. Художественные образы «ряда» **РБ** в эволюции от «стилевого образца» к «шедевру» в стиливом пространстве Ареаромантизма действуют аналогично произведения «ряда» **КА** с той только разницей, что эти «рядовые» в своей жажде достижения изобразительно-вобразительных качеств «святого» от произведения к произведению все более увеличивают в собственных художественных образах количественную меру свойств изобразительности, одновременно уменьшая при этом меру свойств в-образительной тенденции искусства.

4. Художественные образы «ряда» **КБ** в движении от «шедевра» к «стилевому образцу» в стиливом пространстве Ареаклассицизма поступают аналогично «рядовым» произведениям «ряда» **РА**, стремящимся стать «генералом», с тем, однако, отличием, что шаг за шагом выдавливают из состава своих художественных образов не мешающие «генеральной» чистоте и строгости «лишние» капли свойств изобразительности, а, наоборот, «излишки» свойств в-образительности, делая тем самым «рядовое» произведения «ряда» **КБ** образцово изобразительным.

«Искусность» произведений искусства, находящихся в «рядах» **КА**, **РА**, **КБ**, **РБ**, можно проявить в следующих тезисах.

1. Мастерство каждого «рядового» произведения быть одновременно и неповторимым художественным образом и находиться в том или

ином «ряду» эволюции творений искусства либо от «стилевого образца» к «шедевр», либо от «шедевра» к «стилевому образцу».

2. Искусность разных «рядовых» произведений владеть разной уникальной мерой единения свойств Ареаклассицизма и Ареаромантизма. Чем ближе «рядовое» произведение «ряда» **КА** к «шедевр», тем меньше в нем остается свойств, роднящих его со «стилевым образцом» и вообще с Ареаклассицизмом. Чем ближе «рядовое» произведение «ряда» **РА** к «стилевому образцу», тем меньше в нем свойств «святого» и больше свойств «генерала» стилевого пространства Ареаромантизма. Чем ближе «рядовое» произведение «ряда» **РБ** к «шедевр», тем глуше в нем желание быть «генералом» и громче зов стать «святым». Чем ближе «рядовое» произведение «ряда» **КБ** к «стилевому образцу», тем меньше в нем остается свойств, роднящих его с «шедевром» и вообще гармонией изобразительности и в-образительности, а больше становится свойств, превращающих «рядового» в главное произведение не только стилевого пространства Ареаклассицизма, но и мерило всех художественных образов системы произведений изобразительного искусства.

3. Мастерство «рядовых» произведений «рядов» **КА, РА, КБ, РБ**, находящихся в зонах притяжения к «стилевому образцу», иметь в составе своих художественных образов материальный, индексный и иконический статусы и обладать качеством места встречи конечного с конечным.

4. Искусность «рядовых» произведений «рядов» **КА, РА, КБ, РБ**, находящихся в зонах притяжения к «шедевр», иметь в составе своих художественных образов материальный, индексный, иконический и символический статусы и претендовать на качество места встречи конечного с бесконечным.

5. Мастерство «рядовых» произведений «рядов» **КА, РА, КБ, РБ**, находящихся в «мертвых» зонах между притяжением к «шедевр» и притяжением к «стилевому образцу», обладать уникальной ролью «генерало-святого».

«Искус» произведений искусства, находящихся в «рядах» **КА, РА, КБ, РБ**, можно представить в следующих положениях.

1. Искус «рядового» быть уникальным творением и вместе с тем быть в «ряду» с другими элементом системы произведений изобразительного искусства.

2. Искус «рядовых» произведений эволюционировать в своих «рядах» от «святого» к «генералу» и от «генерала» к «святому». Соблазн одновременной изменчивости и стабильности.

3. Искус «рядового» произведения выбиться либо в «стилевые образцы», либо в «шедевры».

4. Соблазн «рядовых» произведений мутировать от возможности обретения художественным образом «временной безвременности» к вероятности обнаружения художественным образом четкости, ясности, конкретности.

Каждый художественный образ системы произведений изобразительного искусства, включая не только «рядовых», но также «стилевые образцы» и «шедевры», всенепременно обладает признаками «реализма», «абстракционизма», «традиционализма», «эпатизма», «сюрреализма» в их единстве.

Всякое наличное бытие обладает реальностью в качестве вещиности, и в этом случае «вторая» природа ничем не отличается от «первой».

Если искусство – это область «второй» природы, то каждое художественное творение системы произведений изобразительного искусства, обладая вещьностью, тем самым обязательно реалистично.

В нашем случае необходимо различать два значения «реализм». В узком значении термин «реализм» используется с середины XIX столетия для обозначения им направления во французском и русском искусстве (живопись и литература), противостоящего «романтизму» и «символизму». В широком значении термин «реализм» используется для пометки им содержания таких понятий, как «отражение реальности», «воплощение реальности». Но «воплощение реальности» есть не что иное, как «воплощение вещи», отчего так называемое «беспредметное искусство» не менее реалистично, чем сугубо «натуралистическое искусство». Произведение «беспредметного искусства» воплощает вещь качеством собственной вещьности, то есть логограммами материального статуса художественного образа.

Каждая логограмма воплощает вещь, из чего следует, что всякое когда-либо созданное произведение искусства в качестве художественного образа обладает качеством реализма, например реализмом Логоса.

«Реализм» – это атрибут, в котором нуждаются как конечное, так и бесконечное, приходящие на место встречи в качестве произведения искусства. С одной стороны, дабы встретиться с конечным, бесконечное должно, из-ображаясь, спуститься до вещного уровня, стать в материальном статусе художественного образа чувственно явленным. Посему бесконечному нужен «реализм», способный довести Абсолют до состояния зримой достоверности. С другой стороны, конечному, стремящемуся посредством в-ображения к расконечиванию, опять-таки потребен «реализм» в качестве своеобразной точки опоры, как вещное начало пути по собственному расконечиванию.

Получается, что «реализм» нужен и конечному в его в-образительности, и бесконечному в его из-образительности.

Любое произведение искусства, прежде чем возникнуть, проходит этап отбора художником из мира реальности тех вещей, которые могут выступить образцовым репрезентантом Абсолютного, стать художественным материалом. Каждое произведение искусства в этом случае предполагает работу интеллекта: и в ходе про-изводства произведения при операционном взаимодействии художника с художественным материалом, и в ходе его потребления при игровом отношении зрителя с произведени-

ем-вещью. Более того, и само произведение как «вещь-в-себе», и художественный образ, конструируемый при отношении зрителя с иллюзорно-конечной вещью, – это продукты визуального мышления человека, процесс и результат его мыслительной интеллектуальной деятельности.

Выходит, что каждое произведение изобразительного искусства несет в себе в снятом виде абстрактность как некое качество, атрибутивное рациональной человеческой деятельности. И когда искусствоведы называют, допустим, те или иные произведения П.Мондриана или В.Кандинского образцами абстракционизма, они тем самым невольно объявляют этих великих художников мастерами интеллектуальной деятельности.

Любой, даже самый убежденный реалист-натуралист – абстрактный деятель, так как художественное произведение – это всегда плод абстрактного визуального мышления.

Художник, приступая к процессу взаимодействия с художественным материалом, никогда не начинает с нулевой отметки «искусности», но всегда базирует свой «субъект-язык» на определенной художественной традиции, из-за чего порожденное им как «отцом» художественное творение обязательно в той или иной степени традиционно. С уверенностью можно сказать, что *не существует произведения изобразительного искусства, которое было бы создано вне какой-либо художественной традиции.*

Насколько любое произведение изобразительного искусства традиционно, настолько же оно и новационно. Нет и не может быть художественного творения, которое в момент своего возникновения не обладало бы инновационной мерой по отношению к предыдущим иллюзорно-конечным вещам. Следовательно, каждое произведение обязательно владеет эпатающим качеством. Коль скоро всякое художественное творение, базируясь на традиции, во что бы то ни стало прорывает ее, то по отношению к традиции любое произведение искусства всегда эпатарует. Вообще, слабо выраженный эпатаж может стать в ряде случаев непреодолимой преградой для произведения на пути формирования художественного образа, так как зритель, не испытывая достаточно мощного заразительного искуса, исходящего от конкретного творения искусства, вряд ли пойдет на игровой диалог с ним.

Любое произведение изобразительного искусства есть язык как система знаков. Знак же – не более чем геометрическая упаковка, геометрическая фиксация информационного сообщения. Поэтому всякая иллюзорно-конечная вещь, призванная помочь встрече конечного с бесконечным, всенепременно геометрична по своим форме и содержанию. Здесь исток «геометризма» в качестве конструктивности и композиционной ясности каждого произведения изобразительного искусства (здания, статуи, живописной картины, графического или ювелирного изделия). Здесь начало единства произведения как «вещи-в-себе» и «вещи-в-открытости». Здесь зачин и четкости логограмм системообразующего

слоя произведения-вещи, и наглядности композиционных формул художественного образа символического статуса.

Любое произведение искусства как «плод» отношения обязательно преобразует в себе свойства своих «родителей» – художника и художественного материала. Значит, произведение как новое качество эмерджент – это всегда нечто «сверх» или «сюр» того, что присуще изначально каждому из творителей произведения искусства в отдельности (фр. *sur* – сверх).

С другой стороны, каждое произведение искусства никогда не копирует реальность, а всегда представляет собой некую «сверх-реальность», так как художественное творение – это сочетание несочетаемого (например, кадмий, кобальт и цинковые белила есть одновременно изображение России через флаг – ее символ). Произведение искусства – это не реальность красок, а реальность, выходящая за пределы вещного слоя художественного творения, превращающая в нечто сверх-ощущаемое, допустим, мрамор «тела» скульптурной Афродиты или краски «тела» живописной Венеры. В процессе построения художественного образа совершается очень сложное преобразование – переход от материального к индексному статусу визуального понятия, который – всегда чудо, ибо он знаменует собой уход зрителя и произведения-вещь в некую сюр-реальность.

Более того, если рассматривать «сюрреализм» традиционно, как это делали классицистические сюрреалисты начала 20-х гг. XX столетия, то есть в качестве творческого метода, открывающего таинственность других измерений, то пространство каждого произведения искусства действительно представляет собой нечто, разрушающее привычные границы пространства Евклида в качестве обычного измерения. Выход участников игры-отношения на символический статус художественного образа «шедевра», на уровень со-бытия с Абсолютным, на уровень Истины, уровень Духа – это свершение того «сверх», что невозможно сделать человеку в профанном мире вне произведения-вещи.

Викторук Е.Н.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный технологический университет (г.Красноярск)

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТИПЫ МОРАЛЬНОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ

Изучение феномена неклассических этик, «этик перемен», возникающих сегодня спонтанно вне академической этики, является актуальной философской проблемой. Неклассические этики нуждаются в фило-

софской рефлексии, методологических обобщениях, способных дополнить «вневременное» богатство классической этики. Комплексный подход к феномену неклассических теорий морали осуществляется в различных подходах: историко-генетическом, лингвистическом, гносеологическом, функциональном, подробное рассмотрение которых проведено нами в работе «Неклассические модели этической аргументации»¹.

Внести серьезный вклад в общую теорию моральной философии позволяет типологический подход к анализу этических систем. Исследование неклассических этик в указанном аспекте делает необходимыми анализ и обобщение типов морального теоретизирования, учитывая то, что в философии XX столетия серьезным предметом анализа стала сама методология философии. Для осуществления этой задачи необходимо:

1) выделить типы морального теоретизирования неклассических этик, привести примеры этических систем, соответствующих выделенным типам;

2) перечислить основные характеристики каждого из типов морального теоретизирования;

3) выявить специфику методологии классического и неклассического типов морального теоретизирования.

Становление неклассической философии (середина XIX в.), связанное с появлением «наук о духе» и формированием их методологии, позволило сделать выводы обобщающего характера о плюрализме философских методологий, то есть о возможности сосуществования различных стилей и типов философствования, не подрывающего общего философского статуса той или иной теории. Демократические процессы развития общества также акцентировали плюрализм историко-философских методологий, разрушив монополию классической философии на право быть единственно возможной философией. Все это в полной мере относится к философии морали и истории этических учений, поскольку метаэтика, разрабатывавшаяся неопозитивизмом в начале XX в., также обнаружила несостоятельность монополии логико-аналитического подхода к этике.

Метаэтика по замыслу ее создателей (Дж.Мур, Л.Витгенштейн и др.) должна была стать методологией этики, философской теорией морали, взятой в противоположность спонтанной, несистематизированной нормативистской этике, не имеющей общего методологического фундамента. Метаэтика вылилась в попытку ограничить сферу морали анализом логики морального языка, прояснением значения моральных терминов и суждений.

Эти логико-методологические проблемы актуальны и в начале XXI в., однако метаэтика как метафилософия морали, учитывая неудачный опыт лингвистического позитивизма, не может игнорировать этику как систему моральных практик. Возможно, подход к истории этических учений как к

методологии типов морального теоретизирования внесет свою лепту в развитие метаэтики, разрушая ее негативный имидж «этики без морали».

Анализ существующей академической традиции в истолковании истории этических учений свидетельствует о том, что господствующим в классической этике является логико-аналитический метод. Именно эта методология лежит в основе классической этики, что в отечественной литературе подтверждают работы В.Г.Иванова, А.А.Гусейнова, Р.Г.Апресяна и др. Однако моральное теоретизирование вне академической этики в XX в. все больше выполняется в подходах, которые можно назвать: **эмпиристский, виталистически-волюнтаристский и эстетически-эмотивистский**.² Последние, если их экстраполировать на область теории морали, и представляют собой неклассические этики.

Логико-аналитический тип морального теоретизирования осмыслен и проанализирован достаточно основательно. Определяющей его характеристикой является **рационализм**, в связи с чем этот тип может быть классифицирован и как рационалистический. Для него характерно следующее:

- история развития этики как практической философии – это логический процесс эволюции моральных идей («чистой мысли», «общественного сознания»), развивающихся объективно, от состояния их непроявленности, непроясненности, туманности ко все большей ясности, рефлексивности;

- так как история этики – это история развития **объективных** моральных идей, она не может быть исключительным достоянием индивида и с момента своего возникновения – достояние всего человечества; поэтому **идеи классической этики общедоступны** (экзотеричны), ее истины могут (и должны) быть открыты всем без исключения;

- авторство этических теорий поэтому элемент несущественный, случайный: особенности индивидуальности мыслителя существенного значения для раскрытия истории чистой мысли не имеют;

- поскольку история этики – история сознания, идей, то эмпирические данные, способствующие выявлению этих идей, значимы только в той мере, в какой являются катализатором, толчком к выявлению моральных истин; перегруженность эмпирикой отягощает мысль, следовательно, чистое (классические) моральное теоретизирование более ценно, чем его прикладные варианты;

- этика – история идей, поэтому эмоциональные факторы (эмоциональные переживания, страсти, физическая культура личности и ее «вitalные стремления») – нежелательный фон морального теоретизирования, этик-профессионал должен их избегать;

- рационалистическая историко-философская методология предполагает, что мысль имеет непрерывное и бесконечное движение, а потому она не может быть исчерпана до конца; следовательно, этика как история различных учений все более движется по направлению к абсолютной

моральной истине, возвращаясь все к тем же истинам, но выраженным в специфических терминах культур и эпох;

– стиль этических произведений, задаваемый этой методологией, предполагает рационализм, четкую логику, категориальность, способствующие изложению и восприятию морально-этических идей; афористичность, метафоричность, эссеистика, образность воспринимаются здесь, скорее, как «недостатки», так как создают разорванность мысли, затрудняют восприятие внутренней логики учения, отвлекают от главной мысли «нестрогостью» аргументации, эмоциональной окрашенностью, авторским «субъективизмом».³

Наилучшей формой изложения философско-этической идеи с позиций рационалистической методологии является логически выстроенная, законченная работа, где мысль начинает разворачиваться с исходных, самоочевидных аксиом, вырастая в завершённую **систему**, в которой каждая отдельная идея связана с каждой другой в одно непротиворечивое целое.

Логико-аналитический тип методологии историко-этических исследований распространен как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Учебники и учебные пособия, энциклопедическая и справочная литература по этике соответствуют этой методологии, которая во многом и определяет форму и содержание классической философии морали.

Существует мнение, что сегодня этот логико-аналитический, рационалистический подход не только в области этики, но и в философии утратил свою популярность. Учения Аристотеля и Спинозы, Канта и т.п. редко вызывают интерес внеакадемической аудитории. Зато теории морали, соответствующие другим названным типам методологии, интересны и, пожалуй, более востребованы в своем прагматико-инструментальном смысле.

Эмпиристский, виталистически-волюнтаристский и эстетически-эмотивистский типы морального теоретизирования мы обозначили как неклассические. Эти типы практически не исследованы, однако их особенности должны стать предметом нашего анализа с целью определения общего контекста неклассических моделей этической аргументации. Для всех типов морального теоретизирования вне этой первой методологии характерна **спонтанность** формирования этических положений и выводов. Этика – моральная философия – в такой методологии развивается параллельно неэтическому дискурсу и анализу.

Эмпиристская методология представлена, к примеру, в экономической этике, этике бизнеса и других прикладных этиках.⁴ Описание этических систем данного типа можно найти в работе «Этика перемен: очерки неклассических теорий морали»⁵. В качестве примеров были проанализированы этика пассионарной теорий этногенеза Л.Н.Гумилева, «эволюционистская» этика в теории «расширенного порядка» Ф.А. фон Хайека, этика трансактного анализа Э.Берна.

Эмпиристская методология этики состоит в том, что учение о морали выстраивается как «позитивная наука». Ссылки на науку как авторитетный источник, на объективные законы развития истории, Вселенной и т.п. В таких спонтанных этиках подчеркивают «позитивный», эмпирический характер морального теоретизирования, противоположный «спекулятивному», чисто аналитическому рассуждению.

Эмпиристские этики первыми бросаются в глаза как неклассические системы морали. Здесь категории социальной философии, этические понятия и термины подвергаются ревизии наряду со всей социально-философской лексикой. Предлагаются новые, «адекватные» современным условиям, понятия из жизни, практики, науки. Теоретическая этика «подтягивается» до уровня естественнонаучных исследований и открытий, предлагаются новые, «научно-фундированные», образцы поведения, обосновываются в специфической аргументации жизнеспособные поведенческие стереотипы. В этиках данного типа:

- декларируется над-этичность, вне-этичность данной спонтанной этики;
- язык (термины и суждения) отличается, с одной стороны, доходчивостью, понятностью, а с другой – строгостью и стремлением к четкости и однозначности;
- моральный язык содержит мало предписательных и оценочных суждений, в основном наличествуют суждения дефинитивные;
- используются как универсальная, так и неуниверсальная аргументация.

Виталистически-волюнтаристский тип морального теоретизирования представлен в нетрадиционной медицине, теориях изменения сознания, практической психологии и др.⁶ Обращение к такого рода литературе позволяет легко обнаружить ярко выраженные оценочные характеристики и рекомендации, имеющие этико-моральный контекст. «Диагностика кармы» Лазарева, рекомендации как стать счастливыми и успешными Луизы Хей. Как стать богатыми и преуспевающими – в серии «Думай и богатей», «Сам себе психолог» и др. Сюда же можно отнести этики НРД (новых религиозных движений).

Виталистически-волюнтаристскому типу морального теоретизирования свойственны **гедонизм** (удовольствие – основа совершенствования мира и самосовершенствования) и **волюнтаризм** (изменения сознания субъекта – путь к изменению бытия при возможной переоценке ценностей, моральных в том числе). Уровень методологических обобщений внутри этого типа спонтанных этик много ниже, нежели в предыдущем, эмпиристском.

Эстетически-эмотивистский тип морального теоретизирования прослеживается в литературе, искусстве, кинематографе, средствах массовой информации. Литература и искусство во все века содержали в себе то скрытый, то достаточно яркий морально-этический фон. Это и неявное

формирование моделей успешного поведения, и выводы, звучащие как «вечная мудрость»: «Чужой беде не смейся, голубок!», «Мораль сей сказки такова...». Данному типу свойственны **иррационализм, образность, алогизм**. Особенности этого типа морального теоретизирования рассмотрены нами подробно в монографии «Неклассическая этика В.П.Астафьева»⁷.

Для эстетически-эмотивистского типа морального теоретизирования свойственно ярко выраженное авторство, здесь этика как бы «пропущена через себя», моральное теоретизирование осуществляется исподволь, завуалировано, что возможно благодаря специфической технике этической аргументации. Убеждение в истинности тех или иных моральных ценностей, императивов, поведенческих стереотипов осуществляется через художественный образ, метафорически. Аргументация в эстетически-эмотивистском типе морализаторства имеет свою скрытую логику при кажущемся внешнем алогизме. Так, исследования структуры мифа К.Леви-Строссом раскрыли логику, общую, универсальную для всех мифов. В.Я.Пропп в «Морфологии сказок» также прослеживает универсальную структуру сказочного повествования.⁸ Современная теория рекламы, изучающая способы манипуляции сознанием, признает и использует приемы алогичного построения в своей продукции, признавая достаточно высокую эффективность такого воздействия при определенных условиях.

Отличительные черты этого типа морального теоретизирования:

- использование неявного знания в качестве фундамента аргументативных практик;
- невысокий уровень методологических обобщений;
- слабая степень рефлексии;
- иррационализм, трансцендентализм в выборе критериев моральной истины;
- внешний (иллюзорный) алогизм в приемах моральной аргументации.

Итак, при сравнении классического и неклассического типов морального теоретизирования следует опираться на дихотомии: логика / алогизм; фактуальность / эмоциональность; объективизм (минимизация авторского мнения и суждения) / субъективизм (яркая авторская позиция); строгость изложения / метафоричность, афористичность, образность; экзотеричность / эзотеричность моральной истины; открытость / закрытость (завершенность) моральной истины; монологизм / диалогизм; рационализм / иррационализм; линейность и прогрессистская направленность развития / спонтанность, цикличность развития; жесткая системность, схематизм / бессистемность, художественность; формализм / экспрессия.

Методология неклассических этик – проблема, еще мало изученная, но если вернуться к ряду характеристик, которые мы выделили для классических этик, то особенностями неклассических соответственно будут следующие. Во-первых, концентрацией и выражением этики являются не

мысль, а моральное действие, поступок, практика; истинная этика – не говорение, не поучение, не «чтение моралей», а действие, «делание». Во-вторых, этика – особое знание, а «знание – сила», поэтому этическое знание не должно быть общедоступным; истинная этика открывается только «достойным», «избранным», она эзотерична; ученик, прежде чем быть допущенным к Знанию, проходит проверку на нравственность. В-третьих, в отличие от классических этик здесь необычайно важна принадлежность истины **автору**; авторы неклассических этик могут быть весьма авторитетными учеными, но не этиками-профессионалами, а также и вовсе не быть признанными именами в науке. При переходе от этапа к этапу в развитии той или иной этической системы происходят обезличивание и объективизация нового этического знания: на первом этапе (пред-этика) автор – это сильная личность, способная своей собственной фигурой, судьбой задать новые императивы поведения и этические идеалы, это «авторский период»; далее – «этическое просвещение» – своего рода «апостольский период», когда моральная истина распространяется теми, кто был близок к «автору» и непосредственно получал это знание. Энергетика учения здесь еще достаточно сильна. Но далее «мощь, воля к власти» данной этической теории уменьшается, ее начинают распространять, популяризировать, анализировать и интерпретировать люди, непосредственно не заряженные этой «верой» в истинность данной этики. Их аргументация – всегда вторичное толкование, лишенное экзистенциального опыта нахождения этой истины. Следствием этого являются потеря интереса, скучность, назидательность, не аргументированная экзистенциально предписательность.

Четвертая особенность: неклассические этики используют нетрадиционный для этики категориальный аппарат, при помощи которого, однако, формулируются более или менее явно оформленные морально-этические выводы; кроме того, неклассические этики чаще всего прибегают к неуниверсальной аргументации, приобретающей в неклассических этиках свою специфику. Язык неклассических этик основан на таких жанрах, как эссе, роман, притча и т.п. Языковые единицы – символы, экзистенциалы, экзистенциальные понятия. Слово здесь обладает «силой», афористичностью и интересностью. Нестрогость языка обусловлена тем, что язык – случайные сгущения мысли, которая может быть выражена и иначе, отсюда важнее не строгость, а понятность.

Еще одна отличительная особенность: «эмоции» являются важным фактором в неклассических этиках, так как, во-первых, выступают как способ убеждения в системе неуниверсальной аргументации, во-вторых, рассматриваются эмотивистскими этиками как фактор изменения мира на основаниях нравственности.

Возможно, столь приблизительное описание типов морального теоретизирования недостаточно для адекватной классификации. Предло-

женная здесь типология – лишь гипотеза. Исследование спонтанных этик современности свидетельствует о том, что те или иные этически насыщенные учения и теории не всегда могут быть четко отнесены к одному из рассмотренных типов. Так, нейролингвистическое программирование как техника изменения сознания может быть отнесено как к эмпиристской методологии, так и к виталистически-волюнтаристской. Или находится «между» ними. А концепция Э.Мулдашева – между эстетически-эмотивистской и виталистически-волюнтаристской методологиями. Научная фантастика как литературный жанр скорее является эстетически-эмотивистским типом морального теоретизирования, однако целый ряд произведений можно отнести и к эмпиристскому типу.

История этики, рассмотренная в данном контексте, позволяет увидеть, какой тип методологии «выживает», «выигрывает» в конкурентной борьбе за своих сторонников и приверженцев. Наиболее распространенным типом неклассической методологии этики является «эмпиристский», он же имеет большие шансы перехода соответствующих этических учений в статус классических. В данных схемах можно видеть, что рефлексивность, теоретичность и уровень методики в названных типах морального теоретизирования обратно пропорциональны техничности, инструментальности, прагматичности рассматриваемых этических систем.

История этики, рассмотренная в типологическом аспекте, позволяет сделать следующие выводы.

1. Изменения в методологии гуманитарных наук в связи с формированием неклассических философских теорий (Кьеркегор, Шопенгауэр и др.) порождают плюрализм философских методологий как равноправных типов метафизических рассуждений, не подрывающих собственно философский статус достаточно разнохарактерных теорий. Это обуславливает в XX в. необходимость философского осмысления различных типов философствования, то есть формирование метафилософии. Универсально-методологические притязания этики как морального теоретизирования в начале XX в. вылились в позитивистское направление метаэтики, которое обнаружило несостоятельность одного лишь логико-аналитического типа морального теоретизирования в области философии морали.

2. Логико-аналитический тип морального теоретизирования, который доминирует в классической академической этике, обнаруживает сегодня социальную невостребованность и непопулярность. Анализ контекста и дискурса спонтанно формирующихся неакадемических этик позволяет выделить, кроме традиционного рационалистического по своей природе логико-аналитического типа моральной философии, нетрадиционные: эмпиристский, виталистически-волюнтаристский и эстетически-эмотивистский, которые составляют методологию неклассических этик.

3. Сравнительный анализ классического и неклассических типов морального теоретизирования выстраивается, опираясь на дихотомии: тео-

ретическая / эмпирическая направленность учения; рационализм / иррационализм; экзотеричность / эзотеричность моральной истины; логика / алогизм; фактуальность / эмоциональность; объективизм (минимизация авторского мнения и суждения) / субъективизм (яркая авторская позиция); строгость изложения / метафоричность, афористичность, образность; открытость / закрытость (завершенность) моральной истины; монологизм / диалогизм; и др.).

4. Сравнительный анализ на основании вышеизложенных критериев позволяет выделить особенности неклассических типов морального теоретизирования, каковыми являются эмпирическая, прагматическая и даже инструментальная направленности данных теорий; эзотеричность, ориентированность на круг «достойных» данного морального учения; субъективность как яркая авторская позиция, противоположная объективному внеличностному авторитету классических этик; яркая эмоциональная насыщенность, образность, метафоричность в стиле аргументации, опирающейся на язык экзистенциалов и экзистенциальных понятий, отличающихся нестрогостью, но интересностью и убедительностью. Неклассические этики имеют менее высокий уровень методологических обобщений и слабую систематизированность в сравнении с этиками классическими, но превосходят их в своей функциональной, прагматической востребованности.

5. История этики, рассмотренная в данном контексте, позволяет увидеть, какой тип методологии «выживает», «выигрывает» в конкурентной борьбе за своих сторонников и приверженцев. Наиболее распространенным типом неклассической методологии этики является «эмпиристский», он же имеет большие шансы перехода соответствующих этических учений в статус классических. В данных схемах можно видеть, что рефлексивность, теоретичность и уровень методики в названных типах морального теоретизирования обратно пропорциональны техничности, инструментальности, прагматичности рассматриваемых этических систем.

¹ Викторук, Е.Н. Неклассические модели этической аргументации / Е.Н.Викторук. – СПб., 2003.

² Перцев, А.В. Типы методологий историко-философского исследования. Закат рационализма / А.В.Перцев. – Екатеринбург, 1991.

³ Там же. – С.189.

⁴ См.: Козловски, П. Этика капитализма. Эволюция и общество / П.Козловски. – СПб., 1999; Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе: пер. с польск. / Т.Котарбинский. – М.: Экономика, 1975; Сен, А. Об этике и экономике: пер. с англ. / А.Сен. – М.: Наука, 1996; Дэ Жувенель, Б. Этика перераспределения / Бертран дэ Жувенель. – Институт национальной модели экономики, 1995.

⁵ Викторук, Е.Н. Этика перемен: очерки неклассических теорий морали / Е.Н.Викторук. – Красноярск, 2002. – 188 с.

⁶ См.: Эзотеризм в России XX века // Этика и наука будущего. – 2001. – С.20-22; Лесков, Л.В. Этика ноосферной трансформации / Л.В.Лесков // Этика и наука будущего. – С. 43-46; Лекрон, Л.М. Добрая сила (Самогипноз) / Лесли М. Лекрон. – М.: Изд-во «Писатель»; Хаббард, Л.Р. Дианетика. Современная наука душевного здоровья : учебник по дианетике / Хаббард, Л. Рон. – М.: Воскресенье, 1992; Хаббард Л.Р. Страх / Хаббард, Л. Рон. – М.: Имидж, 1992. и др.

⁷ Викторук, Е.Н. Неклассическая этика В.П.Астафьева / Е.Н.Викторук. – Красноярск, 2006.

⁸ См.: Леви-Стросс, К. Структура мифов / К.Леви-Стросс // Структурная антропология. – М.,1983. – С.183-207; Пропп, В.Я. Морфология сказки / В.Я.Пропп. – 2-е изд. – М., 1969.

Раздел 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Иванова Р.И.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский государственный технологи-
ческий университет (г. Красноярск)

РОЛЬ СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

*История жизни по существу есть развитие
сознания.*

П. Тейяр де Шарден

В философии существует немало истин, смысл которых и выводы, вытекающие из них, недостаточно осознаны. Так, например, каждому школьнику известно, что человек произошел от обезьяны и произошло это в процессе труда и совершенствования сознания. Однако эта простота вопроса и знания о нем лишь кажущаяся. Она – результат абстрактности этого знания или психологического привыкания к проблеме, но не ее осознание и понимание. Особенно неэксплицированными в данном вопросе являются положения по части адаптационных механизмов, давших нашему неконкурентноспособному (в сравнении с другими животными) предку приспособиться к изменившимся условиям. Да и не только по части этих адаптационных механизмов (сознания), но и о первопричине антропогенеза и его факторах.

Прежде всего, на наш взгляд, здесь необходимо преодолеть излишний социологизм, недооценку биологических факторов, то есть подойти к этому вопросу с позиций успешно пробивающего свое признание в последние десятилетия универсального эволюционизма, признающего возможность применения дарвиновской теории к социальной эволюции. И конечно, с учетом общего и различного в том и другом случае¹. Начать с того, что не труд создал человека, а то, что было причиной возникновения всех других животных – нарушение принципа единства организма и среды, противоречие между новыми условиями существования (саваны, где единственным источником существования была охота) и природной беспомощностью и неспециализированностью человеческого предка. Труд был лишь способом разрешения этого противоречия, нащупанным эволюцией (именно «нащупанным», ибо этого могло вообще и не произойти).

Эта адаптация носила в основном ароморфозный (без физических изменений) характер. Об этом говорят многие высказывания антропологов. Так, П.Тейяр де Шарден постоянно подчеркивал, что переход к человеку осуществлялся посредством изменений не внешних, а внутренних характеристик, поэтому не осталось промежуточных форм, морфологических следов; все изменения шли в сфере духа. «Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятные потрясения всех сфер жизни – в этом весь парадокс человека»², – писал он. Полем, на котором разворачивался процесс адаптации, как догадывались уже антропологи XVIII–XIX вв., была психика, сознание – их совершенствование. Механизмы осуществления гоминизации были те же, что и в процессе происхождения прочего органического мира: изменчивость, наследственность, мутагенез и т.д.

Техническая экспансия позволила расширить ареал обитания во все климатические зоны, техника сама стала средой обитания («второй природой»). Человек как-то бесшумно и мгновенно – с точки зрения планетарного времени – завоевал мир.

По мере становления социальности возникли формы общественного сознания, имеющие надиндивидуальный характер, каждая из которых специфическим образом отражает надиндивидуальное бытие. Они также выполняют адаптационную роль. Вся история возникновения форм общественного сознания и их хронологическая последовательность подтверждают: каждая из них появлялась по мере возникновения той или иной сферы явлений и потребностей их отражения и, соответственно, овладения этой сферой. Не случайно К. Маркс определял формы общественного сознания как специфические способы отражения мира и овладения им (причем эти приспособление и развитие через формы общественного сознания тоже не сопровождались никакими внешними морфологическими изменениями человека)³.

Необходимость решения определенных проблем с неизбежностью ведет к переориентации общественного сознания как содержательной (то есть к изменению оценок), так и структурно-функциональной (изменению доминант, гармонизации форм общественного сознания и т.д.). Например, переориентация общественного сознания в сторону усиления той или иной его формы (доминанта) всегда сопровождала крупные социальные перемены в обществе (имеются в виду не смена формаций, а более значительные изменения и более длительные периоды истории). Так, доминантой сознания в древности была мораль, в средневековье – религия, в Новое время – наука, в наше время – политическое сознание.

Изучение механизмов выживания в процессе антропогенеза, а также определение роли форм общественного сознания позволили антропологам XVIII–XIX вв. выдвинуть гипотезу о ведущей роли сознания в процессе выживания человека. Более того, похоже, что они предполагали, что такую же функциональную роль оно может сыграть и в будущем. Иначе как понимать их вопрошания о том, должно ли быть нечто, что при всех воздействиях следует сохранить, оставить, развить.

Обратимся к современности и посмотрим, не подтверждается ли эта гипотеза сейчас, особенно в связи со стремительным развитием науки и техники. Открытие ядерной реакции (1932 г.), атомной энергии (1934 г.), создание атомной бомбы (1945 г.), лазера (1960 г.), компьютера (1971 г.), изобретение сотового телефона (1973 г.), появление Интернета (1977 г.), клонирования организмов (1990 г.) и т.д. привели к тому, что наука заняла доминирующее место в культуре.

Однако даже беглый взгляд на происходящее обнаруживает и отрицательные последствия научно-технического прогресса. Науку сравнивают с мифическим образом двуликого Януса. Прометей, высекший первые искры в пещерах Кро-Маньона в растерянности глядит на печи Освенцима и пепел Хиросимы. Наука не только стала угрозой в прямом смысле (создает средства уничтожения жизни на Земле), но и создала угрозу сохранения самого человека (благодаря успехам биологии и генной инженерии и клонированию). Взаимоотношения человека с наукой и техникой превратились в глобальную проблему.

Осознавая угрозу существования, вызванную достижениями науки и их реализацией, человечество нащупывает пути выживания. Одним из таких путей является переход на иной тип рациональности. Как известно, рациональность означает соответствие средств деятельности избранной цели, способность выбирать лучшую из имеющихся альтернатив.⁴ Рациональность имеет исторический характер.⁵ Выделяются четыре основных типа, соответствующих главным этапам развития общества: античность, Средние века, Новое время и современность (с середины XIX в.).

Сейчас начался переход с классического типа рациональности на новый тип, в котором технологические инновации не выступают доминирующей самоценностью: когда при решении тех или иных практических проблем, построении основных социокультурных программ необходимы не только истинность научных идей, но и соблюдение принципа целесообразности, полезности, учета других факторов⁶, корректировка с точки зрения отдаленных последствий их реализации, соответствие природе человека, этическим соображениям.

Какая форма общественного сознания способна на это? Конечно, та, предметом которой являются именно мировоззренческие проблемы, то есть философия, тем более что философия – не просто мировоззрение (обыденное, мифическое или религиозное), а теоретическое знание, систематизированное, обобщающее научные данные. Переориентация общественного сознания в сторону усиления мировоззренческой (философской) составляющей практики предполагает и усиление роли и статуса философии в обществе. Прав Л.Стросс, который говорил, что «XXI век будет веком философии или его не будет вообще».

Уже сейчас человечество нащупывает меры предупреждения отрицательных последствий некоторых научных исследований. Впервые ученые по собственной инициативе объявляют моратории или запреты на опреде-

ленные исследования, приостанавливают их. Так, после клонирования первого млекопитающего общество обеспокоилось проблемой вмешательства в человеческий код. Был наложен запрет на то, что еще не состоялось, объявлен мораторий на исследования по генной инженерии, геронтологии (вследствие угрозы постарения общества и перенаселения планеты).

Сейчас во весь рост высоты задачи нового витка эволюции науки встали проблемы создания специальных организаций и учреждений, задачами которых являются не производство идей, а их экспертиза, защита или запрет их дальнейшего развития и создание организаций, обладающих достаточной силой и властью. Так, в 1970-е гг. в США была создана ассоциация объединений инженеров и ученых, в Германии – союз немецких инженеров и т.д.

Сказанное о новом типе рациональности подтверждает, что константой, которая составляет механизм выживания, является опять же сознание, его совершенствование, выступающее не просто в своем содержательном изменении, а в более широком смысле, как гармонизация форм общественного сознания, смена доминант и т.п.

Вышеизложенное позволяет также заключить, что сознание и его совершенствование являются механизмами не только возникновения, но и всей дальнейшей эволюции человека. Данное утверждение может претендовать на статус закона, поскольку имеет все признаки последнего: оно выражает связь, неизменно повторяющуюся, сущностную, необходимую и т.д. И оно, как всякий закон, имеет логические функции: из него следует, что и будущее развитие общества, механизмы выживания его в кризисные моменты лежат в этой плоскости, и призывы к соглашению и развитию духовности, гармонизации форм общественного сознания – это не морализирование романтиков-гуманистов, а императив на все времена.⁷

Сейчас человечество стоит перед необходимостью решения глобальных проблем. В этой ситуации важны знание адаптивных механизмов выживания, которые могут стать средством сопротивления деструктивным тенденциям, и реализация его в социальной практике. Можно предположить, что механизмы выживания и здесь лежат в плоскости совершенствования сознания (общественного сознания и взаимоотношений его форм).

Еще В.И.Вернадский, учитывая неустрашимые тенденции глобализации, утверждал, что «человечество способно выжить только научившись мыслить космическими категориями. Для этого каждый человек должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но в планетарном аспекте»⁸. Выработать такое сознание и реализовать его возможно лишь с помощью философии, используя и реализуя ее возможности и функции.

Прежде всего, это мировоззренческая функция. Дело в том, что именно философии как теоретическому мировоззрению в формировании содержательной направленности личности, ее убеждений и идеалов принадлежит особое место. Другие формы общественного сознания, хотя и

пронизаны мировоззренческими проблемами, но это не основное для них. Они являются лишь «сусеками», через которые проникает мировоззренческая проблематика, но специфика их в другом. Философия же сама представляет собой мировоззрение, один из его видов – его теоретический уровень. Следовательно, как по предмету отражения, так и по его гносеологической значимости именно она составляет ядро личности, ее мотивационно-побудительную сферу (убеждения, идеалы, установки), побудительные механизмы поведения. Это важно помнить, говоря о мировоззренческой функции философии.

Методологическая функция философии вытекает из специфики ее как формы общественного сознания и состоит в способности общих идей и категорий служить всеобщим методом познания. Когда мы говорили о новом типе рациональности, вели речь об оценочной роли философии, относящейся к результатам научных идей. Но философия выполняет важную роль не только в этом, но и в самом процессе получения этих идей и реализации их в соответствующих видах практики.

Необходимо признать, что сейчас налицо существенная недооценка философии. И хотя М.Хайдеггер и Б.Рассел говорили, что, когда все плохо, наступает звездный час философии. Увы, не наступил! Человечество до сих пор недостаточно использует возможности философии. Философия остается «самой незащищенной частью культуры»⁹. Особенно это относится к состоянию отечественной философии и отношению к ней в России. Наблюдается неблагоприятное состояние философии как формы общественного сознания в целом (в содержательном плане, ее проблемном поле, способе отражения, функциях и статусе в обществе). Это выражается в ее чрезмерной склонности к рефлексии над категориальными тонкостями, комментированию авторитетов, в уходе в историю философии. Это создает два основных ее недостатка. Первый – низкий уровень концептуальности как следствие плюралистического понимания ее содержания, доведенного до релятивизма (равноценность всех направлений). Второй – замкнутость ее на самой себе, изоляция от болевых проблем современности, ведущая к схоластике и падению статуса в обществе. Значительная причина всего этого заключается в том, что у нас ведется прямо-таки наступление на философию (сокращаются объемы курсов по философии и т.д.). Это приводит к тому, что влияние философии на духовную жизнь в нашей стране сведено до минимума. Формирование нравственных норм, оценок, идеалов предоставлено кому угодно, главным образом артистам, шоуменам, магам, СМИ.

Люди, утратив старые, связанные с социалистической и коммунистической ориентацией, идеалы (коллективизм, патриотизм) и соответствующие им представления о смысле жизни, добре и зле, чести и бесчестии, так и не обретя новых, погрузились в бездну апатии, равнодушия, вседозволенности.

Уместно подчеркнуть, что формирование личности, ее социализация и ресоциализация в нашей стране проходят в особых условиях, увеличивающих необходимость усиления влияния теоретического мировоззрения. Это, во-первых, резкая (формационная) смена содержания духовной жизни людей, во-вторых, это особенности российского капитализма со всеми его последствиями для духовной сферы. В условиях инверсии идей, то есть утраты старых идеалов и размытости новых, формируются скрытые, неформальные ориентиры, такое понимание жизни, которое не регламентируется, но признается реалистичным. Возникает уверенность в правоте жизненных установок временщиков, не обремененных высоконравственными, социально значимыми устремлениями. В этих условиях осмысление некоторых проблем требует значительных усилий и использования философии.

Аналогичным образом в постсоветский период обстоит дело и с методологической функцией философии и ее реализацией. Сейчас, так же как и в советский период, в этом смысле все обстоит неблагоприятно. Хотя это неблагоприятие совсем другого характера, другие формы его проявления, степени и пути преодоления. Начать с того, что капитаны перестройки необязательность опоры на теоретические основания объявили чуть ли не достоинством практики. И далее, в 1985–1990 гг. и позже, когда возникла проблема реформирования народного хозяйства и вообще всех сторон жизни, к мнению обществоведов прибегали меньше всего.

В постсоветский период этот отрыв практики от социальной теории только углубился. Практика же, сознательно и добровольно обреченная на стихийность, пошла по пути «проб и ошибок». Падая и спотыкаясь, без опоры на теоретические ориентиры, без стратегии, путем исправления уже совершенных ошибок. Социальная практика осуществлялась в несоответствии с законами диалектики (нигилистическое отношение к прошлому, только уже не к достижениям капитализма, как это было в советский период, а наоборот – к достижениям социализма), практика осуществлялась также вопреки объективным законам развития общества (игнорирование положения о первичности экономики, а также роли духовной сферы). В практике перестройки совсем проигнорирована проблема соотношения стихийного и сознательного в историческом процессе (что постоянно проявляется в перекосах в вопросе о соотношении частной и государственной собственности, экономической роли государства в условиях рыночной экономики и т.д.).

Более или менее налажен контакт с философией со стороны таких видов практики, как медицинская и педагогическая. В последние годы в Новосибирске создан Институт философии образования, ориентированный на выработку конкретных ориентиров по преобразованию образования. Институт осуществляет глубокую рефлексию сферы образования, вырабатывая онтологические, гносеологические и аксиологические основы реформирования образования. Однако осуществляемые реформы в образо-

вании не всегда опираются на эти работы. Словом, реализация методологических возможностей философии, так же как и мировоззренческих, в переживаемый сейчас период осуществляется крайне неудовлетворительно.

Прямыми задачами философии сейчас являются активизация всех форм философской деятельности, укрепление уже существующих механизмов связи с практикой, поиск новых форм ее институализации. Виды общественного сознания институализированы по-разному как в смысле степени, так и формы (в наибольшей степени – политическое и правовое сознание, в наименьшей – мораль). Философия слабо институализирована (главным образом на пути движения от философии к практике).

Особенно сильно в этом смысле философия проигрывает в сравнении с другим видом мировоззрения – религией, которой присуща богатая разветвленная система учреждений и организаций (храмы, обряды и т.д.). Так, она имеет свою институализацию в пенитенциарных (исправительных) органах, в вооруженных силах (служба капелланов, пасторская служба, институт исповеди, индивидуальные и коллективные беседы, обряды освещения военных жилищ, орудий и т.д.). Существует отдел по связям с органами культуры. Министр культуры Соколов объявил, что скоро будет работать специальный православный канал. Деятели церкви проявляют большую активность (Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отпевал погибших в Беслане, выступал против монетизации льгот и т.д.). Государство создает приоритеты этому виду мировоззрения, которые на фоне наступления государства на философию очень опасны.

Мы не против религии. Она существовала и будет существовать, так как у нее как определенного вида мировоззрения есть свои специфические функции, отличные от функций философии. Она снабжает человека идеями простыми и ясными. Мы только против активного продвижения ее на доминантные рубежи сознания, против попыток видеть в ней национальную идею, которая якобы одна способна объединить всех и скрепить единство нации.

Мы против такой переориентации форм общественного сознания. Если в средневековье доминантное положение религии было естественным, то в XXI в. такой поворот сознания противоречит объективным тенденциям и потребностям общественного развития и соответствующего им общественного сознания. Переориентация общественного сознания, связанная с обострением глобальных проблем, требует других доминант. И это обнадеживает: накопленный прозапас философский капитал, невостребованный и неиспользуемый в достаточной степени в прошлом и, увы, в настоящем, человечество сумеет пустить в оборот в будущем.

¹ В статье Л.С.Григина и А.В.Коротаева общим названо то, что институты общества взаимодействуют аналогично тому, как связаны между собой органические тела; существуют специализация в функциях органов, аналогичная социальному разделению труда, приспособление к окружающей среде и т.п., а к различиям отнесено то, что в

обществе индивиды связаны информационно, но не силами физическим или химическими (поэтому передача культуры от поколения к поколению неотделима от общих процессов самосохранения общества и т.д.); общество способно к изменению в такой степени, которая не имеет аналогов в органическом мире.

² П.Тейяр Шарден («Феномен человека». – М., 1987) отмечает, что если сначала изменяются рука, гортань, появляется прямохождение, то на заключительном этапе возникновения человека в анатомично-морфологическом отношении ничего не меняется: мозг кроманьонца и непосредственного предка человека (австраполопитека) мало отличаются друг от друга («мозговой Рубикон»).

³ Подр.: Иванова, Р.И. Философия как вид духовного производства и потребления / Р.И.Иванова. – Красноярск, 2001. – С. 9–13.

⁴ Так ее определяют многие философы. Напр.: Швырев, В.С. Рациональность в современной культуре / В.С.Швырев // Общественные науки и современность. – 1997. – №1. – С. 105–116; Гайденко, П.П. История и рациональность / П.П.Гайденко. – М., 1991.

⁵ Мейнберг, Г.К. Единый разум и многообразие рациональности / Г.К.Мейнберг // Вопросы философии. – 1997. – №9.

⁶ Философия и методология науки: учебное пособие / под ред. В.И.Кунцова. – М.: Аспектпресс, 1996. – Гл. XVIII. Нормы и ценности научного общества, Гл.ХІХ. Институализация науки в ценностном измерении.

⁷ Это ничуть не противоречит материалистическому пониманию истории, поскольку это закон, отвечающий не на вопрос, что лежит в основе развития, а на вопрос о механизме адаптации.

⁸ Вернадский, В.И. Размышления натуралиста / В.И.Вернадский. – М., 1977. – С.25.

⁹ Бердяев, Н.А. Мир объектов. Опыт философии и общения / Н.А.Бердяев. – Париж, 1923. – С. 17.

Панюкова Ю.Г.,

доктор психологических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМА СРЕДОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СУБЪЕКТ И ОБЫДЕННАЯ СРЕДА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема средовой идентичности или идентичности человека с окружающей средой в отечественной психологии была обозначена Г.М.Андреевой.¹ Анализируя содержание, составляющие «жизненной среды» или «непосредственной жизненной среды человека», Г.М.Андреева подчеркивает, что «непосредственная жизненная среда выступает основой идентификации личности с каким-то определенным местом ее существования и пребывания»². Так же как и другие составляющие идентичности (образ Я, образ Группы, образ Времени), образ Среды формируется в течение всей жизни человека. Средовая идентичность субъекта

может быть исследована с помощью представлений человека об окружающей его среде. Механизмы формирования представлений об окружающей среде обусловлены тем, какое значение придает человек среде. Отвечая на вопросы «где это происходит» и «что это для меня означает», Г.М.Андреева отмечает: «Человек как бы помещает себя в некоторое пространство, привязывает себя к нему, использует своего рода когнитивную карту с обозначением места своего пребывания. Если это место очень значимо, человек отождествляет себя с ним, возникает «идентификация с местом»³.

В настоящей статье предпринята попытка эксплицировать особенности представленности свойств и качеств пространственно-предметной среды (ППрС) обыденной жизни человека в его сознании посредством обращения к понятию репрезентации, которое в современной психологической науке является одним из центральных.

Актуальность обращения к психологической репрезентации ППрС обыденной жизни человека определяется, прежде всего, поиском детерминант, обеспечивающих создание эффективной ресурсной среды жизнедеятельности человека, в частности оптимальной среды взросления и социализации субъекта (В.И.Панов⁴, В.В.Рубцов⁵, Д.И.Фельдштейн⁶ и др.).

По обозначенной проблеме существует огромное количество исследований, выполненных в самых различных методологических направлениях и систематизированных в рамках экологической психологии (С.Д.Дерябо, В.А.Ясвин⁷, Г.А.Ковалев⁸, Е.А.Лапин⁹, В.И.Панов¹⁰, и др.). В качестве самостоятельных теоретических концепций, определяющих ракурс исследований в области взаимосвязи человека и ППрС, можно выделить следующие: во-первых, теория «мест поведения» Р.Баркера¹¹, предметом которой стали средовые условия поведения человека, то есть объективная среда; во-вторых, «теория поля» К.Левина¹², в фокусе которой – «субъективная среда» или «жизненное пространство», определяемое как «постперцептивное и доповеденческое». Самостоятельное и исключительное место в проблематике взаимосвязи организма и среды занимает экологическая теория восприятия Дж.Гибсона¹³, где пространство описывается как экологически обусловленная данность пространственных свойств и отношений, которые обеспечивают или не обеспечивают возможность (affordance) тех или иных действий и функционально присущи данному виду животного. Обозначенные методологические направления определяют существование в самом общем виде двух подходов в анализе взаимосвязи человека и окружающей его ППрС: когда объектом исследования становится взаимодействие субъекта и ППрС и когда объектом исследования становится отражение свойств и качеств ППрС в сознании субъекта.

Последнее направление исследований в области взаимосвязи человека и ППрС, ориентированное на выявление закономерностей и процессов, лежащих в основе отражения субъектом свойств и качеств окру-

жающей его среды, корнями своими уходит в фундаментальные положения психологии восприятия, связанные, прежде всего, с описанием свойств и структуры чувственного образа (Б.Г.Ананьев¹⁴, В.А.Барабанщиков¹⁵, Л.М.Веккер¹⁶, В.П.Зинченко, Н.Ю.Вергилес¹⁷, А.Н.Леонтьев¹⁸, А.Д.Логвиненко¹⁹ и др.), с концептуальными положениями теории порождающего восприятия (А.И.Миракян²⁰, Д.А.Ошанин²¹, В.И.Панов²² и др.), а в рамках проблематики ППрС обыденной жизни эксплицируется в основном в исследованиях в области когнитивной психологии (Б.М.Величковский, И.В.Блинникова, Е.А.Лапин²³, С.Э.Габидулина²⁴, Е.А.Лапин²⁵, Х.Э.Штейнбах²⁶ и др.), где актуализируется когнитивный план анализа перцептивного процесса (репрезентация среды, ее схема, план сбора информации и т.п.), а предметом является функциональная система пространственного познания, включающая как относительно низкоуровневые знания процедурного типа (автоматизированные навыки ориентации), так и сложные когнитивные механизмы порождения смысловых образований.

В качестве тенденции, определяющей качественное своеобразие данного направления, отмечаются превалирование исследований в рамках гносеологической парадигмы, которая сориентирована на изучение состава и структуры информационного содержания восприятия, и дефицит исследований, очерченных онтологической парадигмой, когда чувственный образ становится осознаваемым, появляется ценностная составляющая восприятия, эстетический и нравственно-этический моменты (В.А.Барабанщиков²⁷, В.И.Панов²⁸).

Обзор существующих направлений в области изучения представленности реальной окружающей среды в сознании субъекта позволяет сделать вывод о том, что в современной психологии отсутствует область исследований, предметом которой является системный анализ как чувственного, так ценностно-смыслового аспекта репрезентации обыденной ППрС жизнедеятельности человека. В психологическом тезаурусе не представлена единица анализа репрезентации ППрС реальной жизнедеятельности человека, в рамках которой были бы объединены как формальные, так и содержательные (ценностно-смысловые) аспекты репрезентации и которая могла бы стать универсальной для изучения особенностей репрезентации индивидом различных типов ППрС.

Актуализация онтологического ракурса воспроизведения проблематики репрезентации ППрС обыденной жизнедеятельности индивида в ее исходных теоретических и эмпирических основаниях делает целесообразной попытку выделения единицы репрезентации, которую нельзя было бы «раздробить» на более мелкие единицы, поскольку ее специфичность будет исчезать по мере исчезновения ее свойств, а можно было бы только «надстроить».

В качестве такой единицы мы предлагаем «место-ситуацию», которая в самом общем виде определяется нами как форма репрезентации

ППрС жизнедеятельности субъекта, где место характеризует пространственные параметры среды, а ситуация – ее временные параметры. Содержательный потенциал понятия «место-ситуация» возможно вскрыть лишь через континуум, реестр, многообразие ситуаций, в которые попадает определенное место. ППрС в индивидуальном (обыденном) сознании представлена именно как континуум мест-ситуаций.

В качестве базовых аспектов, составляющих место-ситуацию и образующих ее структуру, могут быть выделены, во-первых, чувственный уровень, который обусловлен закономерностями внутренней организации восприятия и имеет базовый, универсальный характер, во-вторых, уровень смыслов, когда «...чувственный образ становится осознаваемым, появляется ценностная составляющая восприятия, нравственно-этический и эстетический моменты»²⁹.

Содержание чувственного уровня репрезентации места-ситуации определяется психофизиологическими закономерностями, лежащими в основе восприятия пространства. Данный уровень проявляется в том, что к числу базовых качеств репрезентации ППрС в форме места-ситуации относятся собственно «пространственные», формальные (не содержательные) ее качества. К таким свойствам, качествам, характеристикам репрезентации относятся, например открытость – закрытость, структурированность – хаотичность, сложность – простота, размер, акцентированность – нивелированность, динамика – статика места-ситуации и др.

Уровень смыслов в репрезентации ППрС задается потребностями субъекта и теми возможностями, которые предоставляет ППрС для их удовлетворения. Исходные основания для выделения данного аспекта репрезентации усматриваются, во-первых, в актуализации онтологического подхода к изучению восприятия вообще³⁰; во-вторых, в теоретическом обосновании роли значения как качественной характеристики репрезентации³¹ и необходимости ее эмпирического подтверждения на примере репрезентации ППрС жизнедеятельности человека.

Ведущим критерием, который лежит в основе типологизации среды жизнедеятельности человека, является функциональный критерий, на основании которого выделяют жилую среду, производственную (образовательную) среду, рекреационную среду и городскую среду как самостоятельные типы ППрС обыденной жизнедеятельности человека.

На основании анализа исследований ППрС различных типов (жилая среда (А.К.Байбурин, Ю.Ванагас, Ж.Дрейфуз-Зе, И.Ивянская, Г.А.Ковалев, Ю.Круусвалл, Л.Леви-Брюль, Л.Леви-Строс, К.Лийк, А.Ф.Лосев, Э.Мюлла, Т.Нийт, М.В.Осорина, М.Раудсепп, М.Хейдметс и др.); производственная среда (Б.А.Душков, В.П.Зинченко, Е.А.Климов, Б.Ф.Ломов, В.М.Мунипов, Г.В.Суходольский и др.); образовательная среда (С.К.Бондырева, Г.А.Ковалев, В.И.Панов, В.В.Рубцов, Д.И.Фельдштейн, Б.Д.Эльконин, В.А.Ясвин и др.); городская среда (Р.Арнхейм, С.Э.Габидулина,

О.Генисаретский, В.Л.Глазычев, А.В.Иконников, Г.З.Каганов, К.Э.Лехари, К.Линч, Н.Н.Нечаев, А.В.Степанов, И.А.Страутманис, В.В.Федоров, В.А.Филин, Э.Цайдлер, Х.Э.Штейнбах, Г.П.Щедровицкий и др.)) мы выделили три составляющие ценностно-смыслового аспекта репрезентации. Первая составляющая – прагматический параметр, заключающийся в таких характеристиках среды, как, например, освоенная, полезная, контролируемая, ресурсная, продуктивная и т.п. Вторая составляющая – эстетический параметр, который эксплицируется в таких характеристиках среды, как успокаивающая, красивая, удобная и т.п.

Для разработки программы эмпирической экспликации представления о месте-ситуации как о форме репрезентации ППрС жизнедеятельности субъекта были использованы следующие методы: ассоциативный эксперимент, на основании которого был составлен тезаурус мест-ситуаций и определений, с помощью которых эти места могут быть оценены; процедура субъективного шкалирования (на материале контрастных фотографий мест-ситуаций); упорядочивание исходных данных с помощью факторного анализа; интерпретация выделенных факторных структур.

Выборка составила 248 студентов разных вузов г.Красноярска обоего пола.

На первом этапе исследования решалась задача эмпирического выделения мест-ситуаций обыденной жизни человека и прилагательных, с помощью которых могли бы быть охарактеризованы выделенные формальный и содержательный аспекты репрезентации ППрС.

Решение этой задачи состояло из нескольких процедур. Первоначально был составлен тезаурус мест, а также тезаурус ситуаций, то есть временных, динамических единиц, в которых могло быть представлено каждое выделенное место. Для решения этой задачи, во-первых, был предпринят сплошной просмотр толковых словарей русского языка, что позволило выделить места обыденной ППрС, имея источником отбора материала кодифицированный русский язык. Во-вторых, составленные списки дополнялись данными, полученными в результате опроса респондентов, которым предлагались следующие инструкции: «Назовите (запишите) любые места, известные Вам, которые можете вспомнить», «Назовите временные параметры оценки выделенных Вами мест, с которыми они в большей степени ассоциируются (например, утро, день, осень, лето, полдень и пр.)». Время на выполнение данных заданий не ограничивалось. В результате были получены тезаурусы мест (232 места) и ситуаций (16 временных предикатов).

На основании полученных данных были выделены следующие типы ППрС: «жилая среда» (ванная комната, вилла, горница, гостиная, детская, жилище, кабинет, квартира, комната, спальня, «хрущевка», хоромы и др.); «придомовое пространство» (двор, подъезд), «производственная среда» (амбар, аптека, библиотека, больница, гостиница, кладбище, магазин,

офис, рынок, тюрьма, церковь, школа и др.); «рекреационная среда» (дендрарий, дискотека, каток, кафе, кинозал, клуб, парк, театр, цирк и др.); «пространство передвижения» (автобус, автовокзал, аэропорт, вокзал, остановка, транспорт, шоссе и др.); «городская среда» (Академгородок, бульвар, мостовая, перекресток, переулок, площадь, пустырь, район, улица и др.) и «природная среда» (берег, водоем, деревня, лес, луг, море, озеро, поляна, река, тайга и др.). Полученная типология соответствует существующим типологиям мест.³² Количественный анализ показал, что по числу упоминаний в записях респондентов максимальные показатели принадлежат местам, относящимся к типам «природная среда» (49% всех сюжетов) и «жилая среда» (19% всех сюжетов), а меньше всего было названо мест, относящихся к типу «городская среда» (9% всех сюжетов). Предикаты, которые квалифицировали временной параметр места, определялись совокупностью времени года и времени суток, которыми обозначалось данное место (например, автобусная остановка зимой ранним утром).

Следующая задача, которая решалась в данной части исследования, – определение и систематизация определений или прилагательных, с помощью которых выделенные места могли бы быть описаны. Для решения этой задачи, во-первых, был предпринят сплошной просмотр толковых словарей русского языка, что позволило выделить прилагательные, имея источником отбора материала кодифицированный русский язык. Во-вторых, составленные списки дополнялись данными, полученными в результате опроса респондентов, которым предлагалась следующая инструкция: «Назовите (запишите) определения, с помощью которых Вы могли бы описать названные места». Время на выполнение данного задания не ограничивалось. В результате обеих процедур был составлен тезаурус определений (182 прилагательных).

Данные определения были систематизированы согласно выделенным формальному и содержательному аспектам репрезентации ППрС. Так, к числу определений, соответствующих формальному аспекту репрезентации, были отнесены такие, как «открытый», «хаотичный», «компактный», «акцентированный», «просторный», «прочный», «пропорциональный» и т.д., а в качестве определений, соответствующих содержательному аспекту репрезентации ППрС, были отнесены такие прилагательные, как «богатый», «новый», «фешенебельный», «аккуратный», «чистый», «близкий», «радостный», «предпочитаемый», «изысканный» и др.

Опираясь на положения, разработанные в области исследований значений и смыслов, которыми субъект наделяет действительность, интерпретируя содержания получаемой им информации, – экспериментальной психосемантике³³, и учитывая, что операциональным аналогом категориальной структуры индивидуального сознания являются семантические пространства – «системы признаков, описаний объектной социальной действительности, определенным образом структурированные»³⁴,

в качестве самостоятельной задачи мы определили составление «пространственного» семантического дифференциала, отражающего систему тех признаков, свойств ППрС, которыми данная среда представлена в сознании субъекта. Этот семантический дифференциал затем предполагалось использовать в качестве инструмента, диагностирующего особенности репрезентации различных типов ППрС.

В решении этой задачи мы исходили из принципов, разработанных в экспериментальной психосемантике, согласно которым в методике семантического дифференциала процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов. Пространство определений-антонимов, в котором оценивались места-ситуации, было сформировано на основе универсальных шкал, составляющих семантическое пространство (Ч.Осгуд, В.Ф.Петренко), а также за счет увеличения шкал, ориентированных на денотативные, а не на коннотативные компоненты и имеющих независимый характер. В качестве последних использовались включенные в тезаурус определений прилагательные. Количество всех шкал после их систематизации с учетом выделения антонимов составило 91.

Процедура разработки «пространственного» семантического дифференциала осуществлялась следующим образом: в качестве объектов оценивания респондентам предъявлялись 11 контрастных фотографий мест-ситуаций обыденной жизни. Фотографии были сделаны с учетом типов мест, выделенных ранее. Процедура измерения была классической: испытуемые оценивали 11 изображений по 91 униполярной семибальной шкале (3, 2, 1, 0, -1, -2, -3). На основании сходства оценок по шкалам была построена матрица расстояний шкал, которая затем подверглась процедуре факторного анализа. Все статистические процедуры осуществлялись с помощью программы SPSS 9.0.

В результате обработки данных были выделены факторные структуры и найдены нагрузки по факторам на основе как индивидуальных, так и усредненных данных; всего были выделены 7 относительно независимых факторов.

Первый фактор, объясняющий 38,6% общей дисперсии, включил наибольшее количество шкал, которые соответствуют фактору «Оценка» (по Ч.Осгуду). Данный фактор включил в себя шкалы, относящиеся преимущественно к гипотетически выделенному нами содержательному аспекту репрезентации ППрС (освоенный 0,47; полезный 0,54; ухоженный 0,87; чистый 0,084; красивый 0,91; привлекательный 0,91; спокойный 0,65 и др.), а также к формальному аспекту репрезентации ППрС (энергичный 0,52; ясный 0,45; пропорциональный 0,46). *Второй фактор*, составивший 4,7% общей дисперсии, включил следующие шкалы: крепкий 0,52; прочный 0,72; мощный 0,53; фундаментальный 0,58; устойчивый 0,70. *Третий фактор*, определивший 3,4% дисперсии, представлен сле-

дующими шкалами: освоенный 0,62; полезный 0,53; выгодный 0,56; востребованный 0,49 и др. Остальные факторы составили группы, в которых поочередно были представлены шкалы, характеризующие либо формальный аспект репрезентации ППрС, либо прагматическую составляющую содержательного аспекта репрезентации ППрС.

Для подтверждения тезиса о том, что данные факторы могут рассматриваться как универсальные, была проделана дополнительная процедура факторизации данных по тем аспектам, которые были гипотетически выделены в качестве структурных составляющих оценки места-ситуации (формального и содержательного), то есть факторному анализу были отдельно подвергнуты шкалы, входящие в формальный («открытый», «хаотичный», «составной», «компактный», «акцентированный», «динамичный», «ограниченный» и т.п.) и содержательный («освоенный», «полезный», «доступный», «оптимальный», «контролируемый», «предпочитаемый», «привлекательный», «удобный» и т.п.) аспекты репрезентации ППрС.

По формальному аспекту в результате факторного анализа были выделены 9 относительно независимых факторов. *Первый фактор* (17,4%): быстрый – медленный 0,80; энергичный – скованный 0,77; монотонный – резкий -0,68; динамичный – статичный 0,67; однообразный – разнообразный -0,46. *Второй фактор* (11,6%): прочный – хрупкий 0,78; мощный – бессильный 0,78; крепкий – слабый 0,68; фундаментальный – поверхностный 0,66. *Третий фактор* (7,3%): просторный – тесный 0,79; большой – маленький 0,76; открытый – закрытый 0,69; ограниченный – неограниченный -0,68; массивный – хрупкий 0,64. *Четвертый фактор* (5,0%): хаотичный – упорядоченный 0,74; компактный – разбросанный 0,69; систематизированный – бессистемный 0,66. *Пятый фактор* (4,3%): ясный – смутный 0,71; расплывчатый – тусклый 0,57; однообразный – разнообразный 0,50; точный – неопределенный 0,49. *Шестой фактор* (3,9): единый – дробный 0,68; сплошной – прерывистый 0,66; скомплектованный – целостный -0,66; ровный – пересеченный 0,54. *Седьмой фактор* (3,2): фокусированный – распределенный 0,71; акцентированный – нивелированный 0,70. *Восьмой фактор* (3,1%): объемный – плоский 0,64; составной – простой 0,58. *Девятый фактор* (2,9%): временный – постоянный 0,65; стационарный – мобильный 0,62; константный – изменчивый 0,54.

Содержательный аспект оценки места-ситуации (всего 8 факторов) включил прагматическую и этико-эстетическую составляющие, которые были представлены соответствующими прилагательными.

По прагматической составляющей оценки места-ситуации в результате факторного анализа были получены следующие данные. *Первый фактор* (54,7%): освоенный – дикий 0,94; роскошный – скромный 0,84; богатый – бедный 0,80; зажиточный – нищий 0,79; аккуратный – запущенный 0,75; уважительный – пренебрежительный 0,75. *Второй фактор* (7,7%): полезный – вредный 0,77; востребованный – лишний 0,76; при-

способленный – неадаптированный 0,65; оптимальный – неподходящий 0,64; развитый – отсталый 0,63. *Третий фактор* (4,5%): избыточный – дефицитарный 0,74; повседневный – изысканный 0,56; продуктивный – бесплодный 0,54. *Четвертый фактор* (4,3%): контролируемый – стихийный 0,83; доступный – недосыгаемый 0,80; деятельный – пассивный 0,72.

По этико-эстетической составляющей оценки места ситуации были выделены четыре фактора. *Первый фактор* (65,3%): привлекательный – отталкивающий 0,92; притягивающий – отвратительный 0,89; веселый – грустный 0,88; предпочитаемый – отвергаемый 0,86. *Второй фактор* (5,0%): свободный – сковывающий 0,87. *Третий фактор* (4,9%): спокойный – напряженный 0,72; стимулирующий – расслабляющий 0,57; тревожный – расслабленный -0,54. *Четвертый фактор* (4,5%): родной – чужой 0,85; близкий – далекий 0,68.

На основании полученных в результате факторизации данных был определен набор шкал, которые составили содержание «пространственного» семантического дифференциала. Разработанный семантический дифференциал включает в себя два аспекта, составляющих содержание репрезентации ППрС: формальный (прочность, размер, динамика, структура) и содержательный, который, в свою очередь, представлен прагматической (освоенность, польза, ресурсность, контроль) и этико-эстетической (свобода, безопасность, близость, привлекательность) составляющими.

С целью сравнительного анализа особенностей психологической репрезентации различных мест-ситуаций обыденной жизни нами были использованы следующие методы: тематический рисунок «Нарисуй любое место», для выполнения которого предлагалась следующая инструкция: «Каждый человек может назвать много разных мест, где он бывал раньше или бывает сейчас. К таким местам, в частности, относятся: дом, где мы живем, место нашей работы, улицы, магазины, больницы, вокзалы и пр. Нарисуйте, пожалуйста, на листе, предложенном Вам, любое из известных Вам мест, с которым связана Ваша жизнь». Время для выполнения рисунка ограничивалось одним учебным часом. Рисунок выполнялся цветными карандашами (6 штук).

Всего были проанализированы более 1800 рисунков респондентов обоего пола в возрасте от 5 до 85 лет, из всей совокупности которых были отобраны по 250 рисунков, сюжеты которых соответствовали выделенным нами типам мест-ситуаций (рекреационная среда, природная среда, жилая среда, производственная среда, городская среда, предпочитаемые места, отвергаемые места). Каждый рисунок места-ситуации оценивался с помощью разработанного семантического дифференциала экспертами (15 человек – практические психологи, преподаватели психологии, а также студенты ППФ КГУ), то есть эксперт оценивал место-ситуацию, изображенное на рисунке по семибалльной шкале СД, после чего полученные данные были подвергнуты факторизации.

Для настоящей части исследования были сформулированы следующие задачи и определены гипотезы:

- проанализировать особенности репрезентации мест-ситуаций обыденной жизнедеятельности человека с точки зрения их содержания или тематики (сюжетов), которые представлены в рисунках, то есть выделить места-ситуации различных типов ППрС жизнедеятельности человека;

- проанализировать особенности репрезентации мест-ситуаций с точки зрения представленности в ней выделенных нами параметров: формального и ценностно-смыслового, включающего прагматическую и этико-эстетическую составляющие. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что соотношение данных аспектов в репрезентации разных типов ППрС обыденной жизни может быть различным;

- проанализировать особенности репрезентации ППрС с точки зрения дифференцированности каждого из выделенных параметров: формального и содержательного. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что в репрезентации ППрС различных типов параметры, позволяющие оценить особенности репрезентации ППрС субъектом, могут включать в себя, наряду с типичными для них шкалами, шкалы, составляющие содержание других параметров.

Основные результаты и их интерпретация.

1. Сравнительный анализ тематики рисунков мест-ситуаций показал, что в качестве сюжета, который преобладает для всей выборки, можно назвать изображения природной и рекреационной среды (49% от всех изображений). Рисунки мест-ситуаций природной среды жизнедеятельности человека объединяли разнообразные сюжеты, в частности «природа», «лес», «озеро», «море», «тайга» и пр. Рисунки мест-ситуаций рекреационной среды жизнедеятельности человека включали сюжеты, связанные с местами отдыха человека («цирк», «кино», «двор», «дискотека», «компьютерный клуб», «художественная школа», «спортивный зал», «зал игровых автоматов», «танцевальный зал», «дача», «кафе», «баня», «рыбалка», «отдых на природе».

Сюжеты, связанные с изображением производственной среды (23% рисунков), – это места-ситуации образовательной среды («школа», «школьный двор», «класс», «учительская» и др.), для студентов – это институт («вестибюль», «буфет», «коридор», «кафедра», «лекционный зал» и др.), для работающих людей – места их профессиональной деятельности («рабочий кабинет», «мое рабочее место», «кабинет начальника» и др.).

Рисунки мест-ситуаций жилой (приватной) среды (19% рисунков) объединялись их принадлежностью к тем или иным местам жилища: «комната», «мой стол», «кухня», «спальня», «план квартиры», «дом родителей», «квартира знакомых», «квартира родственников», «комната в общежитии» и пр.

Рисунки мест-ситуаций городской среды (9% изображений) в качестве сюжетов имеют «картинки» из городской жизни: «улицы», «площади», «фонтаны», «переулки», «скверы», «парки», «город» и пр.

Полученные данные свидетельствуют о том, что максимально представленными в сознании субъекта оказались места-ситуации природной (рекреационной) среды, а в меньшей степени – места-ситуации городской (публичной) среды.

2. В результате сравнительного анализа факторов, полученных на основании оценки мест-ситуаций, изображенных на рисунках, обнаружены существенные различия в соотношении формального и содержательного аспектов в оценке мест-ситуаций различных типов ППрС (табл. 1).

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТРИЦ ВРАЩЕНИЯ ФАКТОРОВ
В ОЦЕНКЕ МЕСТ-СИТУАЦИЙ РАЗНЫХ ТИПОВ ППрС

Типы мест-ситуаций	Факторы			
	Фактор 1 (21,6%)	Фактор 2 (18,2%)	Фактор 3 (13,8%)	Фактор 4 (8,7%)
Природная (рекреационная среда)	Спокойный 0,90; красивый 0,89; родной 0,72	Упорядоченный 0,81; большой 0,69; динамичный – 0,57	Доступный 0,70	Контролируемый 0,77; свободный 0,68
	Фактор 1 (24,8%)	Фактор 2 (19,2%)	Фактор 3 (11,5%)	Фактор 4 (5,9%)
Производственная среда	Избыточный 0,75; полезный 0,75; прочный 0,72; упорядоченный 0,70	Динамичный 0,86; спокойный -0,84; контролируемый 0,81	Свободный 0,92; доступный 0,77; родной 0,72	Красивый, 93
	Фактор 1 (30,6%)	Фактор 2 (18,5%)	Фактор 3 (11,9%)	Фактор 4 (9,9%)
Жилая среда	Избыточный 0,88; красивый 0,80; полезный 0,71;	Прочный 0,83; большой 0,79; контролируемый 0,60; упорядоченный 0,46	Доступный 0,85; свободный 0,73; динамичный 0,50	Спокойный 0,83; родной 0,71; свободный 0,45
	Фактор 1 (23,2%)	Фактор 2 (22,0%)	Фактор 3 (14,3%)	Фактор 4 (9,9%)
Городская среда (публичная среда)	Спокойный 0,87; родной 0,74; красивый 0,74; динамичный 0,54	Контролируемый 0,88; избыточный 0,65; прочный 0,56; упорядоченный 0,48	Большой 0,74; доступный -0,69; прочный 0,54	Спокойный 0,83; родной 0,71; свободный 0,45

Интерпретация полученных факторных структур по всем типам ППрС позволяет сделать заключение, что данные факторные структуры объединяет их одинаковая размерность (количество факторов), однако содержание факторов различно: семантическое пространство различных типов ППрС отличается специфическим набором факторов:

– в оценке природной (рекреационной) и жилой среды преобладает содержательный (ценностно-смысловой) аспект репрезентации ППрС,

представленный такими шкалами, как «полезный», «избыточный», «контролируемый», «доступный», «красивый», «свободный», «спокойный», «родной». Данный тезис подтверждается тем фактом, что первый фактор, полученный по данным оценки как природной, так и жилой среды, не включает шкалы, относящиеся к формальному аспекту, а состоит из шкал, составляющих содержание ценностно-смыслового аспекта;

- в оценке городской (публичной) среды преобладает формальный аспект репрезентации ППрС, представленный такими шкалами, как «большой», «прочный», «динамичный», «упорядоченный», о чем свидетельствуют, во-первых, выделение в качестве самостоятельного фактора, который состоит из шкал, представляющих формальный аспект, и, во-вторых, наличие шкал, отражающих содержание данного аспекта в первом, втором и третьем факторах.

- специфика репрезентации пространственно-предметного аспекта природной (рекреационной) и жилой среды заключается в том, что факторы, выделившиеся в результате статистической обработки данных, включают шкалы, представляющие как формальный, так и содержательный (прагматическая, эстетическая и этическая составляющие) аспекты репрезентации;

- специфика репрезентации пространственно-предметного аспекта городской (публичной) среды заключается в том, что в состав выделившихся в результате статистической обработки данных факторов входят шкалы, представляющие либо один формальный параметр, либо одну или две составляющих ценностно-смыслового аспекта репрезентации;

- сравнительный анализ результатов факторизации данных по оценке предпочитаемых и отвергаемых мест-ситуаций показал, что в оценке предпочитаемых мест превалирует ценностно-смысловой аспект, то есть, содержание полученных факторов составляют шкалы, характеризующие содержательный аспект репрезентации, а именно этическую и эстетическую составляющие, а в оценке отвергаемых мест превалирует формальный аспект репрезентации.

В результате эмпирического исследования определено, что в сознании субъекта ППрС в большей степени представлена местами-ситуациями природной и рекреационной среды, а в меньшей степени – местами-ситуациями городской среды. Эти и другие типы ППрС («жилая», «производственная (образовательная)», «рекреационная», «природная» и «городская») представлены в сознании субъекта разными свойствами (параметрами), что выражается в характере соотношения аспектов (уровней), составляющих базовые компоненты репрезентации ППрС. В оценке мест-ситуаций природной (рекреационной) и жилой среды преобладает содержательный (ценностно-смысловой) аспект репрезентации ППрС, представленный такими параметрами, как «полезный», «избыточный», «контролируемый», «доступный», «красивый», «свободный», «спокой-

ный», «родной». В оценке городской (публичной) среды преобладает формальный аспект репрезентации ППрС, представленный такими шкалами, как «большой», «прочный», «динамичный», «упорядоченный».

Таким образом, проблема средовой идентичности в контексте обращения к понятиям репрезентации и места-ситуации как формы репрезентации ППрС обыденной жизни в сознании субъекта приобретает новую интерпретацию, что делает возможным анализировать как универсальные принципы, так и индивидуально-типологические особенности психологической репрезентации ППрС.

¹ Андреева, Г.М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты / Г.М.Андреева //Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 344-357.

² Там же. – С.351.

³ Там же. – С.352.

⁴ Панов, В.И. Введение в экологическую психологию : учебное пособие / В.И.Панов. Часть 1. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2001.

⁵ Рубцов, В.В. Психологическая поддержка современного образования / В.В.Рубцов //Известия Российской академии образования. – М., 1999. – С. 49–58.

⁶ Фельдштейн, Д.И. Детство и социальный мир (социальное бытие детства в бытие социума) / Д.И.Фельдштейн //Мир психологии. – 2002. – № 1. – С.9–20.

⁷ Дерябо, С.В. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С.В.Дерябо, В.А.Ясвин //Психологический журнал. – 1996. – № 6. – С. 4–18.

⁸ Ковалев, Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная Среда / Г.А.Ковалев // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 13–23.

⁹ Лапин, Е.А. Пространственные репрезентации в деятельности человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.А.Лапин. – М., 1987.

¹⁰ Панов, В.И. Указ. соч.

¹¹ Barker R. Ecological psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior. – Stanford, 1968.

¹² Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент» / К.Левин // История психологии. Период открытого кризиса начала 10-х – середины 30-х годов. – М.: МГУ, 1992. – С. 190–203; Левин, К. Теория поля в социальных науках : пер. с англ. / К.Левин. – СПб., 2000.

¹³ Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж.Гибсон. – М.: Прогресс, 1988.

¹⁴ Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания / Б.Г.Ананьев. – М.: Наука, 2001.

¹⁵ Барабанщиков, В.А. Восприятие и событие / В.А.Барабанщиков. – СПб.: Алетейя, 2002.

¹⁶ Веккер, Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л.М.Веккер. – М.: Смысл; Per Se, 2000

¹⁷ Зинченко, В.П. Формирование зрительного образа (исследование деятельности зрительной системы) / В.П.Зинченко, Н.Ю.Вергилес. – М.: МГУ, 1969.

¹⁸ Леонтьев, А.Н. Психология образа / А.Н.Леонтьев //Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1979. – №2. – С.3–14.

¹⁹ Логвиненко, А.Д. Чувственные основы восприятия пространства / А.Д.Логиненко. – М.: МГУ, 1985.

²⁰ Миракян, А.И. Константность и полифункциональность восприятия / А.И.Миракян. – М., 1992.

²¹ Ошанин, Д.А. Предметное действие и оперативный образ: избранные психологические труды / Д.А.Ошанин. – М.- Воронеж, 1999.

²² Панов, В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов / В.И.Панов. – М.: ПИ РАО, 1993.

²³ Величковский, Б.М. Представление реального и идеального воображаемого пространства / Б.М.Величковский, И.В.Блинникова, Е.А.Лапин // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 103–113.

²⁴ Габидулина, С.Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта) : автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.Э.Габидулина. – М., 1991.

²⁵ Лапин, Е.А. Указ. соч.

²⁶ Штейнбах, Х.Э. Восприятие и оценка городской среды : автореф. дис. ...канд. психол. наук / Х.Э.Штейнбах. – Л., 1987.

²⁷ Барабанщиков, В.А. Указ. соч.

²⁸ Панов, В.И. Введение в экологическую психологию.

²⁹ Барабанщиков, В.А. Указ. соч. – С.61.

³⁰ Барабанщиков, В.А. Указ. соч.; Панов, В.И. Введение в экологическую психологию.

³¹ Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 1999.

³² Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В.Осорина. – СПб.: Питер, 1999; Altman I. The Environment and the Social Behavior: Privacy, Personal Space, Territory, Crowding. – Monterey, 1975 и др.

³³ Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю.Артемьева. – М.: Наука, Смысл, 1999; Габидулина, С.Э. Указ. соч.; Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм презентации в обыденном сознании / В.Ф.Петренко. – М.: МГУ, 1983; Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф.Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988 и др.

³⁴ Петренко, В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику. Исследование форм презентации в обыденном сознании. – С. 53.

Светлов В.А.,

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
педагогический университет им.
А.И.Герцена (г.Санкт-Петербург)

ЧЕЛОВЕК КОНФЛИКТУЮЩИЙ

Природа, структура, движущие силы, функции и управление социальным конфликтом. Социология конфликта исследует конфликт как социальный феномен, отвлекаясь в силу специфики своего предмета и задач от прочих характеристик данного явления. В отличие от, скажем, биологии или психологии, социология ограничивается анализом в первую очередь социальных признаков, причин и следствий конфликта и исполь-

зует имеющиеся или разрабатывает новые социологические категории для их описания и объяснения.

Социология конфликта представляет специальное направление общей социологии и разделяет ее главную установку на общество как специфический объект, отличающийся от природных объектов и подчиняющийся собственным естественным законам. Исследование природы, движущих сил и функций социальных конфликтов, объяснение их связи с общественным прогрессом и регрессом, разработка методологии получения нового знания о конфликтах и технологий его использования для усиления преобразовательного потенциала общества – в этом состоит назначение социологии конфликта.

Главной категорией социологии конфликта является понятие социального конфликта. Для его определения сделаем предварительное разъяснение.

Напомним, что социальная система – элементарная единица социологического анализа. Под социальной системой понимается любое множество взаимодействующих индивидуумов, начиная от случайно возникшей толпы и кончая профессиональной группой, партией, элитой, классом, государством или обществом как единым целым, обладающее хотя бы одним системным свойством. Выбор социальной системы в качестве элементарной единицы социологического анализа объясняется тем, что, только являясь элементами социальных систем, индивидуумы проявляют себя в качестве социальных субъектов, а их индивидуальные действия можно трактовать как социальные. Не отдельные люди, а социальные системы, не индивидуальные, а социальные действия выступают предметом социологии как науки.

Социальный конфликт не возникает из ничего и не существует сам по себе. Как и любое общественное явление, он имеет свой референт – определенную социальную систему, свои причины и свои функции. Хотя и принято определять конфликт как столкновение (воспроизводя тем самым буквальный смысл латинского слова *conflictus*. – В.С.) отдельных индивидуумов, социальных групп и т. д., но такое определение указывает лишь на внешнюю сторону данного явления и ничего не говорит о его внутренней, необходимой природе.

Конфликт возникает тогда, когда социальная система не может выполнить свое предназначение, обеспечить свое выживание и самосохранение без устранения или нейтрализации определенных противодействующих внутренних и/или внешних факторов. В этом смысле конфликт аналогичен состоянию отрицательной обратной связи элементов социальной системы. С одной стороны, он сигнализирует о возникновении препятствия в развитии социальной системы в выбранном направлении, а с другой – рождает у нее внутренний импульс к перестройке, поиску нового вектора стабильного существования, сохранению своего качества

или приобретению нового. Тот факт, что подобный импульс не всегда приводит систему к требуемому результату, не отменяет главной особенности конфликта быть системной причиной социального изменения.

Социальная система находится в состоянии конфликта тогда и только тогда, когда из-за противодействия внутренних и/или внешних факторов она не способна более развиваться в прежнем социальном качестве и, чтобы сохранить себя, вынуждена перестраиваться до тех пор, пока это противодействие не будет аннулировано или нейтрализовано и система не достигнет нового бесконфликтного уровня существования.

Формально структура социального конфликта задается четырьмя элементами – множеством участвующих в конфликте социальных систем (субъектов, агентов конфликта), множеством доступных им действий, множеством позиций субъектов конфликта и множеством функций предпочтения для каждого субъекта в отдельности. К ним следует добавить один неформальный элемент, объединяющий все остальные в одно смысловое целое, – проблему, выгодного решения которой для себя добивается каждый участник конфликта. Самыми важными элементами социального конфликта являются: множество позиций субъектов и множество функций предпочтения, так как прежде всего в их терминах выражаются интересы, мотивы и цели участников конфликта. Позиции субъектов конфликта – те его исходы, которые они считают для себя лучшими решениями лежащей в его основе проблемы, а также обещания и угрозы, с помощью которых они стремятся заставить своих соперников принять свою позицию.

Самая важная реакция социальной системы, находящейся в состоянии конфликта, – это ее внутренний импульс к поиску или созданию новых бесконфликтных и тем самым устойчивых и эффективных способов своего существования. В этом смысле конфликт можно рассматривать как важнейший, если не единственный, источник социальных преобразований.

Система, находящаяся в состоянии конфликта, может иметь два (и только два) его устойчивых решения – антагонизм или синергизм.¹ Оба эти решения не являются однозначными. При антагонизме система либо «выигрывает», а ее противники «проигрывают», либо «проигрывает», а ее противники «выигрывают»; при синергизме система и ее противники либо все вместе «выигрывают», либо также все вместе «проигрывают». Термины «выигрыш» и «проигрыш» обозначают здесь соответственно решение и нерешение базисной проблемы, выполнение и невыполнение системой своего предназначения, достижение и недостижение системой поставленной цели.

Можно ли, исходя из сказанного, квалифицировать синергизм как «хороший» способ разрешения конфликта, а антагонизм как исключительно «плохой»? Оказывается, что ни синергизм, ни антагонизм не являются сами по себе ни «хорошими», ни «плохими» способами разрешения конфликта. Все зависит от конкретных особенностей системы и внешних условий ее существования.

Если члены какой-нибудь социальной группы поддерживают друг друга, то есть образуют синергетическую систему, то такое поведение социально значимо, только если идеалы и цели, которыми они руководствуются, получают социальное и культурное одобрение. В противном случае подобный синергизм считается социально неприемлемым и подвергается осуждению и преследованию.

Если антагонизм двух подсистем основан на принципе соблюдения примерного равновесия сил, как было между СССР и США и их союзниками в период «холодной» войны, то он представляет устойчивый способ бесконфликтного поведения всей системы в целом и активно поддерживается обеими враждующими подсистемами. При нарушении паритета в значимых для системы отношениях антагонизм ведет к гипертрофии одной подсистемы и атрофии другой и начинает представлять опасность для ее существования в целом.

Несмотря на возможное разнообразие частных причин социальных конфликтов, их базисная причина – всегда одна и та же. Конфликт возникает только тогда, когда интересы выживания, сохранения взаимодействующих систем в их наличном социальном качестве становятся несовместимыми. В более широком смысле конфликт – свидетельство нарушения определенных законов сохранения социальных систем, часто выражаемых обыденным сознанием в разнообразных требованиях социальной справедливости.

Движущие силы конфликта – потребности субъектов конфликта в удовлетворении своих специфических интересов выживания и самосохранения. Специфическая природа социальных систем определяет конкретный вид движущих сил и конкретные особенности социальных конфликтов. Политическая система общества, прежде всего тип государства, задает свои движущие силы и особенности политических конфликтов, его экономическая система, прежде всего характер соединения средств производства с рабочей силой – свои движущие силы и особенности экономических конфликтов и т. д. Например, капиталистический тип общества с экономической точки зрения делится на класс собственников средств производства (капиталистов) и класс наемных работников. Тенденция капиталистов присваивать неоплаченный наемный труд и противоположная тенденция наемных работников требовать полной оплаты своего труда не ниже прожиточного минимума образуют главную особенность экономических конфликтов данного типа общества.

Механизмом, запускающим и производящим изменение социальных систем, является конфликт. Благодаря конфликтам социальные системы рождаются, изменяются и умирают, уступая место новым системам. Без конфликтов, если такое можно представить, социальные системы бесконечно долго сохраняли бы свои социальные качества и, следовательно, никакое изменение было бы невозможно. Конфликт по своей сути – гене-

ратор новых социальных качеств и тем самым новых возможностей развития социальных систем. Управление общественными процессами в этом смысле не означает ничего иного, как управление социальными конфликтами. В этом можно видеть главный смысл изучения конфликтов, создания единой теории конфликта, ее включения в общий корпус знаний о человеке и социальных системах, использования этой теории в процедурах принятия решений на всех уровнях – от личного до международного.

С социологической точки зрения две функции конфликта наиболее интересны – интегративная и дезинтегративная. Эти функции представляют результат синергетического и антагонистического разрешения конфликта.

Если конфликт разрешается синергетическим способом, то социальная система, находившаяся в состоянии конфликта, интегрируется в одно целое. Но эффект интеграции может быть двояким: либо все элементы системы поддерживают друг друга (конструктивная интеграция), либо, наоборот, все элементы угнетают друг друга (деструктивная интеграция). Между двумя видами интеграции такое же различие, как между настоящей дружбой и круговой порукой, основанной на взаимной слежке и доносах.

Сплачивая единомышленников на основе подобия в каком-либо отношении в одну социальную систему, интеграция усиливает одновременно ее отличие от всех других систем. Такое отличие может доходить при определенных условиях до отношения несовместимости. Разделение на «мы» и «они» во многих первобытных сообществах носит жесткий характер и не допускает массовой миграции из-за высокой степени интегрированности своих членов. Некоторые религиозные секты также отличаются высокой степенью интегрированности, оборачивающейся крайней нетерпимостью по отношению к инаковерующим. Интеграция, следовательно, всегда находит продолжение в определенных дезинтеграционных процессах, или уравнивается определенной дезинтеграцией исходной системы. Более того, без дезинтеграции системы невозможна интеграция ее элементов на соперничающие коалиции. Дезинтеграция, следовательно, выступает необходимым условием интеграции.

Если конфликт разрешается антагонистическим способом, то система, находившаяся в конфликте, разделяется на две враждебно относящиеся друг к другу подсистемы. Несмотря на взаимную конфронтацию, обе подсистемы отличаются сильной внутренней сплоченностью, так как во время конфликта каждый элемент выбрал подобную себе подсистему. Не меньшей сплоченностью отличается и образованная двумя антагонистически связанными подсистемами новая система. Это подтверждает известный биологам, психологам и политикам факт, что антагонизм объединяет своих субъектов с не меньшей силой, чем синергизм своих. Известно, что кровная месть «объединяет» антагонистов гораздо сильнее, чем обычная любовь своих героев.

Разделяя социальную систему на подсистемы, дезинтеграция тем самым делает явным новое основание такого деления и способствует

более высокой степени интеграции вновь образованных систем. Это означает, что дезинтеграция всегда находит свое продолжение в определенных интеграционных процессах, или уравнивается определенными формами интеграции. Более того, интеграция невозможна без дезинтеграции и представляет ее необходимое условие.

Взаимозависимость интеграционной и дезинтеграционной функций социального конфликта, синергизма и антагонизма как основных форм его разрешения отражает двойственную природу данного явления, делает невозможными трактовку конфликта только как «хорошего» или только как «плохого» явления, разделение всех его признаков или функций раз и навсегда на «хорошие» и «плохие». Подобная двойственность и вызванная ею неопределенность могут быть устранены только в процессе эффективного управления социальным конфликтом.

Управление социальными конфликтами – одна из самых актуальных и в то же время плохо исследованных тем. Накопленный преимущественно практическими психологами опыт почти ничего не дает для теоретического решения данной проблемы. Опыт, сообщаемый классической теорией игр², суммируется в пессимистическом пожелании «выбирать лучшие варианты из худших», так как, если интересы несовместимы, разумный соперник никогда не предоставит другим участникам конфликта возможность выбора из лучших вариантов. Если же интересы субъектов конфликта совместимы, то теория игр вообще отказывается давать какие-либо общие рекомендации.

Управлять конфликтом означает для каждого его субъекта способность осуществлять определенную стратегию по достижению нужного исхода. Процесс управления распадается на две связанные друг с другом, но принципиально различающиеся стадии. Первая относится к состоянию, когда субъекты конфликта еще не определили свои позиции, вторая – когда каждый из них сделал свой окончательный выбор (так называемый «момент истины»).

Основная стратегия на первой стадии – переговоры, поиски совместного решения проблемы, достижение взаимовыгодного баланса интересов всех субъектов конфликта. Цель переговоров каждого участника конфликта – изменение предпочтений и позиций соперников, позволяющее решить исходную проблему с максимальной выгодой для себя. Обычные приемы на переговорах любого уровня и профиля – обещания предоставить какую-нибудь услугу и исполнить в случае отказа или сопротивления определенную угрозу. Искусство переговоров представляет искусство нахождения нужного сочетания того и другого. Если переговорная стадия заканчивается достижением общего решения, тогда вторая стадия управления конфликтом превращается в контроль за его исполнением. Если же нет, тогда вторая стадия становится ареной открытого столкновения соперничающих субъектов или их коалиций. В этом случае

силовое давление, обман, провокации, формирование выигрышных коалиций – самые распространенные методы достижения нужного исхода.

Социальные конфликты в зависимости от сферы проявления принято делить на политические, экономические, правовые, этнические, религиозные и цивилизационные. Возможны классификации и по другим основаниям. Подобный метод имеет право на существование, но только в ограниченных пределах, так как исключительно политических, экономических и т.д. конфликтов нет. Системная природа социального конфликта делает невозможной исчерпывающую идентификацию его конечных причин, движущих сил и последствий. Политические конфликты имеют, кроме политических, и неполитические, например экономические, причины. Но то же самое можно утверждать и о всех других видах социальных конфликтов.

Проблема конфликта в социологической теории. Существует множество попыток найти единое основание для классификации современных социологических концепций конфликта.³ Но ни одну из них нельзя признать полностью удовлетворительной. По этой причине здесь будут просто изложены взгляды тех ученых, чьи концепции оказали и продолжают оказывать наибольшее влияние на формирование теории социального конфликта в начавшемся XXI столетии.

Концепция социального конфликта К.Маркса (1818–1883 гг.). Самая известная и влиятельная социологическая концепция конфликта на протяжении последних 140 лет. В отличие от родоначальника социологии О.Конта и его последователей, видевших в конфликтах между пролетариатом и капиталистами погрешности индустриального общества, которые можно относительно легко исправить, К.Маркс считал их главной движущей силой капиталистического общества, позволяющей понять логику общественного прогресса и предвидеть историческое развитие.

Объективную причину современных ему социальных и политических конфликтов К.Маркс видел в делении капиталистического общества на антагонистические классы и, в более широком смысле, в периодически возникающем противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Несоответствие производственных отношений и производительных сил на определенном этапе развития общества превращает производственные отношения в тормоз для развития производительных сил. Возникает противоречие, разрешение которого совершается в форме социальной революции: «На известной ступени своего развития производительные материальные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они до сих пор развивались, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро

происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»⁴.

Классовые конфликты, о которых говорил К.Маркс, неразрешимы в рамках того общества, в котором они возникли. Для их разрешения требуется создание нового общества, которое порождает иерархию своих специфических конфликтов. Для разрешения последних требуется создание другого общества и т.д. до тех пор, пока не будет создано бесклассовое коммунистическое общество, в котором свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех, и тем самым будут созданы условия для неантагонистического разрешения любых социальных конфликтов. Социальная революция – решающая форма разрешения общественных антагонизмов, основное условие возникновения новых общественно-экономических формаций, новых социальных и политических институтов. Действия и интересы эксплуатируемого класса в марксистской интерпретации считаются главной движущей силой любого социального конфликта.

Георг Зиммель (1858–1918 гг.), автор термина «социальный конфликт», полагал, что социальные конфликты – неизбежный и неотвратимый продукт социальной жизни. Но их причина не в противоположности экономических интересов классовых субъектов, как в концепции К.Маркса, а в самой природе человека, в изначально присущей людям враждебности и агрессивности, «априорном инстинкте борьбы», первичной потребности в выделении, противопоставлении и навязывании своей воли всем остальным. «Конфликт предназначен для разрешения дуализма (личного и общественного интересов. – В.С.), это – способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте»⁵. Формы проявления агрессивности ограничены и регулируются общественными нормами и групповыми интересами.

Не существует бесконфликтных обществ, так как принципиально невозможно устранить исходный конфликт – между формами индивидуализации и формами социализации, между индивидом и контролирующей его культурой. «Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух, в свою очередь, поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого представляет путь обновления всей культуры»⁶. По мнению Г.Зиммеля, источником социальных конфликтов служит противоречие между формами общественной жизни и индивидами, составляющими общество. Во-первых, общество «приобретает своих собственных носителей и органы, которые как чужая отдельному лицу сто-

рона предъявляют ему свои требования для немедленного исполнения»⁷. Формы социализации, создаваемые индивидами для удовлетворения своих потребностей, затем создают угрозу единству личности. Этот конфликт Г.Зиммель называл «социологической трагедией». Во-вторых, тот факт, что сам человек рассматривает себя как общественное существо, часто ставит его во враждебное отношение к своим собственным импульсам и интересам. Индивид, стремясь к самоопределению и развитию своих способностей, независимо от потребности в них общества, вступает в противоречие с общественными требованиями, согласно которым он должен использовать силы на выполнение определенной функции. «Конфликт между обществом и отдельной личностью разворачивается в самом индивиде в виде борьбы его сущностных элементов»⁸.

Таким образом, социальные конфликты – это естественный и неустрашимый продукт общественного развития. Они пронизывают все виды общественных связей – групповые, половозрастные, этнические и культурные. Их нельзя изгнать или когда-нибудь разрешить раз и навсегда. Главная созидательная сила конфликтов, согласно Г.Зиммелю, состоит в том, что они при определенных условиях способны порождать новые формы социальной интеграции, обеспечивать санкционированные обществом и его культурными нормами выходы агрессивности и враждебности, усиливать социальную солидарность, создавать новые социальные группы.

Льюис Коузер (1913 г.р.), последователь и интерпретатор Г.Зиммеля, считает, что конфликт – это «борьба за ценности, возникшая из-за притязаний на ограниченные возможности достижения статуса, власти и ресурсов, борьба, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника»⁹. Конфликт при определенных условиях способен порождать не только деструктивные, но и конструктивные последствия: устанавливать единство и сплоченность группы, стабилизировать и интегрировать вместе членов группы, выявлять относительную силу антагонистических интересов в группе, поддерживать баланс сил, создавать ассоциации и коалиции, стимулировать разработку новых правил и норм. Конфликт также способен сдерживать свое собственное развитие: «Самое важное условие для предотвращения столкновения – сравнительная осведомленность о силах обеих сторон – на самом деле очень часто может быть достигнута лишь в самом конфликте»¹⁰.

Л.Коузер полагает, что не только интенсивность конфликта влияет на структуру группы, но и природа групповой организации влияет на интенсивность конфликтного процесса. Анализируя социальную структуру американского общества, он приходит к выводу, что взаимозависимость групп до некоторой степени сдерживает тенденцию принципиального раскола социальной системы, хотя и не исключает наличия противоположных интересов. Гибкость же социальной системы, благодаря толерантному отношению к конфликтам, дает возможность прямого выраже-

ния противоречивых требований и тем самым элиминирует источник недовольства. Свойственный такой системе плюрализм конфликтных ситуаций позволяет искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство. Наоборот, чем более жесткой является социальная система, тем меньше в ней институциональных средств, позволяющих регулировать возникающие социальные конфликты.

Значит, не конфликт как таковой угрожает жизнеспособности социальной системы, а ее неспособность к адаптации и трансформации; ее жесткость, подавляющая различного рода напряженности, которые, аккумулируясь, могут привести к конфликту, затрагивающему основы ее существования. Социальный конфликт представляет собой способ адекватного приспособления норм к изменяющимся условиям. Социальная структура, в которой есть место для конфликта, может избежать состояния внутренней неустойчивости или модифицировать его, изменив существующее соотношение властных позиций.

Талкот Парсонс (1902–1979 гг.), последователь Э.Дюркгейма, один из самых видных представителей так называемого функционалистского направления в социологии, считал, что общество находится в состоянии равновесия, если ролевые ожидания его членов четко определены и взаимно подтверждаются. Однако в силу различных причин периодически происходят отклонения от состояния равновесия, возникает неопределенность ожиданий, фрустрация членов системы и, как следствие, ролевые конфликты. Последние свидетельствуют о нарушении процесса взаимного приспособления ролевых ожиданий. Ролевой конфликт определялся Т.Парсонсом как «проявление индивидом готовности действовать согласно несовместимым множествам ролевых ожиданий, одновременное исполнение которых на самом деле невозможно. ... В результате оба множества намерений индивида подвергаются негативным санкциям со стороны друг друга и, поскольку они оба интернализованы, он сталкивается также и с внутренним конфликтом»¹¹.

Ролевые конфликты представляют разновидность социального отклонения от нормы. Задача общества состоит в том, чтобы посредством социального контроля противодействовать подобным тенденциям. Т.Парсонс отмечал, что «каждая социальная система дополнительно к обычным мерам награждения конформистского поведения и наказания отклоняющегося обладает обширным множеством незапланированных и большей частью бессознательных механизмов противодействия тенденциям отклонения»¹². Он сделал вывод, что именно неконтролируемые обществом конфликты представляют главные источники культурных изменений социальной системы.

В целом конфликт трактуется Т. Парсонсом и его последователями как симптом повреждения и деградации «нормального» поведения социальной системы. Неудивительно, что эта теория не смогла удовлетворительно

объяснить социальные изменения и конфликты, начавшиеся в конце 60-х гг. прошлого столетия в Западной Европе. Вместе с тем системный подход к исследованию социальных конфликтов продолжает оставаться и в настоящее время одним из самых влиятельных и перспективных.

Ральф Дарендорф (1929 г.р.) считает правильной идею К.Маркса об определяющей роли классового конфликта в развитии индустриального (капиталистического) общества. Но в постиндустриальном обществе, в котором промышленное производство перестает быть ведущей отраслью и общество перестает дихотомически делиться на пролетариев и капиталистов, значение этого конфликта резко снижается. Основным конфликтом в постиндустриальном обществе связан с перераспределением не собственности на средства производства, а власти и авторитета в управлении обществом. Постиндустриальное общество – общество с плюралистическими интересами, разумное согласование которых становится главной социальной проблемой и главной движущей причиной социального развития.

Упорядоченное функционирование любой социальной системы поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета и власти. Однако власть и авторитет – дефицитные ресурсы. За них идет борьба, существует конкуренция между подгруппами системы. Отсюда основными источниками конфликта и изменений в организации является дефицит власти и авторитета. Особенности протекания конфликта зависят от отношения и принадлежности к власти и авторитету различных ролевых подгрупп и личностей.

Р.Дарендорф отмечает, что в любой организации можно выделить два основных типа ролей – правящих и управляемых. Правящие заинтересованы в сохранении своей власти и положения, а управляемые – в перераспределении власти и положения. При определенных условиях осознание этой противоположности интересов возрастает, и организация делится на две противоборствующие группы. Разрешение конфликта влечет за собой перераспределение власти. Но перераспределение власти узаконивает новые группы правящих и управляемых, которые снова начинают конкурировать друг с другом.

Таким образом, *социальный* конфликт, по Р.Дарендорфу, – это столкновение тех, кто обладает властью (правящих), с теми, кто ее лишен (управляемых); *групповой* конфликт – конфликт управляемых с правящими по поводу законности существующего распределения власти; *классовый* конфликт – конфликт групп, возникший в результате неравного распределения власти в императивно координированном обществе.¹³ Развитие системы – это связанная цепь повторяющихся конфликтов по поводу более справедливого распределения власти.

Возникновение социального конфликта проходит три этапа. На первом этапе формируются скрытые, но реально противоположные интересы. На втором этапе они осознаются и превращаются в реальные груп-

повые интересы. На третьем этапе идентифицированные по интересам группы вступают в борьбу друг с другом за их реализацию.

В отличие от Т.Парсонса, Р.Дарендорф считает конфликт исходной клеточкой социальной жизни и потому неустранимым явлением. Постиндустриальное общество стремится поставить социальные конфликты под свой контроль, выбирая тот или иной способ их регулирования, но не устранения или подавления. Согласно Р.Дарендорфу, термин «регулирование» более точен, чем термин «разрешение». Последний термин вводит в заблуждение, так как отражает «социологически ошибочную идеологию», согласно которой полное устранение конфликта возможно и желательно. Для успешного регулирования конфликта, по мнению Р.Дарендорфа, важны три обстоятельства: 1) признание различных точек зрения; 2) высокая организованность конфликтующих сторон; 3) наличие правил игры.

По мнению Р.Дарендорфа, подавление конфликта является самым неэффективным способом регулирования социальных конфликтов. Подавление социальных конфликтов увеличивает их потенциальную «злокачественность». Социальный взрыв, или революция, является в этом случае лишь вопросом времени. История, считает Р.Дарендорф, дает горькие доказательства истинности этого тезиса.

Разновидностью подавления конфликта является метод отмены конфликта, под которым понимается радикальная попытка ликвидации противоречий путем вмешательства в соответствующие социальные структуры. Но подавление социальных противоречий не то же самое, что их разрешение. Попытки достигнуть «единства народа» и построить «бесклассовое общество» – это только два известных примера подавления конфликтов под видом их регулирования.

Методы регулирования конфликтов предполагают контролирование динамики их развития, понижение уровня насилия и постепенный перевод их на службу развития социальных структур. Р.Дарендорф предлагает следующие способы эффективного регулирования конфликтов.

Переговоры. Конфликтующие стороны самостоятельно обсуждают возникшую проблему и принимают решение заранее установленным способом (большинством, квалифицированным большинством, большинством с правом вето, единогласно).

Посредничество. Конфликтующие стороны на основе добровольного соглашения привлекают нейтральную третью сторону для участия в регулировании конфликта. Посредник не обладает полномочиями для принятия решений и выполняет только консультативные и примиряющие функции. Достигнутые решения не являются для субъектов конфликта обязательными.

Арбитраж представляет собой обращение субъектов конфликта к судебной инстанции, решения которой для всех участников носят уже

обязательный характер. Решение конфликта в случае арбитража основывается исключительно на нормах права и не всегда отвечает интересам участников конфликта.

Перефразируя Гераклита, Р.Дарендорф утверждает, что конфликт, действительно, – отец всех вещей, то есть причина всех изменений, но он никогда не должен превращаться в войну. В рациональном управлении социальными конфликтами заключается одна из центральных задач политики и социологии конфликта.¹⁴

Йохан Галтунг (1930 г.р.) считает, что основной причиной социальных конфликтов является проявляемое социальными системами насилие – культурное, структурное и прямое (личное). При этом культурное насилие создает условия для проявления структурного, а структурное насилие – условия для прямого.

Прямое насилие выражается в действиях, фрустрирующих основные потребности человека, – в выживании, благополучии, идентичности и свободе. «Я рассматриваю насилие как ущерб (отнюдь не неизбежный), наносимый основным человеческим потребностям ли даже *жизни* вообще, понижающий реальный уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможно»¹⁵. К таким действиям относятся убийства, телесные повреждения, блокада, санкции, нищета, навязывание стандартов другой культуры, репрессии, незаконные репрессии, задержания, изгнание.

Структурное насилие, или санкционированная обществом система эксплуатации – получения «вышестоящими» значительно большего блага, чем «нижестоящие», включает смерть от голода и болезней, манипуляцию сознанием граждан, ограничение информации, маргинализацию, разобщение, социальную несправедливость в распределении ресурсов, загрязнение окружающей среды, неравные шансы. Структурное насилие отличается от прямого тем, что действует косвенно, через общественные институты. Оно, как правило, не осознается индивидами и социальными группами, подвергающимися его влиянию. В отличие от прямого насилия, которое изменчиво и динамично, структурное насилие статично и стабильно.

Культурное насилие включает «те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой (логикой и математикой), которые могут использоваться для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия»¹⁶. Культурное насилие ведет к тому, что прямое и структурное насилие начинают выглядеть и восприниматься как справедливые акции. Культура проповедует, учит, заставляет рассматривать эксплуатацию, репрессии, индивидуальные и групповые агрессивные действия в качестве нормальных и естественных явлений или не замечать их вовсе.

По мнению Й.Галтунга, применение прямого насилия может относительно легко уничтожить людей, наделенных властью, но не структуры,

порождающие насилие. Уничтоженная структура может появиться вновь спустя некоторое время только потому, что она удовлетворяет общезначимую потребность. Наиболее эффективным способом решения структурных конфликтов, на его взгляд, является регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре.¹⁷

Джон Бэртон (1915 г.р.) – автор одной из самых популярных в последнем десятилетии XX столетия теории разрешения конфликтов. По его мнению, традиционная точка зрения на социализацию, согласно которой индивиды должны приспосабливаться к социальным институтам и нормам, а если они вследствие своей изначально агрессивной природы не хотят этого делать, то к ним должны быть применены санкции, неверна. Существуют, считает он, базисные человеческие потребности – в безопасности, идентичности, признании и свободе, которые в принципе не могут контролироваться властью. Но именно ущемление или неудовлетворение является причиной всех социальных потрясений. «Теория человеческих потребностей утверждает, что, наоборот, существуют определенные универсальные онтологические человеческие потребности, требующие обязательного удовлетворения, и что процессы социализации, несовместимые с ними или далекие от них, ведут к фрустрации, нарушениям, антисоциальному личному и групповому поведению»¹⁸.

Независимо от того, награждает ли общество какого-либо индивида за конформное поведение и считает его социализированным или наказывает этого индивида за асоциальное поведение, он обладает указанными потребностями. Они неизменны и не модифицируемы. Благодаря этим потребностям понятия «демократия» и «справедливость» приобретают свой истинный смысл. Если же исходить из существующего положения дел, то есть из принятого понимания демократии как подчинения меньшинства воле большинства, то данные понятия могут быть истолкованы в прямо противоположном значении – как несправедливое подавление меньшинства большинством.

Неверны, считает Дж.Бэртон, те теории анализа и разрешения конфликтов, которые делают ставку на так называемое *предотвращение* конфликтов. Все они исходят из того, что предотвратить конфликт означает так или иначе поставить его развитие под контроль, минимизировать разрушительные последствия, не меняя по существу структурные предпосылки самого конфликта. Но контролируемое разрешение одного случая домашнего насилия, столкновения уличных банд, этнической или государственной конфронтации не дает никаких гарантий, что новый инцидент не возникнет с еще большей силой. Предотвращение конфликтов осуществляется средствами устрашения и принуждения самой социальной системы, так как ориентируется в первую очередь на лечение симптомов, а не заболевания. Признается, что асоциальное поведение может контролироваться только силой. Больше полицейских на улицах, больше ограничений

для всех несогласных, никаких церемоний с потенциальными террористами – типичные рецепты сторонников предотвращения конфликтов.

Новый подход, развиваемый Дж.Бэртоном, основан на допущении, что «и внутренние и внешние конфликты имеют общие источники, которые коренятся в структурных условиях и проявляются во фрустрированных целях различных социальных групп»¹⁹. Главными источниками и причинами социальных конфликтов являются социальные институты, опирающиеся на традиционную систему власти и нормы правящей элиты. Стремление власти сохранить существующий порядок, при котором она имеет привилегированное положение в удовлетворении корпоративных интересов, приводит к ущемлению потребностей различных групп населения. И чем больше это ущемление, тем активнее сопротивление населения. Следовательно, основной причиной социальных конфликтов является неспособность населения удовлетворять свои базисные потребности в рамках существующих институтов и норм, тенденция искать их удовлетворения за пределами той социальной системы, существование которой они выражают и поддерживают.

Успешное и окончательное разрешение социального конфликта требует удовлетворения фрустрированных базовых потребностей. Для этого необходимо:

- выявить базисные потребности исследуемой социальной группы и степень их удовлетворения (или фрустрации);
- сделать акцент на структурных источниках возникновения конфликта и их устранении, а не на сдерживании, подавлении или урегулировании без преобразования институтов и норм социальной системы;
- просчитать кратковременные и долгосрочные последствия предлагаемого решения, чтобы исключить в будущем возможность возникновения предпосылок нового конфликта.

Методология предупреждения конфликтов, основанная на устранении их структурных причин, а не на контроле последствий конфликтов, считает Дж.Бэртон, является для общества самой эффективной и наименее расточительной социальной политикой.

Необходимость единой теории социального конфликта. Хотя каждая из рассмотренных концепций более или менее удачно объясняет те или иные отдельные свойства и функции социального конфликта, ни одна из них не может считаться всеобъемлющей теорией данного явления. Это свидетельствует, во-первых, о сложной системной природе социального конфликта, а во-вторых, о недостаточной разработанности понятийного аппарата социальных наук, а также определенной отчужденности последних от математического знания. Без использования математики нельзя, как известно, построить общую и обязательную модель, теорию любого явления.

Не подвергая сомнению плодотворность исследования специфики политических, экономических, правовых, этнических и т.д. конфликтов, а

также правомерность существования разных точек зрения на то, что такое социальный конфликт, следует вместе с тем признать и безотлагательную потребность создания единой теории социального конфликта. Ни одна наука не может развиваться, не строя все более и более общие теории и модели исследуемой реальности. Известная разобщенность современного социального знания о конфликте, преобладающее стремление социальных наук к конкретизации и индивидуализации результатов могут быть преодолены или, точнее, уравновешены только посредством развития противоположной, интегрирующей тенденции – формированием единой теории социального конфликта с использованием методов современной логики и математики.

«Аналитика конфликта»²⁰ является первым отечественным исследованием, обосновывающим принципиальные утверждения и модели единой теории социального конфликта. В этой книге единая теория конфликта сформулирована в виде последовательно связанных друг с другом логико-математических моделей, каждая из которых объясняет какую-нибудь существенную сторону конфликта и обобщает предшествующие ей модели. Структурная модель объясняет структурные свойства конфликта, вероятностная модель – вероятностные свойства, динамическая модель – динамические свойства и так далее. Выбор любой из них зависит от цели исследования социального конфликта. Все вместе они дают исчерпывающее знание о социальном конфликте, его причинах, движущих силах, наиболее вероятных исходах разрешения и возможных стратегиях их достижения. Главным результатом такого знания становится понимание возможностей управления конструктивным и деструктивным потенциалом социального конфликта в интересах общественного прогресса.

¹ См.: Светлов, В.А. Аналитика конфликта / В.А.Светлов. – СПб., 2001. – С. 235–258.

² Фон Нейман, Дж. Теория игр и экономическое поведение / Дж. фон Нейман, О.Моргенштерн. – М., 1970.

³ См.: Зайцев, А.К. Социальный конфликт / А.К.Зайцев. – М., 2000.

⁴ Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 7.

⁵ Simmel G. Conflict and the Web of Group Affiliation. – Glencoe, 1956. – P.13.

⁶ Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г.Зиммель. – Пг., 1923. – С.11.

⁷ Зиммель, Г. Религия: Социально-психологический этюд / Г.Зиммель. – М., 1909. – С. 52.

⁸ Там же. – С. 53.

⁹ Coser L. The Functions of Social Conflict. – London, 1968. – P. 8.

¹⁰ Коузер, Л. Основы конфликтологии / Л.Коузер. – СПб., 2001. – С. 138.

¹¹ Parsons T. The Social System. – New York, 1951. – P. 280.

¹² Там же. – С.321.

¹³ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. – Stanford, 1959. – P. 204.

¹⁴ Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р.Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

¹⁵ Галтунг, Й. Культурное насилие / Й.Галтунг // Социальные конфликты. Вып. 8. – М., 1995. – С. 37.

¹⁶ Там же. – С. 35.

¹⁷ Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. Vol. 6. – 1969. – №3. – P. 64–66.

¹⁸ Burton J. W. On the Need for Conflict Prevention. Occasional Paper. Institute for Conflict Analysis and Resolution. – George Mason University, 1993. – P. 6.

¹⁹ Burton J. W., Dukes F. Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution. – N.Y., 1990. – P. 146.

²⁰ Светлов, В.А. Указ. соч.

Кудашов В.И.,

доктор философских наук, профессор,
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

НЕЙРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОСОЗНАНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Первоначально религиоведение занималось сравнительным анализом различных религий. Но по мере развития других дисциплин (психология, психиатрия, психоанализ, социология, герменевтика и т.д.) возникли новые направления религиоведения – социология религии, психология религии, философия религии. Однако в связи с ускоренным развитием и возникновением новых дисциплин (например, кибернетика, синергетика, психофармакология) предпринимаются новые истолкования религиозного феномена с использованием последних научных моделей. Так, на Западе возникло целое научное направление, занимающееся исследованием религиозного опыта в связи с процессами, происходящими в теле человека, в особенности связанными с сердечно-сосудистой системой и мозгом. Ученые, которые пытаются понять, как ведет себя нервная система во время глубоких религиозных переживаний, даже окрестили такое направление науки «нейротеологией».

В отечественном религиоведении пока практически не освещалась роль центральной нервной системы (ЦНС) в религиозном опыте, если, конечно, не считать некоторых тенденциозных толкований данного вопроса. Использование данных нейрологии (нейропсихологии, нейрофизиологии, нейробиологии и т.д.), этологии, психофармакологии, электрофизиологии позволяет по-новому взглянуть на религиозные феномены, такие, например, как шаманские посвящения и способы вхождения в транс, мистерии и ритуалы перехода, йогические практики и другие пси-

хотехники. В отечественном религиоведении серьезный анализ религиозного опыта как особой психологической реальности был осуществлен в монографии Е.А.Торчинова «Религии мира. Опыт запредельного», где религиозные феномены были классифицированы в соответствии с выделенными С.Грофом базовыми перинатальными матрицами. Акцент делался именно на психологической стороне религиозного опыта.

В данной работе религиозный опыт понимается, согласно Е.А.Торчинову, как «переживания и состояния сознания, которые обычно относятся религиоведением к области мистики и которые являются объектом достаточно пристального внимания со стороны представителей глубинной психологии, прежде всего К.Г.Юнга и трансперсональных психологов»¹. Представляется важным выяснить, какое отношение к религиозному опыту имеет человеческий мозг и что могут дать результаты объективных методов исследования субъективных переживаний для анализа религиозного опыта? Термин «объективный» следует понимать как относящийся к объектам исследования естественнонаучными методами в отличие от субъективного философского метода, в котором, например, мышление постигается средствами самого процесса мышления, хотя и в том и в другом случае мы имеем дело с субъективным восприятием в том смысле, что любой опыт, в том числе и научный, дан нам в нашем восприятии.

Религиоведение и нейрология в России продолжают жить параллельно и в целом предпочитают не сталкиваться между собой, хотя следует отметить, что нейронаука уже делает определенные попытки изучения религиозных феноменов. Об этом, например, свидетельствуют эксперименты и исследования, проводимые в Институте мозга человека РАН, где изучается мозговая физиологическая организация мышления, эмоций, творчества и сознания. Для регистрации и анализа физиологических процессов в мозге и их корреляции с психическими процессами используется специально разработанный комплекс аппаратно-программных средств. Но, к сожалению, ученым, занимающимся естественнонаучными исследованиями, зачастую недостает знаний в области религиоведения, что приводит к односторонним, а порой и к неверным истолкованиям получаемых ими результатов. Религиоведы же, неискушенные в премудростях нейрологии, в основном предпочитают игнорировать проблему «Мозг и религиозный опыт». Цель данной работы как раз и состоит в попытке обоснования подхода, преодолевающего дистанцию между гуманитарным и естественнонаучным подходом в разрешении проблемы религиозного сознания.

Отметим, что сама по себе тема функционирования мозга и его связи с сознанием на сегодняшний день таит в себе массу белых пятен. В настоящее время человек остается для себя самой большой загадкой. Человек на протяжении своей сознательной истории неоднократно предпринимал попытки самоосвоения, стараясь определить себя в бытии

или, напротив, разрушить эти пределы. Конечно, можно изучать мозг лишь как некое физическое явление в ряду других физических явлений. С другой стороны, можно игнорировать роль мозга в процессе формирования опыта, чувств и мышления. Можно пускаться в пространные рассуждения о природе сущего, не обращая внимания на то, что сама речь, мышление и чувства тесно связаны с функционированием головного мозга. Но если все же попытаться интегрировать знания гуманитарных и естественнонаучных наук, проанализировать имеющиеся данные, возможно, многое откроется в другом свете. В данной работе выражено стремление наметить такой интегральный подход к изучению человека в его религиозных состояниях и разобраться, какое к этому имеет отношение совершеннейшее из известных нам творений природы – человеческий мозг. Такой подход в изучении религиозного феномена с привлечением достижений нейрологии можно назвать нейрологическим.

Каждая эпоха имеет свои метафоры и аналогии. Если во времена Галена главным достижением своего времени был водопровод и канализация, то и мозг, как полагал Гален, функционирует как система каналов и его основная функция выполняется не веществом, а заполненными жидкостью полостями, известными в настоящее время как система мозговых желудочков, наполненных церебральной жидкостью. XVII в. принес новую научную метафору – часовой механизм и оптический прибор. Новые открытия связывались с механистической моделью Вселенной, основанной на работах Ньютона и Декарта. Отсюда и анализ мозга по аналогии с хорошо отлаженным механизмом. Открытие электричества и свойств газов влекло за собой новые аналогии. Возникли теория «баллонистов», согласно которой нервы представляют собой полые трубки, по которым проходят потоки газов, возбуждающих мышцы, и теория «электрических флюидов», породившая немало мифов о том, что электричество может оживить мертвеца.

В настоящее время, наверное, самая распространенная модель и научная метафора мозга – компьютер. Известно, что для работы компьютера необходимы аппаратное обеспечение (процессор, монитор, клавиатура, дисководы и т.д.) и программное обеспечение (то есть собственно программы). В целом же аппаратное обеспечение – это материальная форма, целесообразно организованная материя, а в биологическом аспекте – структура тела: органы восприятия, исполнительные органы и мозг. Структура тела является условием программного обеспечения. А программное обеспечение в этом контексте – условные и безусловные рефлексy, поведенческие комплексы, позволяющие реализовать биологические цели, то есть выживание. Та или иная программа может быть запущена только при наличии адекватного аппаратного обеспечения. Например, членораздельная речь возможна лишь при наличии соответствующего голосового аппарата, рассудочное мышление – при соответствующем строении мозга. Та-

кая модель позволяет наглядно увидеть связь между материальным носителем (нервной системой) и идеальными основаниями (программами биокомпьютера) психической деятельности человека.

Еще в 1967 г. нейрофизиолог Дж.Лилли в работе «Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера»² совместил свои исследования нейрофизиологии коры головного мозга с идеями проектирования компьютеров. Программа – по определению Лилли – это набор внутренне совместимых инструкций по обработке сигналов, формированию информации, запоминанию тех и других, подготовке сообщений; она требует использования логических процессов, процессов выборки и адреса хранения. Некоторые из программ были унаследованы нами от наших животных предков – простейших одноклеточных, губок, кораллов, червей, рептилий и т.д. В базовых формах жизни программы передавались через генетические коды. Паттерны функций типа стимул-реакция определялись необходимостью приспособления к изменениям среды, чтобы выжить и передать генетический код потомкам. По мере увеличения размеров и сложности нервной системы возникли новые уровни программирования, не всегда непосредственно связанные с целями выживания. Встроенные программы лежат в основании этих новых уровней и находятся под контролем более высокого порядка.

Помимо программ разной степени сложности, биокомпьютер человека оснащен также и метапрограммами, которые являются набором инструкций, описания и средств контроля программ. Метапрограммирование является операцией, в которой центральная система управляет сотнями тысяч программ, работающих параллельно и последовательно. «Я» человека, по Лилли, представляет собой контролирующий центр, управляющий тысячами метапрограмм. Большинство людей имеет множество таких контролирующих центров, которые часто конфликтуют друг с другом. Поэтому одна из целей саморазвития, считал Лилли, – обнаружение таких конфликтующих «Я» и подчинение их одному «администратору». Вполне логично напрашивается дальнейшая экстраполяция этой модели на весь Универсум. Если метапрограммами управляет некая контролирующая программа, а совокупность таких контролирующих программ подчиняется еще одной надпрограмме и т.д., то в конце концов все программы подчиняются единой суперпрограмме – универсальному Сверх-Я или Богу. Такой подход возвращает к воззрениям Аристотеля, согласно которым Бог – форма форм, абсолютная идея. В дальнейшем эту идею в различных модификациях можно встретить в философии неоплатоников, Спинозы, Шеллинга и Гегеля.

Такое понимание Универсума было вполне логичным в модели Лилли, но все же схематическое, «формальное» видение мира тяготило ученого. И в конечном итоге благодаря йоге Патанджали Лилли пришел к выводу, что для достижения единения с Абсолютом необходимо отбро-

силь как «программирующего», так и «программу». Вот что он пишет о своем новом понимании: «Новая, более тотальная медитация проходила следующим образом: «Мой мозг – гигантский биокомпьютер. Я сам – метапрограммист в этом биокомпьютере. Мозг расположен в теле. Ум – средство программирования в биокомпьютере». Это основные положения, использованные в «Человеческом биокомпьютере». Ключом к медитации было: «Кто я?», ответ: «Я не есть мое тело, я не есть мой мозг, я – не мой ум, я – не мое мнение». Позднее это было расширено до более действенной, несущей энергию медитации из пяти частей: «Я не биокомпьютер. Я не программист, я не программирование, я не программированное, я не программа». Когда медитация прогрессировала до последнего пункта, я неожиданно оказался способным разорвать связи с биокомпьютером, с программистом, с программированием, с запрограммированным, и вспять, в стороне – в стороне от ума, мозга, тела, – наблюдать, как они работают и существуют отдельно от меня. Таким образом для меня Патанджали был расширен и переведен в более современную терминологию. Старый «наблюдатель» был частью программиста, «старое наблюдение» было одной программой из серии программ. Существовало некоторое частичное совпадение между концепциями, но новая концепция была значительно шире старой»³.

Итак, если «духовное» отрицается или выносится за скобки, это ведет к низведению Абсолюта до гигантской суперсистемы, в которой человек играет роль микроскопического бездушного элемента. Вместе с тем, если ясно различать «духовное» и «идеальное», рабочая метафора, в которой моделью мозга служит компьютер, может принести множество полезных выводов, применимых на практике. Зная принцип работы мозга, можно оказывать на него воздействие с целью просмотра данных, содержащихся в памяти; становятся понятными механизмы программирования и метапрограммирования. О том, что компьютерная метафора мозга может служить хорошей рабочей моделью для практического применения, свидетельствуют, например, успехи нейролингвистического программирования (НЛП) в бизнесе, государственном управлении, спорте и т.д. Сама идея НЛП зародилась в начале 1970-х гг. благодаря усилиям лингвиста Дж. Гриндера и математика, психотерапевта и специалиста в области компьютеров Р. Бэндлера, которые изучали методы эффективного изменения поведения человека.

Примерно в это же время начал активно использоваться принцип биоэлектрической активности мозга для изучения корреляции волн мозга с мистическими и измененными состояниями сознания. На основе этого принципа даже возникло научное направление, получившее название «биофидбек» (дословно – биологическая обратная связь). При применении метода биофидбека используется электронная аппаратура для контроля за физиологической активностью организма человека: биоэлектри-

ческой активностью мозга (ЭЭГ), электрического сопротивления кожи (ЭСК), температуры тела и напряжения мышц. Благодаря принципу обратной связи функции различных органов тела и режим деятельности мозга, которые до этого считались произвольными, оказываются подчиненными воле человека. Это открывает огромные возможности для самопознания, раскрытия внутреннего потенциала и овладения техникой саморегуляции. Например, доктор Д.Камайя с помощью электроэнцефалографа научился контролировать альфа-волны мозга. Его устройство издавало приятный звуковой сигнал всякий раз, когда испытуемый достигал альфа уровня, поощряя тем самым находиться в таком состоянии.⁴

Н.Друри назвал биофидбек технологическим путем к самопознанию. Исследования связи активности мозга с состоянием глубокого религиозного опыта ведутся по сей день. В настоящее время можно говорить о том, что в периоды глубокого религиозного опыта (медитации, молитвы) деятельность мозга претерпевает специфические изменения – одни зоны головного мозга снижают свою активность, а другие, напротив, резко активизируются. Э.Ньюберг, нейробиолог из Пенсильванского университета в Филадельфии, который занимается нейробиологией религии уже более десяти лет, через коллегу, увлекающегося тибетским буддизмом, нашел восемь опытных медитаторов, которые приняли участие в необычном эксперименте. В результате сканирования с помощью однофотонной эмиссионной компьютерной томографии головного мозга испытуемых, которые в течение часа занимались усиленной медитацией, ученые обнаружили повышение активности областей мозга, регулирующих внимание, чего требовала особая сосредоточенность во время медитации. Однако во время медитации верхняя задняя часть теменной доли головного мозга была гораздо менее активна, чем когда испытуемые просто сидели и отдыхали.

Иначе говоря, эта область в левом полушарии мозга отвечает за осознание человеком собственной индивидуальности и за представление об образе собственного тела. Правое полушарие отвечает за ощущение времени и пространства, в котором пребывает тело. Усиливая во время медитации ощущение единства с окружающим миром, испытуемые постепенно блокировали каналы связи между этими двумя областями теменной доли мозга, подавляя тем самым представление об образе собственного тела. Таким образом, для мистических переживаний нужна определенная перенастройка мозга, и даже «отключение» некоторых его зон. Однако из этого вовсе не следует, что мозг создает Бога, мозг естественным путем создает механизмы, которые делают возможным религиозный опыт. Нейробиолог М.Персингер из Лорентийского университета в канадской провинции Онтарио на протяжении нескольких лет разрабатывает технику стимуляции отдельных областей мозга с целью вызвать самые разные формы сюрреалистических ощущений у самых обыкновенных людей. Ме-

тодом проб и ошибок ученому удалось установить, что слабое магнитное излучение (1 микротесла – примерно такое излучение дает монитор компьютера) при вращении по сложной траектории вокруг височных долей мозга может вызвать у человека ощущение потустороннего присутствия. Эксперимент показал, что подобные ощущения возникают у четырех из пяти испытуемых. Что именно видит обработанный подобным образом человек – зависит от его личных верований и предрасположенностей.

В разные времена в разных культурах состояние расширения сознания сознательно вызывалось различными методами: через сенсорную депривацию (изоляция физических органов чувств от внешних раздражителей, прежде всего света, звука), длительные воздержания от сна либо радикальное изменение режима «сон-бодрствование», внешнее и внутреннее (нейрогуморальное) химическое воздействие (психodelики, дыхательные и сексуальные практики), воздействие через ритуальный танец, специфические звуковые ритмы, частоты, вибрации (шаманский бубен, Hemi-Sync). Hemi-Sync (сокращение от hemispheric synchronization, «синхронизация работы полушарий мозга») представляет собой определенные звуковые сигналы, помогающие одновременно вызывать в обоих полушариях мозга идентичные волновые режимы. Когда ухо слышит определенный тип звукового сигнала, мозг обычно начинает откликаться на него сходными электрическими сигналами. Известно, что различные ритмы деятельности мозга указывают на разнообразные состояния сознания (например, бодрствование или сон); таким образом, соответствующие звуковые сигналы способны помочь человеку перейти в то или иное состояние сознания.

Итак, с помощью воздействия на мозг можно переделывать, обновлять, сужать и расширять сознание. В целом функция нервной системы заключается в том, чтобы фокусировать, избирать и сужать. Все, что не связано, а тем более разрушительно для программ выживания, воспринимается биологическими организмами как бесполезное и вредное. Любое несанкционированное выживанием воздействие (будь то философия, подрывающая основы бессознательной вовлеченности в процесс физического существования, или химические вещества, определенный спектр электромагнитных волн, религиозный мистицизм и т.д.) должно быть нейтрализовано любым способом. Любые средства изменения сознания (а следовательно, выход за рамки санкционированной модели реальности) вызывают панический страх и желание любой ценой избавиться от угрозы принятому образу жизни. Все, что по тем или иным причинам переступает жестко установленные границы принятой «нормы», объявляется ересью и бегзумием. То, что позволено Голливуду, непозволительно реальному миру.

Довольно эвристично нейрологический подход выглядит в осмыслении религиозных ритуалов. Е.А.Торчинов дал следующее определение ритуала: «совокупность определенных актов, имеющих сакральный

смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию»⁵. Далее он выделяет следующие типы ритуалов. Психотехнический, непосредственно связанный с психологическим ядром религии. Цель данного комплекса ритуалов – достижение совершающим их человеком определенных трансперсональных состояний сознания. К ним относятся ритуалы тантрического буддизма и даосизма. Второй, мистериальный тип тоже объективно способствует переживанию тех или иных глубинных состояний, однако делается это без осознания психотехнического характера ритуала, а вместо этого адепты объясняют влияние такого типа ритуала воздействием на них сакральных сил – божественной благодати, милости богов и т.д. К нему можно отнести ближневосточные и эллинистические мистерии, христианские таинства, прежде всего такие, как крещение и евхаристия. Третий тип ритуала – обрядовый. Он наиболее отдален от психологического ядра религии, так как не стимулирует глубинных переживаний и лишен психотехнического эффекта. Такой тип ритуала прежде всего относится к протестантским конфессиям.

Несмотря на всю эвристичность подобной классификации, следует отметить, что в действительности эти три типа ритуалов тяжело обнаружить «в чистом виде». Например, в протестантизме, не говоря уже о харизматических его направлениях, таких как пятидесятничество и квакерство, ритуалы порой имеют весьма сильный психологический эффект. Так, практика публичного покаяния и публичное крещение взрослых людей с полным погружением в баптистерию у евангельских христиан-баптистов может вызвать достаточно сильные переживания религиозного характера. По существу обряд крещения во взрослом состоянии призван вызвать переживания, сходные с ритуалом «смерти-воскресения» (крещение, по определению Апостола Павла, – это «сораспятие со Христом»). И, несмотря на то, что воздействие на мозг в протестантской среде в большей степени представляет из себя психологическое воздействие (и в значительно меньшей – физиологическое, которое все-таки так же присутствует; примером чему может служить причастие вином), сила такого воздействия на биохимические процессы головного мозга бывает даже очень существенной.

Очевидно, что любой ритуал может иметь разную интенсивность воздействия на сознание, но принципиальным моментом любого ритуала является трансформация определенного состояния, связанного с сакральной сферой, независимо от того, относится ли это изменение к эмоциональной, мировоззренческой или даже онтологической области. По существу, большинство ритуалов представляют собой «обряд перехода» (независимо от того, применяются психоактивные вещества или нет) и состоят из трех фаз – прелиминарной (отделение), лиминарной (промежуток) и постлиминарной (включение).⁶ Для этого на первом этапе

человека, так или иначе, изолируют, отделяют от привычной обстановки, то есть естественной среды действовавших до настоящего момента программ (человек становится послушником, стажером, новобранцем и т.п.). На второй стадии происходит отключение или стирание предыдущей программы поведения и восприятия (мощный стресс: сенсорная и социальная депривация, воздействие психodelиков, голод, акты насилия, унижение и т.д.). На заключительной стадии, когда мозг уже не может опереться на прежние программы, «неофит» программируется согласно его новому статусу (торжественное посвящение в «тайну», присвоение нового имени, запрет делиться воспоминаниями о «мирской» жизни, идеологическая обработка или какие-нибудь другие виды внушения). Такую схему можно обнаружить как в архаических обществах, так и в обществах современных, особенно в таких социальных рудиментарных образованиях, как армейская и уголовная среда.

Ч.Тарт предложил схему процесса трансформации сознания, которая в сочетании с данными нейрофизиологии открывает универсальную модель функционирования «мозг-сознание». Мы можем зафиксировать некое базовое стабильное состояние сознания, или дискретное состояние сознания (ДСС). Это, как правило, обычное бодрствующее состояние, обусловленное действием ряда факторов: физические, культурные и прочие воздействия. Импульсы внешней и внутренней среды организма, то есть афферентная (от лат. *afferens* – принимающий) и сенсорная (от лат. *sensus* – чувство) системы, действуют как формирующие данное состояние факторы. Дестабилизирующие силы, достаточные для трансформации прежнего ДСС, погружают сознание в хаос. В качестве таких дестабилизирующих факторов могут выступать: 1) перегруженность раздражителями (например, различные звуковые эффекты), которые вызывают охранительное (запредельное) торможение; торможение наступает тогда, когда раздражитель достигает чрезвычайной интенсивности, что приводит не к развитию условнорефлекторного ответа, а наоборот – к ослаблению или исчезновению его; 2) напротив, полное отсутствие раздражителей (различные виды деприваций) приводит к прекращению входящего потока нервных импульсов, а следовательно, и к дестабилизации прежнего состояния сознания; 3) аномальные раздражители, то есть новые раздражители, на которые не сформированы адекватные реакции.

Состояние хаоса сменяется новым, измененным состоянием сознания, или дискретным измененным состоянием сознания (ДИСС). Возникновение нового состояния обусловлено новыми формирующими факторами: например, созерцание мандалы, ритуальные песнопения с мифо-архетипическим содержанием и т.д. Новые формирующие факторы могут одновременно выступать и как дестабилизаторы прежнего ДСС. Если новые формирующие факторы ослабевают, то прежние силы, удерживавшие сознание в базовом состоянии, снова берут верх и, ввергнув созна-

ние в новый хаос, затем возвращают его в прежнее состояние (ДСС). На этом принципе построен механизм засыпания, гипноза и медитации. Отметим также, что этот механизм используется в рекламе, политической пропаганде и религиозных проповедях. Первоначально человек находится в каком-то обычном состоянии. Но вдруг ему начинают внушать, что жизнь его в опасности («вот-вот рухнет мир», «жизнь обывателя – сплошной кошмар», «перхоть, запах пота или запах чеснока делают человека изгоем общества», «нынешние власти нещадно эксплуатируют народ» и т.д.). Стабильное состояние сменяется замешательством и паникой. Но тут человеку предлагается «спасение» от того «катастрофического» положения, в котором он оказался. Вступают в силу новые формирующие факторы: преданное служение некому божеству, чудодейственная технология, новый шампунь, «наша» партия и т.д. Если эти факторы оказываются достаточно устойчивыми, сознание человека перестраивается и он начинает видеть мир по-другому.

Ритуал трансформации сознания и тела характерен не только для шаманизма и классической йоги. Осуществленный Иисусом Христом переход из смерти в жизнь открывает его ученикам мистериальный путь обретения нового, нетленного тела и сакрального бытия. Вот подлинная суть религиозного процесса смерти и возрождения (воскресения). Переход из одного типа существования в другой – это и есть «смерть-возрождение». Причем воскресение не есть лишь простое обновление старого. Это действительно обретение нового тела и нового бытия. Этот процесс имеет силу в обоих направлениях. Так, с грехопадением человечество умерло в тот же день, лишившись плоти эдемской и получив «одежды кожаные» и проклятую землю. Глаза, которые открылись у Адама и Евы, в данном контексте можно истолковать как новый взгляд на мир. И хотя этими же «глазами» обладает и Бог, все же человек не видит многого другого. Именно поэтому Бог не хочет, чтобы люди «закрепились» в этом состоянии, вкусив от «древа жизни».

Через инициацию происходит кардинальная перестройка всего бытия неопита – духовная, телесная и ментальная («метанойя»). Вместе с радикальной перестройкой тела и ума возникает и новый сакральный мир. Рождение свыше, вхождение в священный коллектив, в число избранных, святых – вот результат смерти для профанного мира. Прижизненная инициация – необходимое звено в трансцендировании в Сакральное, в переходе от «ветхой твари» к «новой». При этом меняется не только психологический статус посвящаемого, но и онтологический. Новое бытие подразумевает то, что рамки прежних воспринимающих способностей и прежняя категориальная «сетка» разрушаются, уступая место трансцендентному восприятию и уму. Радикально меняется и тело. Вместо посюстороннего тела в результате ряда трансформаций появляется «мистическое тело».

Человеку, «схваченному» пространством-временем, будничная реальность порой становится невыносимой. Тогда он начинает искать выход. Квинтэссенция таких явлений культуры и контркультуры, как романтизм, декадентствующий символизм, экзистенциализм, рок-музыка, движение «детей цветов» 1960-х гг., – неудовлетворенность человеческим бытием, боль и страдание мира живых существ. Визионерские опыты альтернативных реальностей, психопрактики Востока, буддизм, индуизм, неоплатонизм, манихейство, психоделические эксперименты, трансперсональная психология и т.д. – все это разные (а порой не такие уж и разные) ответы на крик о помощи, на жажду Сакрального, на ностальгию по вечной Родине, тоску по Золотому Веку. Человек стремится не столько к вечности, к сохранению и преумножению того существования, что он имеет сейчас, сколько жаждет вырваться из такой вечности, из этой свидригайловской бани, закоптелой и с пауками по всем углам. И не существенно, как называют эту баню – сансарой, миром под властью «князя мира сего», плодом пленения света мраком или «тошнотой», Dasein; принципиально здесь то, что человеку тесно в этом мире, в этой неправде и неполноценности, то есть в мире отсутствия целостности, холистичности.

Как понятно из сказанного выше, любые психопрактики по существу практики психосоматические. Взаимодействие «души-тела» – инструмент трансформации сознания. И поскольку главной составляющей человеческого тела является головной мозг, оказывается, что центральная нервная система является неотъемлемым участником любой техники изменения сознания. Мистики разных времен, независимо от того, как они относились к своему физическому телу (предпочитая аскезу и отречение от тела или занимаясь осознанным преображением тела в йогических и алхимических трансформациях), работали над перенастройкой своей нервной системы. Парадокс заключался в том, что кажущееся пренебрежение телом, «угашение плоти» превращались в мощное воздействие на мозг и его программирование (пост, ночные бдения, вериги и т.д.), а мозг, как это уже отмечалось ранее, – главная составляющая тела и нервная система в целом тоже сома. Вместе с тем внимание к телу в других случаях (йога Патанджали, тибетская и даосская йога и т.д.) также было и отречением от посягательства на тело.

Проще говоря, во всех случаях целью было такое воздействие на ЦНС, которое отключало мирские биовыживательные программы и позволяло получить религиозный, то есть трансцендентный опыт. Часто случалось так, что получив такой опыт, люди переосмыслили свое физическое существование и изменяли к нему отношение. Они озарялись, что мир не так уж плох (и более того, он прекрасен), если посмотреть на него с другой стороны, из другого измерения, в другом состоянии сознания. Ведь нирвана и сансара лежит в одних границах, а лучше сказать – в одном безграничном. Архаические народы, имевшие эффективные инстру-

менты для осознанного воздействия на мозг, обладая техникой направленных измененных состояний сознания, переживали необыкновенную и невыразимую радость и благоговение перед прекрасными трансцендентными мирами, открывающимися им. Архаические техники экстаза, позволяющие выйти за пределы повседневного «Я», подняться над скукой и давящей пустотой профанной реальности, органически влились в такие религии, как, например, буддизм и христианство.

Однако любая религия со временем склонна вступать в союз с биовыживательным истеблишментом, что в итоге приводит к их омертвлению и формализации. Явление неоархаики в XX в. – это своеобразный выход за пределы ригидных, омертвелых схем. Научно-техническая революция не охладила интереса к мистицизму. Об это свидетельствуют как массовые паломничества в Индию, Непал, Китай, Мексику и Африку, так и большой спрос на тибетскую медицину, акупунктуру, знахарство и т.д. Полевые исследования антропологов древних культур Юго-Восточной Азии, Африки и Центральной Америки, их ритуалов, космогонических концепций, целительских практик и взаимоотношений с природой изменили общепринятые представления о древности. Так называемые «примитивные общества» не являются ни первобытными, ни «детскими». Конечно, в некотором смысле мы можем назвать религиозные переживания архаики «детскими». В данном смысле уместны слова Иисуса Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

И когда в результате специфических воздействий на ЦНС по-новому открываются глаза человека, мир земной жизни, в котором хищнический стиль выживания – основа существования, вдруг трансформируется в царственный танец, космическую игру Абсолютной реальности. В других случаях человек может интерпретировать свой мистический опыт как встречу и единение с Богом, причем независимо от того, как он истолкует свои переживания. В любом случае главное – это трансцендирование в Сакральное. После получения такого личного опыта человек зачастую начинает вести более этичную и экологичную, более осмысленную и яркую жизнь.

Таким образом, мозг играет весьма существенную роль в религиозном опыте. Мозг – это средство для обеспечения выживания в мире земной жизни. Мозг фильтрует поток восприятий и производит настройку сознания на специфическую реальность. Но если мозг подвергается специфическому воздействию, это вызывает ощущение расширения сознания, выхода за границы обычной реальности, а также приводит к пониманию неизреченности своего опыта, то есть к осознанию невозможности адекватного выражения религиозного опыта на чувственно-рациональном уровне. Конечно, вполне можно согласиться с точкой зрения, что глубокий мистический опыт, откровения, любые религиозные чувства – лишь эпифеномен возбужденного в специфических зонах мозга. Однако с

другой точки зрения эффекты воздействия на мозг могут свидетельствовать и о том, что химическое и электромагнитное воздействия выводят мозг из привычного режима, что, собственно, и позволяет сознанию обрести некоторую свободу в отношении физической реальности и собственной объективации в ней.

¹ Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного / Е.А.Торчинов. – СПб., 1998. – С.12.

² Лилли, Д. Программирование и метапрограммирование человеческого биокомпьютера / Джон Лилли. – Киев, 1994.

³ Лилли, Д. Центр циклона. Рам Дасс. Зерно на мельницу / Джон Лилли. – К., 1993. – С. 97.

⁴ Друри, Н. Трансперсональная психология / Н.Друри. – Львов, 2001. – С. 147.

⁵ Торчинов, Е.А. Указ. соч. – С.67.

⁶ Ван Геннеп, А. Обряды перехода / Арнольд Ван Геннеп. – М., 1991. – С.15.

Нескрябина О.Ф.,

доктор философских наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В МЕДИАПСИХОЛОГИИ

Понятие «медиапсихология» (МП) обобщает психические процессы, включенные в работу, когда человек выступает в роли субъекта восприятия и объекта воздействия средств массовой информации. В силу целостности психики и вездесущести масс медиа, можно утверждать, что в сферу медиапсихологии попадают все психические свойства, процессы и состояния.

МП является средой, где проявляется и формируется образ человека и человечности. Научный и практический интерес представляют темы: какие взгляды на сущность человека бытуют в СМИ, в какой степени они основаны на научных данных и насколько осознаны и взаимосогласованы. Можно предположить, что по всем этим позициям психология медиа отстает от психологии научной, что нормально. Желательно, однако, чтобы разрыв между обыденным и научным знанием не увеличивался, а сокращался.

Люди не всегда понимают, какой вывод следует сделать из принятого ими общего утверждения. Человек часто не знает, каких решений требует от него принятая идейная позиция – христианская, демократическая, патриотическая и пр. Это верно и в отношении мнения о природе человека. Обыденное сознание по определению менее системно и последовательно, чем научное. Нередко человек искренне думает, что все

люди одинаковы, и при этом уверен, что он ни за что не будет так себя вести в каких-то обстоятельствах.

Если теоретик считает, что человек есть существо социальное, то можно догадаться, как он решает вопрос о, скажем, воздействии СМИ на уровень агрессии в обществе. Сложнее обстоит дело с мышлением медиасообщества, в нем соответствие между общей идеей и выводами из нее менее определено. Общие понятия, такие как «ответственность», «объективность», «информационная безопасность» и др., по-разному понимаются и соответственно этому пониманию используются для обоснования и оправдания определенной информационной политики.

По мнению специалистов, в отечественных СМИ культивируется сниженный образ Человека. Это и понятно, если учесть господство масскульта в медиапространстве. Складывается парадоксальная ситуация: человек эпохи высоких технологий представляется существом, движимым по большей части низменными инстинктами. Судя по медиапродукту, который предлагают потребителю, его считают прагматичным и иррациональным, любящим сплетни и скандальные истории. Снижение образа человека и человечности служит оправданием низких стандартов медиакультуры.

Природа человека (ПЧ) противоречива, поскольку вбирает в себя все человеческое разнообразие. Человек и рационален и иррационален, и свободен и зависим и т.п. Различные психологические теории отражают какую-то часть человеческой сущности.

В труде «Теории личности» Л.Хьелла и Д.Зиглера основные положения о природе человека представлены в виде девяти пар понятий. Каждая пара образует биполярную шкалу. Эти шкалы (или позиции, или измерения) относительно самостоятельны, так как содержание каждой из них частично перекрывается другими.¹

Авторы создали данную схему для сравнительной оценки различных психологических концепций. Теории личности отличаются друг от друга тем, к какому полюсу по этим позициям они тяготеют. Мы используем эту схему с иными целями, что оправдывает вмешательство в ее содержание. Рассмотрим основные свойства ПЧ и то, как они представлены в медиапсихологии. Начнем с позиции: «детерминизм–свобода».

Вечная загадка человеческой природы – наличие свободы воли. Если люди обладают свободой выбора, значит они ответственны за свои поступки. Свобода подразумевает способность людей преодолевать воздействия окружающей их среды. Детерминистски ориентированные концепции утверждают зависимость сознания и поведения человека от объективных факторов. Это могут быть условия воспитания или наследственность, опыт ранних лет жизни или биологические мотивации. Все обстоятельства не поддаются учету, но если они известны, то мысли, чувства и поведение человека можно предсказать, считают те, кто отрицает свободу воли.

Иная формулировка темы свободы звучит так: является ли наша психическая жизнь реакцией на внешние стимулы, или причины происходящих с нами событий лежат внутри нас? В последние десятилетия по-

пулярно понятие «локус контроля». Внутренний локус контроля означает, что личность признает себя причиной своей деятельности, внешний – выносит ответственность в социальную среду. Внутренний локус контроля соответствует высокому уровню субъективного контроля.

Проблема уровня субъективного контроля не решается альтернативным способом: либо свободен, либо зависим. Та и другая возможность проявляет себя своеобразно у разных людей в разных ситуациях. Здесь (как и в других случаях) заявляет о себе индивидуальность как свойство человеческой природы.

Уровень субъективного контроля масс-медиа противоречив. Журналистам свойственно подчеркивать зависимость аудитории от СМИ в одних случаях и перекладывать ответственность на публику – в других. В медиапсихологии присутствуют два убеждения. Первое: СМИ создают установки восприятия (стереотипы), потом сами же «находят» их у своей аудитории и оправдывают свою информационную политику тем, что должны отражать интересы публики. Второе: содержание медиа зависит от вкусов публики. Действительно, благодаря рейтингам «как никогда четко выявились предпочтения аудитории»². Любимый аргумент, который приводится для оправдания информационной политики: «мы показываем людям то, что они хотят смотреть».

Отношение «СМИ – аудитория» представляет собой систему с обратной связью. Что на что влияет в большей степени или какое причинное направление первично – в общем виде эта задача не имеет решения. Практически важно то, что зависимость СМИ от рейтингов означает ориентацию на усредненные вкусы и не создает мотивацию на развитие запросов ни у создателей, ни у потребителей медиапродукции.

Следующая позиция в комплексе «ПЧ» – «объективное–субъективное». Смысл этой шкалы можно выразить дилеммой: что определяет поведение индивида, его внутренние субъективные предпочтения или объективные условия существования? Как известно, назначение психики состоит в том, чтобы быть инструментом ориентации в мире. Но, с другой стороны, в ней присутствует не только отражение внешней и внутренней среды. Символизация, метафоризация, репрезентация – все это неотражательные операции. Не говоря уж о функции оценки и целеполагания.

Объективная подача информации – основная задача СМИ, но журналист – человек и не может отрешиться от собственных представлений о том, что и как сообщать публике. Совершенно необходимая профессионалу уверенность в своей объективности может обернуться противоположностью – субъективизмом.

Так называемый «онтологический аргумент» в системе доказательств бытия бога основан на убеждении, что человек не может придумать или вообразить нечто, что никак не связано с его восприятием. Как говорится, нет дыма без огня. Все наши фантазии являются переработкой впечатлений. Из чего религиозное мышление делает вывод, что об-

разу бога соответствует реальный прообраз. Данная идея недооценивает творческий характер восприятия.

Нередко уверенность человека в том, что чувства его не обманывают, является единственным аргументом в пользу реальности какого-то явления. Но, учитывая фантазийность психики человека, не стоит слишком доверять этому аргументу. Однако наши СМИ склонны доверять свидетелям. «Я видел» – это утверждение вполне серьезно выдается за доказательство во многих телевизионных программах, рассказывающих о всякого рода аномальных явлениях.

«Рациональное или иррациональное» – эта оппозиция тесно связана с предыдущей. В основе измерения «рациональность–иррациональность» лежит вопрос о том, в какой степени сила нашего разума способна оказывать влияние на наше поведение? Являемся ли мы разумными существами, или людьми движут неосознаваемые ими силы?³ Иррациональное начало проявляется в случаях, когда разум подчиняется эмоциям, за которыми стоят мотивы. Многочисленные психологические защиты – это иррациональная часть нашей индивидуальности.

«Иррациональное» – не совсем то же самое, что «неосознаваемое». Если человек не осознает мотив какого-то своего поступка, это еще не значит, что причиной тому являются какие-то «глубинные мотивации», «комплексы» или еще что-то столь же загадочное. Мотив может не осознаваться просто потому, что человек не задумывается о нем. Что им тогда управляет? Часто нами руководят ситуативные стимулы. Скажем, если репортеру в редакции дали задание, то какие нужны еще специальные мотивы, кроме того, что человек понимает, что он обязан выполнить свою работу. Мотив был, когда он выбирал место работы. И этот мотив мог быть неосознаваемым и может оставаться таким. Например, некоторые не хотят сознаваться в том, что главным их стимулом является жажда популярности. Такого рода бессознательность залегает не глубоко. При желании можно задуматься о своих устремлениях и понять, что движет поведением на самом деле во всех тех случаях, когда человек говорит: «у меня интересная работа».

Одно дело, когда кто-то просто не хочет думать о себе и другое – когда размышление есть, но оно алогично и предрассудочно, в результате чего человек приходит к далеким от реальности, а порой и к совершенно фантастическим выводам. Это пример иррационального сознания.

Иррациональным может быть поступок. Оценка деяния как иррационального очень весьма относительна, поскольку нет возможности оценить все последствия альтернативного поведения. Иррациональное поведение не всегда деструктивно, а рациональная адаптация может привести к странным последствиям. Одна из причин, по которой человек подчиняется социальному влиянию, состоит в том, что он не может ра-

зможно себе объяснить, почему другие люди соглашаются подчиняться и чем его положение отличается от положения этих других.

Иррациональное проявляется неслучайными сбоями в работе когнитивной сферы. Иррациональное мышление склонно к сверхобобщениям и преувеличениям; оно акцентирует внимание на негативном содержании и игнорирует позитивные моменты; оно склонно к произвольным выводам, «а ситуация оценивается как личностно значимая, даже когда не имеет для субъекта никакого значения»⁴.

В СМИ есть тенденция акцентировать иррациональное. Она проявляется в мифологизации бессознательного, в распространении неомистики, в утрате критериев объективности познания.

«В современной политической культуре российского общества доминантное значение начинают приобретать так называемые архетипы коллективного бессознательного. Один из сильнейших архетипов подобного рода – образ врага» – пишет С.Ф.Лисовский.⁵ «Образ врага» действительно популярный архетип современных СМИ, но почему он относится к бессознательному? Концепция архетипов коллективного бессознательного К.Г.Юнга подверглась критике за то, что культурные феномены, подобные архетипам, автор считал проявлением бессознательного без достаточных на то оснований. Люди, прибегающие к образу врага, не осознают своих мотивов – это другое дело.

Тенденция видеть бессознательное там, где его нет, дополняется противоположной. Стремление воздействовать на людей провоцирует рациональный подход к человеку. Рационализм представляет собой уверенность, что можно все познать и предвидеть, что существует решение всех проблем, только оно нам до времени может быть неизвестно. Вера в безграничные возможности разума так же иррациональна, как и отрицание разумности. Есть данные, что у людей возникает иллюзорное ощущение возможности контроля случайных событий, которые не поддаются контролю по определению. Например, выбор выигрышного лотерейного билета.⁶

Иррациональное проявляется в различии между логическим и психологическим следованием. Если основание суждения, его посылки, считать причиной, то вывод из этих посылок будет следствием. Рациональность в данном случае означает признание однозначной связи между причиной и следствием. Но в реальном мышлении это правило далеко не всегда выполняется. Логическое и психологическое следование нетождественны, а безупречная логика не всегда убеждает.

Иногда приходится выбирать между логикой и прагматикой в решении проблемы, связанной с гуманистическими ценностями. Если нет возможности однозначно ответить на вопрос об отношении между демонстрацией насилия в СМИ и ростом агрессии в обществе, то решать надо с позиции наименьшего зла. Автор одной заметки сетует на неопределенность научных выводов о воздействии ТВ: «и влияет и не влияет на ребенка телеви-

зионное насилие – такой не очень внятный вывод делает наука»⁷. Понятна ирония, но не вина науки, если такова реальность. В данном случае не реальность как таковая, а объективные ограничения ее научного анализа. Психика нередко оказывается в ситуации неопределенности. В таких случаях действует правило соотношения выигрыша-проигрыша при принятии решения. В какую сторону лучше ошибиться: если мы примем, что теле-насилие оказывает негативное воздействие, или если будем считать, что такого воздействия нет? Разумнее принять первое допущение.

Во все времена у людей существовала иллюзия, что с помощью каких-то магических сил можно влиять на ход событий. И в наше время многие разделяют веру, что можно предложить человеку такую стратегию отношения к себе и миру, которая избавит его от чувства нереализованности и неполноты бытия.

Из коллизий объективного–субъективного, рационального–иррационального проистекает нетривиальность вопроса: познаваема ли природа человека, или в нем есть нечто превосходящее потенциал научного познания.

Существует мнение, что непознаваемость и непредсказуемость человека преувеличены, поскольку люди действуют в соответствии со своими интересами. Исходя из анализа объективной ситуации, можно понять, в чем будет состоять интерес субъекта социального действия, считают некоторые исследователи. Это рассуждение относительно верно, если речь идет о крупномасштабных событиях, где действуют массы людей и проявляется закон усреднения. Но для того чтобы понять какую-то отдельную социальную ситуацию, нужно учесть индивидуальные решения, предсказать которые чаще всего не удастся. Непредсказуемость является реальным фактом повседневной жизни. Часто ли можно услышать в новостях или в аналитической программе, например, такой оборот речи: «как было предсказано таким-то аналитиком (политиком, обозревателем и т.п.), это событие произошло». Вряд ли будет ошибкой сказать, что в мире происходит гораздо больше событий, которых никто не предсказывал.

Элементализм–целостность (холизм) – одно из самых сложных измерений человеческой природы. Какая из противоположностей характеризует человека? Согласно холистическому подходу, личность можно понять только в качестве целостной сущности. Сторонники элементализма доказывают, что понимание поведения человека может быть достигнуто только посредством детального анализа его составных частей. Идея целостности имеет массу подтверждений для самых разных проявлений человеческой активности. Например, экспериментально установлено, что способы организации субъектом своего восприятия, или перцептивные стили, есть часть более сложного комплекса индивидуальных свойств, включающего когнитивные, эмоциональные, мотивационные и личностные переменные.⁸

По-видимому, обе позиции должны дополнять друг друга, так как человек представляет собой сложную систему, а в понятие сложности включается относительная независимость элементов от целого. И это тоже экспериментально подтвержденная идея.

Различные личностные структуры имеют разный генезис и в разной степени интегрированы в целостность. Относительно самостоятельный вклад в индивидуальность вносят такие образования, как темперамент, когнитивные способности, потребности, эмоции, свойства характера, убеждения. Причина поведения, а значит, и его объяснение могут находиться на разных уровнях личности и в разных ее подструктурах.

Рассмотрим, как позиция целостности–элементализма представлена в медиадискурсе. Возьмем для примера «адреналиновый аргумент». Стало общим местом объяснять поведение участников и зрителей экстрима деятельностью гормональной системы. «Зрители получили заряд адреналина» – сказал телеведущий о корриде (7 канал «Новости», 9.09.05). Такие же комментарии можно услышать по поводу прыжков с парашютом, восхождений и т.п. Они не ошибочны, а пусты, поскольку ничего не объясняют. Смысл экстрима состоит вовсе не в выбросе адреналина. Этого результата можно достичь гораздо более легким и безопасным способом. «Адреналиновый аргумент» работает в тех случаях, когда переживание страха является самоцелью, как при просмотре очередного «ужасика». Иное дело – стремление к риску. Смысл экстремального спорта не в переживании страха, а в его преодолении. Победить мощнейший инстинкт самосохранения, ощутить власть над собственным телом, испытать самоутверждение – этот комплекс в эстетике называют «возвышенным», или «вдохновением». Спорт и искусство – два вида деятельности, принадлежащих одному роду – роду творчества. Что не исключает присутствия и иных, прозаичных мотивов, таких как известность, внимание, наконец, деньги. Разные люди совершают похожие поступки, наполняя их собственным индивидуальным смыслом.

Элементализм означает множественность источников индивидуального разнообразия. Следовательно, существует несколько возможностей объяснения поступка.

Оппозиция «целостность–элементаризм» выражается отношением биологического и социального в человеке. Предопределено ли поведение человека биологически или определяется социальными условиями? Этот вопрос многие сотни лет занимает умы теоретиков и практиков. Сейчас большинство исследователей придерживаются точки зрения, что природа человека представляет собой единство биологического (природного) и социального (культурного). Но смысл и значение этих факторов видится во многом по-разному.

Человеческое биологическое (точнее специфика природной организации человека) обеспечивает его социальность. Это звучит вполне тривиаль-

но на уровне общего суждения, но не ясно в отношении многих конкретных процессов. Биологическое присутствует в нас актуально, оно не снято культурой когда-то в филогенезе и не подавлено социализацией в онтогенезе. Борьба этих начал идет во все периоды жизни индивида, изменяется ее конкретное содержание и интенсивность. Исход этой борьбы тоже не одинаков.

Мера социальности является индивидуальной характеристикой, и у разных людей она разная. Социальность человека есть «производное» темперамента, когнитивных способностей, воздействий среды и собственной воли личности. Важный показатель личностной зрелости – умение человека управляться со своим темпераментом. Своеволие темперамента свидетельствует о дефиците социальности. Хорошо, если при этом в темпераменте не слишком выражена агрессивность и эмоциональная возбудимость. Тогда последствия не столь серьезны. Если же низкий самоконтроль сочетается с высокой агрессивностью – это опасно.

В последнее время в СМИ (отечественных и не только) стала актуальной тема насилия в семье. В статье «Кукла для битья» Л.Полонская пишет: «подлинные причины домашнего насилия – вовсе не пересоленный обед или невыглаженная рубашка, а желание удержать контроль и власть над супругой, пожелавшей остаться личностью»⁹. Верно подмечено, не так все просто с причинами семейной агрессии. Развивая тему истоков, автор пишет: «Из поколения в поколение передавался патриархальный уклад жизни, согласно которому мужчина – глава семьи...». А вот это, часто встречающееся рассуждение, вызывает желание возразить. Как же быстро исчезает патриархальный уклад в иных житейских сферах, почему же не все и далеко не лучшее передается из поколения в поколение!

В советские времена все пороки общества объяснялись двумя способами. Они объявлялись либо тлетворным влиянием запада, либо наследием прошлого и назывались пережитками. (Надо заметить, что оба эти аргумента – «пережиток» и «происки врагов» – популярны и в постсоветских СМИ.) Явления «переживают свое время» по той причине, что выражают устойчивые свойства человеческой природы. В подавляющем большинстве случаев жертвами домашних истязаний становятся женщины, и этот факт имеет банальное объяснение. Большая агрессивность и большая физическая сила – природные свойства мужского пола. Из этого конечно не следует, что семейное насилие неискоренимо. Культура (социальность) для того и появилась когда-то, и существует сегодня, чтобы контролировать биологическую часть человеческой целостности.

Оценка какого-то свойства как высшего или низшего довольно условна, что проявляется в судьбах некоторых выдающихся личностей, соединявших креативность с психопатией. Соседство гениальности и безумия не является правилом, однако это и не единичная аномалия.

Гомеостаз – гетеростаз – еще одно измерение природы человека. Гомеостаз означает внутреннее равновесие, гетеростаз – выход за пределы устойчивого состояния. В данном случае имеется в виду мотивация

поведения. Движет ли человеком стремление сохранить внутреннее равновесие, или он направлен на поиск новых стимулов?

С этим измерением тесно связана шкала: «изменяемость-неизменность». Способны ли люди меняться на протяжении своей жизни или мы находимся в плену характера, который формируется не нами, а средой и наследственностью? Возможны ли такие изменения, которые происходят по воле самой личности, а не вызваны гормональными сдвигами или поражениями мозга? Теоретики гетеростаза считают, что основной мотивации людей является непрерывный поиск личностного роста и самореализации. Они не принимают постулат фрейдизма, согласно которому поведение взрослого является следствием пережитого в детстве. По их мнению, человек свободен от своего прошлого, он может изменяться на протяжении всей жизни.

Это мнение тоже одностороннее. Скорее всего, люди не одинаковы и в этом отношении. Индивидуальность человека выражается в том, какой полюс ему ближе гомео- или гетеро-, неизменность или саморазвитие. Многие выбирают стратегию снятия напряжения, наименьшего сопротивления, попросту – лени.

Ответственная культура (светская и религиозная) придерживается правила недопустимости провокаций в отношении человека. В нашей природе есть склонность выбирать то, что дается меньшими физическими и психическими затратами. Например, проще удовлетворять потребность в самоутверждении не возвышая себя, а унижая других. Лень и цинизм представляют собой вариант, требующий меньших затрат, чем личностный рост. При определении информационной стратегии медиа следует учитывать эту особенность природы человека. Люди склонны к тому, чтобы потакать своим слабостям, с другой стороны, они способны к личностному росту. Следовательно, нужно создавать препятствия на пути деградации и направлять, а то и заставлять делать выбор в сторону развития.

Рассмотренные измерения природы человека проявляют глубинные свойства человеческого организма и психики как его части. Но в этих измерениях не заложены смыслы жизни и не определены главные ценности. Для понимания медиапсихологии нужен анализ содержания мотивации и убеждений. Определяется ли поведение человека эгоцентрическими мотивами или же интересы других людей могут быть для него столь же важными и близкими, как и личные, – вот самая глубокая суть проблемы человеческой природы. На этот вопрос требуется такой же индивидуализированный ответ, как и в отношении всех иных глубинных человеческих качеств.

Параметры природы человека, о которых говорилось выше, представляют собой шкалы, где каждая часть антиномичной пары является экстремумом. Человеческие индивиды располагаются на этих шкалах каждый в своем месте, ближе к одному из полюсов или посередине.

Кривая распределения на этих шкалах, видимо, подобна нормальному гауссовскому распределению. Значит, чем ближе к середине между

полюсами, тем большее количество людей «занимают это место». Крайние точки шкал отражают границы нормы, за пределами которой находится область патологии.

Образ шкалы является теоретическим конструктом, так как не существует способа измерить уровень рациональности человека или меру его целостности. Не для того существует концепция природы, чтобы измерять людей на степень человечности. Суть в том, что людям присущи некие фундаментальные свойства, в отношении которых индивидуальный разброс столь велик, что на вопрос «какова природа человека?» мы получаем ответы, как говорится, «с точностью до наоборот». Поэтому предельные обобщения о человеке выражаются в виде противоречия. Образ биполярной шкалы отражает эту противоречивость. Человек вообще, то есть человеческий род, представляет собой единство биологического и социального, индивидуального и социального, рационального и иррационального и т.п.

Не только общие рассуждения о природе человека, но и суждения о конкретных ее проявлениях зачастую требуют противоречивой формы выражения. В одном человеке уживается конформизм и нонконформизм, критичность и доверчивость, вера и безверие и прочее, и прочее.

Природа человека характеризуется индивидуальным разбросом. Но нельзя сказать, что она различается в разных культурах, в разные исторические эпохи. Природа человека если и меняется с историческим временем, то не столь заметно. А культура очевидно изменчива. При этом мы говорим, что культура меняет человека. Что и как меняется в людях под воздействием культуры – проблема, которую решает гуманитарное знание не одну сотню лет.

Соотношение индивидуальной и культурной изменчивости проявлено в различии западной и восточной культур. В беседе с ведущим программы «Разночтения» («Культура», 22.09.06) китайская писательница Шань Са на вопрос о том, отличается ли, по ее мнению, восточная литература от западной, сказала: «Да, это две противоположные традиции». Китайская проза рисует внешний контур, а внутри лица пусто. Так в живописи, так и в литературе. Писатель не прорисовывает внутренний мир, он описывает поступки. А на Западе, внутренний мир – главное. Она сказала, что любит Достоевского и что сама старается писать, опираясь и соединяя обе традиции.

Из этого свидетельства следует, что при всей разнице подхода к индивидуальности двух культур для заинтересованного сознания между ними нет непроходимой грани. Можно понять, принять и пользоваться чужой культурой. Эзотерику Востока исповедуют на Западе и у нас довольно много людей. К сожалению, восточная мистика в отечественных СМИ представлена в основном масскультом.

Из беседы с писательницей можно вывести следующее: если восточный автор не прорисовывает внутренний мир, из этого совсем не

следует, что этого мира нет, или что он не интересует людей Востока. Из этого следует только то, что традиции художественной культуры различаются вниманием к разным сторонам человеческой души. Если оптимист и пессимист по-разному судят о том, полна бутылка или пуста, то содержание бутылки остается при этом одним и тем же. Различия культур проявляются в отношении к какому-то явлению, далеко не всегда изменяя сами эти явления.

Ценность, культивируемая в каком-то обществе, проникает в структуру личности индивидов на «разную глубину». Степень овнутрения культурной нормы варьируется в зависимости от конкретных условий социализации и от индивидуальных качеств, врожденных и самостоятельно сформированных данной личностью. Сказанное относится и к воздействию на личность информационной среды.

Западная мифологема судьбы или божественного провидения и восточная карма – они, при всем их идейном и образном своеобразии, одинаково воздействуют на отношение к жизни и поведение людей, если эти индивиды сходны по своим личностным качествам.

Представители западной культуры не намного более самостоятельны в своих решениях, чем представители восточной культуры. Западный человек, если он индивидуальность, имеет больше возможностей, больше степеней свободы. Состояние социума, его нормы и духовные традиции, обеспечивает объективные условия для проявления личности.

Различия в психологии и поведении людей существуют, но они количественно не такие большие. Образы человека восточной культуры и человека западной культуры создаются за счет небольшого численного перевеса. Это важный момент, который следует иметь в виду, рассуждая о русской культуре, русской душе и т.п.

Культура одобряет что-то или не одобряет. Можно внешне соглашаться с какой-то идеей и при этом не следовать ей в оценках и поступках. Культурная ценность или норма – это еще не потребность личности и не черта характера.

Итак, во-первых, идеи культуры можно по-разному понимать. Чем более общий характер имеет культурная ценность, тем больше истолкований она допускает.

Во-вторых, нормы культуры можно умом принимать, но им не следовать. Всегда и везде было немало людей, у которых расходились между собой разум, чувства и воля. Выше говорилось о том, что люди отличаются друг от друга степенью целостности своей личности.

В-третьих, человек может соблюдать требования культуры, конформистски им подчиняясь. Это означает соблюдение норм при внутреннем сопротивлении. Тогда при первой же возможности люди отказываются от старых идей и привычек. Социальное лицемерие – важное свойство человеческой природы и культуры.

Мотивация поведения человека – может быть, самая важная структура психики, потому что мотив – это то, что движет поведением. И хотя мотивация давно и пристально изучается разными науками (кроме психологии, ей занимаются: анатомия и физиология, педагогика и психиатрия, экономика и криминология и др.) многое в этой сфере нам еще не понятно.

В учебной психологической литературе, в учебной литературе по рекламе и пиару популярна теория мотивации А.Маслоу. По его теории, мотивационная сфера состоит из потребностей. По сути, смысл терминов «мотив» и «потребность» почти одинаков. Систему потребностей автор представил в виде пирамиды. В ее основании лежат физиологические или витальные потребности. Выше находится слой потребностей в безопасности. Затем идут социальные потребности в любви, внимании, принадлежности к группе. Над этим уровнем находятся потребности в самоутверждении. Последняя ступень пирамиды – потребность в самоактуализации.

А.Маслоу считает, что удовлетворение потребностей более низкого уровня является условием удовлетворения вышележащих уровней. Вот этот момент вызывает много недоразумений. Можно подумать, что люди сначала должны насытить свои физиологические нужды, а потом только актуализируются высшие мотивации. Это только отчасти верно. Во-первых, база есть база, она всегда остается на своем месте. Физиологические потребности сохраняют свою важность, изменяясь с возрастом, с ростом экономических возможностей и т.п. Если человек не аскет, конечно. Во-вторых, потребности в безопасности являются условием обеспечения физиологических нужд. Люди всегда были вынуждены охранять свою экономическую деятельность. Значит, потребность, находящаяся на более высокой ступени, является основой для удовлетворения «нижележащего уровня». В-третьих, за счет объединения с потребностями самоутверждения витальные потребности становятся ненасыщаемыми. Это престижное потребление, ныне называемое «гламуром».

С другой стороны, физиологические потребности, обеспечивая безграничное потребление, сами по себе не обеспечивают мотивацию достижения. Ошибаются те, кто считает, что все дело в зарплате, что от вознаграждения зависит стремление человека лучше работать.

Пирамида потребностей А.Маслоу – образ крутой лестницы, по которой трудно и опасно взбираться вверх. Не будет ошибкой сказать, что пирамида-лестница – архетипический образ. Египетские пирамиды символизируют восхождение к божеству. По лестнице потребностей до вершины доходит только небольшой процент людей, считает А.Маслоу. Он называет таких людей «самоактуализирующимися личностями».

В пространстве медиа имеют хождение несколько ошибочных суждений, касающихся сферы мотивации. Пожалуй, главная ошибка – это некорректные обобщения. «Все люди любят смотреть...», «все хотят знать о...» и т.п. суждения игнорируют индивидуальность человека.

Другой тип ошибки – неразличение эмоций и мотивов. Мотив по определению связан с действием, поскольку мотив есть то, что инициирует и направляет поведение. Эмоция сама по себе мотивом еще не является. Если человек испытывает невольное и мимолетное чувство радости при виде чужой неудачи, это, конечно, неэтично. Культура не поощряет такие чувства. Однако это часть нашей природы, ее низменная биологическая часть, которой надо стесняться, только если человек не может или не хочет с ней бороться. Тогда с ним действительно что-то не так.

Третий тип ошибки – когда суждение о личности выносится на том основании, что данный человек испытывает какую-то потребность. Это еще ничего не значит, или значит только то, что «ничто человеческое ему не чуждо». Индивидуальность проявляется в ситуациях выбора. «Все люди любят деньги» – допустим, что все. Но один при этом выбирает работу менее оплачиваемую, но более интересную, а другой идет туда, где больше платят. «Все люди любят почет и уважение» – опять-таки допустим, что все. Но один ради самоутверждения готов отказаться от любви и от семейного уюта, а другой предпочтет карьерной суете ослабленный образ жизни. Мотив конкретного поведения является обычно результатом выбора. Мотив раскрывает структуру потребностей данного человека или, что то же самое, иерархию его ценностей.

Выбор зависит и от объективных условий. Если кому-то недоступно некое благо, он неосознанно запускает в действие свои психологические механизмы защиты. Человек старается не смотреть в ту сторону, где лежат недоступные для него вещи. Это психологическое правило «мотивационного барьера» действует не во всех ситуациях.

В психике сосуществуют разные свойства и тенденции, которые могут дополнять друг друга, а могут конкурировать между собой. Какое из свойств окажется сильнее и проявится в данном случае – это часто невозможно предсказать.

Любопытный пример с точки зрения психологического анализа представляет собой обсуждение в СМИ темы гламура. На наш взгляд, в этом дискурсе проявляются основные ошибочные суждения о мотивах человека. 14 июня 2007 г. в программе «Культурная революция» (канал «Культура») тема была заявлена примерно в такой формулировке: «Гламур разрушает гражданское общество в России». Оппонировал этому мнению редактор одного глянцевого журнала – человек из тусовки.

На критику гламура И.Петровской редактор отреагировал так: «Вы нападаете на тусовку, может быть, потому, что завидуете?». На реплику: «Гламурная тусовка злит людей» его реакция была аналогично провокативной: «Злит? И потому они все на нее смотрят?». Защитник гламура продемонстрировал несколько заблуждений. Первое, что передачи «из жизни звезд» любят смотреть все. Второе неверное суждение: если человек любит смотреть, как развлекается элита, значит, он не испытывает

к ней злости. Люди умеют любить и ненавидеть одновременно – эта амбивалентность чувств тоже не всем присуща, однако встречается часто. И третье, зависть, если она есть, что в данном случае маловероятно, ровно ничего не решает и ни о чем не говорит. Если кто-то упрекает в этом чувстве своего собеседника, то, как правило, это можно квалифицировать как прием из арсенала мелкого психологического хулиганства. Не стоит на такой упрек всерьез реагировать. И последнее. В зависимости от духовных запросов можно выбирать разный гламур. Если те, кто определяет содержание эфира, считают, что люди любят смотреть на «красивую жизнь», то пусть показывают жизнь действительно красивую.

Одна сила заставляет покупать дорогую машину, участвовать в флэшмоб-акциях, выступать на конференции и звонить на «авторадио». Бывает, что эта сила толкает на преступление. Эта сила идентична во всех случаях, но внутренне она сложно устроена. И главное, она приобретает столь разные выражения за счет соединения с другими свойствами личности и с объективными условиями. Эта сила имеет много названий: «самовыражение», «самоутверждение» и др. Смысл ее состоит в том, чтобы заметили, оценили и запомнили твое неповторимое «Я».

Потребность самоутверждения (Я-мотивация) обеспечивает энергией мотивацию достижения. Без нее человек не мог бы добиться успеха в профессиональной и всякой другой сложной деятельности, где цель и результат далеко отстоят во времени. Сильно или слабо выражена потребность в самоутверждении у данной личности – это не имеет отношения к нравственности. Объектом моральной оценки Я-мотивация становится тогда, когда личность выбирает способы самоутверждения. Выбор средств удовлетворения данной мотивации зависит от многих факторов. В их числе состояние других потребностей, а также способности, навыки и система убеждений.

Тщеславие представляет особое проявление потребности в самоутверждении. Оно присуще всем людям, хотя далеко не в равной мере. Привлечь положительное для собственной гордости внимание других – простительная слабость. Личность зрелая старается уйти от инфантильных форм удовлетворения Я-мотивации. Честолюбие можно считать «повзрослевшим и поумневшим» тщеславием.

Отношение к власти – всегда актуальная тема медиадискурса. Больше число ошибочных суждений об этом предмете связано с оценками мотивации властных отношений.

Еще совсем недавно в предвыборных компаниях применялся такой риторический ход: «давайте переизберем старых, так как они уже решили свои проблемы, а если придут новые, им надо обогащаться». В этом нехитром аргументе присутствуют две ошибки в отношении мотивации. Первая та, что все идут во власть ради наживы. Это, по меньшей мере, не точно. Власть притягательна сама по себе. Это отдельная потреб-

ность самоутверждения, она не зависит от удовлетворения других мотиваций даже у животных. Обладание материальным ресурсом обычно является средством удержания власти. Это иное дело.

В природе человека заложено желание славы, причем заложено так, что у разных людей это стремление развито в очень разной степени. Индивидуальный разброс здесь такой же большой, как в показателях способностей. Есть люди, которые не понимают даже элементарную математику, и есть те, кто находит в ней новые решения.

Вторая ошибка обсуждаемого аргумента состоит в недооценке того, что мотивация обогащения обычно ненасытаема.

Для МП особую важность имеют социальные или коммуникативные потребности личности. В широком смысле слова все потребности человека социальны в той или иной мере. Коммуникативные потребности реализуют разнонаправленные личностные тенденции. Одна из них представляет собой потребность присоединения к группе, потребность ощущать себя частью некоего целого «Мы». Другая тенденция заставляет личность самоутверждаться как индивидуальное «Я». Эти тенденции не существуют в отдельности друг от друга.

Люди это чувствуют, когда говорят, что потребность выделиться из общей массы на самом деле проявляет не свободу, а зависимость от принятых в обществе ценностей. Хотя иногда оценки самоутверждения грешат морализаторством. Все же христианская добродетель скромности глубоко укоренена в психике человека.

Хуже осознается, что и другая тенденция – «присоединение» не означает полную деиндивидуализацию. Личность проявляет свою особость тем, что выбирает общность, к которой присоединяется. Стремление чувствовать единство с группой есть у всех. Индивидуальность проявляется в том, к кому данный зритель хочет присоединяться, к обитателям «Дома 2» или к героям «Линии жизни».

Присоединение содержит двоякий смысл. Желание смотреть сюжет может проистекать из потребности соучастия по принципу близости: «это интересно смотреть, потому что это обо мне». Здесь возникает понимание и сочувствие (эмпатия) на основе сходства. Возможен другой вариант: «смотрю потому, что это другой интересный мир». Другой, но желанный. Бывает совпадение обоих смыслов: «в желанном, но другом мире нахожу что-то с собой сходное». Последний вариант – наиболее захватывающий.

Мотивация может рассматриваться с двух позиций. С точки зрения содержания и с точки зрения динамики. Содержательный аспект – это вопрос о том, чего хочет человек, динамический – как сильно его желание. Сила мотива зависит от многих условий, в частности от наличия конкурирующих мотивов. Для одного человека главное – публичность профессии, для другого важнее ее денежное наполнение, третий выбирает свободу творчества. Нет возможности точно установить, каких вы-

боров больше и как они меняются на протяжении жизни человека. Однако мы не так уверены в человечности своей природы, чтобы позволить себе снижать ее образ.

-
- ¹ Хьелл, Л. Теории личности / Л.Хьелл, Д.Зиглер. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 1997. – С. 40.
² Фомичева, И.Д. Индустрия рейтингов: введение в медиаметрию : учебное пособие для студентов вузов / И.Д.Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 13.
³ Хьелл, Л. Указ. соч. / Л.Хьелл, Д.Зиглер. – С. 42.
⁴ Либин, А.В. Дифференциальная психология / А.В. Либин. – М.: «Смысл», 1999. – С. 333.
⁵ Лисовский, С.Ф. Политическая реклама / С.Ф. Лисовский. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – С. 37.
⁶ Психология и культура / под ред. Д.Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – С. 365.
⁷ Ефремова, Т. Детский вопрос /Т.Ефремова // Литературная газета. – 2005. – № 15.
⁸ Либин, А.В. Указ. соч. – С. 92.
⁹ Полонская, Л. Кукла для битья / Л. Полонская // Литературная газета. – 2006. – № 27.

Горбач Н.А.,

доктор медицинских наук, профессор,
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Решение проблемы формирования кадров является одним из факторов экономического развития страны и повышения уровня жизни населения, поэтому кадровой политике во всех отраслях народного хозяйства уделяется пристальное внимание. Однако до настоящего времени остаются нерешенными многие вопросы в области формирования и управления кадровыми ресурсами в здравоохранении, обеспечения не только количественного, но и качественного состава кадров в целях решения актуальных задач повышения уровня здоровья населения. ВОЗ в рамках программы «Здоровье для всех в XXI столетии» сформулировала глобальные задачи, среди которых называются содействие здоровому образу жизни и развитие кадровых ресурсов.

В ведомственных документах по кадровой политике неоднократно указывалось на необходимость профессиональной ориентации молодежи, разработки критериев оценки кадрового потенциала, отбора абитуриентов, профессиональной адаптации в процессе обучения, совершенствования системы самообучения, развития и мотивации персонала к эффективному выполнению работы, сохранения здоровья медицинских кадров, создания многоуровневой системы мониторинга развития персонала.

Вместе с тем, несмотря на глубокие теоретические идеи и огромный положительный опыт в изучении отдельных параметров личности¹, профессионального самоопределения молодежи², различных аспектов проблемы адаптации³, связи процессов адаптации со здоровьем⁴, профессионально значимых качеств⁵, до настоящего времени не получило достаточного освещения научное обоснование социально-гигиенических, медико-организационных и социально-психологических подходов оптимизации системы этапного формирования кадров. Практически не исследованы аспекты формирования качественного состава кадров. Информация о разработке и об опыте внедрения информационных компьютерных систем по данной проблеме, несмотря на кажущееся многообразие, не систематизирована и не существует единой методологии их построения. В связи с этим для решения вопросов кадровой политики, сохранения здоровья и трудоспособности населения являются актуальными выявление характеристик, обуславливающих качество кадрового потенциала, разработка технологии их мониторинга и научное обоснование социально-гигиенических, медико-организационных и социально-психологических подходов оптимизации системы этапного формирования кадров.

В процессе исследования были проанализированы теоретико-методологические принципы междисциплинарного исследования личности, социально-гигиенические, медико-организационные и социально-психологические аспекты кадровой политики, разработана унифицированная автоматизированная информационная система профессионально-психологического отбора и социопсихологического сопровождения обучаемых и специалистов, изучены социально-гигиенические и психологические характеристики абитуриентов, обучаемых и специалистов, выявлены их особенности, исследованы и применены возможности нейросетевых технологий к прогнозированию успешности учебной и профессиональной деятельности, состояния здоровья обучаемых и специалистов, разработаны стратегия и тактика оптимизации системы этапного формирования кадров.

Анализ литературных источников на предмет теоретико-методологических принципов междисциплинарного исследования личности доказал необходимость применения именно системного подхода в изучении личности на всех этапах формирования кадров, особенно в периоды профессионального самоопределения и адаптации. Анализ современных концепций и технологий профессионально-психологического отбора и сопровождения, а также имеющихся наработок в различных учреждениях и ведомствах показал, что практически во всех структурах уделяется внимание психологическому отбору, в некоторых – сопровождению, в единичных – показана их роль в сохранении здоровья. Существующие подразделения, выполняющие эту работу, даже в ведомственных учреждениях находятся на этапе формирования, а во многих структурах они

вообще отсутствуют. Нормативно-правовые основы профессионально-психологического отбора и сопровождения во многом носят декларативный характер. Выявлено противоречие между необходимостью применения информационных систем отбора и сопровождения обучаемых и специалистов и отсутствием методологии их создания. При огромном разнообразии компьютерных методик, систем, программ, применяемых в области кадровой политики, колоссальных возможностях компьютерной техники до настоящего времени создание информационных компьютерных систем, охватывающих отбор и сопровождение, практически не исследовано, не существует универсального программного продукта, позволяющего оптимизировать этапное формирование кадров, включая мониторинг состояния здоровья обучаемых и специалистов.

Объектом исследования были выбраны обучаемые образовательных учреждений различной ведомственной принадлежности и специалисты практических органов как поле оптимизации системы этапного формирования кадров. Предметом исследования послужили состояние здоровья, индивидуально-типологические особенности и профессионально важные качества обучаемых и специалистов, современные технологии их оценки и мониторинга.

Методологическая и методическая сущность исследования заключалась в интеграции социально-гигиенических, социологических, психологических, организационных, статистико-математических и других методов исследования.

Эмпирическая база включала в себя абитуриентов (2866 человек), обучаемых образовательных учреждений различной ведомственной принадлежности (2209 человек), специалистов практических органов (здравоохранения – 560 человек, ОВД – 1200 человек), население (1200 человек), данные из первичных медицинских документов, включая медицинские карты (на 747 человек).

Основные методы сбора и обработки информации: социально-гигиенический, социологический, психологические тесты и методики, выкопировка данных из первичных медицинских документов, методы параметрической и непараметрической статистики, в том числе корреляционный анализ, экспертных оценок, прогнозирования, Microsoft Excel, Microsoft Access, авторская компьютерная программа и база данных, справочник которой «Сопровождение» позволяет учитывать результаты обследования по любой методике, в том числе данные о состоянии здоровья, и разрабатывать мероприятия по формированию кадров⁶; программный инструмент AcceStat-2000 «NeuroMastres»⁷.

На необходимость оптимизации системы этапного формирования кадров указывают полученные в ходе исследования данные. Социально-психологический статус кадрового потенциала характеризуется психоэмоциональным напряжением: опасением за благополучие семьи и детей

(до 65,0%), страхом заболеть тяжелой болезнью (до 47,0%), боязнью стать жертвой преступления (до 33,3%). Выявлено недоверие государственным и общественным институтам российского общества (от 15,7% органам здравоохранения до 51,0% общественно-политическим движениям), опасение произвола со стороны правоохранительных органов (до 20,6%) и со стороны руководства и чиновников (до 18,0%), $p < 0,05$. Была установлена сохраняющаяся напряженная социально-психологическая ситуация среди работников бюджетной сферы (на примере сотрудников ОВД): неудовлетворенность материально-бытовыми и социальными условиями (56,0% в 1998 г. и 43,7% в 2007 г.), размером денежного содержания (73,0% в 1998 г. и 56,0% в 2007 г.), медицинским обслуживанием (57,7% в 1998 г. и 44,3% в 2007 г.), организацией досуга (50,7% в 1998 г. и 51,0% в 2007 г.). Выявлена значительная доля сотрудников, находящихся в постоянной тревоге за себя и своих близких в связи с исполнением своих служебных обязанностей (28,7% в 1998 г. до 25,0% в 2007 г.). Установлена прямая корреляционная зависимость между удовлетворенностью размером денежного содержания и социальной защищенностью ($r = 0,67$), а также неудовлетворенностью им и желанием сменить место работы ($r = 0,86$). Полученные данные позволяют утверждать, что ситуация среди других слоев бюджетной сферы (учителей, врачей, преподавателей вузов) еще хуже, так как сотрудники ОВД относятся к наиболее материально и социально защищенным категориям населения по сравнению с ними.

При обследовании обучаемых было установлено, что их возрастнополовая структура определялась в основном профилем вуза. В медицинском вузе преобладали лица женского пола (75,6%), в ведомственном – мужского (76,2%), в коммерческом – статистически значимых различий по полу не наблюдалось. Возраст при поступлении в вуз у большинства составлял 17–19 лет. По социальному происхождению студенты медицинского вуза имеют отличия за счет обратного соотношения лиц, происходящих из семей служащих (75,4%) и рабочих (24,6%), $p < 0,05$. Однако следует особо отметить, что доля выходцев из семьи медицинских работников среди студентов медицинского вуза (19,7%), практически равна доле выходцев из милицейской семьи в ведомственном вузе (22,1%), что указывает на реальную роль семьи в выборе профессии, хотя молодежь в основном декларирует самостоятельный выбор. В социальном происхождении студентов коммерческого вуза не было выявлено существенных различий: из рабочих – 49,3%, из служащих – 50,7%, $p > 0,05$.

В материальном положении большинство обучаемых медицинского и ведомственного вузов относят себя к среднему слою населения (соответственно 64,8% и 82,6%). Однако сложное материальное положение отмечали соответственно 31,2% и 13,5% опрошенных, а бедными и крайне бедными считали себя 4,9% и 3,6%.

Прослеживается негативная тенденция закрытости молодежи от членов собственной семьи, им не доверяют 34,1%. Для решения возникших в процессе учебы проблем за советом и поддержкой обучаемые обращаются в основном к сокурсникам и одногруппникам (в ведомственном вузе – 57,9%, в медицинском вузе – 69,5%), к родителям соответственно лишь 11,9% и 19,6%.

Оценивая выбранную профессию, лишь каждый третий студент медицинского вуза полностью уверен в ее престижности (28,3%) и каждый пятый будущий сотрудников ОВД (20,0%), причем среди студентов медицинского вуза доля выше, $p < 0,05$. Среди студентов коммерческого вуза доля лиц, полностью уверенных в престижности избранной ими специальности, максимальна (76,1%), $p < 0,05$.

Наблюдается несоответствие избранной профессии и собственных интересов, причем это характерно для студентов и ведомственного (30,4%), и коммерческого (29,9%), и особенно медицинского вузов (65,2%) и врачей (68,7%). При этом отмечается высокая степень стремления работать именно по избранной специальности (40,4% обучаемых ведомственного вуза, 81,1% – коммерческого, 65,8% – медицинского, 80% – врачей), $p < 0,05$. Выявленные разнонаправленные тенденции косвенно свидетельствуют о психоэмоциональном напряжении респондентов.

При этом молодые люди не имеют четкого представления о предъявляемых к ним требованиях и особенностях обучения, в связи с чем имеются расхождения между их ожиданиями и реальным положением дел. Ожидания у большинства из них совпали лишь частично, причем эта картина характерна для ведомственных вузов независимо от курса обучения (от 52,2% до 68,3%). Это также свидетельствует о том, что многие обучаемые недостаточно четко представляли себе предъявляемые к ним требования и особенности обучения в этих образовательных учреждениях. У студентов медицинского и коммерческого вузов ситуация аналогичная (соответственно 72,1% и 58,9%).

В результате социально-психологического изучения абитуриентов выявлены следующие особенности: декларируемое представление о выбранной профессии стабильно верное. Представления о собственных возможностях у половины абитуриентов завышены. Мотивы выбора профессии общественно значимы, осознаны и устойчивы. Однако молодые люди не имеют четкого представления о предъявляемых к ним требованиях и особенностях обучения как в ведомственных образовательных учреждениях, так и в медицинском и коммерческом вузах, в связи с чем имеются расхождения между ожиданиями и реальным положением дел.

Анализ самооценок собственных данных различными категориями обследованных, с одной стороны, свидетельствует о завышенной оценке уровня своих способностей по отношению к выбранной специальности, с другой – при детальном их анализе выявляются осознанные проблемы в плане общего и нервно-психического здоровья, а также развития познава-

тельных процессов. Относительно велика доля лиц, оценивающих свои данные ниже среднего уровня: общее здоровье – каждый второй студент коммерческого вуза (52,3%), каждый третий студент медицинского вуза (36,8%) и каждый девятый в ведомственном вузе (10,6%), нервно-психическое – практически каждый пятый-шестой (соответственно 23,9%, 22,1% и 13,2%), познавательные процессы (мышление, память, внимание) – соответственно 47,7%, 27,9% и 18,3%, $p < 0,05$. Практически каждый третий специалист оценил свои данные ниже среднего уровня. Анализ самооценок позволяет сделать вывод, что в ведомственном вузе, где существует многоступенчатая система отбора, доля лиц, оценивающих свои данные ниже среднего уровня, существенно меньше, чем в других вузах ($p < 0,05$).

Были исследованы некоторые факторы образа жизни обучаемых в вузах различной ведомственной принадлежности. При этом результаты исследования фактора употребления спиртных напитков показали, что доля лиц, совсем не употребляющих алкоголь, максимальна в ведомственном вузе (19,8%). В медицинском вузе их значительно меньше (7,4%), а в коммерческом вузе таких лиц не было выявлено. Напротив, удельный вес лиц, выпивающих регулярно чаще трех раз в месяц, максимален в коммерческом вузе (28,0%), затем в юридическом вузе (11,3%), на последнем месте – медицинский вуз (4,9%), $p < 0,05$. Большинство студентов независимо от ведомственной принадлежности вуза подтвердили наличие и других первичных больших факторов риска здоровью (курение, нерациональное питание, гиподинамия и психоэмоциональный стресс). В ведомственном вузе каждый пятый абитуриент не смог получить положительную оценку по физической подготовке. В последние годы резко возросла значимость наркомании, возможно, самого мощного фактора риска здоровью. Результаты исследования показали, что в медицинском вузе однократное употребление наркотиков подтвердили 10,0% первокурсников, 20,0% четверокурсников и 6,4% студентов выпускного курса, в коммерческом вузе – 19,4%, а в ведомственном вузе – 18,8%, $p < 0,05$.

Об адекватности профессионального самоопределения абитуриентов можно судить по соответствию их требованиям обучения. Как показывает анализ данных профессионально-психологического отбора за 1997–2007 гг., полностью или в основном соответствуют требованиям обучения лишь около половины абитуриентов (1 и 2 категория пригодности к обучению). Доля лиц 3 группы (условно рекомендованных к обучению) среди абитуриентов относительно велика (до 60% в отдельные годы). Они в основном составляют группу риска. Нами было доказано, что они отличаются нервно-психической неустойчивостью, низким адаптационным потенциалом, акцентуациями и дезадаптациями по тем или иным личностным параметрам, недостаточным уровнем сформированности познавательных процессов. Успешность учебной и служебной деятельности этой категории обучаемых значительно хуже, чем лиц, рекомендованных к обучению. Нарушений дис-

циплины, которые чаще всего проявляются в употреблении спиртных напитков, у них в 1,5–2,0 раза больше. Аналогичная ситуация с отчисляемостью. При сдаче экзаменов преобладают «удовлетворительные» оценки. Доля лиц со средним баллом ниже 3,9 среди них стабильно высока (до 88,9%), при этом более чем у половины из них средний балл ниже 3,5. Лишь к 3 курсу положение несколько улучшается, что, возможно, обусловлено отсевом наиболее проблемных представителей в процессе обучения.

Следует заключить, что определяемые с помощью предложенной тестовой батареи⁸ группы профессиональной пригодности несут прогностическую значимость. Подтверждением этому могут служить данные проведенного специального исследования. Результаты его показали, что для всех наборов существует прямая корреляционная связь между успешностью обучения (коэффициенты корреляции от 0,51 до 0,94), дисциплинированностью (соответственно от 0,33 до 0,89) и группой профессиональной пригодности. Обратная связь установлена между отчисляемостью и группой профессиональной пригодности (соответственно от -0,39 до -0,75). Иными словами, чем выше группа профессиональной пригодности, тем выше успешность учебной и служебной деятельности и ниже отчисляемость. Статистически достоверные коэффициенты корреляции данных профессионально-психологического обследования и успешности обучения прослеживаются особенно четко для показателей, отражающих особенности мышления, причем связь имеет среднюю выраженность (от 0,34 до 0,6) и отмечается на протяжении всего периода обучения.

Следовательно, неадекватность профессионального самоопределения, психоэмоциональное напряжение, наличие факторов риска здоровью и низкий уровень его субъективного ощущения требуют оптимизации системы этапного формирования кадров на основе исследования и мониторинга профессионально важных качеств, в первую очередь интеллектуальных способностей, социальной ответственности, индивидуально-типологических особенностей, способностей к адаптации.

Были выявлены характерные особенности социальной ответственности студенческой молодежи: лишь у обучаемых ведомственного вуза преобладает высокий уровень личностного контроля над жизненными обстоятельствами ($69,1 \pm 1,9\%$), $p < 0,001$. Тогда как у студентов медицинского и коммерческого вузов статистически значимых различий между высоким и низким уровнем общей интернальности не выявлено. Было установлено, что для обучаемых всех вузов характерно преобладание высокого уровня интернальности в области достижений (соответственно $87,9 \pm 1,3\%$, $72,1 \pm 4,1\%$, $68,9 \pm 4,4\%$) и в области межличностных отношений ($84,4 \pm 1,3\%$, $71,2 \pm 4,1\%$, $72,6 \pm 4,3\%$). Причем у обучаемых ведомственного вуза уровень ответственности выше ($p < 0,05$), за исключением условно рекомендованных лиц. Особо следует подчеркнуть, что для обучаемых ведомственного ($62,9 \pm 1,9\%$) и медицинского вузов ($59,0 \pm 4,7\%$) характерно преобладание высокого уровня ответственности в области профессио-

нальной деятельности, тогда как студенты коммерческого вуза не берут на себя ответственность за эту сферу ($46,6 \pm 4,5\%$), ($p < 0,05$). Более высокий уровень ответственности у обучаемых ведомственного вуза обусловлен существующей системой отбора в эти учебные заведения, когда на предварительном этапе отсеивается значительное число абитуриентов.

Следует подчеркнуть выявленную характерную особенность студенческой молодежи: среди всех обследованных относительно велика доля лиц с низким уровнем ответственности в области здоровья. Лишь около половины студентов берут ответственность на себя за собственное здоровье (50,5% – в медицинском, 51,7% – в коммерческом, 54,9% – в ведомственном вузах), а остальные возлагают ее на других людей, случай, судьбу и т.д. Ситуация среди врачей несколько лучше (57,5%), $p < 0,05$. Лица с низким уровнем ответственности слабо адаптируются к системе обучения и профессиональной деятельности.

Отсюда особое значение приобретает исследование их адаптационных способностей. Исследование адаптационного потенциала выявило также характерные особенности, которые выразились в большем удельном весе лиц с низким уровнем адаптации обучаемых в медицинском (90,9%) и коммерческом (86,0%) вузах, а также у врачей (84,1%) по сравнению с ведомственным образовательным учреждением (19,7%). Однако среди представителей третьей группы профессиональной пригодности ведомственного вуза доля лиц с низким уровнем адаптации достигает 56,7%, $p < 0,05$.

При изучении индивидуально-типологических особенностей обучаемых вузов различной ведомственной принадлежности и врачей были выявлены различия. Акцентуированные черты и дезадаптирующие свойства более выражены у обучаемых коммерческого и медицинского вузов, особенно по таким параметрам, как тревожность и интроверсия, сензитивность, ригидность и агрессивность, $p < 0,05$. Наблюдались также отличия и в реакциях на стрессовые ситуации: у обучаемых ведомственного вуза они могут быть избыточными, однако со стремлением к самоутверждению в стрессе, а у студентов коммерческого и медицинского вузов они могут быть тревожно-депрессивными. Для ведомственного вуза характерны акцентуация и дезадаптация у лиц третьей группы на первом и втором курсах по таким параметрам, как спонтанность и агрессивность. К выпускному курсу эти различия несколько сглаживаются. Наличие этих акцентуаций и дезадаптирующих свойств означает повышенную конфликтность, склонность к асоциальному поведению и алкоголизации. Этим фактом в какой-то мере можно объяснить сложившуюся ситуацию с нарушениями дисциплины у лиц третьей группы на первых курсах.

Как у обучаемых ведомственного вуза, так и у студентов неведомственных образовательных учреждений заостренные до уровня акцентуации и дезадаптации черты характера отчасти компенсируются противоположными тенденциями, что позволяет сохранять социально-психологическую

адаптацию на необходимом уровне, однако это свидетельствует также о наличии определенной эмоциональной напряженности и психосоматической предрасположенности за счет повышенных показателей ортогональных (полярных по значению) типологических свойств, в данном случае лабильности и ригидности, сензитивности и спонтанности, а у студентов коммерческого и медицинского вузов еще и тревожности и агрессивности.

Выявленные индивидуально-типологические особенности обуславливают нарушения социальной адаптации обучаемых. Результаты социометрии выявили нарушения у 15,3%–18,1% обследованных по разным параметрам межличностных отношений. Лица третьей группы испытывают также более выраженные затруднения в плане социальной адаптации, то есть адаптации к коллективу, где они обучаются. Подтверждением этого положения служит углубленный анализ результатов социометрии. По сравнению с представителями второй группы профессиональной пригодности лица третьей группы значительно чаще не пользуются авторитетом у своих сокурсников, обладают сниженным уровнем организаторских способностей, не испытывают склонности к общественной работе, не популярны в сфере досуга и имеют максимальное число отрицательных выборов ($p < 0,001$). Следовательно, и на уровне коллективов имеются проблемы в плане социальной адаптации, особенно у условно рекомендованных лиц.

О нарушениях процесса адаптации свидетельствует также значительное число пропусков занятий обучаемыми по болезни. Доля пропусков занятий по болезни составляет до 43,4% с максимумом на 4 курсе (68,2%). Аналогичная ситуация сохраняется для всех наборов на протяжении всего периода обучения. Здесь следует заметить, что все обучаемые проходили военно-медицинскую комиссию и в результате экспертизы были признаны годными к обучению по медицинским показаниям без ограничений. Возможно, это обусловлено различиями в объективных показателях здоровья и его субъективном ощущении. По результатам анализа самооценок абитуриентами уровня своего здоровья были сделаны выводы, что относительно велика доля лиц, оценивающих его уровень ниже среднего и низким. Данные официальной статистики по здоровью именно студенческой молодежи труднодоступны в силу организационных причин и ввиду ее латентности не отражают реальной картины за исключением обучаемых ведомственных учреждений, где имеется своя медицинская часть и фиксируются все случаи заболеваний. Уровень заболеваемости обучаемых в ведомственном образовательном учреждении (как общей, так и с временной утратой трудоспособности) выше, чем в целом по министерству, что обусловлено условиями закрытого учреждения, необходимостью несения службы, формированием доминанты болезни, которая дает возможность уйти от проблем учебной и служебной деятельности. Подтверждением этому являются низкий уровень ответственности у обучаемых за состояние своего здоровья и болезни, о чем упоминалось выше.

Углубленный анализ заболеваний обучаемых ведомственного учреждения за трехлетний период, проведенный на основании выкопировки данных из медицинских карт 747, человек выявил статистически значимые различия между кратностью заболеваний представителей третьей и второй групп: условно рекомендованные лица болеют чаще (67,7 на 100 человек), чем рекомендованные к обучению (60,7 на 100 человек), $p < 0,05$. Установлена тесная корреляционная связь между кратностью заболеваний и группой профессиональной пригодности (коэффициент ассоциации $Q = -0,83$).

Исследование личности организатора здравоохранения позволило получить его социально-гигиенический и психологический портрет. Современный организатор здравоохранения – это человек, находящийся в наиболее трудоспособном возрасте, без существенных различий по половому признаку, семейный (с одним или двумя детьми), терапевт или педиатр с достаточным общим стажем работы. Однако в основном не имеющий нужного опыта и соответствующей профессиональной подготовки в области организации здравоохранения (стаж работы по организации здравоохранения до 5 лет у 64,7%, квалификационная категория по организации здравоохранения – у 7,0%), возможно за счет ротации кадров. Его индивидуально-типологическими особенностями являются превалирование абстрактно-аналитического стиля мышления; потребность в теплых отношениях с небольшим, но особо значимым окружением в сочетании со стремлением занять лидерскую позицию; возможные тревожно-депрессивные реакции на стресс, неврастенический вариант личности, подвластность воздействию среды, избыточная ориентированность на общепринятые нормы поведения, определенная эмоциональная напряженность. Кроме того, его отличают превалирование мотивов самореализации в профессиональной сфере (72,7%), высокий уровень социальной ответственности, особенно в профессиональной деятельности (69,4%), средний уровень поведенческой регуляции (62,3%), коммуникативного потенциала (83,3%) и моральной нормативности (82,6%). Он умеет влиять на окружающих, понимает особенности управленческого труда, может обучать других, имеет четкие личные цели. Однако всем субъектам, обеспечивающим кадровую политику, следует обратить внимание на низкий уровень субъективного здоровья (40,4%), сниженный адаптационный потенциал (84,1%), акцентуации личностных качеств, особенно по параметрам тревожности (73,0%) и выявленные ограничения в управленческой деятельности (недостаток творческого подхода – 62,5%, неумение управлять собой – 47,1%, недостаточность навыка решения проблем – 33,3%), склонность к деспотизму (37,7%) в сочетании со сверхобязательностью и гиперсоциальными установками (54,9%) в плане контроля этих качеств, так как это может способствовать переходу акцентуированных личностных особенностей в соматические расстройства на этом фоне.

Проведенное исследование обосновывает пути оптимизации системы этапного формирования кадров, направленной на сохранение здоровья.

Выявленные особенности показывают направления работы практических психологов службы социопсихологического обеспечения, которую, на наш взгляд, необходимо предусмотреть во всех структурах за счет перераспределения штатов. Основные этапы ее взаимосвязаны и обусловлены логикой формирования профессионала: профориентация и профессионально-психологический отбор (обучаемых, специалистов); адаптация к условиям учебной (профессиональной) деятельности; развитие профессионально значимых качеств личности; подготовка к самостоятельной профессиональной деятельности. Особенности системы являются предлагаемые содержание этапов и формы работы, основные организационно-методические мероприятия на каждом из этапов, а также контролируемые параметры и инструментарий, реализованные в разработанной авторской информационной системе. Она позволяет получить основные характеристики, выявить особенности, осуществлять мониторинг за развитием профессионально важных качеств у обучаемых и специалистов. Дает возможность получать аналитические таблицы по каждой методике на группу, отдел, образовательное учреждение и организацию в целом, разрабатывать мероприятия по социопсихологическому сопровождению личности и коллективов, внедрять активные психологические методы (обязательные и дополнительные психологические тренинги) по формированию профессионально значимых качеств, способствующие профессионально-личностному становлению специалиста, оценивать их эффективность. Компьютерная система позволяет обеспечить преемственность социопсихологического сопровождения обучаемых и специалистов. Программа дает возможность сформировать медико-социальный и психологический паспорт на каждого сотрудника. При модификации ее можно применять в других образовательных учреждениях и практических органах.

В системе этапного формирования кадров возможно использование нейроинформационных технологий. Результаты исследования показали, что задача прогнозирования успешности учебной деятельности является решаемой с помощью стандартных нейронных сетей на основе набора из 46 параметров, отражающих профессиональную направленность, особенности мышления, адаптационные способности, уровень ответственности и индивидуально типологические характеристики, что подтверждается их быстрым обучением при небольшом числе синаптических связей, достаточном для накопления опыта.

Нейронные сети послужили также инструментом выявления достоверных различий по ряду показателей исследуемых параметров у лиц мужского и женского пола. У лиц мужского пола достоверно выше установка на профессию и представление о ней, нервно-психическая устойчивость, эмоциональная зрелость, общие логические способности, практическое математическое и индуктивное мышление, результаты сдачи вступительных экзаменов, уровень ответственности (общей интернальности, интернальности в области производственных отношений и здоровья), $p < 0,05$.

Однако ориентация на профессиональную деятельность по выбранной специальности, адаптационные способности, в частности по коммуникативному потенциалу (умению строить взаимоотношения) и моральной нормативности (способность соблюдать принятые нормы) выше у лиц женского пола, $p < 0,05$. Среди индивидуально-типологических особенностей у лиц женского пола выше экстравертированность, тревожность, лабильность, а у лиц мужского пола – агрессивность, $p < 0,05$. Следует отметить, что хотя лица мужского пола сдают вступительные экзамены гораздо лучше, чем лица женского пола и имеют преимущества при зачислении, но на протяжении всего периода обучения успешность учебной деятельности гораздо выше именно у лиц женского пола. Выявление этих различий позволяет обосновать прием девушек в ведомственные вузы, а также дифференцировать программы социопсихологического обеспечения.

Обучающие параметры нейросети могут быть минимизированы, так как она выделяет наиболее значимые, что также является основой для разработки мероприятий по социопсихологическому сопровождению. Логика построения системы позволяет использовать ее для прогнозирования успешности профессиональной деятельности и состояния здоровья.

Таким образом, анализ доступной литературы показал, что до настоящего времени остаются нерешенными проблемы в области управления кадровыми ресурсами, обеспечения не только количественного, но и качественного состава кадров. Их эффективное решение возможно при научном обосновании социально-гигиенических, медико-организационных и социально-психологических подходов оптимизации системы этапного формирования кадров с использованием современных компьютерных технологий. В связи с этим разработанные методологические подходы оптимизации системы этапного формирования кадров имеют универсальный характер, позволяют выявить и обеспечить качество кадрового потенциала в целях решения задач повышения уровня здоровья населения.

Необходимость оптимизации системы этапного формирования кадров обусловлена выявленной неадекватностью профессионального самоопределения молодежи и недостаточно четким представлением о предъявляемых к ним требованиях и об особенностях обучения в образовательных учреждениях, несоответствием избранной профессии и собственных интересов, расхождениями между представлениями об обучении в вузе и окружающей реальностью, психоэмоциональным напряжением кадрового потенциала, неудовлетворенностью профессиональной деятельностью.

При обосновании системы этапного формирования кадров необходимо учитывать ряд факторов: высокий уровень показателей заболеваемости обучаемых ведомственных вузов, латентный ее характер в вузах иного профиля; осознанные проблемы в плане общего и нервно-психического здоровья обучаемых, а также развития познавательных процессов, выявленные при детальном анализе самооценок; особенности обучаемых вузов (недостаточный уровень ответственности за со-

стояние своего здоровья, сниженный адаптационный потенциал, акцентуированные черты и дезадаптирующие свойства личности, нарушения по параметрам межличностных отношений); наличие первичных больших факторов риска здоровью (курение, употребление алкогольных напитков, нерациональное питание, гиподинамия и психоэмоциональный стресс).

При оптимизации кадровой политики в здравоохранении следует учитывать выявленные особенности руководителей: недостаточная профессиональная подготовка в области организации здравоохранения и небольшой опыт работы, низкий уровень субъективного здоровья, акцентуации личностных качеств, особенно по параметрам тревожности, сниженный адаптационный потенциал у большинства, ограничения в управленческой деятельности в сочетании со сверхобязательностью и гиперсоциальными установками в плане контроля и коррекции их для профилактики перехода акцентуированных личностных особенностей в соматические расстройства на этом фоне.

Сложившаяся система отбора в ведомственные образовательные учреждения обуславливает выявленные особенности обучаемых: более высокий уровень профессиональной направленности, ответственности, адаптационного потенциала, менее выраженные акцентуированные черты и дезадаптирующие свойства личности по сравнению со студентами вузов иного профиля (медицинского и коммерческого) и врачами. Однако уровень их не оптимальный, особенно у лиц условно рекомендованных к обучению, что обусловлено лишь становлением системы социопсихологического сопровождения в ведомственных вузах. На успешность учебной и профессиональной деятельности обучаемых, состояние их здоровья существенное влияние оказывает принадлежность к определенной группе профессиональной пригодности.

Оптимизация системы этапного формирования кадров необходима на логически взаимосвязанных этапах:

- профориентация молодежи (адекватное представление молодых людей о профессии и предъявляемых к личности требованиях, самостоятельный выбор профессии, определенная мотивация к избранной профессиональной деятельности);

- профессионально-психологический отбор кандидатов на учебу и работу (жесткие критерии отбора, позволяющие обеспечить прием лиц с определенной профессиональной направленностью, мотивационной готовностью к учебной и профессиональной деятельности, достаточным уровнем интеллектуальных качеств, ответственности за значимые события в жизни, адаптивности к меняющимся условиям среды, отсутствием некомпенсированных акцентуированных и дезадаптирующих индивидуально-типологических свойств личности);

- адаптация к условиям учебной и профессиональной деятельности;
- развитие профессионально значимых качеств;
- подготовка к самостоятельной профессиональной деятельности;

– мониторинг кадрового потенциала с прогнозированием успешности учебной и профессиональной деятельности, а также состояния здоровья.

На каждом из этапов определяется содержание работы, включая основные организационно-методические мероприятия, используемый инструментарий и контролируемые параметры, конкретных исполнителей при интеграции всех субъектов, обеспечивающих кадровую политику.

Разработанный алгоритм программного комплекса «Профессионально-психологическое обследование абитуриентов и социопсихологическое сопровождение обучаемых и специалистов», реализованный в автоматизированной информационной системе, обладает достаточной надежностью и прогностической значимостью и позволяет оптимизировать отбор и сопровождение кадров на всех этапах. Использование нейроиформационных технологий предоставляет возможность прогнозирования успешности учебной и профессиональной деятельности и состояния здоровья обучаемых и специалистов.

¹ Абульханова-Славская, К.А. Типология личности и некоторые задачи психологической службы в вузе / К.А.Абульханова-Славская / Психологическая служба вуза: принципы, опыт работы: сб. науч. тр. / отв. ред. Б.Б.Коссов. – М., 1993. – С. 33–43; Братусь, Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С.Братусь // Вопр. психологии. – 1997. – № 5. – С. 3–19; Гурвич, И.Н. Социальная психология здоровья : автореф. дис.... докт. психол. наук / И.Н.Гурвич. – СПб, 1998; Дружинин, В.Н. Психология общих способностей / В.Н.Дружинин. – М.: Наука, 1995; Коссов, Б.Б. Личность: актуальные проблемы системного подхода // Вопросы психологии / Б.Б.Коссов. – 1997. – № 6. – С. 58–68; Собчик, Л.Н. Введение в психологию индивидуальности / Л.Н.Собчик. – М.: Институт прикладной психологии, 1998; Хьелл, Л. Теории личности (Основные положения, исследование и применение): пер. с англ. / Л.Хьелл, Д.Зиглер. – СПб.: Питер Ком, 1998.

² Климов, Е.А. Введение в психологию труда / Е.А.Климов. – М.: Юнити, 1998; Леонтьев, Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А.Леонтьев, Е.В.Шелобанова // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 57–66; Митина, Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях / Л.М.Митина // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С.28–38; Поваренков, Ю.П. Профессиональное становление личности : автореф. дис. ... докт. психол / Ю.П.Поваренков. – М., 1999.

³ Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности / А.А.Налчаджян. – Ереван: Изд-во АН Армян. ССР, 1988;Харитонов, А.Н. Адаптация слушателей в период вузовской подготовки / А.Н.Харитонов, А.Ф.Караваев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 1996. – № 2(4). – С. 6–8; Хорошавина, Е.А. Психологический анализ трудностей адаптации слушателей вуза (на примере ИФ ЮИ МВД России) / Е.А.Хорошавина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 1996. – № 1(3). – С. 52–55.

⁴ Вассерман, Л.И. О системном подходе к оценке психической адаптации / Л.И.Вассерман, М.А.Беребин, Н.И.Косенков // Обзорение психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева. – 1994. – № 3. – С. 16–25; Жданов, И.А. Адаптация и прогнозирование деятельности / И.А.Жданов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991; Налчаджян, А.А. Указ. соч.; Собчик, Л.Н. Указ. соч.

⁵ Калашников, М.О. Психологические профессионально значимые качества сотрудников оперативных подразделений ОВД / М.О.Калашников. – М., 1996; Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К.Маркова. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Зна-

ние», 1996; Мальцева, О.А. Руководитель здравоохранения: подготовка, личность и успех / О.А.Мальцева, Н.Г.Горохов. – Киров: «Вятка», 1997; Митина, Л.М. Указ. соч.

⁶ Горбач, Н.А. Разработка базы данных профессионально-психологического обследования абитуриентов образовательных учреждений МВД: науч.-метод. пособие / Н.А.Горбач, М.В.Гуляева. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 1999.

⁷ Россиев, Д.А. Самообучающиеся нейросетевые экспертные системы в медицине: теория, методология, инструментарий, внедрение : автореф. дис. ... докт. мед. наук / Д.А.Россиев. – Красноярск, 1996.

⁸ Невирко, Д.Д. Методики изучения профессионально-психологических и социальных качеств молодежи : учебно-методическое пособие / Д.Д.Невирко, Н.А.Горбач. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 1999.

Гендин А.М.,

член-корреспондент РАО, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева

Сергеев М.И.,

кандидат философских наук, профессор
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАДАЧАХ ШКОЛЫ

В нашей статье, опубликованной в юбилейном десятом выпуске тематического ежегодника «Личность, творчество и современность», на основе материалов социологического мониторинга 1992–2006 гг. анализировались тенденции эволюции ценностных ориентаций будущих учителей – выпускников педагогического вуза.¹

Ценностные ориентации, в которых в концентрированном виде выражены потребности и интересы человека, оказывают серьезное, подчас решающее влияние на все стороны его жизнедеятельности, на его отношение к различным социальным явлениям и процессам. У выпускников педагогического вуза с ними тесно связаны представления об основных задачах, назначении школы, к работе в которой они готовились в студенческие годы.

Мы полагаем, что эти представления имеют важное значение для характеристики личности будущего специалиста, поскольку в них отражаются смысложизненные позиции человека, выражающие как его пони-

мание социальной значимости своей профессиональной деятельности, так и его жизненное кредо, цели, которые он перед собой ставит.

В ходе многолетнего мониторинга развития системы общего среднего образования в крае мы неоднократно интересовались тем, как понимают задачи школы учителя, учащиеся и их родители. О некоторых тенденциях эволюции представлений по этому вопросу участников образовательного процесса речь пойдет в дальнейшем. В 2006 г. мы впервые обратились в данной связи к мнениям выпускников педагогического вуза, поскольку представления о том, зачем вообще нужна школа, что она должна в первую очередь дать учащимся, выражают общий настрой будущих учителей на предстоящую педагогическую деятельность, важнейшие цели, которые они намерены осуществлять.²

С целью выяснения этих мнений респондентам был задан вопрос: «Как вы считаете, что в первую очередь должна давать школа современному школьнику?» Каждый из восьми предлагаемых вариантов ответа можно было оценить по трехбалльной шкале («прежде всего», «в меньшей степени», «совсем нет») или воздержаться от ответа («затрудняюсь ответить»). Желающие могли также внести дополнительно свой вариант («что-то другое»).

Результаты опроса приведены в табл. 1, где в целях удобства восприятия приведенных здесь данных варианты ответов расположены в отличие от анкеты по степени предпочтительности для респондентов и указаны занятые ими места («ранги»).

Таблица 1

ВЫПУСКНИКИ О ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧАХ ШКОЛЫ
(В ПРОЦЕНТАХ К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)

		Прежде всего		В меньшей степени	Совсем нет	Нет ответа
		%	ранг			
1	Прочные знания	84	1-2	13	2	1
2	Развитие способностей	84	1-2	13	2	1
3	Умение жить и действовать в современном мире	73	3	21	2	4
4	Опыт социального взаимодействия и общения	69	4	27	1	3
5	Готовность к поступлению в вуз	65	5	29	1	5
6	Готовность к осознанному выбору профессии	64	6	30	3	3
7	Весомый культурный багаж	61	7	35	1	3
8	Опыт общественной деятельности	31	8	57	5	7

Согласно мнениям подавляющего большинства респондентов, самые важные задачи школы заключаются в том, чтобы дать учащимся прочные знания и обеспечить развитие их способностей. Характерно, что показатели этих целей, разделивших два первых места, абсолютно оди-

наковы (в том числе – 84% выпускников, оценивших их высшим баллом). Можно, очевидно, согласиться с подобным в общем-то традиционным для нашего общества пониманием предназначения школы.

На призовое третье место среди приоритетных задач в деятельности школы вполне в духе нынешних реалий респонденты выдвинули требование дать учащимся «умение жить и действовать в современном мире». Высшим баллом эту задачу оценили 73% опрошенных и еще 21% респондентов признали ее значимость, хотя и в меньшей степени.

Остальные задачи в порядке предпочтительности распределились, как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1, следующим образом: «опыт социального взаимодействия и общения» (69% оценок высшим баллом), «готовность к поступлению в вуз» (65%), «готовность к осознанному выбору профессии» (64%), «весомый культурный багаж» (61%) и, наконец, «опыт общественной деятельности» (всего 31%).

Подобного рода представления выпускников о приоритетных задачах школьного образования не случайны. Они обусловлены целым рядом факторов как внутреннего, личностного, так и внешнего, социокультурного порядка. Важную роль в данном отношении играют выявленные нами ценностные ориентации. Определяя в принципе, в идеале, что должна дать школа подрастающему поколению, люди, как правило, исходят из личного жизненного опыта, своих сбывшихся и несбывшихся ожиданий, собственных предпочтений, проецируя на будущее свои надежды и стремления. Конечно, представления о должном не автоматически вытекают из ценностных ориентаций. Действие последних опосредуется целым рядом обстоятельств, но в конечном счете дает себя знать. Об этом убедительно свидетельствует осуществленный нами корреляционный анализ взаимосвязей между ценностными ориентациями респондентов и их представлениями о степени приоритетности основных задач школы. Так, статистически значимые корреляционные связи выявлены между оценкой высшим баллом задачи школы «развитие способностей» и ценностными ориентациями на «авторитет, уважение окружающих» (коэффициент корреляции очень высокий – $r = 0,29$), «успешную профессиональную деятельность» ($r = 0,25$), «постоянное самообразование» ($r = 0,21$), «развитие своих способностей» ($r = 0,11$). Считают одной из наиболее приоритетных задач школы дать детям «весомый культурный багаж» прежде всего те, для кого важнейшими жизненными ценностями являются «развитие своих способностей» ($r = 0,25$), «счастливая семейная жизнь» ($r = 0,21$), «постоянное общение с природой» ($r = 0,17$), «полноценное приобщение к культуре» ($r = 0,12$). Заметим, что эту задачу, как правило, не считают для школы приоритетной респонденты, которые стремятся к «успешной политической карьере» ($r = 0,03$) и к «продвижению по работе» ($r = 0,06$). В то же время последние (стремящиеся к служебной карьере) чаще ратуют за то, чтобы подготовить школьников «к

осознанному выбору профессии» ($r = 0,25$), к «поступлению в вуз» ($r = 0,18$), дать им «опыт социального общения и взаимодействия» ($r = 0,14$).

Корреляционный анализ обнаружил и целый ряд других существенных взаимосвязей между жизненными ориентациями респондентов и их представлениями о предназначении школы. Для того чтобы объективно оценить эти представления, выявить тенденции и социальные факторы их эволюции, необходимо сопоставить их с соответствующими представлениями основных участников образовательного процесса – учителей, учащихся и родителей школьников, представлениями, которые изучались Центром социологических исследований КГПУ, начиная с 1991 г.

Сопоставление такого рода свидетельствует, что интересующие нас сейчас мнения выпускников ближе всего к мнениям учителей, последний опрос которых по данной проблеме проводился в школах края в 2003 г.³ Близость эта выражается прежде всего в том, что ранги предпочтительности выделенных в анкетах основных задач школы у выпускников педвуза и учителей почти полностью совпадают.⁴ Это позволяет нам на основе анализа позиции учителей и эволюции ее соотношения с позициями учащихся и их родителей более объективно оценивать нынешние представления наших респондентов о назначении школы, об основных задачах всей работы педколлективов.

Результаты многолетнего мониторинга (опросы проводились в 1991 г., 1994 г., 1998 г., 2003 г.) свидетельствуют, что, во-первых, отношение учащихся и их родителей к задачам школы гораздо более прагматичное по сравнению с пониманием ее предназначения педагогами. Родители учащихся и школьники ждут от школы прежде всего практической пользы – подготовки к поступлению в вузы, помощи в профессиональном выборе. Их гораздо в меньшей степени по сравнению с учителями интересует получение в школе «помощи в развитии своих способностей», «опыта социального взаимодействия и общения» и тем более – «весомого культурного багажа»⁵. Причем особенно прагматично настроены сами школьники. Родители же чаще всего занимают промежуточное положение между собственными детьми, с одной стороны, и педагогами – с другой. По некоторым вопросам они солидаризируются с детьми, а по некоторым – с учителями. И это, конечно, не случайно, поскольку родители, с одной стороны, ближе к детям, лучше понимают их состояние, запросы и нужды, сами формируют их в семье по собственному «образу и подобию». А, с другой стороны, они, как и педагоги, представители поколения взрослых, чувствуют свою ответственность за гражданское воспитание молодежи.

Во-вторых, мониторинг обнаружил четко выраженную тенденцию прагматизации позиций педагогов, сближения их понимания задач школы с представлениями учащихся и их родителей. Заметим при этом, что различия между ними сохраняются, взгляды школьников и их родителей по-прежнему более утилитарны, но общее направление эволюции, выяв-

ленное в ходе мониторинга, свидетельствует о заметном снижении требований учителей к школе по большинству перечисленных в анкете задач.

Только на первом этапе (1991–1994 гг.) наблюдалось возрастание ожиданий по некоторым результатам школьной деятельности («прочные знания», «весомый культурный багаж», «необходимая подготовка для поступления в институт»). В начальный период рыночных реформ педагоги, очевидно, надеялись, что в новых условиях повысится уровень требований к знаниям и культуре выпускников школы и появятся реальные возможности для их удовлетворения.

В дальнейшем происходит «откат» по сравнению с 1994 г. буквально по всем позициям. Так, задачу дать учащимся «прочные знания» в 1994 г. считали одной из трех самых важных 82% респондентов, в 1998 г. – 72%, а в 2003 г. – 59%⁶, задачу дать «весомый культурный багаж» – соответственно 68%, 34% и 20%, «помощь в развитии своих способностей» – 77%, 57% и 53%, «опыт социального взаимодействия и общения» – 44% (1991 г.), 38% (1998 г.) и 31% (2003 г.). Даже доля тех, кто считает одной из важнейших целей школы подготовить учащихся «к осознанному выбору профессии», снизилась с 1998 г. по 2003 г. с 42% до 29%.

Выявленная в ходе мониторинга тенденция снижения оценок педагогами значимости многих задач школы свидетельствует в целом, как нам представляется, об их более реалистическом подходе к нынешней ситуации в системе образования, говорит о сближении взглядов учителей по ряду позиций с более прагматичными по своему характеру намерениями и ожиданиями старшеклассников и их родителей. Иллюзии перестроечной эпохи рассеялись. Действительность оказалась более суровой, чем ожидалось. Жизнь предъявила к школе новые, более жесткие и в то же время не всегда однозначные и определенные требования. Главное из них – «умение жить и действовать в современном мире». Учителя все больше сознают это и не случайно эту задачу «большинством голосов» поставили на первое место.

Правда, вряд ли кто-либо способен вразумительно объяснить, как подобную цель можно реализовать, не поступаясь нравственными принципами и не снижая культурно-познавательный уровень образования. Возможно, поэтому выпускники педвуза 2006 г., взгляды которых в целом аналогичны позициям учителей в 2003 г., в отличие от своих старших товарищей данную задачу школы поставили не на первое, а на третье место, отдав предпочтение традиционным для системы образования целям получения «прочных знаний» и «развития способностей». Нынешние студенты, учившиеся в школе «в период реформ», очевидно, не особенно уверены в ее способности должным образом подготовить молодежь к жизни в «современном мире».

Учителя, конечно, по-прежнему признают значимость для школьников знаний, культуры, развития способностей, подготовки к выбору профессии и поступлению в вузы, но оценивают все это в меньшей степени,

чем раньше. Под влиянием трезвого восприятия жизненных реалий и меняющегося менталитета общественности все большая часть педагогов разочаровываются в былых идеалах или считают их практически недостижимыми в современных условиях. Они, например, понимают, что школа сейчас не может, да, вероятно, и не должна давать «хорошую профессиональную подготовку» своим выпускникам.⁷ Другое дело – «подготовка к осознанному выбору профессии». Но и это – весьма сложная задача в условиях экономической и социальной нестабильности общества, отсутствия ясности относительно перспектив тех или иных профессий на нынешнем капризном рынке труда.

Не случаен и тот факт, что последние места в системе предпочитаемых задач школы как у действующих, так и у будущих учителей заняли «весомый культурный багаж» и «опыт общественной деятельности». Об общих причинах снижения престижа приобщения к достижениям культуры мы уже говорили в связи с анализом ценностных ориентаций респондентов.⁸ Что касается задачи дать ученикам «опыт общественной деятельности», здесь проявляется, надо полагать, не столько недооценка этой важной цели, сколько опять-таки понимание малой степени ее осуществимости на практике. С одной стороны, вследствие роста аполитичности современной молодежи под влиянием целого ряда факторов социального, социально-психологического, идеологического характера. А с другой – вследствие малой эффективности усилий школы в нынешней обстановке развивать в детях чувство патриотизма, гражданской ответственности, вовлекать их в общественно-практическую деятельность, организовывать действенное самоуправление. Между тем формирование этих качеств жизненно важно для воспитания активных граждан демократического общества.

Прежде чем продолжить анализ представлений по данной проблеме будущих учителей, заметим, что с течением времени изменяются и требования к школе со стороны их будущих учеников. Причем в силу действия общих для нашей страны причин изменения такого рода (главным образом в сторону дальнейшей прагматизации представлений о назначении школы) наблюдаются не только в Красноярском крае, но и в других регионах России.

Так, директор Центра социологии образования РАО В.С.Собкин отмечает на основе репрезентативных опросов московских школьников в 1991 г. и 2002 г. заметное снижение за этот период оценок, которые они дают значимости многих целей школьного образования, в том числе такой, как «давать им прочные знания»⁹. По его мнению, это «косвенно свидетельствует о снижении статуса («полезности», «нужности») и самих школьных знаний, что, в частности, отчетливо проявилось при обсуждении государственного стандарта школьного образования. Возможно, общественные дискуссии по поводу образования, которые ведутся продолжительное время, меняют ценностное отношение к школьным знаниям как в семье, так и среди самих школьников»¹⁰.

Надо полагать, что, кроме этого обстоятельства, немаловажную роль играет и то, что в подготовке к поступлению в вузы все большее значение приобретают дополнительные занятия с репетиторами, а также то, что значительный объем знаний подростки и юноши получают благодаря СМИ и Интернету. Несомненно, влияет на сознание молодых людей радикализация упорно пропагандируемой «новой парадигмы», согласно которой образование призвано не столько давать знания учащимся («наполнять сосуд»), сколько стимулировать «учить учиться» («зажигать факел»). Эта в принципе верная идея, к сожалению, часто трактуется весьма односторонне и подчас используется для оправдания фактического снижения уровня фундаментальности преподавания учебных дисциплин в школе со стороны некоторых руководителей и оправдания поверхностно-легкомысленного отношения к учебе со стороны школьников.

В этих условиях представляется оправданной позиция наших респондентов, сохраняющих убеждение в приоритетности для школы задачи давать учащимся прочные фундаментальные знания, которых не может подменить обилие и разнообразие информации, представляемой СМИ и Интернетом, знания, без которых нельзя разобраться в этой информации и верно оценить ее. Без таких основополагающих знаний, имеющих инвариантный характер, строго говоря, невозможно и «научиться учиться», осваивать новую информацию, избирательно относиться к ней.

Мы полностью согласны с директором одной из лучших московских школ С.Л.Менделевичем, который свою позицию по данной проблеме выразил таким образом: «Что касается часто звучащих в последнее время слов о необходимости перестать давать знания, а переключиться на умения (например, ориентироваться в быстро меняющемся мире), то у меня, как человека старомодного, возникает сомнение. В том, что этому где-то учат. В том, что этому вообще можно учить. ...И потом – как можно учить применять знания, если самих знаний не давать? Я согласен с тем, что умение оперировать знаниями, а не просто хранить их – важнейший продукт образования. Но нельзя научиться оперировать только тем, что лежит на внешних носителях»¹¹. Любые, самые изощренные, технически оснащенные методики, так называемые «инновационные технологии» в конечном счете – лишь средства получения, творческого освоения и закрепления такого рода знаний. Другое дело, что само содержание фундаментальных знаний, которые необходимы для формирования творческого мышления учащихся, их научного мировоззрения и должны изучаться в школе, должно определяться на каждом историческом этапе в результате специальных научных исследований и всестороннего обсуждения широкой научной и педагогической общественностью.

Изучение и анализ трансформации представлений о задачах школы основных участников образовательного процесса в их связи с эволюцией ценностных ориентаций учителей, учащихся и родителей школьников бу-

дут продолжены в ходе дальнейшего мониторинга. Исследования в этой области, по нашему мнению, дают значимую информацию, необходимую для более глубокого понимания процессов социокультурного и духовного развития в современном российском обществе.

¹ См.: Гендин, А.М. Результаты мониторингового исследования ценностных ориентаций будущих учителей / А.М.Гендин, М.И.Сергеев // Личность, творчество и современность : сб. науч. трудов. Вып. 10. – Красноярск, 2007. – С. 221–234.

² В 2006 г. сотрудниками Центра комплексных социологических исследований КГПУ по специально разработанной анкете были опрошены 757 выпускников вуза (70,7% от общего числа). На всех этапах мониторинга наряду с авторами статьи активное участие в исследовании принимали профессор Р.А.Майер, доценты В.А.Пинаев и А.С.Рыбаков.

³ См.: Качество подготовки педагогических кадров и актуальные проблемы повышения их квалификации / А.М.Гендин [и др.]. – Красноярск, 2005. – С. 45–50.

⁴ Единственное различие заключается в том, что учителя цель «умение жить и действовать в современном мире» поставили на первое место, а студенты – на третье (но также призовое). Там же. – С. 46.

⁵ См.: Социокультурный анализ состояния современной школы / С.П.Аверин [и др.]. – Красноярск, 1992. – С. 34–36; Гендин, А.М. Социологический мониторинг состояния и развития школы нового типа / А.М.Гендин, С.П.Аверин, М.И.Сергеев. – Красноярск, 1999. – С. 8–12.

⁶ На прежних этапах мониторинга (1991 г., 1994 г., 1998 г., 2003 г.) респонденты должны были из перечисленных в анкете вариантов ответа выбирать только три наиболее предпочитаемых. В 2006 г. мы использовали более информативную методику опроса (оценка каждого варианта по трехбалльной шкале). Поэтому сопоставление мнений выпускников 2006 г. с мнениями представителей других групп респондентов прошлых лет правомерно не в абсолютных процентных показателях, а по степени предпочтительности (по ранговым места) тех или иных задач школы.

⁷ Оценка этой задачи в период мониторинга настолько снизилась (в 1991 г. ее включили в число трех наиболее важных 29% педагогов, а в 2003 г. – только 4%), что мы в 2006 г. вообще не включили данный вариант в анкету.

⁸ См.: Гендин, А.М. Результаты мониторингового исследования ценностных ориентаций будущих учителей / А.М.Гендин, М.И.Сергеев. – С. 223–225, 229–230.

⁹ См.: Собкин, В.С. Трансформация целей и мотиваций учебы школьников / В.С.Собкин // Социологические исследования. – 2006. – № 8. – С. 110.

¹⁰ Там же. – С. 110–111.

¹¹ Менделевич, С.Л. Образование в отсутствие госзаказа / С.Л.Менделевич // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 256–257.

Раздел 4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Казакова Н.Т.,

доктор философских наук, профессор
Красноярский государственный аграрный
университет (г. Красноярск)

РЕКОНСТРУКЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Политическая и социальная революция в России конца XX в., явившись следствием кризиса материальной и духовной жизни общества, особенно сильное воздействие оказала на философию. Тотальная идеологизация философии привела к тому, что вместе с «грязной водой выплеснули и ребенка», а именно позитивное, гуманистическое содержание марксизма.

Настоящей статьей я намереваюсь не столько восстановить гуманистическое реноме марксизма, сколько достичь прагматической цели – реконструировать антропологический образ марксистской философии. Утилитарные задачи работы обусловлены тем, что, читая курс философской антропологии студентам-философам Сибирского федерального университета, я обнаружила отсутствие интереса к марксистской теории человека в учебной и научной литературе по философской антропологии. В то время как основоположники марксистской философии заложили теоретико-методологический фундамент исследования человека. Уже в ранний период своего философского творчества К.Маркс и Ф.Энгельс отмечали, что невозможно глубоко и всесторонне понять подвижную диалектическую природу человека без строгого научно-теоретического анализа социальных явлений. С другой стороны, этот противоречивый, сложный социальный мир может быть понят посредством отражения человека в развитии, самодвижении, в его многообразных связях и отношениях с ним.

Узловые ступеньки научного познания человека и общества отличаются большой сложностью, изменчивостью, текучестью, что позволяет говорить об их диалектическом характере. Основовположники марксистской философии неоднократно указывали на их диалектику, поэтому об изменчивости, о неопределенности, сложности человеческой и социальной сферы можно говорить в превосходной степени.

Красной нитью через марксистскую теорию человека проходит мысль о том, что правильно понять сущность человека можно только через уяснение соотношения социального и индивидуального в процессе онтогенетического и филогенетического развития человека и общества. Поэтому, прежде всего, необходимо выяснить содержание самих понятий, в которых сущность марксистской теории человека выражается наиболее адекватно. Такими ключевыми понятиями в философской антропологии являются категории: «социальное», «индивидуальное», «индивидуальное», «личность», «индивидуальность», «индивид», «человек». «Социальное» и «индивидуальное» в данном категориальном ряду являются базовыми, поэтому исследование этих категорий и определение их границ в процессе реконструкции антропологического образа марксистской философии является важнейшей задачей современной философской антропологии. В соответствии с главной задачей настоящей статьи необходимо «проследить» диалектику социального и индивидуального как «раздвоение» единого процесса формирования человеческой личности.

Исследование базовых категорий является первостепенной задачей любой науки, так как они (категории), по словам В.И.Ленина, суть ступеньки выделения, то есть познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею. Это замечание было сделано им в «Философских тетрадах» при конспектировании «Науки логики» Гегеля и относится не только к познанию явлений природы, но и к познанию общественных процессов, и к познанию человека.

Понятия «социальное» и «индивидуальное» являются соотносительными категориями исторического материализма, созданного К.Марксом, Ф.Энгельсом и В.И.Лениным, а впоследствии развитого их последователями – представителями марксистско-ленинской философии. Эти категории отражают явления, которые находятся в тесной зависимости друг от друга, более того, не существуют одно без другого. Их единство особенно рельефно обнаруживается при исследовании процесса развития целостной человеческой личности, так как речь идет о «живой связи всего со всем». Уже здесь коренится возможность охарактеризовать основные антропологические категории в свете ведущих принципов, законов и методов материалистической диалектики. При этом важно учитывать диалектический характер объектов и субъектов человеческого мира, одним из важнейших компонентов которого является личность.

Многообразие конкретных форм проявления социального имеет своим основанием бесконечное и непрерывное обновление связей и взаимодействий общественного и человеческого бытия. Исследование классиками марксизма сущности и бесконечного богатства проявлений общественной жизнедеятельности человека проводилось в неразрывной связи с выработкой строгой системы научных понятий, отражающих всеобщность и конкретность диалектики этого процесса. Вот почему использование

вкладываемых основоположниками марксистской философии в эти понятия смысла и содержания имеет важное методологическое значение для разработки современной теории человека вообще и соотношения социального и индивидуального в развитии его личности в частности.

Вначале обратимся к понятию «социальное». Это необходимо для более глубокого понимания специфики индивидуального и его проявления в процессе исторического развития человека. Знакомство с работами К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина позволяет говорить о многозначности употребления понятия «социальное» основоположниками марксистской философии. И это закономерно, поскольку данная категория отражает бесконечное разнообразие явлений и процессов социальной формы движения материи. В самом общем плане, как его употреблял Ф.Энгельс в «Диалектике природы», социальное означает высший уровень развития материи по сравнению с биологическим уровнем. Он пишет: «Животное, в лучшем случае доходит до собирания, человек же производит; он создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы»¹.

Социальное движение осуществляется посредством развития и изменения общественных отношений, носителями которых выступают общественные индивиды. Поэтому, приступая к анализу социального, К.Маркс и Ф.Энгельс отмечали, что отправным пунктом такого анализа служит сам факт существования живых человеческих индивидов. «... Для нас, – писали они в «Немецкой идеологии», – исходной точкой являются действительно деятельные люди...»². Забегая несколько вперед, следует отметить, что, рассматривая непосредственные отношения людей с внешним миром как предметные, К.Маркс связывал последние с утверждением и осуществлением индивидуальных, сущностных сил человека. Таким образом, связь между социальным и индивидуальным, с одной стороны, опосредована предметом деятельности, а с другой – «именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало – и повседневно воссоздает – существующие отношения»³. Диалектика этого отношения требует особого анализа, здесь же необходимо указать на истоки социального и индивидуального как общественных феноменов, проявляющихся с силой объективной необходимости. Например, В.И.Ленин писал: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда»⁴.

Итак, понятие социального в марксистской философии употребляется в двух смыслах: в широком значении, когда социальное и общественное употребляется как синонимы, и в узком – когда социальное предстает как одна из сторон жизни общества наравне с такими его сферами, как политическая, духовная, экономическая. Примерами последней трактовки со-

циального могут служить точки зрения авторов очерков по историческому материализму⁵ Примером первой – коллективное мнение авторов монографии «Диалектика взаимосвязи личного и социального в условиях развитого социализма»⁶.

Отсутствие общепринятых критериев собственно социальных отношений и всестороннего учета этих отношений породили различную трактовку социального⁷, и в философской, социологической литературе советского периода все чаще встречаются примеры четкого разграничения социального и общественного⁸.

Совершенно согласна с тем, что жизнь общества не может быть строго разделена на то, что относится к социальному, и на то, что к нему не относится. Методологически неверно мыслить социальное отдельно от общественного, так сказать, наряду с ним. Хотя возможны относительное отвлечение от всего богатства социальной формы движения материи и акцентировка на определенном аспекте его проявления, например на уровне отдельного социального атома – человеческой личности.

Таким образом, социальное трактуется как наименование специфического способа бытия общества, самое общее денотативное значение которого «социальная форма движения материи». С другой стороны, социальное рассматривается как выражение тех отношений между людьми, в которые они вступают в качестве представителей больших групп, отличающихся по своему месту в системе общественного производства. Кроме того, социальное употребляется в качестве синонима общего в жизни людей, в ряде случаев – как синоним общезначимого в бытии человеческих индивидов. Социальное также используется для обозначения интегративных образований общественной жизни, в которых, в отличие от частных – экономических, политических, этических, даются обобщенные характеристики бытия общества, например «социальная мобильность».

На мой взгляд, следует выделить еще один уровень в интерпретации социального, а именно различать социальное в обществе, социальное в человеке, социальное в личности. Если первое (социальное в обществе) было показано выше достаточно основательно, то дальнейший анализ посвящается двум последним интегративным образованиям: «социальному в человеке» и «социальному в личности». Если социальное в человеке будет употребляться для обозначения того всеобщего, что характерно для членов человеческого сообщества на протяжении антропогенеза и филогенеза, то социальное в личности будет обозначать то общее, что характеризует членов конкретно-исторического общества в процессе онтогенеза, то есть то общее, что определяет сущность индивидуального бытия личности. Другими словами, речь идет об индивидуальном проявлении социального бытия личности. «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни... является проявлением и утверждением общественной жизни» – писал К.Маркс в «Экономическо-

философских рукописях 1844 года»⁹. Далее К.Маркс конкретизировал соотношение социального и индивидуального: «Индивидуальная и родовая жизнь человека не является чем-то различным, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо особенным, либо более всеобщим проявлением родовой жизни...»¹⁰. Различая две НЕТОЖДЕСТВЕННЫЕ формы жизни человека – родовую (коллективную) и индивидуальную (личную), К. Маркс в то же время акцентировал внимание на одном из моментов диалектического ТОЖДЕСТВА: индивидуальная жизнь человека является отражением его родовой жизни, которая, в свою очередь, зиждется на многообразии индивидуальной.

Предвидение К.Маркса проявилось в том, что еще до актуализации антагонистического противоречия между обществом и личностью (начало научной деятельности К.Маркса совпало с расцветом капитализма, когда еще ощущение дисгармоничности индивидуального и социального, лежащее в основе современной «человеческой» проблематики, еще не развилось в общий для всех индивидов компонент мировосприятия и в своих частных проявлениях выступало в форме личных трагедий), он разработал методологию решения этой проблемы.

В силу диалектической соотносительности категорий, индивидуальное рассматривается в неразрывной связи с социальным. Поэтому речь идет о разрешении коренной эпистемологической проблемы науки об индивидуальном, проблемы отношений между частным и общим. Стало быть, определение понятия «индивидуальное» действительно связано с парным ему понятием «социальное» и эта связь носит не только всеобщий, но и конкретно-исторический характер.

Одной из распространенных и по сей день трактовок индивидуального является применимость этого термина к характеристике различного рода явлений действительности. На уровне обыденного сознания подобное истолкование индивидуального не вызывает возражения, но когда мы имеем в виду «индивидуальное» как философскую, прежде всего «антропологическую» категорию, тогда такое толкование становится тривиальным.

Индивидуальное как противоположность социального выступает не как нечто существующее изолированно, и здесь важно отметить, что оно (индивидуальное) является особенным проявлением социального. Индивидуальное интересует прежде всего как особая характеристика человеческой личности, «проявляющая» ее внутреннюю сущность. Как философское понятие индивидуальное все чаще встречается в отечественной литературе советского периода, хотя и не получило всестороннего развития. Наиболее последовательную разработку категория индивидуального получила в работах И.И.Резвицкого, который рассматривал его соотношение с социальным как диалектику общего, особенного, единичного. «Все люди живут в обществе, – писал он, – но каждый при этом живет своей индивидуальной жизнью, то есть обособляется в относительно са-

мостоятельную "точку бытия", что позволяет ему активно, творчески проявлять себя в окружающем мире»¹¹.

Марксизм в истолковании индивидуального исходит из общественной сущности человека, индивидуальной общественной сущности. Другими словами, сущность индивидуального не может быть объяснена иначе, чем в той связи, которая ведет к социальному. Индивидуальная форма бытия человеческой личности есть не только особенное проявление социального, но и способ существования человеческой личности.

Конкретизировать содержание рассматриваемых понятий можно с помощью близких, но не тождественных категорий «индивид», «индивидуальность», «личность». Поскольку вопрос о развитии этих понятий в отечественной литературе советского периода нашел достаточное освещение, постольку будет излишним вдаваться в подробную аргументацию этого вопроса, можно ограничиться схематическим обзором. Укажу только, что даже в период господства марксистско-ленинской философии встречаются утверждения, что в работах классиков марксизма различие между понятиями «человек», «индивид», «личность» не проводилось достаточно последовательно.¹²

Знакомство с теоретическим наследием основоположников марксизма убеждает в обратном. К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин строго различали указанные категории. Другое дело, что они подчеркивали общественную сущность, составляющую общее качество перечисленных терминов. Они не только различали эти понятия между собой, но и внутри каждого мы находим дифференциацию содержания, например «частичный индивид», «свободная индивидуальность» и т.п. Причем они указывали, что это не только логические различия, но и исторический факт.¹³ Проблема человека как личности, нашедшая отражение в трудах классиков марксизма-ленинизма, представлена рядом интересных исследований.¹⁴ Человек – индивид – индивидуальность – личность – это разные грани единого целостного филогенетического развития рода «Номо».

Основоположники марксизма разработали диалектико-материалистическую теорию человека как родового существа. «Человек, – писал К.Маркс, – всегда остается сущностью всех этих социальных образований, но эти образования выступают также и как его действительная всеобщность, поэтому также и как общее всем людям»¹⁵. Таким образом, главной особенностью человека является его социальная природа, так как только в обществе может реализоваться его человеческая сущность. К.Маркс и Ф.Энгельс писали по этому поводу: «... что это вообще за «человек», которой рассматривается не в своей действительной исторической деятельности и бытии, а может быть выведен из ... какого-нибудь ... признака, отличающего его от животных»¹⁶. Как видим, основоположники марксизма диалектически подходили к сущности и существованию чело-

века, подразумевая за тождеством различие, за различием – тождество, граница между которыми относительна и подвижна.

Большинство советских обществоведов вместе с основоположниками марксизма считали понятия «человек», «индивид», «индивидуальность», «личность» выражением специфической определенности динамически развивающегося своеобразия человеческой природы. Каждое из перечисленных понятий имеет специфическое, присущее только ему содержание, отражает определенную сторону человеческой природы при том всеобщем, общезначимом, что характерно для человеческого рода. В теоретическом «членении» человека на индивида, личность и индивидуальность мы не должны доходить до действительного разделения человека на три ипостаси: человек – индивид, человек – личность, человек – индивидуальность. Например, рассматривая в человеке индивидуальные (природные, биологические) свойства, мы можем абстрагироваться от него как от личности или индивидуальности, но это абстрагирование «снимается» в диалектике общего, особенного, единичного.

Рассматривая индивида как конкретное, отдельное человеческое существо (единичное), мы учитываем также его индивидуализированные свойства (особенное) и то, что телесная организация индивида социально детерминирована (общее). Воздействие социального преломляется через неповторимость человеческого тела (единичное), чтобы «найти» воплощение в его индивидуальности (особенное). С другой стороны, человек, будучи общественным существом, вместе с тем не совпадает целиком с обществом, представляет собой индивидуальность, обладающую в рамках общественного целого своей особой жизнью, то есть человек, будучи общественным существом, не совпадает целиком и полностью не только с индивидом, но и с личностью, даже если она является единством социального и индивидуального.

В современной философской литературе процесс формирования личности также рассматривается как процесс социализации индивида – овладения человеческим индивидом опытом социальной жизни. Являясь продуктом определенной среды, каждый человек впитывает ее в себя своеобразным образом, преломляет ее, отражает ее только ему присущим образом. Так получается, что человек в своей неповторимости индивидуально выражает сущность той среды, в которой протекает его жизнедеятельность. Социальное в личности охватывает широкий круг сторон взаимоотношений, общественных связей даже в тех случаях, когда находится в определенно невыраженной форме, а всякое проявление его жизни является проявлением общественной жизни.

Личностью индивид становится, «поднимаясь» до уровня индивидуального проявления социальности общества, овладевая ее формами и связями в процессе социализации, – этим определяется «мера» единства социального и индивидуального в ее структуре. Для того чтобы инди-

видуальность «смогла» проявиться, необходимо преодолеть «случайную» форму ее реализации. Здесь имеется в виду не дихотомия необходимости и случайности (социальное – необходимо, индивидуальное – случайно), а их диалектика: социальное может принимать форму случайного, а индивидуальное – форму необходимого.

Соотношение социализации и индивидуализации является частным выражением социального в процессе развития личности. Социальное не просто сопровождало историю человека ..., а формировало человеческую сущность, индивидуальную сущность, так как социальное не есть нечто внешнее, окружающее человека, это – самое главное внутреннее «состояние» развития его сущностных сил, это – результат и проявление интериоризации общественного. Следовательно, соотношение социального и индивидуального проявляется не во взаимодействии внешнего и внутреннего, как это иногда представляется, а во взаимодействии коллективного и личного, необходимости и свободы.

Именно с тезисами единства социального (общественного) и индивидуального (личного) началось в марксизме преодоление антитезы предшествующей философии «индивид» или «общество». В настоящее время дилемма «или» – «или» возрождается как Феникс из пепла, конечно, с поправками на глобальные проблемы человечества – глобализацию, экспансию космического пространства, экологический и энергетический кризисы, проблему голода и т. п.

Тем самым вольно или невольно «заостряется» проблематика человеческого существования. При всей привлекательности апелляции к человеку (в смысле человечности, которую «искал» еще Диоген), противоречия между обществом и личностью остаются и не могут быть не только разрешены, но и исследованы при таких исходных посылах. Неудивительно, что при таком противопоставлении социального и индивидуального, с одной стороны, и полном их «растворении» – с другой, «теряется» сама личность.

Правда, пока еще не оправдалось и пророчество классиков марксизма, что только при социализме человеку предоставляется простор для его насущных проявлений. Основоположники исторического материализма лишь в коммунистическом обществе «находили» социальное пространство «... где самобытное и свободное развитие перестает быть фразой ...», где «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Итак, марксизм открыл для теоретического исследования личность, а не абстрактного индивида. Понятие «личность», в отличие от рассмотренных выше, имеет конкретно-исторический характер, на что неоднократно указывали представители марксистской философии. Именно в этом понятии находит свое проявление диалектическое единство общественного и личного, социального и индивидуального.

Таким образом, человек в антропологическом исследовании рассматривается с точки зрения единичного (индивид), особенного (индивидуальность), общего (личность). Естественно, такое разграничение относительно и условно, и человек, и личность проявляют себя как целостность действительной жизнедеятельности.

Следовательно, личность существовала во все исторические времена, она формировалась вместе с обществом и на его основе. Другое дело, соотношение социального и индивидуального в ее структуре – оно изменялось на протяжении всего филоонтогенетического развития, а изменение данного соотношения вызывало изменение личности.

Применение диалектико-материалистического принципа «соединения» противоположностей к изучению человека позволяет дать объяснение многим явлениям, которые казались непонятными, выявить некоторые важные закономерности развития человеческой личности. Личность как конкретно- историческое явление «задана» соотношением социального и индивидуального в человеческом бытии. Совершенно ясно, что никакая констатация единства социального и индивидуального, никакое требование их диалектики проблемы не решают. Проблема заключается не в сведении индивидуального к социальному, не в выведении одного из другого, а в выяснении их действительного соотношения и нахождении меры индивидуального в социальном, а социального в индивидуальном. Разумеется, «меру» следует понимать не как статическое состояние количественного тождества, за которым следует качественное различие вследствие нарушения меры. Здесь мера есть своего рода «зона», в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя свои существенные характеристики, это – своего рода динамическое «состояние» процесса развития личности.

Таким образом, уточнение понятий «социальное» и «индивидуальное» может идти только по пути выделения их специфической направленности и соподчиненности всей сфере человеческого и общественного бытия, взаимодействия в целом. Следовательно, в содержание человеческого бытия общества и общественного бытия человека имплицитно входит индивидуальное как конкретное проявление общественного бытия, а социальное как выражение индивидуальной сущности человеческого бытия. Очевидно, что такое понимание данных категорий, единство и взаимопроникновение которых и образуют концепт марксистского образа антропологии, исключает возможность оперирования «чисто» социологическим понятием личности. Даже эмпирическая возможность такого истолкования оказывается иллюзорной, так как подобная личность будет представлять в действительности лишь «голую» абстракцию, «скелет» которой обретет «плоть» в соотношении с ее индивидуальными особенностями, которые в пору увлечения социологизмом потеряли для некоторых философов смысл. Правда, в последнее время начинает признаваться их значимость для разработки философской теории человека.

Итак, если социальное находит свое реальное осуществление в индивидуальном, то развитие личности выступает как процесс диалектического взаимообогащения общества и человека. Поэтому специфика индивидуального бытия личности может быть понята в таком процессе «движения», «... в котором они [общественные индивидуумы] обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹⁷. В результате индивидуальные различия дополняются различиями социальными, обусловленными общественным разделением труда и дифференциацией социальных функций, а на определенном этапе общественного развития также и различиями индивидуально-личностными.

Таким образом, социальное и индивидуальное из антиномии превращаются в диалектическое единство общества и человека. Реальная возможность взаимной зависимости, взаимопроникновения социального и индивидуального «переходит» в действительность, когда одно выступает средством и условием другого, опосредуется им. Однако социальное и индивидуальное хоть и равноценные, равноправные, но не равновеликие стороны. Выступая противоположными сторонами единого социального образования – личности, они образуют двуединую социально-индивидуальную сущность. Естественно, социальное и индивидуальное – сущности разного порядка, последняя как сущность менее высокого порядка определяется все же первой, но это не дает основания умалять значение индивидуального. В индивидуальном социальное обнаруживает свое общественное содержание в такой же мере, в какой социальное не имело бы человеческого (общественного) статуса без индивидуального.

Из вышесказанного можно заключить, что в реальном процессе жизнедеятельности личности социальное и индивидуальное «занимают» все же разные места и в этом проявляется их диалектика. Социальное занимает принципиально иной, отличный от индивидуального уровень, однако без индивидуального или помимо него понять жизнедеятельность личности не представляется возможным. Только на основе их взаимодействия «возникает» то целостное образование, которое у индивида только на основе его индивидуальных свойств обнаружить не удастся, хотя обе стороны личности (социальное и индивидуальное) базируются на индивидном. Сведение огромного разнообразия свойств, особенностей личности к индивидуальным, социальным, конечно, есть упрощение, но оно поможет нам выявить закономерности их функционирования и соотношения в структуре личности. Человеческая личность, в отличие от человека (родового существа), в принципе не может быть о-пределена (в смысле границы, «предела»), так как по своей внутренней сущности она всегда больше, чем предметная действительность, а потому постоянно выходит за свои «пределы» в качественно иные (внутренние и внешние) миры.

В настоящей статье я намеренно ограничила пространство реконструкции антропологического образа марксистской философии таким перио-

дом отечественной философской мысли (60–80-е гг. XX в.), когда до «перестройки» и «нового мышления» преподаватели философии, взрастившие опыт собственной интеллектуальной рефлексии на марксизме-ленинизме, еще не приступили к «побиванию камнями» своих вчерашних кумиров.

¹ Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.20. – С.622.

² Маркс, К. Немецкая идеология. Т.1. / К.Маркс, Ф.Энгельс // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т. 3 – С.25.

³ Там же. – С.440.

⁴ Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И.Ленин // Ленин, В.И. ПСС. – Т. 18. – С.345.

⁵ Очерки по историческому материализму. – М., 1981.

⁶ Диалектика взаимосвязи личного и социального в целостном развитии личности. – М., 1980.

⁷ См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. – М., 1983.

⁸ См.: Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности. – М., 1983; Очерки по историческому материализму. – М., 1981; Руткевич, М.Н. Диалектика и социология / М.Н.Руткевич. – М., 1980 и др.

⁹ Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.42. – С.119.

¹⁰ Там же.

¹¹ Резвицкий, И.И. Личность. Индивидуальность. Общество / И.И.резвицкий. – М., 1984. – С. 31.

¹² Табунов, Н.Д. Социальные законы формирования личности / Н.Д.Табунов // Проблемы личности. Т.1. – М., 1969. – С.263–264.

¹³ Маркс, К. Немецкая идеология. Т.1. / К.Маркс, Ф.Энгельс // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т. 3 – С.71.

¹⁴ Гак, Г.М. Диалектика коллективности и индивидуальности / Г.М.Гак. – М., 1967; Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г.Ананьев. – Л., 1968; Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г.Ананьев. – М., 1977; Абульханова-Славская, К.А. Диалектика человеческой жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М., 1977; Кемеров, В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл / В.Е.Кемеров. – М., 1977; Буюева, Л.П. Человек деятельность и общение / Л.П.Буюева. – М., 1978; Диалектика индивидуальности, личности, коллектива, общества. – Смоленск, 1979; Крутова, О.Н. Человек и история / О.Н.Крутова. – М.,1982; Резвицкий, И.И. Философские основы теории индивидуальности / И.И.резвицкий. – Л., 1967.

¹⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.13. – С.264.

¹⁶ Маркс, К. Немецкая идеология. Т.1. / К.Маркс, Ф.Энгельс // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т. 3 – С.516.

¹⁷ Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1857–1859 годов. Часть 2. Критика политической экономии // Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – Т.46. – Ч.11. – С.222.

Еворовский В.Б.,

доктор философии

Институт философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск)

**СИЮМИНУТНОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ
(СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА ГАБРИЕЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ДИСКУРСА)**

Концепт сиюминутности по воле судеб развития современной цивилизации становится все более и более актуальным. В условиях обществ Северо-Западного ареала мира (**СЗАМ**) отношение к культуре сиюминутности как на уровне повседневного восприятия, так и в его генерализованном политическом проявлении уже несколько десятилетий разделяет интеллектуалов на два соперничающих лагеря. Так, **консерватизм** (мы сейчас не будем останавливаться на характеристике его отдельных оттенков) проповедует жесткую оппозицию: *сиюминутность* – *вечность*. Последняя, в свою очередь, характеризуется как царство неизменных ценностей, исторически сложившихся идеалов, являясь в конечном итоге символом добра и красоты, основным источником радости жизни. С этой точки зрения бытие сиюминутного – это относительно автономный момент гармонизированного через универсальные ценности единого временного ряда.

В свою очередь, течения **радикального толка**, наоборот, воспевают абсолютную непреходящую ценность сегодняшнего момента существования, рассматривая **Вечное** как нечто искусственно сконструированное. Здесь, как правило, превозносится независимость и самостоятельность сиюминутности, а вечность, универсальность, упорядоченность осмысляется как пережиток прошлого, что-то похожее на пыльные очки, от которых необходимо избавиться.

При всем этом в СЗАМ наблюдается весьма интересный феномен. Как философские дискуссии, так и политические конфронтации между консерваторами и радикалами практически ничем не нарушают общую динамику европейской цивилизации. Приверженность к вечному и стабильному не приводит к отрицанию плюрализма и установлению некоего всеобщего и всепроникающего порядка. Призывы сдать старые ценности в архив истории не результируют во всеобщий аморализм, беззаконие, посягательства на права личности и ее жизнь. Более того, те люди, которые не считают себя предназначенными для проведения различного рода рефлексий и деконструкций над обществом, традиционно не замечают этой интеллектуальной суеты, а их электоральные ожидания представляют знакомую всем синхронную смену ориентаций. Консерваторы вытесняют радикалов, затем радикалы наступают на пятки консервато-

рам. Уже многие десятилетия продолжается эта игра, не нарушающая, впрочем, многовекторной стабильности сообществ СЗАМ.

Вне пределов общества классического рационализма соотношения вечности и сиюминутности становятся более сложными. История знает не только добрую, но и **Злую Вечность**, олицетворяющую вместо данного Богом порядка, находящийся в перманентных метаморфозах, необузданный хаос. Сам же порядок, и это тоже неоднократно показывала история, не всегда несет в себе добро. Бывали времена и страны, где сиюминутность упорядочивалась не столько вечным и универсальным законом, сколько тоталитарными идеалами и принципами или даже желаниями, настроениями, симпатиями и антипатиями отдельно взятой персоны...

Социальное время отличается от физического. Одушевленная темпоральность почти всегда эмоциональна, а значит, становится объектом оценки, и прежде всего через постоянное соотнесение текущего момента (так или иначе оформленной корпускулы сиюминутного) с вечным. **Вечное-непреходящее (в контексте его существования как инобытия сегодняшнего) может быть интерпретировано как статический идеально-ценностный ряд, включающий в себя рассматриваемые как подлинные цели развития того или иного типа культуры, общества или цивилизации.**

При наличии консенсуса о том, каким должно быть это вечное, представляющее, с этой точки зрения, базу для определения степеней свободы сиюминутности, достигаются стабильность и плавность общественного развития. Нередки и споры о должной структуре нетленного, причем здесь можно рассматривать три основных варианта. С одной стороны, дебаты могут протекать в рамках той или иной общей конструкции непреходящего, когда возникают расхождения по отдельным его параметрам. С другой стороны, в условиях того или иного типа революционной ситуации возможно столкновение двух или более парадигмально противоположных образов вечного. И, наконец, третье, та ситуация, которая в основном станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения, – это ситуация **«нулевой» вечности** и соответственно **чистой сиюминутности**.

В таких обстоятельствах возникает особая злободневность, освобожденная от власти любого аксиологического ряда, которая не подчиняется никаким законам добра, игнорирует все каноны красоты. Соответственно, детерминатность бытования чистой сиюминутности не может выйти за рамки своей корпускулы и поэтому определяется всем тем, что имеет потенции скоротечной реализации, – похотью, жадностью, страхом, властолюбием, черствостью и безразличием. Пороки эти универсальные и презираемые во все времена и всеми состоявшимися народами...

Так возникали, используя метафоры колумбийского писателя, лауреата Нобелевской премии в области литературы **Габриеля Гарсиа Маркеса** [*Gabriel García Márquez*], ***cien anos de soledad*** *сто лет одино-*

чества (испанское *soledad* ассоциируется также с печалью и тоской), непрекращающееся недоброе время, особый тип злой вечности, в рамках которой надежда на новую, непохожую на общий ряд сиюминутность порой становилась единственным шансом хотя бы иллюзорного спасения для любой, осознающей себя личности.

«Никчемно все, – сказал Кохелет¹, – Напрасно все и бесцельно все. Что пользы человеку в трудах его, которыми трудится он под солнцем? Поколения приходят, и поколения уходят, а земля, как была, остается прежней. Восходит солнце, заходит солнце, и в том же месте снова восходит. Идет на юг, сворачивает на север, кружит, кружит в пути своем ветер, и на круги свои возвращается ветер. Все реки текут неизменно в море, но не переполняется море, а реки возвращаются вспять, к истокам, чтобы оттуда снова течь. Непознаваема суть вещей. Не выразить ее никакими словами. Не может глаз ее рассмотреть. Не может ухо ее расслышать». Комментируя далее этот свой перевод Екклесиаста, Э.Г.Юнц продолжает: Как видим, циклические процессы в природе, устойчивая размеренность законов мироздания, в которой греческие философы усматривали высшую гармонию, для Екклесиаста – лишь бессмысленное, бесцельное вращение по кругу, безысходный тупик. Ничтожность и суетность человеческого бытия он подчеркивает, настойчиво повторяя энергичное и короткое слово «хевель», «бессмыслица, нелепость, вздор, чепуха».²

Екклесиаст, этот совсем древний текст, наверное, одно из первых в истории человечества размышлений о столь животрепещущей и потому волнующей всех нас сейчас теме сиюминутности, причем так точно и философски просто схвативших суть и последствия недетерминированного настоящего времени. Что касается переводов, переложений ставшей вечной, «поучающей премудрости» Кохелета на свой родной язык, то это всегда интерпретации, своеобразный путь приобщения новых, познающих библейские максимы народов к универсальному, общечеловеческому, в том числе и через привязку понятого в тексте Писания к локальной системе смыслов.

В данном отрывке древнего текста Екклесиаста такое сравнение понимания **никчемности сиюминутности** у различных народов продуктивно еще в силу преобладающего конкретно-чувственного мышления как в библейскую, так и в более поздние эпохи. Наряду со многим другим в дискурсе тех времен, сиюминутность можно было пощупать, воспринять не только через абстрактные категории вечно убегающего разума, но и через сложившиеся веками (и поэтому статичные) конкретно-чувственные стереотипы, которые, как правило, мгновенно и безошибочно отделяют добро от зла....

Через специфические и для различных культур отличающиеся эмоциональные ассоциации мудрость, размышляющая над сиюминутностью,

входила в тот или иной смысловой ряд, раскрывая через свои материальные ассоциации новые философские смыслы. Таким образом, формировались не только язык спекулятивных осуждений, но и базовые категории обыденного восприятия реальности, повседневные критерии членения между сиюминутностью и вечностью, а также мерила моральной оценки этих категорий.

Хавель хавалим – эта формула, открывающая и замыкающая книгу [Екклесиаста], есть экспрессивное удвоение слова хавель, «выдох, легкое дуновение» или, в переносном значении, «несуществующее, пустое». Усиленное повтором, оно означает «совершеннейшую иллюзию, полное ничто».³ Вообще текст Екклесиаста насквозь пронизывает **ветер**, причем в разных своих проявлениях. *Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои (Екк 1: 6)*. Никчемность, которая, с точки зрения Кохелета, имеет своей первопричиной произвольный выдох, тот рефлекторный акт, который каждый из нас повторяет за день тысячи раз, в этом своем первом иудейском (как мы говорили ранее, полностью конкретно-чувственном) проявлении получает свою атрибутивность **бытия бесполезным** именно через невесомость. То, что не имеет веса, не имеет ценности и поэтому, подобно пылинкам, по сей день роящимися над пустынями Иудеи, легко уносится любым ветром. *Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? (Екк 1: 6)*.

Как известно, крайний случай невесомого тела – пустота. Именно вариант *vanitas vanitatum* [буквально пустота пустот] избрали для отображения ничтожности повседневности первые переводчики Библии (*Vulgate*)⁴ на латинский язык в конце IV – начале V вв. н.э. А вот вариации на тему «пустоты» из «Толкового словаря живого великорусского языка» **Владимира Даля**: *Пустой человек. Тщетный, бесполезный, дармовой, неудачный, напрасный. Пустая попытка, пустое дело. Пустая надежда. Пустые вести. По пусту месту хоть обухом бей. Пустота дел, суетность, суета, ничтожность, бесполезность, тщета. Пустота занятий. Пустота светской жизни. Пустобай, пустобрех, пустовраль, пустоврака, пустовира, пустомол, пустомеля, пустоболт, пустоплет, пустослов ... Пустословие, пустобред, пустотоброд, пустодум, пустоум, пустоумница, пусторазумник, -ница об. пустогреза ... Думка чадна, недоумка бедна, а всеха (всего) тошней пустослов!*⁵

Действие, по своему усилию равное простому выдоху, очевидно, совершенно бесплодно и может лишь произвести пустоту, пустоту пространства, пустоту мысли, пустоту слова, пустоту действия, то есть создавать суету.⁶

Суета⁷, этот древнеславянский термин являлся первой в истории нашего культурного ареала попыткой передачи смысла главного девиза

Екклесиаста. С другой стороны, в силу особенностей трансляции христианской мудрости на древнерусских землях он оказался максимально философски наполненным. Оставив многие свои конкретно-чувственные ассоциации на болгарской почве, термин «суета» принес на Русь большей частью абстрактные смыслы, причем имеющие не только ветхозаветное, но и в некоторой степени новозаветное христианское звучание. Древнерусское осмысление суеты фиксировало не только и несколько само это состояние, но подспудно показывало пути его преодоления. В частности, тот ряд семантических значений⁸, в которых присутствует суета, почти всегда подчеркивает именно отсутствие согласования того или иного повседневного действия с вечным и упорядоченным. Последние в анализируемом нами смысловом ряде всегда выступают антагонистами суетного. **Не добра суета, а добр распорядок.**

И, наконец, в заключение этого нашего беглого лингвистического экскурса – белорусское слово **марнасьць**⁹. Аналогичные выражения для суеты используются в польском (*marność*) и украинском (*марнота*) переводах Екклесиаста. Это новая интерпретация древнееврейского **хавель хавалим** с добавлением очередного значимого ряда смыслов¹⁰.

*«Марит в знойное лето, когда все изнемогает от припека солнца, земля накаляется, нижние слои воздуха пламенеют и струятся, искажая отдаленные предметы, которые мельтешат, играют; марит перед грозой, когда воздух душный, пот и слабость одолевают; также во время лесных палов, когда воздух становится мутным, горкнет, и среди мглы солнце стоит тусклым багровым шаром; марит и в раннюю весну, когда солнце знойно припекает груды рассыпчатого снега, полои и топкую грязь, а волнистые пары производят то же, что знойные летние испарения. В глаг. марить спутаны два понятия: морить и морочить. Меня марит, клонит ко сну, развязало все суставы, и отуманивает, одуряет; парит или морит, я раскис и дремлю наяву. Землю вымарило, иссушило. Домарило донельзя. Опять замарило. Помарило порядком.»*¹¹

Очевидно, что в этом восточноевропейском значении суета – это, прежде всего, иллюзорность внешней жизни. Привязанные к повседневности и поэтому тщетные мечты (бел. *мары*) рефлектируют над окружающей ничемностью. Воплощения же таких грез, как правило, постепенно и поэтому незаметно для живущего в суете человека испаряются в обступающий его мираж-марево. *«Промарило все лето. Размарило меня совсем.»*¹²

Белорусские болота (подобно тропическим лесам родины Маркеса Колумбии) весьма располагали человека воспринимать свое бытование как непонятную и поэтому фатальную иллюзию, в которой лучшим действием традиционно считалось отсутствие оногo. Мары, черпая свои истоки в сиюминутности, как бы ненароком растворялись в ней, а погружение в чары суеты незаметно парализовало волю. **Разморило меня, что уж теперь делать?!** Не в этом ли суть нашей, теперь уже всемирно из-

вестной, «*пам'яркоўнасці*»?! Таким образом, обращаясь к кладезям народной мудрости, ставшей нам доступной, прежде всего, благодаря «*Толковому словарю живого великорусского языка*» **Владимира Даля**, мы смогли проследить как суть, так и достаточно полный спектр причин и порождений *чистой сиюминутности*, которую мы теперь с полным правом можем назвать **суеминутностью**, то есть тем временем, где безраздельно властвует оторванная от вечного и непреходящего, анархия суеты.

Дитя безвольного выдоха, поднимающее марево, равное пустоте, суета вместо подлинной жизни порождает мираж существования с целями, скрывающимися в окружающем нашу повседневность беспросветном тумане. Такова в общем виде и структура *магической реальности ста лет одиночества* – основного предмета рефлексии Габриеля Гарсиа Маркеса.

При этом мы намеренно отказываемся от сопоставления рисуемых писателем конструкций с реальной историей Латинской Америки (предмета, экспертом в котором мы определенно не являемся), ибо исходим из глубокого убеждения о доминировании философского (а следовательно не ограниченного локальным) в тех текстах, собственное прочтение которых нам хочется представить на суд читателей и слушателей. Найденные в произведениях Маркеса философемы группируются вокруг главной категориальной дихотомии **одиночества и вечности**. Причем в рамках мира Макондо эти две категории – взаимнопорождающие. Полем же действия этого процесса становится действительность, называемая **магической реальностью**,¹³ которая описывается Маркесом почти во всех его произведениях. Более того, и это является одной из особенностей творчества писателя, не только тема, но и многие герои и сюжеты переходят из романа в роман, составляя на творческом поле Маркеса как бы единое целое, представляющее собой непрерывный интерсубъективный миф, сливающий реальное и воображаемое, а, вернее, не делающий между первым и вторым никаких различий. С этой точки зрения творчество Маркеса, действительно, реализм, реконструирующий мифологическую объективность

Мир, в отличие от философской теории, постоянно перемешивает, причем в разных пропорциях доброе и злое, прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное. Как все то, что, так или иначе, связано с неопределенностью, а значит, с вариативным развитием, сиюминутность (как мы подчеркивали ранее, в общем-то неизбежный даже для самого высокоорганизованного (но не заорганизованного) общества феномен) часто искушает своим преодолением, порождая целый веер соблазнов. **Первый из этих соблазнов**, самый очевидный, – попытка упорядочить внешний мир, найти причину, преодолевающую хаотичность повседневного существования, или внедрить в окружающий мыслящую субстанцию социум **некий регулирующий принцип**. **Второй** – закрыться от доку-

чающей сиюминутности, создать вокруг своего Я некую невидимую сферу, воссозданный ирреальный мир, выполняющий по отношению к внешней интерсубъективности паллиативные функции. Мы можем также говорить об этой промежуточной сфере как об идеальном буфере, который, с одной стороны, защищает продуцирующее его *Его* от внешнего, отчуждающего личность, мира, а с другой стороны, обеспечивает личности **власть хотя бы над тем фрагментом реальности, которая является продуктом его сознания.**¹⁴

И, наконец, **третье**, что возвращает нас к описанной выше начальной структуре мифологии Маркеса. Позволим взять на себя смелость и заметить, что человек, особенно, думающий, неординарный (такими, очевидно, были первооткрыватели Америки), редко чувствует себя удовлетворенным в любой реальности, как существующей вовне, так и самостоятельно сконструированной. Однако всегда существует соблазн помыслить себе, что там за горизонтом, куда не в состоянии попасть какой-либо пытливый ум, действительно текут молочные реки, а их русло направляют кисельные берега. Когда-то для социалистического сознания границей, где кончалось реально существующее и начиналось идеальное, был **Железный Занавес**. Несколько столетий тому назад возможностей для создания таких домысленных реальностей было гораздо больше. Ум был менее критичен. Проникновение человека в физические законы минимально. Наивность порождало любопытство.

Однако такое, в общем-то, заинтересованное настроение при восприятии магической реальности Латинской Америки, возникшее при чтении первого фрагмента Нобелевской лекции Габриеля Гарсия Маркеса, прерывается весьма неожиданным с точки зрения привычного нам понимания чудесного, пассажем, тем смысловым рядом, который делает кощунством любые дальнейшие нейтрально-спекулятивные размышления.

Our independence from Spanish domination did not put us beyond the reach of madness. General Antonio López de Santana, three times dictator of Mexico, held a magnificent funeral for the right leg he had lost in the so-called Pastry War. ... The statue to General Francisco Morazán erected in the main square of Tegucigalpa is actually one of Marshal Ney, purchased at a Paris warehouse of second-hand sculptures...

Eleven years ago, the Chilean Pablo Neruda, one of the outstanding poets of our time, enlightened this audience with his word. We have not had a moment's rest. ... There have been five wars and seventeen military coups; there emerged a diabolic dictator who is carrying out, in God's name, the first Latin American ethnocide of our time. In the meantime, twenty million Latin American children died before the age of one – more than have been born in Europe since 1970¹⁵ ...

Чудеса превращаются в безумие, безумие – в самодурство, самодурство – в кровавый террор, несущий смерть, лишения и страдания для

миллионов людей, которые в рамках этой реальности оказываются отделенными друг от друга, а населяемая ими Америка погружается в одиночество. Возникает сильное побуждение подумать о причинах таких кровавых вакханалий. Что может занять в индивидуальном сознании или в общественных представлениях то центральное место, что издавна принадлежит человеку? Что может присвоить себе право быть выше нашей жизни, считать должным попираť наше достоинство, калечить душу, ту сокровенную часть, что делает каждого из нас равноценными и равноответственными как перед Богом, так и перед любыми внешними силами внечеловеческими и нечеловеческими? Как возникает такая ситуация, в которой человек, становящийся заложником своих прихотей, коверкает жизни своей семье, тысячам и даже миллионам своих соотечественников, одновременно уничтожая личность в себе. **Попраť все это, оставаясь непокоренным, может только античеловеческий миф.** Ведь не случайно под сенью магической реальности родился роман *«Осень Патриарха»*. Отцы нации, как правило, есть порождения этого же мифа.

Некоторая инаковость, отличающая магическую реальность от классических образцов (античного и современного), все же не в состоянии вырвать ее из мифологических канонов. Несмотря не на что, Мир, созданный этим великим латиноамериканским писателем, не перестает быть мифом. Ибо миф, в отличие от сказки, не обязательно направлен на happy end. Он скорее онтологичен, а не поучителен. То есть миф схватывает всю логику и все потенции развития описываемого социума, как правило, лишь продуцируя и транслируя их, но не давая никакой моральной оценки.

Другое дело, насколько эти направления становления того или иного общества или цивилизации гуманистичны, плодотворны, обращены на рождение доброго, склонны к поддержанию чего-либо устойчивого, могущего претендовать на непреходящее значение... Античная цивилизация представляла именно тот выдающийся случай, принесший человечеству почти все разделяемые сейчас каноны добра, красоты, правильной упорядоченности. Античное движение от мифа к логосу, которое выражалось в деяниях, на первый взгляд оторванных от жизни мудрецов-философов, обуздывало стихию мифа путем философских категорий, заменяло хаос упорядоченностью, создавало полюса оценки для неопределенно существующей реальности. Люди научились распознавать что хорошо, что плохо, искали дорогу к добру и этим самым вгоняли необузданное буйство мира в некий строго структурированный порядок. Потом имена авторов порядка и учителей мудрости большей частью позабылись. Многие достижения стали приписываться воле Бога, а соблюдение норм жизни общества причислялось к естественным потребностям человека. За античными философами, политическими деятелями закрепились имена мудрецов, Учителей не только своего, но и всех наследующих

древнегреческую культуру народов. Сугубо мыслительная работа античных философов была приравнена к подвигам Геракла.

Возвращаясь к роману «Сто лет одиночества» Габриеля Гарсиа Маркеса, мы можем назвать находки обитателей мира Макондо гениальными, их стремления к открытиям заслуживают всяческого уважения. Только вот результат: «... *Первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи*». И эти почти последние строчки романа можно одновременно считать и квинтэссенцией, главным уроком этой истории магической реальности. ***Получается, если гениев, мудрецов, учителей вместо воздания им почестей за их мастерство и тщательного усвоения их, может быть, непонятных и необычных речей просто привязывать к дереву, потомков даже самого выдающегося и талантливого рода неминуемо съедят муравьи.*** Потом история, закончив этот трагический и бесплодный круг, по циклической мифологической логике должна начаться сначала?!

¹ Кохелет — слово нигде больше не зафиксированное. По форме — это причастие глагола кахаль «собирать, созывать» и обычно толкуется как «ведущий собрание, ораторствующий перед публикой» или «проповедующий в собрании, поучающий народ». Под «собранием» разумеется сходка полноправных граждан, то есть, в расширительном значении, весь еврейский народ. С такой интерпретацией связаны две трудности. Во-первых, глагол кахаль в своей исходной форме не существует, а в каузативном значении «собирать, созывать» используется лишь порода «хифиль». Получается, что кохелет — причастие от несуществующего глагола. Впрочем, в поэтическом языке (а мы имеем дело с поэтической книгой) такое возможно. Во-вторых, кохелет — причастие женского рода, что явно не соответствует полу автора. Но если вспомнить, что абстрактные понятия в древнееврейском, как правило, женского рода, кохелет можно истолковать как поучающая премудрость. Такая горделивая самооценка хорошо согласуется с высоким самомнением нашего автора. Хитроумно сконструированный псевдоним, как видим, содержит в себе элемент головоломки, характерный для традиционной восточной мудрости. Книга Экклесиаста / пер. Э.Г.Юнца // Вопросы философии. — 1991. — №8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ancientrome.ru/antlittr/antost/eccles/kniga_tx.htm.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *vanitas vanitatum dixit Ecclesiastes vanitas vanitatum omnia vanitas* (Екк 1:2) cf. **English King James Version** *Vanity of vanities, saith the Preacher; vanity of vanities, all is vanity* cf. **Louis Segond** *Vanité des vanités, dit l'Ecclésiaste, vanité des vanités, tout est vanité.*

⁵ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

⁶ «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета!» (**Екк 1: 2**) сравни болгарский вариант *Суета на суетите, казва проповедникът; Суета на суетите, всичко е суета.*

⁷ **СУЕ**, или **всue**, нареч. *напрасно, даром, тщетно, попусту, без пользы, толку, пути; суе*, более в сложных словах, и относится до *тщеты* мирской, светской, противопол. вечному благу нашему, жизни духовной. (**Суета** ж. суетность, суетство; *тщета*, пустота или ничтожность, бесполезность помыслов, стремлений и дел людских; *все* мирское, земное, временное, скудельное, ничтожное, сравнительно с

вечным, загробным; все вздорное или противное вечному благу нашему в обычаях наших и в роде жизни. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

⁸ Ср. Суеглазить попусту зевать на суетное, на вздорное Суемудрие ср. суемудрость ж. мудрость суетная, ложная, светская, лжеумствование, безумие. Суемыслие ср. суетные помышления Суеславие, тщеславье Суесловие и – словные речи, пустословие, вздорные, пустые речи, слова на ветер, без пользы и толку; беседа безнравственная. И Суесвятство, ложное, внешнее, обрядливое только богопочитание, особ. ради тщеславия, ханжество, личина благочестия, либо изуверство. -свят, -святка, пустосвят. Суесвят сознательный, ханжа, лицемер; суесвят честный, по совести, изувер, фанатик. Суеумие, суетный ум и его ученье, безумие.

⁹ Пустая марнасьць сказаў Эклезіаст, пустая марнасьць, – усё марнасьць (Эк 1:2); сравни: Наймарніша марнота, сказав Проповідник, наймарніша марнота, марнота усе!; *Marność nad marnościami, powiada Kohelet, marność nad marnościami – wszystko marność.*

¹⁰ МАРА ж. мана, блазнь, морок, морока, наваждение, обаяние; греза, мечта; призрак, привидение, обман чувств и самый призрак; напр. в олон. род домового или кикиморы, который путает и рвет кудель и пряжу. Даль, В.И. Указ. соч.

¹¹ Даль, В.И. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ На вопрос, заданный в 1979 г. в редакции журнала «Латинская Америка»: «Во что вы верите: в магический реализм или в магию литературы?», — Гарсиа Маркес ответил: «Я верю в магию реальной жизни». Ответ абсолютно точный, одновременно сближающий писателя с его современниками и единомышленниками, создателями магического реализма или заклинателями слов, чародеями вымысла, и показывающий его уникальное место в общем потоке. Реальная жизнь магии реальной жизни — по-видимому, так могла бы быть определена задача, которую писатель перед собой поставил (Багно, В. Об одиночестве, смерти, любви и о прочей жизни / Всеволод Багно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://macondo.h1.ru/index.php?critics/bagno.htm>.

¹⁴ А чем ближе идеально сконструированная сфера тождественна реальной, тем сильнее власть творца идей над подлунной сферой. Философия становится наукой мудрости, подобной бесконечному знанию, не подверженному никаким ограничениям, символизирующей свободу духа в его рациональной активности. Те, кто владеет понятиями, царят над эйдосами, конструирующими мир и управляют течением времени общества вне зависимости от того, хотят или не хотят ли этого сами небожители, осознают ли это те, кто живет под тенью раскрытых или сконструированных философом идей.

¹⁵ Márquez Gabriel García The Solitude of Latin America, Nobel Prize Lecture, 8 December 1982 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.themodernword.com/gabo/gabo_nobel.html.

Чмыхало Б.А.,

доктор филологических наук, профессор
Красноярский педагогический университет
им. В.П.Астафьева (г. Красноярск)

**СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА В СИБИРИ XVII – 60-Е ГГ. XIX ВВ.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Сегодня пристальное исследовательское внимание привлекают те области гуманитарной культуры, которые ранее не входили в традиционный круг наблюдений историко-литературной науки. Можно сказать, что в настоящее время в нашем литературоведении переживается подлинный культурологический бум. И это закономерно, потому что история литературы позволяет отслеживать важные процессы в смежных областях гуманитарного знания. К числу тех работ, где дается определение «смехового мира» в Древней Руси, можно отнести содержательную коллективную монографию Д.С.Лихачева, А.М.Панченко и Н.В.Понырко «Смех в Древней Руси»¹. Здесь системно рассматриваются явления юродства, особенности смеха Аввакума, демократизм смеха и его роль в разоблачении мнимо благополучной действительности. В самом деле, «смех заключает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно», потому что он направлен против, в первую очередь, «условностей человеческого поведения и жизни общества»².

«Он как бы возвращает миру его изначальную хаотичность», но вместе с тем «разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей... мир свободы от условностей»³. Так, смех, создавая мир антикультуры, предлагает альтернативу существующему порядку вещей. Смех Древней Руси – смех средневековый. Особенности этого типа смеховой культуры подробно описаны в известной книге М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). В первую очередь, это направленность смеха на самого смеющегося, который «валяет дурака». Так вскрывается механизм осмеяния мира, потому что «дурак умен: он знает о мире больше, чем его современники»⁴. Здесь мы находим, например, основы явления древнерусского юродства. Это мир «двуплановый: для невежд – смешной, для понимающих – особо значительный»⁵.

Особенности древнерусского смехового мира отчетливо проявляют себя и в XVIII в. (лубок!). К сожалению, эта тема еще нуждается в дополнительных исследованиях. Мало изучена и смеховая ситуация XIX в. На данном фоне представляется и вовсе неисследованной смеховая культура старой Сибири, хотя она дает широкие возможности для важных наблюдений. Прежде всего, потому, что литература и культура восточного региона России в это время имела выраженный «запаздывающий» ха-

ракти. Здесь актуализировались темы и приемы, которые были уже пережиты в культурной ситуации центральных территорий. Важным подспорьем в работе стала для нас содержательная книга-хрестоматия историка Г.Ф.Быкони «История Красноярска: Документы и материалы XVII – первая половина XIX вв.»⁶. Конечно, автор не ставил перед собой специальной задачи, связанной с изучением смеховой ситуации в Сибири, но ряд ее текстов может быть вполне интерпретирован в данном аспекте. Частые ссылки на эту книгу обусловили то обстоятельство, что страницы исследования Г.Ф.Быкони будут указываться прямо по тексту и не будут вноситься в общий библиографический список. Сохраняются также и орфографические черты оригинальных источников.

В качестве типологически близкого материала можно обратиться к творчеству и личности крупного автора XVII в. протопопа Аввакума. Это тем более оправдано, потому что Аввакум Петров в 1653 г. был сослан в Сибирь, а в 1662–1663 гг. зимовал в Енисейске. Автор известнейшего «Жития», где нарисована широкая картина жизни Московской Руси, нередко использовал смеховые приемы в своем произведении. И хотя смеховой мир в XVII в. в основном создавался «коллективно», его общие законы индивидуально преломились в творчестве Аввакума. Подробнее об этом можно узнать из все той же книги «Смех в Древней Руси»⁷.

«Смех был не только жизненной позицией Аввакума – позицией, которая давала ему силы переносить гонения и муки, – он был и его мировоззрением, утверждавшим призрачность всего существующего в этом мире.»⁸ Мире, поработанном никонианами, а значит, и самим сатаной. Но смех у Аввакума, бывало, выливался в мягкие укоризны, принимая формы «религиозные». Это, скорее, выглядит способом личной борьбы с гордыней. Его заклятые враги – «дурачки», «миленькие», «бедные». Даже воевода Пашков, мучитель протопопа, не вызывает у Аввакума ненависти. Для Аввакума собственное смирение было куда большей ценностью, чем «разоблачение» противников. И это не результат средневековой этикетности, а глубокое убеждение в непреходящей силе «самообуздывания». Он сам кротко смеялся над своими мучениями. «Вякание» протопопа – часть смиренного отношения к самому себе. «Нищему подобает нищий язык – язык, лишенный всякой пышности и вместе с тем шутовской, ибо шутовством в Древней Руси обычно рядилось и самое попростушество»⁹. «Кроткий» смех Аввакума свидетельствовал о несостоятельности или даже враждебности человеку «этого мира». Он типологически близок философии юродства, «мудрой глупости».

Конечно, философская, а точнее, богословская сложность смехового начала у Аввакума далеко не всегда воспринималась современниками. Можно также с уверенностью сказать, что понимание «смешного» у красноярских жителей – казаков даже спустя почти столетие было более примитивным. Пьянки, драки, воинские шутовские забавы составляли

сущность их выхода в «иный мир». Вот, например, выдержка из дневников первой в Сибири научной экспедиции Даниила Готлиба Мессершмидта о Красноярске и его жителях 1722–1723 гг.:

«30 марта.

Я участвовал в учтивом деле, предпринимаемом у русских. А именно: когда выпадает день известного святого Николая или Михаила (...) то (...), как решает глава церкви или староста, варят пиво (...). Кто только имеет желание и усмотрение пить за Николая или Михаила или пробовать, тот кладет на маленькое блюдо, по возможности, 1, 2 алтына, кто беден – только копейку, ибо это не такса для этого святого. Тогда каждый может пить в церкви по желанию и не выходить раньше, чем кончится пиво. При этом святые гости не обходятся без ссор и драк, а многие не идут домой, потому что их нужно тащить» (с. 174).

Экспедиция Мессершмидта пробыла в Красноярске свыше десяти месяцев. Основной целью ее было исследование флоры и фауны сибирского края. Но внимание пытливого иностранца привлекали также яркие бытовые черты местной жизни. Сведения о религиозной жизни и обычаях красноярцев составляют наиболее интересные страницы дневника. Мессершмидт живо фиксирует свободные нравы и разгул жителей города. В том же тоне выдержаны и записки Иоганна Георга Гмелина, рассказывающего о праздновании Масленицы в 1735 г.:

«С 9 числа этого месяца (февраля. – Б.Ч.), с началом Масленой недели, начинаются здешние празднества. Все, что соответствующий год мог предложить крепкого, выпивалось, и мужчины и женщины веселились как следует. (...) Дети катались с горок на шкурах. (...)

Я тоже очень хотел участвовать в одном из таких празднеств. Воевода представил мне такую возможность, и 15 числа этого месяца, в последний день Масленицы, вместе с воеводой отправился в деревню Торгашино, расположенную в 5 верстах от города (...).

Вечером служивые устроили праздничную борьбу. На поле построили две стены из снега, связанные сверху поперечиной также из снега. Это строение должно было представлять собой крепость, вокруг которой стояли служивые с очень длинными палками, а другие служивые верхом должны были эту крепость взять.

Невозможно описать, в какой суматохе все это происходило.

Крепость никогда не атаковало более 2–3 всадников, а чаще всего лишь один. Бешеным галопом мчался всадник к крепости, но его встречали ударами, сбивали с лошади и крепко отделявали. Всадники пришли в ярость от того, что не могли взять крепость, и хотели пустить в ход против ее защитников стрелы, но воевода не разрешил это сделать, и крепость осталась в руках ее первых владельцев. Отсюда, в частности, можно сделать вывод, что служивые, при случае, могут совершать ратные подвиги. Впрочем, может быть, крестьяне, которые в жизни не дер-

жали в руках оружие, превзошли бы их, ибо служивые сделали своим единственным занятием пьянство» (с. 225–227).

Нельзя, конечно, не учитывать, что приведенные выше наблюдения принадлежат иностранцам, у которых, естественно, уже сложились иные понятия о «смешном». Другие, менее экзотические, подробности красноярского быта привлекали внимание авторов, которые были укоренены в Сибири и воспринимали край «изнутри». Это, например, содержание сатирических стихотворений учителя латинской школы Григория Федоровича Скрябина, написанных в 1762 г. С ними связывают начало литературного движения в Красноярске.

Происходил Скрябин из потомственного сибирского духовенства. Нужда заставила его переехать из Тобольска в Красноярск. Дьякон Скрябин был учителем духовной школы в Красноярске, затем продолжил занятия в Енисейске. Начитанный Скрябин уже имел опыт выступлений в школьном театре Тобольской духовной семинарии. Он обладал острым сатирическим складом ума, отчего глава красноярского духовенства Алексей Михайловский не раз писал на него доносы в Тобольск. Он к тому же постоянно ссорил дьякона с родителями учащихся. Подобная травля не могла не способствовать усилению критического начала творчества Скрябина, что, в свою очередь, послужило еще большему обострению отношений между ним и местным начальством.

В сатирических «Стихах о плещи», где героем выступил красноярский полицмейстер Кристенсон, говорится:

«Шелковистая глаткая плешь, что ты размышляешь?

Для чего тебе сидеть, что ты составляешь?

Есть ли путь (толк. – Б.Ч.) в твоём гнезде,

Ведь ты сыщут и везде. (...)

Вот пришел тебе приказ, а вы не слышали.

Потащили плешь в приказ, ноги застучали.

А как в приказ приволокли и наказ плещи прочли.

От того звону плешь

Весьма запотела» (с. 277–278).

Более масштабны инвективы Скрябина в «Епиграммах о городе Красноярске». Он точно подмечает слабости жителей города:

«А хоть брагой, пивом и вином

Собственным они неволят,

Но в то ж время, после иль в ином

Насмешками весьма доволят» (с. 279).

Красноярский чиновник Иван Иванович Варлаков, принятый в 1823 г. в канцелярию губернского совета, в основном был известен своими рукописными сочинениями. О нем знали даже за пределами Сибири. Сатирическое «Послание к И.И. К. [Коновалову]», где автор обращается к сво-

ему «меценату» с просьбой о покупке сукна на вицмундир, было опубликовано в «Енисейском альманахе на 1828 г.»:

«Смотри Гораций твой в фрачишке дыроватом!

Быв неопрятнее и самых плебеян.

Как к Августу придет? Как станет меж дворян?

Иной презрительно взглянув не ветхость фрака,

Невольно пьяницей повеличает Флакка,

Хоть сам давно таков, тот мозгом изветшал

Зато кафтан его достоин всех похвал»¹⁰.

В этом же любопытном издании мы найдем и басню Варлакова «Нож и оселок», свидетельствующую о том, что местные авторы уже научились использовать современные литературные формы для выражения смеховых эмоций. Ходили по городу и широко цитировались красноярцами едкие эпиграммы чиновника-сатирика.

Замечательное рукописное наследие оставил нам Фортунат Иванович Петухов, выпускник Тобольской духовной семинарии, священник, а с 1823 г. первоприсутствующий Красноярского духовного правления. Петухов был автором ряда краеведческих сочинений. Но его перу не была чужда и резкая сатира. Вот одно из стихотворений Петухова, написанное в Красноярске в 1826 г.:

«...Какое скаречно творенье

О вы, приказные багры!

Змии вы адской порожденье,

Молохи, лютые тигры!»¹¹.

Петухов живо общался с членами литературного общества «Красноярская литературная беседа». Начальство же, по всей видимости, начала не в шутку раздражать сатирическая муза сибиряков. Потому своим лозунгом авторы «Беседы» выбрали «благопристойность». Параграф 15 Устава общества гласил о том, что «исключая сатир на личность, статьи могут быть всякого содержания» (с. 526). Но следовали ли сами члены общества этому призыву к благонамеренности? Вот, например, отрывок из «пасквильного» стихотворения секретаря «Красноярской литературной беседы» уроженца Томска Владимира Соколовского, созданного в 20-е гг. XIX в. на смерть Александра I и воцарение Николая I:

«Русский император

В вечность отошел,

Ему оператор

Брюхо распорол. (...)

Манифест читая,

Сжалился творец,

Дал нам Николая, -

С... сын, подлец» (с. 531).

Впоследствии Соколовский публикует в журнале «Телескоп» (1832 г., №20) поэму «Мироздание». Произведение приносит ему широкую известность. В 1836 г. Соколовский переезжает в Петербург в канцелярию военного генерал-губернатора, собирается издавать литературную юмористическую (!) газету. Однако в том же году его арестовали по делу кружка Герцена-Огарева. В предъявленном обвинении было упоминание и о «Красноярской литературной беседе». Надо отметить, что на допросах Соколовский всю ответственность за организацию литературного общества брал на себя. В результате суд приговорил «главнейшего подстрекателя, зачинщика и сочинителя пасквильных стихов» к заточению в Шлиссельбургскую крепость. Через два года серьезно больным он был выпущен на поруки, жил под надзором в Вологде, откуда выехал на Кавказ. Здесь, в Ставрополе, в 33-летнем возрасте он и умер.

Двухтомная «Енисейская губерния» Александра Петровича Степанова, первого губернатора, была издана в 1835 г. В VII «этнографическом» отделе этой не потерявшей актуальности и на сегодняшний день книги он пишет об особенностях «ума и нравов» сибиряков следующее:

«Он [сибирский крестьянин] мало видел свет, но все то, что видел, постиг с точностью. Ясно, чисто и без запинок может передавать другому, что знает. Он свеж умом и смел в объяснениях. Он слишком уверен сам, что имеет хорошие умственные способности, но в том-то заключается и вся погрешность, ибо, не ведая свойства истинного ума, полагает, что он состоит в происках, лукавстве и плутовстве.

Вообще сибиряки любят сплетни, любят рассеивать слухи, истинные и ложные» (с. 637).

Не в этих ли наскоро подмеченных особенностях сибирских нравов заключаются истоки того сатирического склада ума, «просмешливости», что был верно определен уже в 80-е гг. XIX в. главой сибирского областного движения Н.М. Ядринцевым? В «Воспоминаниях» о старом Красноярске первой половины XIX в. старожила Ивана Парфентьева находим описание характерной бытовой сценки:

«...Как-то, я помню, мы с батюшкой приехали посмотреть на катушку около мясных рядов: круглую и с горы. Это было под вечер, я в то время был годов восьми. Видим – народу много на круглой катушке, посредине ее на возвышенном месте сидит со скрипкою масляница в маске, мещанин почтенных лет по фамилии Хайлов, и играет «барыню», как видно, выпивши, разными остротами и движениями потешает хохочущий народ... Подъехал городской голова Иван Кириллович Кузнецов. Хайлов поклонился и под скрипку охриплым голосом [исполнил], как сейчас помню, песню, вероятно ранее подготовленную:

«Головушка-голова
Красноярску похвала.
Затем поем и молим,

Горе с плеч своих отгоним,
Ты насущный дал нам хлеб (...)
Старика меня прости и
Чаркой водки угости...» (с. 552).

«Енисейский альманах на 1828 г.» был напечатан в центре. Яркими представителями старой рукописной сатирической традиции в первой половине XIX в. стали бывший морской офицер Матвей Александрович Александров и поэт-самоучка из местных казаков Василий Суриков. Александров служил на таежных золотых приисках. Свой богатый жизненный опыт он подытожил в написанной на берегах реки Кан думе «Тайга»:

«... Я одряхлел под кровлей городской,
Осплинился в сосновом городишке (...)
Я зол на весь спекулятивный мир,
Где царствуют кредитные билеты
И золото..., о Боже, сколько зла
Одна корысть на свет произвела...»¹².

Казак Суриков, выйдя в отставку, служил письмоводителем в Енисейске, затем перебрался в с. Каратуз Минусинского округа. Здесь он начал издавать сатирический рукописный листок «Шаман, или Сойотская иллюстрация». Было выпущено всего около восьмидесяти номеров листка, где тексты Сурикова сопровождались выполненными им же карикатурами. Ряд исследователей ставят инициативу сибиряка вровень с популярным в России тех лет сатирическим изданием «Искра». В конце 1863 г. «Шаман» прекратил свое существование, но автор обещал, что на смену ему придет «Пушка», «которая будет палить не ядрами, а конусообразными снарядами, называемыми у европейцев островами»¹³. Чем не манифест смеховой культуры?

Об Енисейске периода «золотой лихорадки» Суриков пишет так:

«Ад здесь чистый наизнанку
Потому что без чертей,
Вместо них же спозаранку
Приучают здесь людей»¹⁴.

Рассказ о расцвете сатирической поэзии в середине XIX в. представляется неполным без упоминания о «Панораме» Михаила Александровича Бутакова. Написанное в 1855 г. произведение еще раз свидетельствует о живучести традиций «рукописного смеха» в старой Сибири. По свидетельству Парфентьева, Бутаков «был известным красноярским поэтом». «Панорама» вводит читателя в круг «первых» тузов Красноярска, но описания автора далеки от восхищения местным обществом:

«...Живут здесь как-то дико, странно,
У каждого есть свой кружок,
Все чванятся...» (с. 734).

Таким образом, представляется очевидной важность системного изучения этого пласта сибирской культуры. Тем более что ряд смеховых произведений еще не нашел себе выхода в исследовательский обиход. В их создании принимали участие самые различные слои местного общества. Архивные документы, переписка, поэтические альбомы могут принести немало нового для дополнительного освещения данной проблематики. К тому же еще не нашли своего исследователя смеховые рисунки, карикатуры, которые можно найти как в юмористических дореволюционных изданиях Сибири, так и в частных источниках. Очень важно продолжить работу в области изучения ежегодных празднеств (Святки, Масленица).¹⁵ Этот своеобразный «народный театр» может сообщить немало нового в восприятии смешного нашими предками. Важно понять, что «валяние дурака» было важным разделом их бытия, путем к пониманию смысла жизни.

¹ Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С.Лихачев, А.М.Панченко, Н.В.Понырко. – Ленинград: Наука, 1984.

² Там же. – С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 4.

⁵ Там же. – С. 5.

⁶ Быконя, Г.Ф. История Красноярска: документы и материалы XVII – первая половина XIX вв. / Г.Ф. Быконя. – Красноярск, 2000.

⁷ Смех в Древней Руси. – С. 59–71, 133–139 и др.

⁸ Там же. – С. 62.

⁹ Цит. по: История Приенисейского края: XVII век – первая половина XIX века. – Красноярск, 1997. – С. 260.

¹⁰ Там же. – С. 261.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С.262.

¹³ Там же. – С.265.

¹⁴ Там же. – С.264.

¹⁵ Из последних отметим ценную работу: Новоселова, Н.А. Празднование Масленицы в Енисейской губернии в XIX – начале XX вв.: проблема распространения, эволюции и семантики обрядовых действий / Н.А.Новоселова. – Красноярск, 2003.

Коновалова О.В.,

доктор исторических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД
России (г.Красноярск)

**ЭСЕРОВСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СССР В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ.
(ПО РАБОТАМ В.М. ЧЕРНОВА)**

Болезнь и смерть бесспорного вождя коммунистической партии В.И.Ленина обострила вопрос о приемнике. Логика развития диктатуры, эволюционирующей от партийной олигархии к власти диктатора, формирование однопартийной системы, поиск оптимальной модели модернизации страны в условиях нэпа предопределили остроту личного соперничества за власть.

На первом этапе борьбы правящей тройке, состоявшей из Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева и И.В.Сталина, пришлось нейтрализовать Л.Д.Троцкого, являвшегося одним из влиятельных членов партии, пользующегося большой поддержкой в военной среде. Поводом для борьбы явилась открытая поддержка Троцким блока левых коммунистов (Г.Л.Пятакова, Е.А.Преображенского, Л.П.Серебрякова и др.) и «демократических централистов» (Н.Осинского, Т.В.Сапронова и др.) на пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1923 г. В выступлении он практически согласился с критическими замечаниями оппозиционеров, которые были не согласны с продолжением нэпа, отступлением от планов мировой революции, выступали против бюрократизации партии и сворачивания внутрипартийной демократии. Такого скорого и решительного выступления Л.Д.Троцкого «наверху» не ожидали и растерялись. В.М.Чернов отмечал, что тройка ощутила происшествие на пленуме ЦК и ЦКК как постановку для себя ребром «вопроса жизни или смерти». Поэтому она в первую очередь провела на пленуме резолюцию о запрещении фракционной дискуссии и оглашения разногласий.¹ Однако оппозиционеры самовольно распространяли свое заявление, а Л.Д.Троцкий опубликовал в «Правде» статью «Новый курс (Письмо к партийным совещаниям)», в которой практически излагал платформу оппозиции.²

В ситуации острого накала политической борьбы в ВКП(б) эсеры отдавали должное мастерству правящей большевистской тройке, признавая, что она «недурно маневрировала против внутрипартийной оппозиции и действовала... согласно всем правилам ленинской политической науки».³ Тройка брала у оппозиции наиболее популярные лозунги – демократизации партийной жизни и разработки плана восстановления экономики. Одновременно пускала в ход все средства для дискредитации, политического уничтожения оппозиции, обвинила ее в заговоре против

партии, стремлении захватить власть, мелкобуржуазном уклоне. Триумф тройки, подчеркивает В.М.Чернов, омрачала только победа оппозиции в большинстве высших учебных заведений и высших военных учреждениях, комячейки которых идут за Л.Д.Троцким. Он считал это опасным сигналом для советской власти и правящей партии – «впервые коммунистические круги Красной Армии и ГПУ оказались по разные стороны баррикад», а этим шутить нельзя. Складывающиеся обстоятельства, полагает эсер, вызвали стремление тройки любыми способами отдалить Л.Д.Троцкого от Красной Армии и за это время «перетряхнуть руководящий персонал высших военных учреждений». Реальная болезнь Л.Д.Троцкого, почти лишившая оппозицию его личной и непосредственной помощи, оказалась для правящих кругов чистой находкой.⁴

Размышляя о судьбе Л.Д.Троцкого, В.М.Чернов признавал, что «вычищение» его из рядов руководящего состава партии – «не было чисткой ни влево, ни вправо». «Это собирательные посредственности устраняли возможного соперника – яркого и талантливого *parvenu*». «Для правоверных большевиков Троцкий, когда-то с Мартовым редактировавший первую платформу меньшевизма, есть, конечно, чужак и пришелец». В.М.Чернов обращал внимание, что из тогдашних триумфиров И.В.Сталин менее других был беспощаден в расправе с побежденным. Г.Е.Зиновьев еще настойчивее, чем Л.Б.Каменев, требовал ареста Л.Д.Троцкого, и даже предлагал вывести Л.Д.Троцкого «в расход», чтобы избежать попыток переворота в его пользу. Но И.В.Сталин тогда всех трезвее оценил положение, не дал себя запугать. Кроме того, предвидел, что смирившийся Л.Д.Троцкий ему еще понадобится против товарищей по одержанной победе. Л.Д.Троцкому предоставили возможность проявить свои таланты на хозяйственной арене. Здесь «он опять показал себя... человеком кипучей энергии, необыкновенной легкости в ориентировке, и некоторого специально-организаторского таланта», отмечал В.М.Чернов.⁵ Однако Л.Д.Троцкий не прекращает политическую борьбу. Он собирает вокруг себя всех тех, в ком живет старый пафос гражданской войны, военного коммунизма, тех, кому трудно приспособляться к ежедневной прозе мирного упорядочения советской экономики и финансов. Он становится рупором оппозиции слева.

Новый этап в развитии внутрипартийной борьбы в 1925–1926 гг. В.М.Чернов связывал с ярко проявившимися противоречиями нэпа. После завершения восстановительного периода необходимо было определить пути дальнейшего развития. Соблазн грядущих успехов потянул ядро партии пойти дальше по пути расширения нэпа. Эту политическую линию выразил Н.И.Бухарин, который разразился на всю страну импрессионистски-ликующей фразой: «обогащайтесь». Эта капля переполнила чашу терпения представителей левого течения. Установка Н.И.Бухарина, казалось, как нельзя лучше свидетельствовала о перерождении коммунистической партии.⁶

Особенность политической борьбы на этом этапе проявилась в том, что разногласия затронули саму «сердцевину партии». Как отмечал В.Гуревич, «никогда еще призрак раскола не витал так близко над ВКП(б)». ⁷ О перерождении партии заговорили такие столпы большевизма, как Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев. Правда, признает В.М.Чернов, их прозрению «не мало помог властный характер и втихомолку сложившееся «засилье» одного из триумвиров, И.В.Сталина, прибравшего к своим рукам организационный аппарат партии». К 1926 г. роль И.В.Сталина существенно возрастает. Немаловажную роль в этом процессе, считал эсер, сыграли его организаторские способности. В качестве главного секретаря партии он стал истинным наследником и приемником покойного Я.М.Свердлова. Все организационные нити – в его руках. И.В.Сталин умеет «подтягивать» работников, может быть жестким и суровым, «его слово – олово», «ум его не чужд гибкости». Он довольно удачно сумел найти себе «идеологическое дополнение» в лице главного теоретика партии – Н.И.Бухарина. Вдвоем с Н.И.Бухариным И.В.Сталин обладает ресурсами, более чем достаточными для руководства партии. В лице А.И.Рыкова И.В.Сталин присоединил к себе представителя так называемых «хозяйственников». Таким образом, приходит к выводу В.М.Чернов, «под рукой у Сталина была подготовлена в зародыше новая «тройка», более подходящая для его видов, чем та, прежняя». ⁸

Г.Е.Зиновьев, ставленник В.И.Ленина в Коминтерне, не мог смириться с возвышением «грузинского выскочки». Получив «в вотчину» Ленинградскую парторганизацию, он водворил там свои порядки, о которых ходили скандальные слухи. Однако интересы «организационного всероссийского централизма», персонально представленные И.В.Сталиным, и «автономистски-ленинградского», напрямую связанные с Г.Е.Зиновьевым, не раз сталкивались. «Логика требовала одного из двух: или чтобы И.В.Сталин привел «к одному знаменателю» ленинградцев, или чтобы Г.Е.Зиновьев заместил И.В.Сталина каким-нибудь своим фактотумом на посту главного секретаря коммунистической партии». И.В.Сталин, более осторожный, выжидал. Г.Е.Зиновьев, не знавший меры самонадеянности, пошел в атаку. В прессе была поднята шумиха вокруг ленинградской партийной организации как самой передовой и образцовой. Это была предварительная «артиллерийская подготовка» партийного общественного мнения. За ним должен был последовать решительный штурм. Предполагалось выставить положение о том, что место главного секретаря ЦК РКП должно быть замещено представителем образцовой ленинградской организации, то есть ставленником Г.Е.Зиновьева. Поскольку Г.Е.Зиновьев начал атаку против московского центра, он, разумеется, должен был сообщить ей какую-то идейную окраску, что «на коммунистическом языке» означало обвинить своих противников в отступлении от ленинизма, буржуазном перерождении, измене

коммунизму. Таким образом, по мнению В.М.Чернова, обстоятельства политической борьбы способствовали значительному полевению Зиновьева.⁹

В 1926 г. все виды оппозиции, когда-либо зарождавшиеся в большевистской среде, впервые попытались объединиться и создать общую платформу, как хозяйственно-экономическую, так и партийно-политическую. В.М.Чернов подчеркивал: в ряду оппозиции стоят почти все крупнейшие фигуры, которыми блистал большевизм: Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, К.Б.Радек, Г.Я.Сокольников, А.Г.Шляпников, А.М.Коллонтай, Г.Л.Пятаков, Е.А.Преображенский, Н.Осинский. Партийное же большинство может противопоставить этим именам лишь Н.И.Бухарина, И.В.Сталина, А.И.Рыкова и М.П.Томского. Коммунисты, беспартийные рабочие, недовольные нэпом составили в конечном счете социальную базу левой оппозиции в правящей партии. Оппозиция решительно оспаривала успехи социалистического строительства в СССР, говорила о реставрации буржуазных начал, потере пролетариатом завоеванных им ранее позиций и мелкобуржуазном перерождении самой партии, видела выход из создавшегося положения в возвращении чуть ли не ко времени военного коммунизма. Программа оппозиции, утверждает В.М.Чернов, «насквозь пропитана довольно отчетливым духом крестьянофобии». В вопросах промышленности для ликвидации диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью оппозиция предлагала осуществить крутой поворот в сторону форсированной индустриализации страны, в сфере торговли – перейти к политике безжалостного наступления на частника. Убежденная в мелкобуржуазной природе крестьянства и ускорении процесса его социальной дифференциации она считала необходимым отказаться от ставки на середняка, опереться на бедноту и начать поход против кулака. Одновременно требовала через налоговую систему и повышения цен приступить к систематическому перекачиванию ресурсов из сельского хозяйства в государственную промышленность. Таким образом, за счет деревни должна быть проведена операция «первоначального социалистического накопления» для развития промышленности. В политическом плане такой политике соответствует отказ от смешанного характера советской власти и возвращение к режиму политической диктатуры бедноты. Почти вся оппозиция требует более непримиримой внешней политики.¹⁰

Это возвращение к утрированному марксизму старых времен, к планам превратить деревню во внутреннюю колонию, по мнению Чернова, представляет собою воскрешение отжившего прошлого. Поэтому для него «осередняченная» программа И.В.Сталина и Н.И.Бухарина «гораздо реалистичнее, приспособленнее к жизни, лучше понимает трудовую природу крестьянского хозяйства». Суть ее – в признании возможности мирного сосуществования буржуазной Европы и СССР, отказе от ставки на мировую социальную революцию. Внутри страны – это курс на продол-

жение нэпа, взаимоприспособление с мужицким окружением и создание в деревне своеобразного мужицко-кооперативного мира.

Если положительную часть программы оппозиции эсеры считали регрессивной и утопичной, то критику внутрипартийной жизни признали «наиболее выигрышным пунктом». Размышляя по этому поводу, В.М.Чернов констатировал, что и правящая группа, и оппозиция выступают за монополию коммунистической партии на политическую жизнь. Но в то же время они признавали, что общество пока не является однородным и бесклассовым. По неизбежному историческому закону «классовое социальное строение стремится найти свое отражение в политике». Попытки втиснуть в рамки партийной монополии все классовые, подклассовые и т.п. интересы приводят к тому, что эти интересы стремятся любыми путями и формами прокрасться и заявить о себе во внутрипартийной жизни, прессе и идеологии, и таким образом, лишают единственную партию страны ее собственного внутреннего единства. «При этом каждая из фракций партии, естественно только лишь себя считает чистым выражением пролетарского элемента классовой структуры общества и особенно неутомимо, перебрасываются взаимными обвинениями в мелкобуржуазности, во впадении в меньшевистскую или даже ... в эсеровскую ересь». Чтобы избежать действия этого закона, по мнению В.М.Чернова, необходимо легализовать социалистические партии и отказаться от однопартийной системы. Но большевики пойти на это не могли. Оппозиционеры искали выход в развитии внутрипартийной демократии, свободы группировок и фракций. Но если свобода фракций казалась опасной еще во времена В.И.Ленина, когда оппозиция была разношерстна и раздроблена, полагает В.М.Чернов, то теперь, после ее сплочения в оппозиционный блок, легализация фракций неизбежно приведет к раздвоению партии, «сожительство под единой крышей потенциально двух партий». При этом оппозиционеры бы представляли непримиримую «интернационалистически-коммунистическую партию, а сталинско-бухаринская группа – осередняченную, мужиковствующую, бюрократическую национально-большевистскую партию». Фракционное разделение, таким образом, вполне могло бы привести к формированию самостоятельных партий и концу большевистской диктатуры.

Таким образом, приходит к выводу В.М.Чернова, в сложившейся ситуации выхода нет. «Партия задыхается в своей собственной политической монополии. Отдушины не дано ни вне партийных рамок, ни внутри их. Такова логика диктатуры». Может быть, при этих условиях И.В.Сталин со своей точки зрения совершенно прав, считая необходимым загнать глубоко внутрь все колебания, споры, разногласия и разномыслие. «В этом и заключается однако наигорший приговор партии над самою собою».¹¹

¹¹ Ненарком. За кулисами партийной дискуссии // Революционная Россия. – 1923. – №33-34. – С.28.

² История Коммунистической партии Советского Союза. Т.IV. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921–1937 гг. Кн. I. (1921–1929 гг.). – М., 1970. – С.299.

³ Сухомлин, В.В. Кризис РКП. / В.В.Сухомлин // Воля России. – 1924. – №5.

⁴ Ненарком. За кулисами партийной дискуссии. – С.29–30.

⁵ Ненарком. Перетасовка карт // Революционная Россия. – 1926. – №46. – С.18–22.

⁶ Чернов, В.М. Безысходное противоречие / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1925. – №43. – С.1, 16.

⁷ Гуревич, В. Кризис ВКП / В.Гуревич // Революционная Россия. – 1926. – №51-52. – С.1–4.

⁸ Ненарком. Перетасовка карт. – С.19.

⁹ Там же. – С. 20–21.

¹⁰ Чернов, В.М. Романтика и проза большевизма (статья вторая) / В.М.Чернов // Революционная Россия. – 1926. – №54. – С.9–10.

¹¹ Там же. – С.11–12.

Руденко В.Н.,

доктор юридических наук, профессор
Институт философии и права Ур РАН
(г. Екатеринбург)

ЖРЕБИЙ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕГО РИМА

В Древнем Риме жребий нашел довольно широкое применение для формирования различных специализированных судебных органов. Применение жребия стало необходимым с появлением в период республики специализированных судебных комиссий, формируемых из граждан. К ним можно отнести *quaestiones perpetuae* – постоянные судебные комиссии по уголовным делам; коллегии рекуператоров (*recuperatores*) – судей, рассматривавших некоторые категории гражданских дел; судебные комиссии в ряде римских провинций и др. Указанными специализированными судебными органами не исчерпывалась система судебной власти в Древнем Риме. В период республики они действовали наряду с центуриатными и трибутными комициями, которые осуществляли судебные функции по уголовным делам, а также наряду с различного рода экстраординарными судебными органами по уголовным делам, постоянными судами центумвиров, судами децемвиров и другими судебными органами, рассматривавшими гражданские дела. В период империи они рассматривали дела наряду с сенатом и императором, различными чиновниками. Однако само появление подобного рода судебных органов показательно. Римляне постоянно сталкивались с проблемами коррупции при отправлении правосудия, с доминированием при рассмотрении дел со-

словных интересов, откровенным произволом при принятии судебных решений. Поэтому они пытались выработать механизмы принятия решений, способствующие более объективному и справедливому рассмотрению судебных тяжб. Важная роль здесь принадлежала жребию. С помощью жребия достаточно просто решалась задача отбора необходимого количества судей (*iudex*)¹, рассматривавших то или иное конкретное дело, а также производилось, насколько это возможно, формирование беспристрастного состава суда.

Quaestiones perpetuae учреждались особым законом для рассмотрения определенной категории дел.² Первая из таких комиссий (*quaestiones perpetuae de repetundis*) была учреждена *lex Calpurnia* (149 г. до н.э.). В ее компетенцию входило разбирательство по вопросам о взятках и вымогательствах римских должностных лиц в провинциях. Впоследствии другими специальными законами были учреждены судебные комиссии по делам о разбое с убийством (*quaestiones de sicariis*), об отравлениях (*quaestiones de veneficiis*), о хищении казенного имущества (*quaestiones de peculata*) и др. Особенно много их было создано законами Корнелия Суллы. Это комиссии по делам о подкупе избирателей (*quaestio de ambitu*), по делам о государственной измене (*quaestio de maiestate*), о подлоге (*quaestio de falso*) и др.³ Указанные судебные комиссии просуществовали до начала III в. н.э.

Quaestiones perpetuae состояли из председателя и ежегодно сменяемых судей. При этом председателем комиссии избирался высший магистрат – претор. В состав же судей входили лица, чье состояние удовлетворяло высокому имущественному цензу. Право заседать в судебных комиссиях первоначально принадлежало сенаторам, но в 123 г. до н.э. по закону Гая Гракха и Манья Ацилия (*lex Acilia-Sempronia de iudiciis repetundarum*, далее – *lex Acilia*)⁴ судей стали избирать из всадников или из граждан первого класса.⁵ В дальнейшем право отправления судейских обязанностей то отбиралось у сенаторов, то вновь возвращалось им, то принадлежало сенаторам и всадникам одновременно. По *lex Aurelia* 70 г. до н.э. судьями могли быть сенаторы, всадники и эрарные трибуны (*senatores, equites, tribuni aerarii*) или граждане, принадлежащие ко второму классу.⁶

В процессе формирования состава судебной комиссии жребий использовался как для выбора ее председателя, так и для отбора судей. Председатель судебной комиссии избирался по жребию из числа преторов, оставляющих свою должность. По предположению П.Виллемса, председательства распределялись жребием по различным категориям дел согласно постановлению сената.⁷ Что касается состава судей, то из сохранившихся исторических источников (*lex Acilia*) известно, что в 123 г. до н.э. претору, председательствующему в судебной комиссии по разбору дел о взятках и вымогательствах должностных лиц, было поручено ежегодно избирать 450 судей из числа всадников и публиковать их спи-

сок (*album iudicum*).⁸ Из числа лиц, входящих в список, затем формировалась комиссия для рассмотрения конкретного дела. Как это происходило, не вполне ясно. Из сохранившихся фрагментов закона следует, что истец предлагал список из 100 лиц, отобранных из 450 избранных претором судей. Из этих 100 лиц ответчик мог отобрать 50 членов комиссии.⁹ Использовался или нет жребий в соответствии с *lex Acilia*, не известно. Но согласно другим источникам на рубеже II–I вв. до н.э. для рассмотрения конкретного дела судьи по жребию из общего списка избирались. В пользу этого свидетельствует фрагмент древнеримского закона, сохранившийся на бронзовой таблице (*Fragmentum Florentinum I*), впервые зафиксированный в 1749 г. Данный фрагмент, хранящийся в национальном музее Барджелло (Флоренция), датируется современными исследователями 133–87 гг. до н.э. В нем урегулирован порядок отбора судей для *quaestiones perpetuae*:

«Претор прикажет, чтобы все присяжные дали клятву... Он напишет имена, вытянутые по жребию из каждого списка судей, на шарах и вытянет равное количество от каждой группы. Претор примет меры к тому, чтобы, после того как равное количество шаров будет помещено в урны, отдельные жребии были бы вынуты отдельно в равном количестве из каждой урны. Имя, написанное на каждом шаре, должно быть объявлено, как только он будет вытянут; и магистрат должен занести в таблицу, вывешенную в суде, персональные имена, объявленные в соответствии с этим законом. Никто не может стереть или изменить чье-либо имя на этой таблице, за исключением отвода со стороны истца или ответчика, в порядке, предписанном данным законом. Также претор обеспечивает, чтобы все присяжные были отобраны по жребию и отдает распоряжение... что состав присяжных, которые подают свои голоса, по завершении комплектования группы, должен соответствовать списку в таблице, которая была приготовлена и вывешена в суде. Магистрат должен выдать каждому присяжному баллотировочные таблички, на которых написаны две буквы... или ничего или ...на баллотировочных табличках буквы...присяжных...согласно этому закону все баллотировочные таблички*...»¹⁰:

Как следует из обнаруженного текста, претор действительно проводил жеребьевку. Вероятно, до принесения судьями присяги он избирал по жребию равное их количество из трех групп: сенаторов, всадников и эрарных трибунов. После принесения присяги имена отобранных судей помечались на баллотировочных шарах, и претор вновь проводил отбор судей по жребию отдельно из каждой группы. Жеребьевка осуществлялась публично с помощью трех урн, в которые помещались баллотировочные шары с именами судей. Вероятно, шары вынимались специально отобранным по жребию магистратом. Это косвенно следует и из *lex Acilia* 123 г. до н.э., по которому судья, вынимавший баллотировочные таблицы и оглашавший нанесенные на них записи для установления итогов

голосования в судебной комиссии, избирался по жребию.¹¹ Из каждой урны магистратом вынималось одинаковое количество шаров так, чтобы представительство каждой группы в суде было обеспечено в равной мере. Вытянутое из урны имя тут же оглашалось магистратом и заносилось в специальную таблицу. По закону никто не имел права вносить в эту таблицу изменения за исключением случаев, когда истец и ответчик производили отвод судей. Окончательно сформированный состав комиссии, зафиксированный на таблице, выставлялся в суде. Состав комиссии, сформированный по жребию, таким образом, должен был соответствовать списку судей, зафиксированному в таблице.

По данным П.Виллемса, использование жребия для формирования состава судебных комиссий уже со времени *lex Aurelia* (70 г. до н.э) имело достаточно широкое распространение. *Album iudicum* ежегодно составлялся городским претором, а затем городские квесторы распределяли судей по жребию между судебными комиссиями.¹² При Сулле избрание судей по жребию из *album iudicum* было общим правилом.¹³

В зависимости от того, из представителей каких групп формировался *album iudicum*, он делился на определенное число декурий (*decuria iudicum*) – групп судей, отобранных из слоев, представители которых имели право на участие в работе судебных комиссий. По *lex Aurelia* (70 г. до н.э.) *album iudicum* делился на три декурии, сформированные из трех классов граждан, – сенаторов, всадников и эрарных трибунов или граждан второго класса.¹⁴ В 46 г. до н.э. Юлий Цезарь исключил из этого перечня эрарных трибунов, а Антоний включил в него экс-центурионов. Но вскоре это нововведение было отменено и до Августа три декурии состояли только из сенаторов и всадников. При Августе сенаторы были освобождены от несения обязанностей судей в судебных комиссиях. Все три декурии поэтому состояли из всадников. Но затем к ним была добавлена четвертая декурия – декурия дуценариев (*ducenarii*), состоявшая из граждан с имущественным цензом в 200 000 сестерциев. Она занималась рассмотрением менее важных гражданских дел. Калигула создал пятую декурию. При империи все эти декурии состояли примерно из 1000 членов каждая. Члены декурий назначались императором.¹⁵

Количество судей, отбираемых по жребию и участвовавших в каждом процессе (*consilium*), было неодинаковым. Обычно избирались 50 судей.¹⁶ Но состав судебных комиссий мог быть довольно значительным от нескольких десятков до 100–200 и более судей.¹⁷ Для формирования состава суда председатель выбирал по жребию из числа судей некоторое их количество, большее, чем требовалось для ведения судебного разбирательства, с тем, чтобы стороны могли произвести отводы (*rejection*). Так, по законодательству Суллы претор назначал по жребию от 30 до 40 сенаторов в качестве судей для каждого процесса, а стороны имели право отвести определенное их число: каждая сторона отводила по

три судьи или, если они были сенаторами, большее число.¹⁸ По *lex Valinia* (59 г. до н.э.) стороны имели право отвести весь состав суда, сформированный председателем, после чего претор составлял новый состав суда посредством жребия из *album iudicum*.¹⁹

Коллегии рекуператоров в республиканский период римской истории первоначально занимались рассмотрением гражданских дел между гражданами и иностранцами, а затем к их ведению были отнесены и дела между гражданами. Предметом рассмотрения коллегий рекуператоров часто были споры о возмещении ущерба по договорам с другими странами или споры с чужеземцами. Как следует из *lex Agraria* (111 г. до н.э.), к компетенции коллегий рекуператоров были отнесены и разбирательства о пользовании принадлежащими римскому народу земельными участками, вопросы о неуплате налогов за пользование общественными землями и другие вопросы.²⁰ Поскольку четкое разграничение судопроизводства по уголовным и гражданским делам в то время отсутствовало, иногда эти коллегии вели процессы о вымогательстве и взятках, процессы по другим вопросам.²¹ Коллегии рекуператоров разрешали дела в ускоренном порядке, не позволяющем заинтересованным лицам войти в сговор с судьями. Поэтому к ним часто обращались тяжущиеся стороны.

Порядок судопроизводства в коллегиях рекуператоров предусматривал формирование состава этих коллегий по жребию.²² Общее представление о формировании коллегий можно составить по следующему фрагменту *lex Agraria* (111 г. до н.э.):

«...[Если откупщик] заявит по этому делу, [что ему должны] или поручились предоставить (деньги), то пусть консул или проконсул, претор или пропретор там, куда обратились за судом, в течение ближайших 10 дней с того дня, когда [по этому делу обратятся в суд]... предоставит 11 [рекуператоров], (выбранных) из 50 граждан, принадлежащих к первому классу. [Пусть (претор или консул) позаботится о том, чтобы истец и ответчик] попеременно отвели [из этих (11 рекуператоров) кого пожелают,] но не более чем [четыре каждый... ..Тем, кто останется после этого, трем или более, пусть им (претор, консул или цензор) всякий раз приказывает вынести судебное решение в первый ближайший день]»²³.

Как следует из закона, для каждого дела коллегию рекуператоров формировал магистрат. Полномочиями по формированию коллегий были наделены консулы, проконсулы, преторы-перегринусы (*praetor peregrinus*)²⁴, пропреторы или цензоры. Рекуператоры выбирались из числа лиц, принадлежавших к первому классу, то есть из самых состоятельных членов гражданского коллектива. Рекуператоры избирались по жребию из 50 лиц в количестве 11 человек, из числа которых каждая сторона могла отвести не более четырех человек. Оставшиеся рекуператоры образовывали коллегию, которая составляла не менее 3 человек. В

частности, если претор отбирал 11 человек, а каждая сторона отводила по 4 человека, то коллегия работала в составе 3 судей.²⁵

Древнеримские суды рекуператоров в современном праве рассматриваются в качестве первых международных третейских судов.²⁶ Это свидетельствует в пользу того, что практика применения жребия уже в то время имела международное признание.

Судебные комиссии в римских провинциях создавались по образцу *quaestiones perpetuae* и коллегий рекуператоров. Однако порядок их формирования с помощью жребия имел некоторые существенные отличия. Важнейшими документами, позволяющими оценить роль жребия в формировании состава этих судебных комиссий, являются эдикты Августа (7–6 гг. до н.э.) и изданное от лица принцепса сенатское постановление (4 г. до н.э.). Документы были обнаружены в 1927 г. на мраморной стеле, найденной на месте рыночной площади в Кирене.²⁷

Первым из эдиктов Августа предусматривалось создание в провинции, в которую входили Крит и Кирена, смешанных судебных комиссий, состоящих из римских граждан и эллинов для рассмотрения дел, касающихся главным образом эллинов, по которым выносятся смертные приговоры. Сенатское постановление распространялось на все дела о вымогательствах в провинциях.

Согласно первому эдикту Августа формирование смешанного состава судебной комиссии предполагалось с целью предотвращения злоупотреблений римлян в уголовных судах, принимавших решения о приговоре к смертной казни. Возможно, что эти суды были разновидностью *quaestiones perpetuae* или близкими к ним судебными комиссиями.²⁸ Во всяком случае, механизм отбора судей в них во многом напоминал отбор судей, участвовавших в работе *quaestiones perpetuae*.

«Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом, если только найдется достаточное количество таких лиц, в 7 500 денариев, или же если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители провинций назначат владеющих половиной, но никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по разбору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью. Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов, и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребии с именами римлян, из другой – с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть отведет по одному из римлян и из эллинов, обвиняемый же – трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же эллины»²⁹.

Подобно тому, как судьи в *quaestiones perpetuae* отбирались из трех разных групп, в данном случае отбор тоже производился не из единой совокупности кандидатов, а из двух групп – состоятельных римских граждан и состоятельных эллинов. Для придания судам большей публичной значимости эдикт Августа предусматривал повышение имущественного ценза с 2 500 тысяч денариев (как отмечается в документе, в то время в Кирене было 215 граждан имеющих этот ценз) до 7 500 денариев (I, 1–10) и тем самым существенно ограничивал круг лиц, имеющих право отправлять правосудие. Именно из этого узкого круга лиц и осуществлялся отбор судей по жребию. Отбор производили управители провинции (проконсулы). Процедура вытягивания жребия, вероятно, была аналогична вышеописанной процедуре при формировании состава *quaestiones perpetuae*. Судебные комиссии формировались в составе 50 человек – из 25 римлян и 25 эллинов.

Несколько иной порядок формирования судебных комиссий по жребию был принят в Сицилии. Рассмотрение гражданских дел между сицилийцами из одного города было организовано таким образом, что претор избирал по жребию судей из двух разных городов. Было установлено общее правило, по которому судьи не могли назначаться из тех городов, из которых происходят истец или ответчик.³⁰

В истории Древнего Рима известны и другие случаи формирования состава судебных органов по жребию. В частности, в период принципата Августа использование жребия было предусмотрено для формирования судебных комиссий, близких к *quaestiones perpetuae*. В сенатском постановлении, изданном от лица Августа в 4 г. до н.э., был установлен порядок рассмотрения судами в Риме дел о вымогательстве денег римскими чиновниками в провинциях. Эти дела во многом напоминают уголовные процессы о вымогательстве, рассматриваемые *quaestiones perpetuae*. Но по ним не было предусмотрено уголовной ответственности: речь шла преимущественно о возвращении средств, незаконно полученных римскими чиновниками, провинциальным общинам. Поэтому в антиковедческой литературе нет единства по вопросу о правовой природе регулируемых отношений. Одни специалисты относят их к сфере *leges repetundarum*, а другие – к особому роду рекуператорного процесса, являющемуся гражданским судопроизводством.³¹ Согласно сенатскому постановлению жребий применялся в следующих случаях:

«...сенат постановляет: если кто-нибудь из союзников после вынесения настоящего постановления пожелает от лица общины или же частным путем востребовать обратно взысканные с него деньги, за исключением того случая, когда против вымогателя направлено уголовное преследование, и объявит это, явившись к одному из тех магистратов, кому положено созывать сенат, тот магистрат должен как можно скорее привести их в сенат и дать им патрона, который будет за них говорить перед

сенатом, кого они сами захотят. ... Чтобы выслушать тех, против кого приносится в сенат обвинение, тот магистрат, который привел их в сенат, и в тот же день на заседании сената, на котором должно быть не меньше двухсот сенаторов, избирает по жребию из всех консуляров, находящихся в самом Риме или не более чем в 20 милях от города, четырех; равным образом из преториев, находящихся в Риме или не более чем в 20 милях от города – трех; равным образом из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме или не более чем в 20 милях от города – двух»³².

Как следует из приведенного фрагмента, обвинение приносилось в сенат. Соответствующая судебная комиссия может рассматриваться в качестве органа сената, ограничивавшего произвол сенатского сословия в провинциях. Формирование состава судебной комиссии по рассматриваемым категориям дел поручалось магистрату, имеющему право созывать сенат, к которому было направлено обращение. Таковыми лицами, как правило, были консулы и преторы. Магистрат, получивший обращение, формировал по жребию на заседании сената, в котором участвовали не менее 200 сенаторов, состав судебной комиссии. При этом проводилась сложная *стратифицированная жеребьевка*. Отбор судей производился из трех групп сенаторов с соблюдением неравного представительства каждой группы: 1) из всех консуляров³³, находящихся в Риме или в его ближайшей округе, отбирались 4 лица; 2) из преториев³⁴, находящихся в Риме или его ближайшей округе – три лица; 3) из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме и его ближайшей округе, – двух лиц.

Анализируя способы формирования состава судебных органов, практиковавшиеся в разные периоды истории Древнего Рима, можно отметить, что римлянами были выработаны достаточно оптимальные разновидности института жребия, ориентированные на сведение к минимуму эффекта так называемого «слепого выбора». Механизмы формирования состава судебных органов, предложенные ими, позволяли использовать преимущества жребия по сравнению с выборами, кооптацией, назначением и другими возможными способами формирования коллегиальных органов: жребий позволял избежать создания судебных органов с заранее известным составом заседателей. Но, во всех рассмотренных случаях выбор жребия не был слепым. Римляне, во-первых, придавали большое значение формированию гетерогенной генеральной совокупности судей, объединенной в *album iudicum*, из которой затем производился отбор судей по жребию (*sortitio*) для рассмотрения конкретного дела. Во-вторых, результаты этого отбора затем корректировались сторонами процесса путем отводов (*rejectio*).

Отбор судей в Древнем Риме обуславливался множеством требований, предъявляемых к судьям и учитывающим их сословную принадлежность, возраст, замещаемые ими и их родственниками должности, родст-

венные связи с истцом и ответчиком, место жительства и другие качества. По *lex Acilia* (123 г. до н.э.) лицом, включаемым в *album iudicum*, могло быть избран гражданин из всадников в возрасте не младше 30 и не старше 60 лет. Гражданин мог быть выбран судьей при условии, что он никогда не был и не является плебейским трибуном, квестором, главным триумвиром, военным трибуном, трибуном по распределению земель, сенатором. Должно было соблюдаться и другое условие: судья не должен быть отцом, братом или сыном любого вышеописанного магистрата, отцом, братом или сыном члена сената. Требовалось также, чтобы он никогда не был гладиатором по найму. Судьей не мог быть осужденный в судебном процессе. Судья должен был иметь место жительства в Риме или в 1 миле от него.³⁵

Кроме того, по закону истец отбирал 100 судей при условии, что никто из них не может быть сыном, отцом, отчимом или пасынком, двоюродным родственником или находящимся в еще более близком родстве с ним, членом одной и той же гильдии (коллегии). Он не должен был отбирать больше, чем по одному человеку из одной семьи. В процессе не могли участвовать лица, являвшиеся для ответчика сыном, отцом, отчимом или пасынком, двоюродные родственники или находящиеся в еще более близком родстве с ним, члены одной и той же гильдии (коллегии). Ответчик должен был дать присягу в этом.³⁶

Отобранные 450 человек заносились в списки, в которых содержались основные сведения о них (имя, фамилия, отец, триба). Списки были действительны в течение года. Их можно было скопировать для ознакомления и изучения.³⁷

В Киренаике в судебных комиссиях, решающих дела по преступлениям, наказуемым смертной казнью, согласно первому эдикту Августа могли участвовать римляне и эллины, достигшие 25-летнего возраста, имеющие движимое и недвижимое имущество в 7 500 денариев. В случае недостатка лиц с состоянием в 7 500 денариев допускалось назначать судьями лиц, владеющих не меньше, чем половиной указанного состояния.³⁸ Для предотвращения односторонних оценок устанавливалась квота, по которой ровно половина состава судебных комиссий была представлена римлянами, а другая – эллинами. Эти две группы судей по завершении рассмотрения дела голосовали отдельно путем подачи голосов в разные ящики.³⁹

По сенатскому постановлению Августа судьи были представлены нобилитетом: высокопоставленными представителями патрицианско-плебейской знати, имеющей большой опыт решения публичных вопросов. Они не должны были быть в возрасте 70 лет или старше, иметь империя, председательствовать в судах, ведать раздачей хлеба, быть в родстве или свойстве с обвинителем, быть врагом обвинителя.⁴⁰

Таким образом, жеребьевке всегда предшествовал серьезный отбор потенциальных судей. Этот отбор ставил своей целью формирование ответственного судебного органа, состоящего из членов состоятельных сословий. Для повышения ответственности Август своим эдиктом повысил имущественный ценз римлян, имеющих право отправлять правосудие, в три раза с 2500 до 7500 денариев.⁴¹ Причем судьи не должны были быть связаны между собой, а также с обвинителем и обвиняемым родственными узами, свойством, служебными или корпоративными отношениями, отношениями вражды и т.п. При формировании судебных комиссий, как следует из киренских эдиктов Августа, мог учитываться и этнический фактор. Для принятия более ответственных и справедливых решений состав лиц, из числа которых производился отбор судей по жребию, мог периодически меняться согласно установленным правилам и содержанию решаемых задач. Так, замена сенаторского сословия на всадническое сословие по *lex Acilia* (123 г. до н.э.) была обусловлена тем, что сенаторы практически не привлекали к ответственности своих коллег из провинций. В отношении судов в Кирене потребовалось сузить круг римских граждан, имеющих право заседать в суде и которые ко времени издания эдиктов Августа, по словам самого принцепса, стали создавать некие тайные общества. Поэтому согласно первому эдикту имущественный ценз для судей был повышен с 2 500 до 7 500 денариев.⁴²

Но и после того, как была сформирована совокупность лиц, подходящих для исполнения обязанностей судей, римлянами применялась процедура отвода, по которой стороны процесса имели право немотивированно отвергнуть часть судей и завершить формирование судебной комиссии. Механизм «*sortitio – rejectio*» должен был сгладить возможные недостатки выбора по жребию судей, сформировать комиссию, вызывающую доверие сторон. Поэтому порядок формирования судебных комиссий специально предусматривал выбор по жребию большего количества судей, чем это требовалось для рассмотрения дела.

Заслуживает также внимания институт дополнительной жеребьевки (*subsortitio*), введенный римлянами. Он был предназначен для восполнения выбывших по каким-либо причинам судей. Если при окончании формирования состава *quaestiones perpetuae* кто-либо из судей должен был отказаться от исполнения своих обязанностей на законном основании, в частности в связи с избранием его магистратом⁴³ или по иным уважительным причинам,⁴⁴ то он заменялся путем проведения новой жеребьевки. Дополнительная жеребьевка проводилась также в случае смерти судьи. Как можно судить по киренским эдиктам Августа, дополнительная жеребьевка проводилась по правилам, обеспечивающим адекватное замещение выбывшего судьи. Так, в состав судебной комиссии, рассматривающей дела о возвращении средств, незаконно полученных римскими чиновниками, провинциальным общинам, вместо выбывшего сенатора

магистрат в присутствии судей, а также истцов и ответчика должен был выбрать по жребию дополнительно одного из тех сенаторов, которые «принадлежат к тому же рангу и несли ту же должность, как и тот, на чье место производится дополнительная жеребьевка»⁴⁵.

Таким образом, в Древнем Риме жребий применялся для формирования судебных комиссий, рассматривавших как уголовные, так и гражданские дела. Он обеспечивал формирование как постоянных, так и временных судебных комиссий. При помощи жребия решалась задача формирования состава не только однородных по своему составу, но и смешанных судебных комиссий в соответствии с установленными нормами представительства разных социальных групп (*стратифицированный жребий*), имеющих право участвовать в отправлении правосудия. В сочетании с предварительным отбором кандидатов по законодательно установленным критериям, с отводом и дополнительной жеребьевкой данный институт показал свою эффективность: он обеспечивал случайный, но целенаправленный отбор судей для рассмотрения дела.

Жребий в Древнем Риме при формировании состава судов не имел такого важного значения, как в древнеафинском полисе. В Риме была развита практика выбора судей на собраниях, практика назначения судей. Поэтому применение жребия для формирования судебных комиссий может рассматриваться как установление дополнительных гарантий объективности и беспристрастности разрешения дел, которые государство относило к разряду наиболее значимых. Это, разумеется, не означает, что древним римлянам удалось создать действительно независимый, объективный и беспристрастный суд. Как следует из речей Цицерона, списки судей, несмотря на запреты, нередко подчищались.⁴⁶ Бывало, что судьями избирали ранее осужденных граждан.⁴⁷ Результаты дополнительной жеребьевки нередко скрывались.⁴⁸ Иногда дополнительная жеребьевка, предусмотренная по закону, не проводилась вообще.⁴⁹ Более того, с помощью дополнительной жеребьевки мог проводиться подбор людей, которые за взятку выносили обвинительный приговор.⁵⁰ Случался и подкуп всего наличного состава суда так, что только отвод судей позволял нейтрализовать подкуп.⁵¹ Отобранные по жребию, но подкупленные судьи, могли голосовать против обвиняемого без рассмотрения самого дела; они могли брать взятки одновременно с обвиняемого, чтобы не поддержать обвинителя, и с обвинителя, чтобы осудить обвиняемого.⁵² Негласно действовало правило, по которому неприлично было осудить претория, не взяв за это 3 000 000 сестерциев.⁵³ Однако римские судебные комиссии сами по себе оказались значительным достижением публичного права, которое впоследствии было изучено, воспринято и в переработанном виде воплощено в правовых системах средневековья, а затем и в современном публичном праве, в частности в законодательстве о судах присяжных.

¹ Здесь и далее слово «iudex» употребляется как «судья» в значении частного лица, на которое возлагалось расследование уголовного либо гражданского дела. (Об этом и других значениях слова см.: Любкер, Ф. Иллюстрированный словарь античности / Ф.Любкер. – М., 2005. – С. 1049). Указанные лица принимали присягу. В научной литературе их часто именуют присяжными. Но iudex не являлся присяжным заседателем в современном значении этого слова. Поэтому слову «присяжный», на наш взгляд, следует предпочесть термин «судья».

² Виллемс, П. Римское государственное право / П.Виллемс. – Киев, 1888. – С. 361.

³ Покровский, И.А. История римского права / И.А.Покровский. – СПб., 1998. – С. 170.

⁴ Lex Acilia Repetundarum. Lex Sempronia? (123-122 B.C.) // P.F.Girard & F. Senn, *Les lois des Romains*, Naples, 1977, pp.90–106, n.7. На англ. яз. см: Acilian Law «On the Right to Recovery of Property Officially Extorted» (123-122 B.C.) // Johnson, Coleman-Norton & Bourne, *Ancient Roman Statutes*, Austin, 1961, pp.38–46, n.45). http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Leges/acilia_girard.htm#60.

⁵ Исторические сведения об упомянутом законе весьма противоречивы. По Ливию, Гай Гракх оставил суды в руках сената, но увеличил число сенаторов, добавив к ним 600 новых членов из всадников. По Плутарху, Гай Гракх присоединил к 300 сенаторам-судьям еще столько же всадников-судей и учредил смешанный суд из 600 судей. По Аппиану, Диодору, Цицерону, судебные комиссии вообще стали формироваться только из всадников. Многие специалисты по римской античности склонны в большей мере доверять последнему из упомянутых источников. См.: Виллемс, П. Указ. соч. – С. 364; Ковалев, С.И. История Рима / С.И.Ковалев. – Л., 1986. – С. 345; Мякин, Т.Г. Судебный закон Гая Семпрония Гракха: документальный первоисточник и литературная традиция / Т.Г.Мякин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/classics/makin/Myakin_Judicial%20Law%20at%20Rome.pdf.

⁶ Виллемс, П. Указ. соч. – С. 363-364.

⁷ Там же. – С. 362-363.

⁸ Там же. – С. 364.

⁹ Lex Acilia, 10.

* Вероятно речь идет о баллотировочных табличках, на которых для принятия решения по делу римляне писали буквы A (Absolvo – разрешать, отпускать, оправдывать) или C (Condemno – осуждаю, обвиняю) либо NL (Non Liqueat – не ясно).

¹⁰ Пер. с англ. См.: Fragmentum Florentinum I/B (133-87 B.C.) // M.H. Crawford et al., *Roman Statutes*, I, London, 1996, pp. 185-191, n. 5-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/Leges/Florence_Crawford.htm.

Здесь же см. перевод данного фрагмента на англ. язык: Judiciary Law. Florence Fragment I/B (133-87 B.C.) // Johnson, Coleman-Norton & Bourne, *Ancient Roman Statutes*, Austin, 1961, p. 76, n. 80. Автору не удалось обнаружить перевод данного фрагмента, выполненный специалистами по древней истории, на русский язык. Поэтому ниже фрагмент приводится на языке оригинала:

B. (lex iudiciaria ?)

«[---]is omnis iud[ices ---]

[---] est easque pilas om[nes ---]

[--- praepare]ntur aequeturqu[e ---]

[---]v pr(aetor) facito ubi pilae o[mnes ---]

[---] sorticolis singolis sing[illatim ---]

[--- ib]ei scriptum erit eius nom[en recitato ---]

[--- ex h(ac)] l(ege) pronontiatum erit eu[m ---]

[---]amque quae in eo tribun[ali ---]

[---]aliter ea nei deleto neiu[e ---]
[--- iud]ices omnis item sortiri iu[beto ---]
[--- sentent]iam tolerint, quom omni[---]
[---]mat, in eam tabolam qu[---]
[--- li]terae duae aut nulla au[t ---]
[---]e[r]unt, in quibus pileis li[terae ---]
[--- iu]dicis siet, h(ac) l(ege) eas pilas om[nis ---]
[---]++ ++++++ oportebit tum[---]
[--- con]sole p[raetore ---]»

¹¹ Lex Acilia, 27.

¹² Виллемс, П. Указ. соч. – С. 365.

¹³ Whittuck E.A. *Judex // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London, 1890 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?doc=Perseus:text:1999.04.0063&query=id%3D%233649&>.

¹⁴ Виллемс, П. Указ. соч. – С. 364.

¹⁵ Там же. – С. 544; Бартошек, М. Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 102.

¹⁶ Бартошек, М. Указ. соч. – С. 267.

¹⁷ Покровский, И.А. Указ. соч. – § 27.

¹⁸ Whittuck E.A. *Judex // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*.

¹⁹ Виллемс, П. Указ. соч. – С. 364-365.

²⁰ Аграрный закон Тория (111 г. до н.э.) / пер. и коммент. Т.Г. Мякина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/classics/makin/lex_torr_intro.htm.

²¹ Бартошек, М. Указ. соч. – С. 270.

²² Виллемс, П. Указ. соч. – С. 373; Аграрный закон Тория (111 г. до н.э.). прим. 31. Об избрании рекуператоров по жребию согласно Т.Г. Мякину см.: см. lex Urson., 95 (CIL, I, № 594); Serv. Aen., 6, 431; Cic., Verr., 2, 13; 17, 42. Ср. Cic., Verr., 2, 3, 29; 2, 3, 11.

²³ Аграрный закон Тория (111 г. до н.э.). – XVII, 36–38.

²⁴ Претор, разбирающий дела между гражданами и иностранцами или между иностранцами.

²⁵ Виллемс, П. Указ. соч. – С. 373.

²⁶ См.: Кудряшов, С.М. Международные третейские суды : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / С.М.Кудряшов. – М., 1999.

²⁷ См.: Эдикты Августа из Киренаики / пер. Н.А. Машкина // Вестник древней истории. – 1938. – № 3 (4). – С. 180–183.

²⁸ Эти суды рассматривали те же дела, что и некоторые комиссии quaestiones perpetuae, и были организованы по тому же принципу. Однако в отличие от римских quaestiones perpetuae обвиняемому предоставлялось право выбирать, будет ли дело слушаться в смешанной коллегии, состоящей из римлян и эллинов или в коллегии, состоящей только из римлян. См.: Эдикты Августа из Киренаики. – С. 185.

²⁹ Там же. (I, 15–30).

³⁰ Эдикты Августа из Киренаики. – С. 186.

³¹ Там же. – С. 189.

³² Эдикты Августа из Киренаики (V, 85-115).

³³ Консуляры – сенаторы в ранге консула, бывшие консулы.

³⁴ Претории – экс-преторы.

³⁵ Lex Acilia. 8.

³⁶ Lex Acilia. 10.

³⁷ Lex Acilia. 7.

³⁸ Эдикты Августа из Киренаики (I, 15).

³⁹ Там же. (I, 30).

⁴⁰ Там же. (V, 105). Враждебное отношение подтверждал обвинитель клятвой.

⁴¹ Там же. (I, 5; I, 20).

⁴² Там же. (I, 5, 10).

⁴³ Виллемс, П. Указ. соч. – С. 366. Упоминание об этом институте встречается, в частности, у Цицерона: Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Авла Клуенция Габита [В суде, 66 г.]. (XXXIII, 91; XXXIV, 92; XXXV, 96; XXXVII, 103; XLI, 113), прим. 86. Марк Туллий Цицерон. Речи: в 2 т. Т. 1. (81-63 гг. до н.э.) / пер. В.О.Горенштейна. – М.: Изд-во АН Наук СССР, 1962. Доступно на: <http://ancientrome.ru/antlitr/cicero/oratio/cluent-p.htm>.

⁴⁴ Эдикты Августа из Киренаики (V, 115). Это могли быть причины, клятвенно подтвержденные пятью членами сената.

⁴⁵ Там же. (V, 115).

⁴⁶ Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту Авла Клуенция Габита [В суде, 66 г.] (XXX, 91).

⁴⁷ Там же. (XXXVII, 103).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. (XXXIV, 92; XXXV, 96).

⁵⁰ Там же. (XLI, 113).

⁵¹ Марк Туллий Цицерон. Речь против Гая Верреса [В суде, первая сессия, 5 августа 70 г.] // Марк Туллий Цицерон. Речи: в 2 т. Т.1 (81-63 гг. до н.э.). (VI, 16).

⁵² Там же. (XIII, 39).

⁵³ Там же. (XIII, 38).

Калашников В.Д.,

доктор философских наук, профессор
Институт фундаментальной подготовки
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)

ФЕНОМЕН ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК ВИД АВТОРИТАРИЗМА

Одним из важнейших понятий в современной политической науке является «политический режим». Оно используется для раскрытия характера и способа взаимоотношений власти, общества и гражданина. Существуют различные подходы в определении политического режима. Так, А.А.Радугин полагает, что политический режим – это «совокупность средств и методов осуществления политической власти той или иной правящей политической элиты»¹. А.С.Тургаев и А.Е.Хренов рассматривают политический режим как «упорядоченное взаимодействие политических структур политической системы, а также совокупность методов осуществления власти и достижения политических целей»². Названные авторы сходятся во мнении, что политический режим представляет собой совокупность средств и методов реализации политической власти. Не-

сколько иначе к данному понятию подходит А.А.Божанов, который считает, что политический режим представляет собой «способ функционирования политической системы»³. Вместе с тем все сходятся во мнении, что политический режим обеспечивает стабильность политической власти, управляемость общества и граждан, приемлемые для власти динамику и направленность политических процессов, достижение политических целей, реализацию интересов властвующей элиты.

При истолковании сущностных характеристик политического режима делается акцент на взаимоотношения власти, общества и индивида. С этой точки зрения политический режим необходимо рассматривать как особый социальный механизм, способ управления обществом, соединяющий, с одной стороны, базовые модели формирования органов власти и способы принятия политических решений, с другой стороны – способ участия в их реализации различных субъектов политики: правящей элиты, лидеров партий, групп интересов, отдельных граждан. Следовательно, политический режим складывается в результате комплексной деятельности субъектов политики и политического курса, который выбирают те, кто обладает верховной властью. Это дает основание говорить о существовании различных политических режимов и их классификации.

В современной политической литературе выделяют три основных типа политических режимов: тоталитарный, авторитарный и демократический. При этом авторитаризм и тоталитаризм обладают важнейшими характеристиками диктатуры.⁴ Диктатура – это «неограниченная власть». В условиях диктатуры власть сконцентрирована в руках одного человека, группы лиц, клики или партии, монополизирующих ее, и отсутствует всякий контроль со стороны управляемых. Диктаторские режимы при всех существующих между ними различиях едины в неприятии конституционных и плюралистических принципов демократии (власти народа). Политические режимы диктаторского типа не допускают существования или существенно ограничивают оппозицию, они отвергают честные выборы, основанные на принципе конкуренции различных политических сил, либо заменяют их выборами плебисцитарного характера с безальтернативным кандидатом, где результат заранее известен. Для них характерно отсутствие гарантий политических свобод, разделения властей, реальных правовых начал.⁵

Однако авторитаризм и тоталитаризм в целом ряде аспектов существенно отличаются друг от друга. «Тоталитаризм – диктаторская форма централизованного управления, регулирующая все аспекты деятельности как индивида, так и государства»⁶. Для тоталитаризма характерны полное слияние в единое целое общества и государства, государства и партии, экономики и политики, политики и идеологии. Сосредоточием власти при тоталитаризме является партия, поглощающая государство.

Авторитаризму присущи доминирование государства над обществом, приоритет исполнительной власти над законодательной и судебной,

однако такое доминирование не приобретает те жесткость и всеохватность, которые характерны для тоталитаризма. Авторитарный режим существует со слабым и незрелым гражданским обществом, но в отличие от тоталитаризма не уничтожает его. Экономика сохраняет значительную степень самостоятельности. Сохраняется плюрализм социальных сил. Авторитаризм может уживаться и сочетаться как с государственной, так и с рыночной экономикой. Допускается различие между светской и религиозной, личной и публичной сферами жизни. В ряде случаев формально функционируют парламент и политические партии, но их деятельность ограничена. Разрешается «дозированное инакомыслие». Сохраняются классовые, сословные, клановые племенные различия.⁷

Авторитаризм рассматривают иногда как более «смягченную» форму тоталитаризма. Вместе с тем надо иметь в виду, что граница между тоталитарным политическим режимом и авторитарным очень подвижна и не всегда носит достаточно различимый характер, поэтому столь нередки расхождения во мнениях при определении режима конкретного государства. Это обуславливает необходимость более основательного исследования сути авторитарного политического режима и его видов.

Авторитаризм имеет богатую историю, которая включает в себя древние тирании, деспотии, олигархии, а также монархии Средневековья и Нового времени. Все они в значительной степени представляют собой личную власть (власть одной личности – тирана, деспота, монарха). Феномен личной власти сохранился до наших дней и вызывает определенный интерес в современной политической науке. Он распространен в странах Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки.

Как полагают А.С.Тургеев и А.Е.Хренов, причинами «воспроизводства авторитаризма являются: а) сохранение традиционного типа общества с ориентацией на привычные и устойчивые формы социальной жизни и авторитеты; б) воспроизводство клиентельных отношений в социальной структуре развивающихся обществ; в) сохранение патриархального подданнического типов политической культуры в качестве преобладающих, что равно отсутствию ориентаций населения на активное воздействие на политическую систему; г) значительное влияние религиозных норм (прежде всего ислама, буддизма, конфуцианства) на политические ориентации населения; д) экономическая отсталость; е) неразвитость гражданского общества; ж) высокая степень конфликтности в развивающихся обществах»⁸.

В политической литературе различают несколько видов авторитарных режимов, в том числе и личной власти, например, военный режим и популистский. Характерной чертой военных режимов является сильная персонализация власти. Таковы бывшие режимы генерала Зия уль Хака в Пакистане, Амина в Уганде. Специфическими чертами популистских режимов являются усиление этатических начал в экономической, социальной и духовной жизни и наличие патерналистических ожиданий самых

широких народных масс. Примерами могут служить политические режимы Варгаса в Бразилии, Насера в Египте, Каддафи в Ливии.

Вместе с тем, как мы полагаем, наиболее ярко раскрывают сущность авторитарного политического режима такие его виды, которые одновременно являются режимами личной власти, как цезаризм и бонапартизм. Для них характерна опора на бюрократический аппарат управления, военщину и полицию. «Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, – монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться, браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»⁹. В сущности, бонапартизм есть цезаризм в Новое и Новейшее время. Следовательно, они имеют длительную историю и богатый накопленный опыт, что позволяет эти феномены тщательно исследовать. Их наиболее яркими проявлениями стали власть Юлия Цезаря, Принципат Августа, правление Наполеона I и Наполеона III, политический режим Чан Кайши в Китае и диктатура большевиков в первые годы Советской власти в России. Это дает основание раскрыть сущность феномена личной власти, его средства и методы управления государством и обществом.

Уже Гай Юлий Цезарь, провозглашенный Сенатом в 44 г. до н.э. «отцом отечества», сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Он стал фактически монархом, сохранив, однако, римские республиканские формы правления. В процессе узурпации власти одной личностью перед ней встала задача дать ей соответствующее обоснование. Это достигается двумя основными путями. Во-первых, сохраняется видимость нормальной демократической деятельности и всех демократических процедур. Однако из них старательно выхолащивается реальное содержание. Выборы руководителя, его отчеты о своей деятельности, обсуждение и одобрение проводимой им политики – все это превращается в декорум, который должен доказать, что ничто, собственно, не изменилось, все обстоит так как надлежит. Во-вторых, постепенно начинает пропагандироваться идея об исключительности власти имеющего, его особых исключительных качествах. Он – мудрейший из мудрых, верховный авторитет в любой отрасли знания и деятельности – в политике, науке, технике, военной стратегии, земледелии, искусстве. По его предначертаниям или с его совета создаются все ценности, от него берет исток любая инициатива, ему общество обязано всеми благами.¹⁰ Так, Цезарю была воздвигнута в Риме статуя с надписью «полубогу». Это означает также начало официальной пропагандистской кампании, которая была призвана создать легенду о непогрешимости «отца отечества, учителя и друга». Это еще и не что иное, как массовый рецидив традиционного мифологического сознания, исконной веры в могущественного и доброго героя.

Вместе с тем овладевшая властью личность постоянно ищет пути ее укрепления, опору и популярность в обществе. Это достигается различными средствами. Так, Юлий Цезарь даровал право римских граждан сразу всем жителям некоторых провинций. Широко выводил в провинции своих легионеров-ветеранов, что создавало ему опору в разных кругах провинциального населения. Грандиозные зрелища и мелкие раздачи хлеба и денег римскому населению укрепляли популярность Цезаря в широких кругах граждан. Он привлекал к управлению государством римскую сенатскую знать. Однако при этом пополнял сенат своими сторонниками из военных командиров и уроженцев италийских городов и провинций, доведя число сенаторов до 900.¹¹ Было увеличено число магистратур: преторов – до 16, эдилов – до 6, квесторов – до 40, что фактически приводило к усилению его влияния в государственном аппарате, в том числе за счет передачи магистратур своим ставленникам. Цезарь нередко назначал особых должностных лиц – префектов – для выполнения ряда государственных дел. Сбор некоторых податей, надзор за чеканкой монеты он стал поручать своим рабам и вольноотпущенникам. Тем самым создавался особый лично преданный Цезарю государственный аппарат.¹² В то же время расширение государственного аппарата усиливало тенденцию к его бюрократизации.

Данная тенденция укрепилась в эпоху Принципата или ранней Римской империи, охватывающей время правления династии Юлиев-Клавдиев (27 г. до н.э. – 68 г. до н.э.). Система Принципата возникла при Октавиане Августе, власть которого основывалась на соединении различных магистратур. Август и его преемники, будучи принцепсами (первыми) сената, одновременно сосредоточили в своих руках высшую гражданскую власть. «Вне власть не отличалась от республиканской»¹³. Формально продолжало существовать республиканское устройство: Сенат, комиции (народные собрания), магистратуры (кроме цензоров). Но эти институты потеряли прежнее политическое значение, так как выборы в них и их деятельность регулировалась принцепсом. «Реальная власть была сосредоточена в руках императорского бюрократического аппарата (префектов, прокураторов, легатов и даже вольноотпущенников), штат которого непрерывно рос и сфера деятельности расширялась»¹⁴. Бюрократия одновременно была наиболее прочной опорой режима личной власти в эпоху Принципата.

На самые ключевые административные посты Август лично назначал своих друзей и приближенных, иногда даже вольноотпущенников. Высшей военной и административной властью в императорских провинциях обладали назначенные Августом из числа преданных ему сенаторов наместники, имевшие звание легатов пропреторского ранга. Они управляли провинциями в соответствии с императорскими инструкциями – мандатами, которые получали перед отъездом в свою провинцию.

Римом управлял префект города, которого Август назначал из числа наиболее близких к себе сенаторов. Для других постов, как гражданских, так и военных, а особенно финансовых, использовались люди из сословия всадников.¹⁵ Однако при назначении человека на ту или иную должность главную роль играли его личные связи.¹⁶

Октавиан Август был тонкий, расчетливый, двуличный, умевший приспособливаться к изменяющимся обстоятельствам и использовать их для извлечения максимальной выгоды политик. Он вел весьма тонкую политическую игру, подчеркивая, что благодаря ему была установлена Республика. В январе 27 г. до н.э. после окончания гражданской войны Октавиан, сославшись на плохое состояние здоровья, просил сенат освободить его от обязанностей правителя.

В ответ на это раздались просьбы «не оставлять Республику». Но Октавиан казался непреклонным. Он заявил о своем твердом намерении удалиться от государственных дел. И тогда сенат «приказал» Октавиану остаться во главе управления Римской республики. Благодаря умело разыгранной комедии он получил огромные полномочия. Вместе с тем была сохранена видимость республиканского государственного управления.¹⁷

Формально центральным органом власти в Риме оставался сенат. Но, как подчеркивал А.Х.М. Джонс: «Сенат практически не обладал властью. Должности, на которые он мог назначить чиновников, были пустой формальностью, синекурами»¹⁸. Сенат мог выносить резолюции, которые имели силу закона, но на самом деле не действовали без воли на то императора. Существовал суд, который мог судить сенаторов в случае совершения уголовного преступления. Но его члены также подчинялись юрисдикции императора, и императору, таким образом, ничего не стоило повлиять на голосование сената. По идее сенат был тем консультативным органом, к которому обращался император в особо важных случаях. Но на самом деле политика обсуждалась и создавалась частным советом (консилиумом), члены которого избирались самим императором, а сенат просто поддерживал их решения.¹⁹

С установлением личной власти Октавиана Августа возрастает роль полицейских сил и армии. Для своей личной охраны он организовал преторианскую гвардию, которая насчитывала девять когорт по тысяче человек в каждой. Важно отметить, что преторианцы находились в ведении императора и занимали привилегированное положение. Так, они получали жалование по 750 денариев в год и служили всего 16 лет, в то время как легионеры получали лишь по 225 денариев в год и должны были служить 20 лет.²⁰ Кроме того, в городах были организованы еще особые городские когорты, которые несли чисто полицейскую службу. Солдаты этих когорт занимали среднее положение между простыми легионерами и преторианцами. Они получали по 375 денариев в год, и служба у них считалась вы-

годной. Следовательно, преторианские и городские когорты были целиком преданы лично Августу, который мог на них во всем положиться.

Увеличивается мощь римской армии. Со времен Августа она стала профессиональной и постоянно действующей. Количество легионов выросло и продолжало расти в течение всего времени Принципата. Так, она увеличилась с 25 легионов при Августе до 32 при Септимии Севере. Количество дополнительных войск, возможно, составляло 50% всей военной мощи.²¹ При Октавиане Августе общая численность вооруженных сил Рима достигала 300 тыс. Армия составляла оплот правителей Римской империи в их внутренней и внешней политике.²²

Безраздельную власть над такой огромной армией имели Октавиан Август и его преемники. Некоторые из императоров Принципата совершенно не подходили для своей должности, но преданность армии династии Цезаря позволяла сохранить политическую стабильность. Проблема чисто механической передачи императорских полномочий осмотрительными императорами решалась таким образом, чтобы сенат, армия и народ наделили избранных ими наследников необходимой властью еще при жизни самого императора.

Стремясь укрепить свою власть и расширить ее социальную базу, а также отвлечь население от политики, Август вел очень тонкую политическую игру в отношении римского городского плебса. Сословие это было многочисленным и неоднородным. Часть его состояла из вольноотпущенников, которые владели торговыми лавками, небольшими мастерскими и пекарнями. Кое-кто имел небольшие земельные наделы под сад или огород и продавал в Риме фрукты, овощи и цветы. Основную часть городского плебса составляли поденщики, наемные работники и разорившиеся люди, не имеющие постоянного дела и живущие случайными заработками. Плебс постоянно волновался и выражал свое недовольство. Чтобы привлечь его на свою сторону, Август и его администрация осуществляли постоянные раздачи дешевого или бесплатного хлеба и небольшие денежные выплаты. Такие раздачи и выплаты при Августе охватывали 200 тыс. человек.²³

Кроме того, при Августе стали усиленно пропагандироваться традиционные культы ларов (душ предков, являющихся хранителями фамилии дома, а также именина потомков) и гения, который, по убеждению римлян, сопровождал их на протяжении всей жизни. Так, люди, которые зависели от кого-либо – рабы, вольноотпущенники, клиенты, почитали ларов и гениев своего хозяина. Среди плебса стал воздаваться культ ларам и гению Октавиана Августа.

С целью повышения своего престижа в глазах плебса на свои средства и средства членов семьи Октавиан развернул грандиозное строительство в основном общественных зданий. Биограф римских императоров Гай

Светоний Транквилл писал об Октавиане: «Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставил мраморным»²⁴.

Для отвлечения плебса от политики со времен Августа использовалось эффективное средство: проводились частые и роскошные зрелища, на которых неизменно появлялся сам император. На зрелища Октавиан не жалел средств: приглашались многочисленные гладиаторы и выписывались редкие звери. Он активно покровительствовал популярным актерам и артистам. Светоний об этом писал: «В отношении зрелищ он превзошел всех предшественников: его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие... Театральные представления он иногда устраивал во всех кварталах города, на многих подмостках, на всех языках; гладиаторские бои – не только на форуме или амфитеатре, но также и в цирке и в септах; ... состязания атлетов – также и на марсовом поле, где были построены деревянные трибуны»²⁵.

Принципат Августа являлся лишь переходной стадией на пути к окончательной институализации системы личной власти. Еще сохранялась преемственность, особенно в обществе и экономике, где поздне-республиканские структуры не претерпели сильных изменений. Однако вокруг старых общественных отношений образовывались новые рамки, где господствовал принцепс, и все сводилось к нему. Когда принцепс становится отцом и патроном для всех, прекращают существовать те структуры, которые до этого предполагали плюрализм. Монополизация принцепсом большой политической клиентелы означала деполитизацию всех остальных старых клиентел.

Деполитизация старых органов и институтов является характерной чертой принципата. Сенат и народное собрание не могли осуществить многие из своих политических прав еще во времена поздней республики, но окончательное лишение их политической власти произошло только при Августе, хотя оставались многие привилегии, суверенные права и формальности.²⁶

На словах Август был защитником Республики и для вида он в 27 г. до н.э. восстановил республиканскую конституцию, но это было лишь политическим маневром с целью удовлетворить республиканские настроения римской senatorской аристократии и просвещенных граждан Италии. Но словесная приверженность исторической традиции и принципам демократического управления была прикрытием произвола и деспотизма. Так, даже законодатели, сенаторы, не имели возможности выразить свое мнение. Римский писатель Светоний сообщает в биографии Августа как о достойном упоминания событии, что кто-то из сенаторов сказал во время речи императора: «Я бы тебе возразил, будь это возможно!»²⁷.

Октавиан Август сознательно избегал дискредитирующих его решений, например занятие должности единственным консулом или пожизненного диктаторства. Светоний сообщает: «Диктаторскую власть народ

предлагал ему неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться»²⁸. Вместе с тем это была маскировка стремления Октавиана к пожизненной власти. И, как подчеркивает К.Крист, «Октавиан разными способами ускорял решение этого вопроса с помощью материальной зависимости, идеологического влияния, а также демонстративными актами в республиканском стиле»²⁹. При этом необходимо заметить, что подавляющая часть сенаторов были готовы признать новые властные отношения. В целом и римское общество после двух десятилетий анархии и гражданской войны боялось хаоса, которых должен был наступить, если сенат попытается действовать без Октавиана. Избрание Октавиана в 12 г. до н.э. верховным жрецом граждане всей Италии расценили как демонстрацию всеобщего согласия.

Установление режима личной власти Октавиана Августа оказало влияние на все сферы жизни римского общества. Начала давать сбои система местного самоуправления. Народные выборы потеряли юридическую силу из-за отсутствия кандидатов на должности магистратов. Финансовые ресурсы городов были очень скудными. В то же время огромные суммы вкладывались в усиление администрации, обеспечение войск и строительство общественных зданий. Так, должность старших офицеров в армии делилась на 4 класса в зависимости от получаемого жалования: соответственно 60 тыс. сестерциев в год, 100 тыс., 200 тыс. и 300 тыс.³⁰

С целью решения финансовых проблем Август ввел новые налоги: однопроцентный налог на проданные товары, полупроцентный на проданную с аукциона земельную собственность, четырехпроцентный налог за продажу раба, пятипроцентный на наследство, от которого освобождались близкие родственники, налогами также не облагалось небольшое наследство.³¹

Важнейшей для принцепса кассой была учрежденная в 6 г. до н.э. военная казна, которая была предназначена для жалования и содержания римской армии. Первоначальным капиталом для нее послужили ассигнованные Августом 170 млн. сестерциев. Позднее в нее стали поступать доходы от налогов на проданные товары и наследство, что гарантировало постоянный приток денег. Приемники Августа расширили налоговую сферу. Это дает основания полагать, что никогда еще римское государство не проявляло такой изобретательности в отыскивании источников обложения, как в период принципата и империи. Никогда еще не была столь многочисленна армия чиновников финансового ведомства, грабившая и обиравшая народ.³²

Персонализация политической власти в значительной степени оказала влияние на внешнюю политику римского государства. Ее общее развитие основывалось на личных решениях, планах, предначертаниях, программах и концепциях Августа. Внешнюю политику Августа можно охарактеризовать как весьма осторожную и сдержанную. Но вместе с тем она

была в значительной степени воинственной. На западе Август стремился расширить границы империи до Рейна и Дуная и подчинить соседние племена. Наступление на Рейн втянуло Римскую империю в длительную войну с германцами, которая привела к катастрофе в Тевтобургском лесу. Осенью 9 г. до н.э. в 3-дневном бою германские племена во главе с вождем херусков Арминием полностью уничтожили три легиона римского военачальника Публия Квинтилия Вара. При этом погибли 27 тыс. римлян.³³

Не очень удачными были и восточные дела империи. Как отмечает К.Крист: «... в политике Августа в отношении Армении и Парфянского царства отсутствовала ключевая общая концепция. Он реагировал от случая к случаю и отвечал на провокации по собственному почину при благоприятной политической конъюнктуре»³⁴.

Октавиан Август стремился поддерживать свое единоличное господство не только политическим маневрированием, введением в заблуждение граждан, опорой на силу и государственную бюрократию, но он прекрасно понимал, что как форма государственного правления режим личной власти огромной римской империи, Принципат, нуждался в идеологическом оформлении. В целях пропаганды своей собственной политики он использовал различные средства, о которых мы говорили выше. Огромное внимание Август уделял литературе, изобразительному искусству. Для пропаганды политики среди простого населения использовалось и такое традиционное средство, как лозунги на злобу дня, которые печатались на монетах. Такими официальными лозунгами принципата были мир, пиетас (долг) и свобода. Сам Август и окружающие его друзья, особенно один из наиболее близких к нему – Гай Цильний Меценат, оказывали всяческую материальную поддержку и покровительство римским поэтам, писателям и художникам, ожидая в ответ не только лояльности, но и прославления действий принцепса.

В кругу Мецената оказались крупнейшие талантливейшие римские поэты того времени – Квинт Гораций Флакк, Публий Вергилий Марон, Альбий Тибулл и Секст Проперций, Публий Овидий Назон.

Меценат подарил Горацию поместье в Сабинских горах и этим дал возможность поэту все свое время посвятить литературным занятиям. Дружба с Меценатом определила идейную направленность творчества Горация. Отныне он стал «Августовым певцом», провозвестником идеологической политики принципата.³⁵ Гораций писал сравнительно небольшие прозведения-сатиры, лирические стихотворения, которые назывались одами, послания. Его стихи разнообразны и изящны. В них восхваляются принесенный Августом мир и радости сельской жизни.

Главными произведением Горация являются четыре книги «Од». В них с наибольшей полнотой раскрывается морально-духовная направленность его поэзии – прославление принципата, прославление Августа.³⁶

Выдающимся римским поэтом был Вергилий. В конце 40 – начале 30 гг. до н.э. он выпустил сборник стихов, получивший название «Буколики». Это сразу сделало его известным. Именно после появления этого сборника Вергилий сблизился с покровителем римских поэтов – Меценатом. В последующие годы Вергилий создал большую дидактическую поэму «Георгики». В ней он прославлял сельскую жизнь и труд земледельцев, деревню как опору государства, стремился их идеализировать, возбудить интерес к ним. Это отвечало насущным потребностям политики императора Августа, который стремился возродить сельское хозяйство Италии, разоренное гражданскими войнами. В «Георгиках» Вергилий выступал как убежденный сторонник идей принципата.³⁷

Славу Вергилию принесла эпическая поэма «Энеида», над которой он работал десять лет. Поэма ярко воплотила идеологию принципата и на столетия стала любимым произведением римлян.

Напоминая, что Август является потомком Энея (род Юлиев, к которому принадлежал Октавиан, вел свое происхождение от Иула, сына Энея, и тем самым – от самой богини Венеры), Вергилий способствовал зарождению положения о божественности принцепса, служившего важной идеологической основой власти Августа.³⁸ Несмотря на личную и художественную самобытность, Вергилий и Гораций являлись, как подчеркивал К.Крист, «представителями той поэзии, которая совпадала с представлениями Августа и с критериями новой политической системы».³⁹ Следовательно, искусство служило интересам лично Августа и принципата. Власти стремились привлечь к искусству, и прежде всего к литературе и поэзии, внимание широких слоев населения: устраивались общественные библиотеки, организовывались публичные выступления поэтов и писателей.

Деятели искусства со своей стороны стремились обратить на себя внимание принцепса. Но особо отличился в стремлении заслужить милость императора Августа, в лести ему, «золотому веку», Публий Овидий Назон. В своих «Метаморфозах» поэт обратился к прославлению Рима и самого принцепса. Он и другие деятели искусства, и не только поэты, укрепляли идеологическую основу власти. При этом необходимо отметить, что идеология играла ключевую роль в усилении Октавианом единоличной власти.

Созданный Августом режим личной власти перманентно связывался с родом Юлиев-Клавдиев. Приемники Октавиана Августа прилагали все усилия для его укрепления. Наследник Октавиана Тиберий провел через сенат закон «Об оскорблении величества». При этом понятие «оскорбление величества» было настолько неопределенным, что даже продажа статуи императора могла привести к суду над виновником. Положение осложнилось тем, что за донос выплачивалось вознаграждение. Хотя Тиберий проповедовал свободомыслие свободного государства и демонстрировал свое равенство с сенатом, последний был не способен к политической свободе действий, потому что вопреки всем прекраснотушным

заявлениям принцепса над ним висел дамоклов меч процессов об оскорблении его величества.

За трезвым политиком, отвергающим культовое почитание Тиберием, последовал отождествляющий себя с богами и требующий божественных почестей юноша Гай Цезарь, прозванный Калигулой. Его капризы и полная моральная распушенность не знали никаких пределов. Он понимал принципат, режим личной власти, как абсолютную власть, считая своей личной собственностью людей, провинции все государство, при приветствии требовал целования рук и ног.⁴⁰ Трусливый, дрожащий при всякой непогоде человек отождествлял себя с Солнцем, с богами, серьезно полагал, что общается с Луной. Все это вряд ли стало бы возможным, если не было бы безграничной раболепности сената, который отвечал на претензии правителя, обращаясь к нему как к богу и герою.

Калигула постоянно организовывал роскошные зрелища и производил массовые раздачи преторианцам и беднейшим римским гражданам. Он очень быстро израсходовал все средства, которые накопил бережливый Тиберий. Чтобы хоть немного покрыть лавинообразно растущие долги, он круто повернул «административный руль». Были введены новые налоги на транспорт и промыслы. Всякого рода штрафы накидывались с единой целью: добраться до денег людей, их имеющих. Калигула с пренебрежением относился к сенату и многих из них заставил закончить жизнь самоубийством. С таким же пренебрежением он относился и к народу во время праздников и игр. Различные изменения порядка выборов, осуществленные принцепсом, были совершенно бессмысленными, потому что граждане были отчуждены от выборов и не могли больше исполнять предназначенные им функции.

При Калигуле присущие режиму личной власти черты проявились наиболее ярко: страсть к роскоши и расточительству, громадные застройки и строительные проекты, стремление к военным триумфам, театральная внешность, комедиантское поведение. Лауреат нобелевской премии мира 1894 г. Л.Квидде понимал все это как образ «цезарианского безумия». Он писал: «Ощущение неограниченной власти ... делает безумными мысли несчастного, который пагубным образом верит, что формы придворного этикета, а еще больше раболепное поклонение тех, кто близок к правителю, делают его выше всех людей, существом, возвышенным самой природой; из наблюдений над своим окружением он делает вывод, что вокруг него подлая, презренная толпа»⁴¹.

В январе 41 г. н.э. Калигула был убит. Преторианцы провозгласили принцепсом Клавдия, дядю Калигулы. По сообщениям римских историков, Клавдия даже в собственной семье считали чудаком. Вместе с тем его принципат был временем дальнейшего укрепления режима личной власти. Для большего удобства управления огромной державой при Клавдии были созданы особые канцелярии, во главе которых сам император поставил

своих вольноотпущенников. Были расширены права императорских прокураторов в провинциях, отныне они получали право выносить судебные решения. Клавдию удалось создать мощный административно-бюрократический аппарат, который проводил репрессивную политику по отношению к оппонентам. Стремясь завоевать популярность у городского населения Рима, он устраивал грандиозные зрелища. В отличие от своих предшественников Клавдий вел активные захватнические войны. В течение его принципата были захвачены и включены в состав Римской империи различные территории в Европе, Африке и Азии. Вместе с тем и Клавдию было присуще любой ценой демонстрировать свои успехи.

Однако правление Клавдия было временем фаворитов. Так, Нарцисс ведал делопроизводством, Палладий был финансовым секретарем, Полибий руководил архивом и составлял научную документацию, Каллист обрабатывал прошения. Тем самым фаворитизм – еще одно явление присущее цезаризму – режиму личной власти. Становилось ясным, что правовое положение, социальный престиж, административные и профессиональные компетенции стали недостаточными для занятия управленческой должности. Если получение должности зависело от благосклонности или неблагосклонности принцепса, то, следовательно, не имело смысла выделяться какой-то особой деятельностью или способностями. Можно было так же быстро подняться, как и быстро упасть. Чтобы убрать человека с самого высокого поста, не требовалось никаких доказательств вины, никаких улик, никаких свидетелей, достаточно было письма или устного распоряжения принцепса. Кроме того, теперь принцепс решал, кому стать знаменитым и популярным, а кому влачить жизнь в безызначности, кому быть ученым, а кому неучем, кому выдающимся творцом, а кому невежественным человеком. Например, император Нерон сам себя назначил великим артистом.

Сразу после смерти Клавдия преторианцы представили сенату Нерона как нового принцепса. У него совершенно отсутствовали терпение, настойчивость и выдержка. В политике он был мастером инсценировок, любил театральные жесты, сцены и выходы. Нерон был несамокритичен, организованные специально овации воспринимал за доказательство своих выдающихся способностей, которых фактически не было. Отсутствие знаний и умений у правителя вызывали у населения не только недоумение, но и протест. Ответной реакцией правителя становится террор против неугодных. Так, первыми жертвами Нерона стали Нарцисс, Палладий, за ними последовали потенциальные соперники принцепса и сенаторы. После убийства своей матери, гибели префекта преторианцев Аффрания Бурра и ухода из политики воспитателя Нерона философа Сенеки управление империей полностью оказалось в руках принцепса. При этом основательно изменились политический климат Рима, а также деловые качества ведущих политиков, понизился нравственный и профессиональный уровень влиятельных людей при дворе. Так, вольноот-

пущенник Нерона и префект флота Аничет, префект преторианцев Тигеллин, вольноотпущенник Гелний были способны на террор, но совершенно не были способны к конструктивной политике. В то же время и сам Нерон, человек, использовавший положение и режим личной власти для удовлетворения своих артистических амбиций вряд ли думал о политических программах, управлении империей и конституционных нормах. Он не обладал трезвым взглядом на политические, военные, общественные или экономические объективные реалии.⁴² В итоге он был убит заговорщиками. С Нероном закончился род Юлиев-Клавдиев, развернулась ожесточенная борьба за власть.

В социальном плане режим личной власти в Риме был направлен на защиту интересов родовой и землевладельческой аристократии, финансовой олигархии, представители которых жили в роскоши. Огромные средства тратились на дорогую утварь, драгоценности, наряды, изысканные яства, возведение величественных дворцов. Загородные виллы, дачи на модном аристократическом курорте Байа, возле Неаполя, отличались роскошью постройки, отделки и внутренней обстановки. Римская знать славилась своими пирами. Представители местной, муниципальной знати стремились не отставать от столичной и тоже тратили огромные деньги на постройку своих городских домов и сельских вилл, на статуи, картины, художественную посуду.

Быстро рос слой новых олигархов, богатых вольноотпущенников, которые стремились во всем не отстать от старой римской аристократии. Более ловкие и осведомленные в коммерческих делах, они часто превосходили своим богатством потомков древних аристократических домов. Их количество в эпоху принципата неуклонно росло.

Вместе с тем следствием установления режима личной власти было то, что простой народ Италии все больше нищал. Для бедняков в Риме строились многоэтажные дома, которые по разным причинам разрушались. В других городах бедняки жили в небольших хижинах и занимались в основном мелкой торговлей или нанимались на работы в качестве поденщиков. Оплата наемного труда была очень низкой. Для того чтобы предотвратить возмущение бедноты и возможные восстания, принцепс и муниципальная власть постоянно прибегали к различным подачкам.⁴³

Исследование феномена личной власти свидетельствует, что авторитаризм является не неким переходным, а самостоятельным политическим режимом. Он выступает следствием кризиса демократического республиканского строя, порожденного неодолимыми противоречиями между народом и властью имущими, выражающими интересы наиболее зажиточных слоев населения. Авторитаризм выступает в виде диктатуры, которая создает иллюзии демократического управления как раз для сокрытия отсутствия демократии. Он опирается на различные методы с целью привлечения на свою сторону различных социальных групп. Однако приоритет – за при-

нуждением в виде насильственных действий. Защищая интересы имущих, авторитаризм обрекает значительные слои населения на нищету и бедность. Отдавая управление страной и государством в руки бюрократии, при отчуждении народа от власти и политики, он обрекает его на постепенное загнивание и разложение. Власть, не подконтрольная обществу, создает благоприятные условия для различных негативных явлений в системе управления, включая коррупцию, казнокрадство, произвол, некомпетентность, авантюризм, карьеризм и пр. Обладание неограниченной властью ведет к увеличению ошибок в управлении государством и страной.

Таким образом, авторитаризм – это постоянные внутренние и внешние войны, которые приводят к катастрофическим последствиям для стран и народов. Следовательно, авторитаризм как политический режим в целом носит негативный характер, прежде всего в виде власти той или иной отдельной личности.

¹ Политология : учебное пособие для вузов / научн. ред. А.А.Радугин. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр, 2003. – С. 158.

² Политология : учебное пособие / под ред. А.С.Тургаева, А.Е.Хренова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 260.

³ Божанов, В.А. Политология: мир современной политики : учебное пособие / В.А.Божанов. – М.: Изд-во деловой и учебной лит-ры, 2005. – С. 94.

⁴ Гаджиев, К.С. Политология : учебник для высших учебных заведений / К.С.Гаджиев. – М.: Логос, 2003. – С. 278.

⁵ Там же.

⁶ Божанов, В.А. Указ. соч. – С. 95.

⁷ Гаджиев, К.С. Указ. соч. – С. 279.

⁸ Политология / под ред. А.С.Тургаева, А.Е.Хренова. – С. 266.

⁹ Цит. по: Воронцов, В.Б. Судьба китайского Бонапарта / В.Б.Воронцов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 4.

¹⁰ См.: Шахназаров, Г.Х. Культ личности как вид власти / Г.Х.Шахназаров // Пульс реформ (юристы и политологи размышляют). – М.: Прогресс, 1989. – С. 76.

¹¹ История древнего мира. Древний Рим / А.Н. Бадак [и др.]. – Мн.: Харвест, 1998. – С. 156.

¹² Советская историческая энциклопедия. Т. 16. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1976. – С. 807.

¹³ Зелинский, Ф.Ф. Римская Империя / Ф.Ф. Зелинский ; пер. с польск. Н.А. Панчинской. – СПб.: «Алетейя», 1999. – С. 84.

¹⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 11. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. – С. 569.

¹⁵ Джонс, А.Х.М. Гибель античного мира / А.Х.М. Джонс. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – С. 26.

¹⁶ История древнего мира. Древний Рим. – С. 220.

¹⁷ Там же. – С. 182.

¹⁸ Джонс, А.Х.М. Указ. соч. – С. 24.

¹⁹ Там же.

²⁰ История древнего мира. Древний Рим. – С. 190.

²¹ Джонс, А.Х.М. Указ. соч. – С. 29.

²² История древнего мира. Древний Рим. – С. 208.

-
- ²³ Там же. – С. 190.
- ²⁴ Светоний, Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей / Г.Т. Светоний ; пер. с лат. предисл. и послесл. М. Гаспарова. – М.: Худож. лит. 1990. – С. 49.
- ²⁵ Там же. – С. 55.
- ²⁶ Крист, К. История времен римских императоров от Августа до Константина: историческая Б-ка Бека. Т. 1 / К.Крист. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 110.
- ²⁷ Светоний, Г.Т. Указ. соч. – С. 59.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Крист, К. Указ. соч. – С. 119.
- ³⁰ Джонс, А.Х.М. Указ. соч. – С. 28.
- ³¹ Крист, К. Указ. соч. – С. 145–146.
- ³² Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юрист, 2000. – С. 93.
- ³³ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. – С. 168.
- ³⁴ Крист, К. Указ. соч. – С. 161.
- ³⁵ История древнего мира. Древний Рим. – С. 278.
- ³⁶ Там же. – С. 279.
- ³⁷ Там же. – С. 274.
- ³⁸ Там же. – С. 276.
- ³⁹ Крист, К. Указ. соч. – С. 184.
- ⁴⁰ Там же. – С. 280.
- ⁴¹ Цит. по: Там же. – С. 284-285.
- ⁴² Там же. – С. 321.
- ⁴³ История древнего мира. Древний Рим. – С. 342.

Андреев А.Л.,

доктор философских наук, профессор
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева
(г. Красноярск)

ИСТОРИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Во все времена в общественном развитии важной была задача формирования мировоззрения людей как фактора для достижения определенных социальных и исторических целей.

Под мировоззрением принято понимать целостную систему взглядов на мир, в основе которой лежат восприятие людьми социальных и исторических отношений, своего места в социальной структуре и мире истории, соответствующая оценка и отношение к общественным и историческим явлениям. В содержание мировоззрения входят естественнонаучные взгляды, система политических идеалов и представлений, также опреде-

ленное отношение к существующим моральным нормам и ценностям, то или иное понимание человеком своего места в обществе и истории.¹

Субъектом мировоззрения могут быть общество в целом, социальные группы и отдельные индивиды.

Мировоззрение общества есть отражение конкретно-исторических особенностей эпохи, природных и социальных условий его существования. В большей мере оно формируется под влиянием господствующей политической и исторической идеологии. В историческом мировоззрении главным является осознание того, насколько и как общественная, историческая реальность освоена общественным человеком, какое историческое значение (или исторический смысл) и какую историческую ценность имеют те или иные объективные явления и процессы для человека, какова степень его зависимости и свободы в мире истории, к каким целям нужно стремиться и как их достичь.

Специфика индивидуального исторического мировоззрения состоит в том, что оно выполняет в системе человеческих знаний совершенно определенную функцию: служит способом обобщенного осознания человеком своего отношения к исторической действительности, определения своего места в мире истории, осознания цели и смысла своей исторической жизнедеятельности.

Историческое мировоззрение индивида не тождественно его историческому самосознанию. Если историческое самосознание есть отражение всех многообразных сторон индивидуального бытия, включает в себя частные взгляды человека на конкретные стороны исторической действительности, имеющие преходящий, временный характер, то историческое мировоззрение – это взгляды и представления, направленные на интегральное целостное восприятие мира истории, имеющие устойчивый и принципиальный для жизнедеятельности личности характер. Кроме того, историческое самосознание включает в себя формы психического отражения, тогда как историческое мировоззрение, существуя как система убеждений, представляет собой органическое единство знаний и переживаний. В этом смысле историческое мировоззрение служит стержнем исторического самосознания личности, является критерием отбора исторических фактов, их осмысления, оценки и превращения в систему принципиальных исторических ориентаций.

Историческое мировоззрение личности, с одной стороны, кристаллизуется в ходе практической деятельности, с другой – обеспечивает ее историческую направленность, выступая своеобразной исторической стратегией.²

Формирование исторического мировоззрения человека происходит вместе с созреванием его как личности. К собственным убеждениям человек приходит сам, иногда в процессе сложного и мучительного выбора. В этом большую роль играет историческое самосознание.

Историческое самосознание есть способность человека посмотреть на себя со стороны, отнестись к себе как к объекту истории, оценить все свои «за» и «против». Его можно рассматривать как сложный социально-психологический феномен, который включает в себя рациональные элементы и эмоционально-чувственные. Единство чувственного и рационального моментов обуславливает самооценку, которая может носить как временный, ситуационный характер, так и устойчивый, когда человек в принципе решает, состоялся ли он как личность или нет. «Разумеется, – пишет С.М.Толстая, – самооценка не является продуктом субъективно-индивидуального видения себя, она зависит от восприятия оценок окружающих людей»³.

Установлено, что самооценка является мощным регулятором поведения человека, его отношений с другими людьми. На наш взгляд, следует выделить особую мировоззренческую функцию самооценки, так как на ее основе строится концепция собственного «Я» и концепция отношений с миром. Адекватные или неадекватные представления человека о себе в значительной мере определяют и его историческое мироощущение и взаимодействие с миром истории. Человек с адекватной самооценкой знает, как правило, чего он хочет, ставит перед собой вполне достижимые жизненные цели, его историческое мировоззрение сбалансировано, чаще оптимистично, носит жизнеутверждающий характер. У человека же с неадекватной самооценкой, – подчеркивают В.И.Смагин и Т.П.Фокин в работе «Самосознание как фактор саморегуляции человека», – нарушены нормальные связи с миром, гипертрофировано представление о собственной значимости либо о собственной несостоятельности, неспособности противостоять обстоятельствам.⁴

Специфическая мировоззренческая функция самооценки просматривается в характере и результативности деятельности личности. Деятельность личности с адекватной самооценкой всегда более успешна, чем человека с завышенной или заниженной самооценкой.

Развитие исторического самосознания – сложный и длительный процесс, в котором происходят постоянное соотнесение с общественной шкалой ценностей и соответствующая корректировка «Я»-концепции. В контексте сказанного очевидна необходимость разработки проблемы мировоззренческой культуры личности, о чем писал в свое время еще академик Д.С.Лихачев.⁵ С этим связан в конце XX в. и определенный теоретический поворот нашей философской мысли к тем проблемам, которые долгое время считались либо выражением религиозных устремлений индивида, либо склонностью к «самокопанию», которые здравый человек должен был просто отбросить как ненужный исторический хлам.

Пренебрежение проблемами «рефлексии исторического самосознания» делает человека невежественным в понимании самого себя как части народа, в определении тех духовных оснований, которые обеспечивают адекватность стратегии всей исторической практики»⁶.

«Сегодня, – писал Д.М.Балашов в статье «Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия», – речь в сущности должна идти о переосмыслении принципов культуры, тех исторических оснований, которые современный человек полагает исходными в сознательном определении краеугольных камней, на которых он возводит свой дом, строит тот мир, который он считает действительно своим миром»⁷.

Культура соединяет в себе способность создавать мир, стоящий над первозданным хаосом, и почитать этот окультуренный мир в той или иной символической форме. Культура поэтому всегда – не только знание и умение, но и культ, определенное отношение, основанное на выборе ценностей, выделении своего мира из мира вообще.

Применительно к современной стадии развития человечества проблема культуры встает как проблема конкретности универсальных исторических самоопределений человека. Она обретает характер проблемы культуры исторического самосознания. Специфика этой проблемы состоит в том, что здесь культура понимается не как нечто внешнее для человека, созданное традицией и объективированное в предметах культуры – материальных и духовных. Она понимается как определение истинного пути формирования внутреннего мира человека, имея в виду, что он является предпосылкой построения им самим истинного внешнего мира истории.

Историческое самосознание должно быть понято как внутренняя духовная самоорганизация личности на основе высших исторических ценностей жизни. Выбор таких исторических ценностей, формирование на их основе всей массы индивидов представляют сложнейшую социально-историческую проблему.

Движение исторического самосознания сводилось у нас к движению исторического знания либо включалось в общий ареал сознания как недифференцированного духовного потока. Между тем для исторического самосознания характерна двойная рефлексия, способность не только отражать, но и оценивать явления с точки зрения определенных духовных и исторических принципов. Категории исторического знания обретают в историческом самосознании свою специфику. Историческое самосознание избирательно по самой своей онтологической природе. Эта избирательность определяется горизонтом «своего мира истории», как он понимается человеком.

В различных исторических и социальных структурах «своих миров истории» одни и те же явления могут играть либо положительную, либо отрицательную роль. При этом и доминанты общественного мнения меняют свой знак с положительного на отрицательный, и наоборот, обнаруживают своего рода круговые движения.⁸

Свою специфику в структуре исторического самосознания обнаруживает и истолкование истины. «Объективные горизонты истины «своего мира истории» человека очерчиваются личностными, экономическими, социальными, культурными и иными реальными взаимозависимостями

его бытия. Эти взаимозависимости меняются исторически. Недоучет индивидом объективных взаимосвязей бытия и порождает неадекватность исторического самосознания»⁹. Это оказывается верным не только в отношении отдельных индивидов, но и социальных субъектов.

Культура самосознания возможна лишь на основе понимания истоков объективности истинности исторического знания и истины исторического самосознания. Истина исторического знания относится к объекту, она отражает его существенные стороны, качества, а также взаимосвязи между объектами. Реальные свойства объекта – это основание объективности истины исторического знания. Истина исторического самосознания относится к принципам исторического поведения. Неистинные принципы ведут к саморазрушению. Этим и определяется объективность истин исторического самосознания. Коль скоро возможно объективное и рациональное постижение истинных принципов, следование которым обеспечивает историческое бытие человека в окружающем мире и в отношении с другими людьми, можно говорить о свободном движении разума как действительной форме постижения объективной истины исторического самосознания. Историческое движение философской мысли в этом отношении становится предпосылкой культуры исторического самосознания.¹⁰

Свободный выбор личности в определении принципов жизни реально ограничивается массовыми выражениями их истинного понимания. Здесь единство позиций есть вера, снимающая плюрализм личностных ориентаций. Такое снятие, помимо мировоззренческого, имеет и конкретный исторический характер. Оно оказывается предпосылкой утверждения социально согласованных форм исторического поведения и общих реакций на различные явления жизни. Но вместе с тем фанатичная, слепая вера может стать предпосылкой игнорирования истин исторического знания, норм морали во имя утверждения общих догматов. Крайности произвола субъективного мнения и догматизма веры снимаются способностью личности к разумной самокоррекции.

Способность к самокоррекции поведения личности, а также и социального субъекта – это проблема диалога, цель которого – приведение представлений исторического самосознания в соответствие с реальными социальными и историческими возможностями, разумное соблюдение общих нравственных и правовых норм как непременное условие нормального функционирования общества. В этом процессе происходит формирование общего исторического самосознания народа, адекватного исторического самосознания человека.

Способность массы индивидов поступать так, чтобы торжествовал общий их интерес, ограничивающий любые проявления своеволия, есть признак реальности общественной морали. Точно так же способность массы индивидов, большинства осуществлять практические действия, приносящие пользу общественной жизни, есть признак реальности исто-

рического самосознания. Как показывает опыт, ни добро, ни разум не становятся автоматически атрибутами общественной жизни. Должны быть духовные авторитеты, стоящие на страже добра и разума. Форма их утверждения – это непрерывный общественный диалог, способствующий формированию социальной культуры исторического самосознания.

Имея в виду мировоззренческую функцию исторического самосознания в организации общественной жизни, необходимо видеть, что выработка способности каждой личности к адекватному самоопределению, свободной постановке высоких целей личного и исторического бытия определяется объективными ступенями исторического развития. Реальные условия создают объективные возможности практического осуществления исторических принципов. Если же принципов нет или они не признаются как истинные, то тогда бессмысленно говорить об исторической свободе как реализации общего выбора народа. Вместе с тем духовная свобода – результат исторических открытий и исторического опыта. Объективные ориентации духовной свободы возникают на основе отбора, селекции лучших образцов деятельности в различных сферах. К таким видам деятельности первоначально относили свободное творчество, которое доставляло глубокое внутреннее удовлетворение индивиду и в то же время служило созданию исторических ценностей.¹¹

Сложная проблема, которая здесь возникает и которая была сформулирована еще К. Марксом, – это историческое отчуждение человека от самых необходимых и массовых форм деятельности – труда. До исторического изменения характера труда, превращающего его в потребность индивида, историческое самосознание играет роль духовного фактора, содействующего включению отчужденных от труда индивидов в необходимые формы общественного производства и социальной жизни.

Фундаментальным моментом идеального в сфере исторического самосознания является его историчность. Историчность самосознания соответствует действительному бытию человека как субъекта социального действия. В структуре бытия субъекта соединены его прошлое с будущим через реальную практику настоящего. Настоящее социального субъекта выступает как прошлое-будущее в их единстве.¹² Если историческая перспектива субъекта прорисовывается как перспектива его саморазрушения, утраты им своих позиций в динамике развития, то будет происходить и его внутренняя деморализация, утрата им смысла своей деятельности.

В историческом самосознании идентичность исторического бытия субъекта воспринимается как его вечность, выраженная в непреходящем характере его духовных ценностей и результатов его деятельности. Обстоятельства разрушают плоды труда человека, время – его самого. Разрешение этого противоречия, можно сказать, есть вечная проблема исторического самосознания. Через понимание специфики истины исторического самосознания определяется и действительное значение вечных ценно-

стей для различных форм созидательной деятельности человека, решения конкретных жизненных задач в реальных обстоятельствах исторического места и исторического времени. Ориентация на вечные ценности – это не химера исторического самосознания: она определяет адекватную социальную, моральную и эстетическую направленности деятельности человека.

Проблема универсальных самоопределений человека сегодня обрела фундаментальную историческую значимость. Эта проблема не является новой. Она решалась определенным образом на предшествующих этапах исторического развития. Индивидуальные, частные социальные интересы, определяющие поведение людей, исторически корректировались различными формами религии и права, соединявшими частные интересы с универсальными нравственными и общими историческими традициями. Данная тенденция отчетливо просматривается в организованных социальных системах. В них индивиды обычно идентифицируют себя и в духовных, родовых категориях, и в частных социальных самоопределениях – семейно-племенных, кастовых, сословных, классовых и иных.

Родовая социальная сущность человека обусловлена тем, что человек исторически формируется как созидатель оснований своего собственного исторического бытия и исторического бытия человечества. Родовая сущность может обретать свою специфическую форму. В современных условиях родовая сущность человека всплыла на поверхность в своей негативной форме – в возможности самоуничтожения человечества в результате его собственной деятельности. Это фундаментальное историческое обстоятельство является отправным моментом поиска такой позитивной родовой сущности человека, которая может стать основанием общего спасения. Становятся необходимостью переосмысление всех форм практической деятельности человека и организация ее в соответствии с определенными универсальными кодексами. Через эти кодексы духовность получает свою конкретно-историческую ориентацию. Старые представления самосознания оказываются в современных условиях абстрактными. Историческая эпоха требует перехода к новым формам культуры.

Как известно, вопрос о радикальном преобразовании исторических форм культуры был поставлен в новое время философией просвещения.¹³ Переход к новой культуре связывался с освобождением исторического самосознания от предрассудков на основе прогресса научного знания и утверждением полной свободы личного самоопределения как естественного следствия понимания того, что человек – продолжение природы.

На этой почве возникают две основные тенденции массового исторического самоопределения. Первая связана с распространением позитивистской философии, утверждением представления, согласно которому совокупность исторических знаний должна определять историческое миропонимание всех людей, а вместе с тем и характер социального поведения. В итоге формируется скептически или прагматически ориентированная лич-

ность, знающая условность основанных на религиозных представлениях нравственных догматов. Общие нравственные принципы признаются лишь постольку, поскольку они укладываются в рамки разумного эгоизма.

Вторая тенденция связана с утверждением исторического представления, согласно которому лишь отдельная личность, стоящая на принципах исторического самосознания, может быть борцом нравственных норм; ее свободная воля обретает абсолютный характер.

Осознание того факта, что опасность для бытия человечества вырастает из кажущихся очевидными истин исторического самосознания, приносящих индивидам, частным общественным группам успех в их деятельности, ставит человеческий разум перед парадоксом: из суммы частных успехов рождается общая угроза для исторического бытия человечества.

Это обстоятельство подталкивает к углубленному анализу представлений исторического самосознания, истоков его неадекватности, внутренней диалектики.

Раскрытие диалектики исторического самосознания связано с анализом понимания как специфической формы его истины. На основе понимания становятся возможными и преодоление исторически сложившейся метафизики исторического самосознания, и оценка адекватности или неадекватности принципов, их соответствия или несоответствия требованиям исторической эпохи. В способности преодолевать метафизические представления исторического самосознания заключается важная предпосылка его культуры. Это требует критического отношения к кажущимся истинными стереотипам массового восприятия исторической реальности. Метафизика исторического самосознания – это повседневность жизни. Она оказывает влияние и на философскую, историческую мысль.

Устоявшиеся принципы являются предпосылкой привычных, становящихся механическими форм массового исторического поведения. В современных условиях складываются новые формы, которые обретают массовый характер. В их основе лежат объективные факторы, предопределяющие снижение роли осознанных нравственных принципов и исторических норм в жизненных ориентациях индивидов. Так, воздействие общих тенденций технического развития и управления модифицирует и типы поведения людей, внося в них общие черты. Это противоречивый процесс, требующий глубокого осмысления.¹⁴

Научно-технический прогресс, внедрение его достижений в различные сферы исторической жизни ведет к ее тотальной рационализации. Человеку сегодня кажется, что он должен лишь усвоить сигналы этой рационально построенной системы, правильно реагировать на них и тогда его поведение будет адекватным условиям современной жизни. Техническая рационализация становится общей чертой жизни различных народов и социальных систем.

Усиление бюрократизации общественной жизни, расширение сферы влияния общих правил на все ее стороны также служат возможности сужения проявления внутренней свободы человека.¹⁵

Эти тенденции находят свое выражение и в условиях современного мира. Возникли новые общие формы внешней регламентации жизни человека. Духовная культура под воздействием этих тенденций оказывается как бы потесненной установленными техническими и социальными правилами. В этой ситуации духовная культура призвана сохранить историческую самостоятельность человека по отношению к формам внешней рационализации жизни.

¹ Ощепкова, А.П. О мировоззренческой функции самосознания / А.П.Ощепкова, Р.О.Рыкул // Природа мировоззрения и практические аспекты его формирования. – Томск, 1990. – С. 43–51.

² Вайгук, В.А. Идеология и самосознание личности / В.А.Вайгук // Диалектика коллективного и индивидуального. – Одесса, 1991. – С. 111–128.

³ Толстая, С.М. Культурное самосознание в истории и современности / С.М.Толстая // Граница: вопросы культурных связей России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши : сб. материалов междунаро. конф. – М., 1994. – С. 20–27.

⁴ Смагин, В.И. Самосознание как фактор саморегуляции человека / В.И.Смагин, Т.П.Фокин // Диалектика стихийного и сознательного в управлении социальными и природными процессами. – Иркутск, 1991. – С. 90–102.

⁵ Лихачев, Д.С. Нельзя уйти о самих себя: историческое самосознание и культура России / Д.С.Лихачев // Новый мир. – 1994. – №6. – С. 113–120.

⁶ Балашов, Д.М. Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия / Д.М.Балашов // Российский ежегодник. Вып. 1. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 198–204.

⁷ Там же.

⁸ Билык, А.М. Самосознание и реальность / А.М.Билык, О.М.Билык // Проблема самосознания в философии и науке. – М., 1996. – С.93–95.

⁹ Интеллектуальное самосознание общество и пространство культуры // Проблемы интеллектуального развития организационных систем. – Новосибирск, 1991. – С. 39–64.

¹⁰ Киссель, М.А. Историческое сознание и нравственность / М.А.Киссель. – М.: Знание, 1990.

¹¹ Закс, Л.А. Художественное сознание / Л.А.Закс. – Свердловск: Издательство Урал. ун-та, 1990.

¹² Румянцева, М.Ф. Историческая память и механизмы социальной идентификации / М.Ф.Румянцева // Мир психологии. – 2001. – №1. – С. 104–114.

¹³ Кимелев, Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк / Ю.А.Кимелев // Философия истории. Антология : учебное пособие для студентов гуманитарных вузов. – М., 1995. – С. 3–19.

¹⁴ Прохоров, М.М. Человековедческая доминанта регионального самосознания / М.М.Прохоров // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М., 1999. – С. 79–98.

¹⁵ Нивицкая, Л.Ф. Трудная дорога к себе / Л.Ф.Нивицкая // Человек – сам себе непонятный. – Новгород, 1997. – С. 21–28.

Дроздов Н.И.,

доктор исторических наук, профессор,
Красноярский государственный педаго-
гический университет им. В.П.Астафьева
(г. Красноярск)

Панюков А.И.,

доктор философских наук, профессор,
Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Каждая из социальных форм исторического сознания обладает своими особенностями, которые прежде всего объясняются спецификой отражения той или иной стороны исторического процесса, способом отражения, а также выполняемой ими социальной функцией. В.К.Егоров пишет: «Историческое сознание существует не как функция индивидуального ума, не как продукт личного жизненного опыта, но как общезначимое знание, доступное и понятное всем членам данной общности»¹. В рамках конкретной формы исторического сознания (к примеру фольклорной) происходят систематизация и упорядочивание определенных знаний, а также их интерпретация в рамках этой формы и установление соответствия «внутреннего» «внешнему».

В общественной практике историческое сознание находит выражение в формах мифологии, фольклора, исторического предвидения, исторической традиции, исторической утопии, художественного образа, научно-теоретической концепции, воспоминаний о прошлом и др.

Формы исторического сознания отражают в своем содержании предметно-преобразующую и социально-духовную деятельность людей. В зависимости от их характера они приобретают ту или иную общезначимую функцию. С полным основанием можно согласиться с А.А.Потебней, который утверждал, что «... мифологическое мышление свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной ступени развития мысли; оно формально, то есть не исключает никакого содержания»². Эту мысль А.А.Потебни можно отнести и к характеристике любой другой формы исторического сознания.

Перечисленные формы исторического сознания не исчерпывают, конечно, всего многообразия духовных образований, в которых оно проявляется. Однако они представляют, пожалуй, наиболее существенные его формы, включающие в себя более частные образования. Когда мы говорим об исторической утопии как форме исторического сознания, то имеем в виду, конечно, не столько определенный жанр литературы, сколько об-

раз мышления. В данном контексте утопическую мысль нужно рассматривать как функцию скрытых тенденций и сил истории. Утопии Ветхого и Нового Заветов свидетельствуют о появлении в человеческой истории цели и смысла, будущее уже обещает нечто новое и окончательное. В древнегреческих утопиях история не мотивирована будущим, она подчиняется тем же законам, что и прошлое. Утопии русской истории, как правило, носят эсхатологический характер. Все они основаны на круговом вечном порядке истории: «не «горизонтально-историческая» ориентация будущего, но «вертикальная» жажда вечности». Прежде всего это легенда-утопия о Церкви Невидимого Града Китежа как верховном символе русского народного исторического сказания. Китежская фантазия довольно полно представлена в философском, художественном и поэтическом творчестве Д.С.Мережского и С.Н.Дурылина. С.Н. Дурылин рисовал историческую перспективу возвращения к «Церкви Вселенской и Древнерусской», предрекал близкую встречу «русского народа-мифомыслителя» с «русским художником-мифомыслителем»³. А.В.Васильев в начале XIX столетия пропагандировал идеи «Соборного строя Земли Русской и Свободного на ней Труда», выступал за истинное «самодержавие», которое должно уживаться с церковью и гражданской свободой народа, с самым широким самоуправлением. Т.М.Бондарев назвал свою книгу «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» (1883 г.), в ней в форме философских притч выводит «первородный закон бытия»: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратившись в землю, от нее же взят»⁴. А.В.Луначарский полагал, что суть всякой религии заключается в ценностной ориентации, в снятии противоречий между идеалом и действительностью. В книге «Религия и социализм» (1908 г.) он утверждал, что теория социализма – это «пятая великая религия». Первые четыре – иудаизм и вышедшее из него христианство, ислам и пантеизм Спинозы. В «пятой религии» уже нет и не может возникнуть никаких трансцендентных представлений. Это религия социализма – «религия труда», «активизма», основанная не на мистических началах, а на реализме исторической перспективы.⁵

Зарождению историзма в общественной мысли на рубеже XIII–XIX вв. сопутствовало появление исторической утопии, в которой идеал изображался в виде предполагаемого результата исторического процесса, якобы неизбежно ведущего к осуществлению известных целей. Поэтому Ламартин назвал утопии «преждевременными истинами». Исторические утопии в зависимости от определенных социальных условий имеют как позитивное, так и негативное содержание и формируют два взаимоисключающих образа мышления: утопическое и дистопическое, хотя исходная посылка по существу едина – «противопоставление действительности и идеала»⁶. Столкновение утопических представлений с реальной практикой точно зафиксировано в романе «Чевенгур» А.П.Платоновым, причем писателю удалось показать философскую глубину этой проблемы.

Каждая конкретная форма исторического сознания представляет собой синтез трех его уровней: эмоционально-обыденного, нормативного и научного. Но соотношение и характер этих уровней в различных формах весьма различные.

Формы исторического сознания, с одной стороны, выступают как система теоретических взглядов, а с другой – одновременно как определенные совокупности эмоций, воли, черт характера, выраженных в чувствах. Их общая задача – постигнуть, дать истолкование в понятиях, сформулировать или опровергнуть общие положения, идеи и нормы, оценить и воспроизвести прошлое. Историческое сознание представляет собой формы не только понятийного, но и эмоционально-чувственного отражения бытия, специфическую организацию общественной психологии – историческую психологию. Формы исторического сознания – это также соотношение (единство) исторического и логического.

Важнейшим способом актуализации форм исторического сознания является теоретизация самосознющей деятельности человека, позволяющая сделать адекватность отражающей способности рефлексивного образа основным связующим звеном между миром человеческой субъективности и объективными социальными процессами. Две стороны социальной жизни – производство материальных благ и производство самого человека – определяют наличие форм исторического сознания. Сопряжение исторических, мифологических, фольклорных, художественных и т.п. образов в рамках той или иной социальной формы исторического сознания свидетельствует о возможностях исторического познания, развитии представлений о всеобщих связях и системности первичных структур исторического сознания. Историческое сознание, получив определенные импульсы социальной среды, в каждой своей форме оказывается «завершенным». Гносеологическая единица каждой его формы – рефлексивный образ.

Рефлексивный образ не тождественен «чистому образу истории», в нем отражается противоречивое взаимодействие человека и мира истории. В основе рефлексивного образа лежит ценностное отношение, человеческий мир, поэтому противоречивое отношение человека и истории в нем имеет тенденцию к единению. Олицетворением такого единства является представление об идеале. Считая основным признаком ценности той или иной социальной формы исторического сознания объективную социальную значимость, мы, соответственно, можем признать за оценками в рамках рефлексивного образа статус истинности или ложности. Объективная социальная значимость (ценность) исторического сознания задается исторически определенной системой отношений. Поэтому, если мы хотим прочесть значение социальной формы исторического сознания (мифологической, фольклорной и т.п.), ее внешней локализации, необходимо установить систему отношений, которая подлежала идеальному воспроизведению, и место субъекта в данной системе. Но

можно ли оценку истории в системе нравственных, религиозных, эстетических координат назвать истинной или ложной, даже если очерчены границы социальной реальности, которая порождает определенную форму исторического сознания. А.Гулыга в книге «Искусство истории» (1980 г.), в статье «Историческое сознание и исторический роман» (1990 г.) отвечает на этот вопрос положительно. История и процесс ее осмысливания противоречивы. Противоречия эти делят мир истории в сознании человека на две диаметрально противоположные части – добро и зло. Добро и зло, справедливость и несправедливость, разум и безрассудство – вот основные доминанты почти всех основных форм исторического сознания. Об этом писал еще Г.С.Сковорода. То, что одним признается в качестве добра, для другого оказывается злом, а справедливость всегда частична, оборачивается несправедливостью, конечность человеческого существования вступает в противоречие со стремлением к бесконечной самореализации. Обнаружение противоречивости бытия происходит в процессе сравнения оснований своей жизни с жизнью других людей – в процессе деятельности и общения.

Динамика противоречий исторического сознания имеет свою логику. Дилеммы этих противоречий воспроизводят себя в различных социально-исторических условиях. Движение социальных форм исторического сознания может быть представлено как последовательный ряд «колец» замкнутых духовных образований, отличающихся внешне. Однако индивид, подчиняясь логике духовной жизни человечества, действует как свободный субъект, анализируя альтернативы своего бытия. Основная социальная тенденция исторического сознания заключается в преодолении исторической локализации, в переходе к осознанию принципов социально-исторического бытия, рассматриваемого как всеобщее (модальное) явление.

Логика исторического сознания – это логика движения от абстрактного универсализма родового сознания, отождествления индивидуального бытия с жизнью рода через освоение исторического бытия «случайным индивидом» к общим истинам человеческого рода. В социальном процессе становления механизмов исторического сознания формируются также такие парадигмы опосредования поведения человека, как идея, принцип, категории.

Идея опосредует мотив индивидуального поведения. Принцип опосредует мотив деятельности социально-ориентированного субъекта. Принцип – это превращенная идея, обретающая социально-исторический характер. Наконец, категории той или иной формы исторического сознания опосредуют идею и принципы. Таким образом, человек, осознающий социальное содержание своего исторического мира и действующий сообразно своему знанию, овладевает объективной истиной жизни. Эта идея была прописана Д.С.Дарским в книге «Чудесные мысли. О космическом сознании в лирике Тютчева» (1913 г.) и статье «О Фете» (1915 г.). В истолкова-

нии Ф.И.Тютчева как поэта-философа Д.С.Дарский следует за В.С.Соловьевым, используя термины «историческое сознание» и «космическое сознание», понимая их как высшие, качественные ступени развития человеческого духа. Космическое сознание опосредуется парадигмой – «Бог есть вселенная», историческое сознание понимается им как «необходимая ступень в прозрении смысла мирового порядка». Д.С.Дарский прибегает к импрессионистическому описанию идей и образов исторического сознания поэта. «Минувшее не веет легкой тенью, // А под землей, как труп лежит оно», – писал Ф.И.Тютчев. По Д.С.Дарскому, минувшее у Ф.И.Тютчева – это прошлая жизнь, прошедшее время, но прошлое не кануло в бездну времени, оно в бездне пространства, в могиле пространства – это прошедшее время, лежит под землей, как труп. В статье «О Фете» Д.С.Дарский попытался разрешить «тайну духовной природы Фета», отвергая традиционную идею о его раздвоении на творческую и человеческую ипостаси (Фет – Шеншин), обосновав с этой целью категорию «исторической правды» родового дворянского быта, «домашнего мира», «земной тяги», составляющей единое начало исторического сознания личности.

Основная задача такого «родового исторического сознания» – ответ на вопрос «для чего Я?» или «откуда Я?» Адекватный принцип «исторической правды» позволяет отличить подлинные ценности от неподлинных, направляя жизнь по верному пути, соответствующему действительным интересам человека. То, что сделано человеком в течение жизни, и есть объективный результат, который определяет ее социально-историческую ценность. Человек, осознавший социальное содержание своего духовного мира и действующий сообразно этому знанию, является строителем «исторической правды» и, соответственно, носителем исторического сознания.

На некоторых этапах развития человечества историческое сознание синкретично: реалистические и нереалистические мотивы тесно переплетены в нем. Условно-фантастическая оболочка обретает конкретно-историческую форму. Так, например, сильнейшей стороной средневекового исторического мировидения был символизм. В величайшем творении раннего русского Ренессанса – рублевской «Троице» – невозможно установить, кто из участников безмолвной духовной беседы является Христом. Мудрая гармония этой картины, трагизм предстоящего – муки самопожертвования во имя спасения людей – улавливаются и ощущаются зрителем с такой властной силой потому, что в «Троице» передана не только ситуация, общепонятная для людей, но цельная мироконцепция. Символизм выступает лишь как момент глубоко исторического обобщения. Нет нужды доказывать историчность рублевской «Троицы». Религиозный символизм картины выступает как чистый декор. Говоря словами К.Маркса, художественно-религиозно-практически-духовное освоение мира было историологизировано, и эта историологизация обладала общераспространенным характером.

Историологизация всегда является значимой для общества. Говоря об искусстве, Г.В.Плеханов справедливо подчеркивал, что искусство «... приобретает общественное значение лишь в той мере, в которой оно изображает, вызывает или передает действия, чувства или события, имеющие важное значение для общества»⁷. В.А.Кожевников в статье «Мысли об изучении святоотеческих традиций» (1912 г.) предлагал расписать исторической живописью кремлевские стены, «ныне похожие не на царственную одежду, облекающую собой сокровища родной святыни, а на обветшавшее рубище нищего»⁸. Это, по мнению В.А.Кожевникова, привело бы к единству «отцов» и «сынов», а также к «историологизации исторического сознания народа». Композитор А.Н. Скребин проповедовал свой вариант «языческой» историологизации культуры. Для «исторического сознания народа история – это мистерия язычества». В 1917 г. он ожидал конец мировой истории и на 25 декабря 1917 г. наметил исполнение Мистерии. Композитор жалел, что не мог привесить колокола к небесам для исполнения своей Мистерии. А.Ф.Лосев, вспоминая, писал: «Слушая Скребина, хочется броситься куда-то в бездну, хочется вскочить с места и сделать что-то небывалое и ужасное, хочется ломать и бить, убивать и самому быть растерзанным. Нет уже больше никаких норм и законов, забываются всякие правила и установки. Нет большей критики западноевропейской культуры, как творчество Скребина, и нет более значительного знака "заката Европы"»⁹.

Из сказанного вытекает, что без анализа функциональной роли форм исторического сознания невозможно понять их содержание и закономерности развития. Нужно учесть, что каждая форма исторического сознания социально лимитирована и имеет свой философско-мировоззренческий предел. К.Ф.Жаков, разработавший учение о лимитизме и «философском пределе», в автобиографической книге «Сквозь строй жизни» (1914 г.) много страниц уделил обоснованию теории социальных и мировоззренческих границ форм исторического сознания.

В рамках такой формы исторического сознания, как «воспоминание о прошлом» (живая память), идет реконструкция событий и их увязка с текущими, интерпретация и оценка этих событий, субъективный подбор аргументации и свидетельств. Исходя из содержания формы осуществляется систематизация идей в определенные общезначимые знания. В конце прошлого – начале нынешнего века подобная систематизация идей актуализировалась в форме литературного жанра исповеди. Появились «Исповеди» Л.Н.Толстого, В.И.Кельсиева, П.Д.Боборыкина, А.И.Аполлова, П.И.Карпова и др.

В.О.Ключевский пишет: «Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, то есть, изучая предков, узнаем самих себя»¹⁰. Формирование и функционирование «воспоминания о прошлом»

как формы исторического сознания идет на уровнях закона осмысления, закона интереса, закона ассоциации и др. Исходя из объема содержания формы «воспоминания о прошлом» осуществляются оформление и систематизация идей в определенные общезначимые знания. Анализ классики мемуарной литературы («Моя жизнь» Л.Д.Троцкого, «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова, «Вторая мировая война» У.Черчилля, «Люди, годы, жизнь» И.Г.Эренбурга и др.) подтверждает этот вывод.

Наблюдения показывают, что мемуарные произведения – это своеобразные научные исследования в достаточно популярной форме, со всеми вытекающими из этого жанра последствиями; они анализируют предмет осмысления, не претендуя на его обобщение, на выражение типического. Мемуарные книги как бы фотографируют объект, фиксируя его в статике, в застывшей форме. Художественно-историческая литература, напротив, этот объект рисует, воссоздает в жизнеподобной динамике. Мемуарные произведения уточняют время и сведения о человеке, а художественно-исторические воссоздают факты в зрелищной форме. Строго говоря, отличие историко-повествовательной литературы от «чисто» мемуарной – примерно то же, что и отличие науки от искусства: и мемуарист, и писатель познают общий объект прошлое (прошедшее), но разными путями и средствами.

К примеру, одно дело – образ Сталина в мемуарах Г.К.Жукова «Воспоминания и размышления» – это строго документальная работа, основанная на неопровержимых научных и фактических данных, свидетелем отображаемых событий и их активным участником был сам автор; нечто другое – роман В.Успенского «Тайный советник вождя», в котором автор предложил свою художественную версию «вождя народов».

Как исследователь-мемуарист маршал Г.К.Жуков мысленно вновь проходит дорогами Великой Отечественной войны, воскрешает в своей памяти трагические страницы истории и из конкретных реальных обстоятельств выводит конкретного же Сталина. Сталин у Г.К.Жукова – это прежде всего реальная историческая личность глазами мемуариста. В.Успенский, напротив, знакомит читателя с одной, более ему близкой, из возможных художественно-исторических версий о Сталине как политическом деятеле эпохи. С нею можно соглашаться, а можно не соглашаться, но она имеет право на существование: все зависит от мировоззренческих установок исторического сознания автора и читателя.

Одна из первичных и постоянно действующих форм исторического сознания – фольклорная форма. Всякий народ имеет особую структуру и психологию фольклора. «Каждый народ, – писал И.А.Ильин, – по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему наблюдает, созерцает

живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует»¹¹.

Естественно, что, помимо традиционных источников, история основывается на фольклорном предании – живом музее, который сохраняет для новых поколений социальные и культурные достижения народа. Историки утверждают, что фольклорное предание не беспристрастно, а потому не внушает доверия. Вместе с тем любое сообщение имеет субъективный оттенок, в том числе и архивные документы. Архивные документы – пассивные свидетели прошлого, под внешней нейтральностью и объективностью скрываются бесчисленное множество недомолвок и ошибок. Конечно, фольклорная традиция является сказочным, полумифическим воссозданием прошлого, в своем роде психологической драмой, показывающей человеку его корни и систему ценностей, лежащую в основе формирования личности, дает человеку «возможность плыть вспять по реке времени, в царство предков». Этим фольклорное предание отличается от исторических сообщений, оно шире охватывает временное пространство, проецируя события вперед в прошлое, не считаясь с истинным временем.

Своего рода «ахиллесовой пятой» фольклорного сказания является его хронологическая и событийная ненадежность: нарушенная временная последовательность делает образ прошлого неясным. В фольклорных преданиях много эвфемизмов, иносказательных образов, поговорок и намеков, мало понятных человеку, не обладающему мудростью жизни. Предания плохо поддаются стилистической адаптации. Лишенные естественного окружения, они теряют силу и подлинность, ибо язык – это «обитель его бытия». Множество ошибок, которые приписывают фольклорным преданиям, возникли благодаря некомпетентным и бесцеремонным интерпретаторам.

Как бы то ни было, но фольклорные предания неоднократно доказывали свою достоверность, что подтверждается их соотношением с реальной историей. А.В.Гулыга подчеркивал: «Фольклор в виде рассказов о былом, преданий, исторических легенд и песен сохраняет в памяти народа наиболее существенные события его истории. Подлинные факты здесь перемешаны с вымыслами, акценты зачастую сдвинуты. К тому же устная традиция, не закрепленная в памятниках письменности, может оборваться»¹².

Фольклорная традиция, будь то поэзия или проза, имеет историческую значимость по трем причинам. Во-первых, в ее архетипах заложены идеи и ценности, которые определяют поведение человека в настоящем и будущем, аксиологическую ориентацию его исторического сознания. Предание не только рассказывает о прошлом, но и создает будущее.

Во-вторых, фольклорная традиция включает в себя описание фактов и предметов. Воссоздание прошлого основывается не только на вообра-

жении. Отрывки из воспоминаний, эти нити прошлого, куда прозаичнее, чем полет фольклорной фантазии. Историк может добраться до сердцевины исторической реальности только путем тщательного анализа, иной раз даже путем психоанализа, исследования «душевного настроя» былины, сказаний, сказов и т.п. Существование различных версий фольклорного фрагмента не препятствует, а помогает историко-критическому анализу.

В силу неодинаковости происхождения фольклорное предание содержит элементы внутренней цензуры. Весьма важным для критического разбора подобных былин, сказаний и сказов является глубокое знание жанра, тем и методов изложения, мифов и стереотипов, устойчивых выражений и традиционных отступлений, эволюции языка. Эта формализованная, жесткая традиция облекается порой в более глубокие структуры благодаря поэтическому оформлению. В этом состоит третья причина ценности фольклорной истории.

Примером поэтически и художественно формализованной фольклорной истории может служить диалогия П.И.Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Использованный в диалогии богатый фольклорный материал – лирические и исторические песни, легенды и сказки, предания, былички, пословицы и поговорки, величания и плачи – исключительно функционален. Христианская религиозная традиция сосуществует в тексте с реконструированным язычеством, но их столкновение не становится предметом рефлексии или философских построений. Исторические предания поданы в форме наивного сказа, без характерного для русской мысли интеллектуального осмысления. Едва ли не главной проблемой фольклорного сказания является его историческая стилизация. П.И.Мельников-Печерский в легенде «Народный миф о солнце» прибегает к следующей фольклорно-мифологической проекции: «Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших – заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А после стали отдавать мертвецов их матери – опуская их в ложе ея, то есть зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с землей. В память дара, что даровал бог света, жгут купальские огни. Пылают в Иванову ночь купальские огни по полям и перелескам, слышатся веселые песни».

Фольклорная историческая традиция возникла как выражение исторического сознания (народная словесность, устная словесность, народная поэзия и т.п.). В процессе развития, впитав и события нового времени, фольклорная историческая традиция отразила историческую действительность в образах, жизненная основа которых обогащена вымыслом. По мнению В.Я.Проппа, сказки, былины, сказания берут свое начало из конкретных исторических представлений. Представители исторической

школы в фольклористике объясняют фольклорную традицию, опираясь на исторический процесс и на конкретные исторические события, они утверждают, что фольклор – своеобразная и вполне самостоятельная форма исторического сознания.¹³

Смысловой стержень фольклорной формы исторического сознания – историческая память. Слово «былина» употребляется в народной речи в значении быль, бывшее. В этом значении оно встречается в «Слове о полку Игореве» («По былинам сего времени»), такое же значение имеет слово «старина». Фольклор – память народа, социальная память о прошлом, сосредоточенная в художественно-эпическом времени народной истории. Некоторый «алгоритм» фольклорной формы исторического сознания – всего лишь метод художественной передачи исторических знаний, исторического опыта. Концепты фольклорной формы исторического сознания – «добро», «зло», «знание» и др. – имеют конкретные исторические корни. Образное мышление, являясь родовым свойством фольклора, связывает его с другими формами исторического сознания.

В современном обществе фольклорная форма исторического сознания в основном живет в крестьянской среде. Остановимся подробнее на анализе крестьянского фольклора.

В крестьянском фольклоре фиксируются последовательная смена поколений, традиции, вековой исторический опыт народа, приметы и т.п. В реальной жизни фольклор оказывает свое воздействие на формирование отношений между поколениями, регламентирует конфликтные ситуации между ними. Социальная действительность показала, что любые попытки «упразднить» традиции, эти устойчивые, прочные связи поколений приводили к забвению простых и вечных норм нравственности, историческому беспамятству. Нередко это бывает не осознано обществом, но проблемы прошлого перекликаются с проблемами настоящего. «Прочтение» исторического сознания в контексте фольклорной культуры конкретного исторического времени, в контексте движения, развития и самопознания крестьянской культуры – важнейшая проблема изучения механизмов формирования и функционирования исторического сознания.

Фольклорная культура всегда выступает чутким сейсмографом жизни, она всегда первой откликается на нужды крестьянского мира. Причем сила ее в том, что она способна дать яркое, образное представление об историческом прошлом и его связи с переживаемыми событиями. Известно, как исключительно талантливо отразил крестьянскую культуру в своем литературном творчестве декабрист М.С.Лунин.¹⁴ По мнению М.С.Лунина, крестьянская фольклорная культура – это форма передачи исторических знаний, это «поиск истины и счастья». В самом деле, истина познается для того, чтобы лучше понять человека в самой системе – прошлое, настоящее, будущее; укрепиться или усомниться относительно истинности существующего «исторического лица».

Раскрывая во многих сюжетах «зашифрованный» рисунок исторического прошлого, мы можем представить крестьянское мироощущение, миропонимание, чувство исторического временного ритма крестьянской метакультуры. В крестьянской этимологии – ключ к пониманию закодированных фольклорных текстов. Древняя крестьянская культура не лжет. Но необходимое условие – уметь читать и понимать метакод этой культуры. Известный исследователь фольклора, истории и литературы К.А.Кедров пришел к выводу о существовании единого кода в фольклорно-мифологической и религиозной символике.¹⁵

Фольклор – отнюдь не произвольное нагромождение ложных или истинных сведений: «... фольклор, – как подметил Т.М.Бондарев, – это живая память, живой календарь, живой лад времени»¹⁶. Процесс самозарождения фольклорных сюжетов – довольно сложное общественно-политическое и личностно-психологическое явление. И здесь придется понять, что прошлое, будущее, настоящее, разрозненные для современного человека, слиты в нечто единое в фольклорном пространстве – времени.

Важнейшая форма исторического сознания – социально-историческое предвидение. Проблема социально-исторического предвидения – общая проблема философского и историко-литературного творчества. Философы и писатели вглядываются в смысл и значение прошлого, настоящего, будущего. Как правило, все эти исторические концепции носят эсхатологический характер. Эсхатологическая перспектива выступает здесь стержнем исторического сознания. Она смыслообразующая категория. Эсхатологическая традиция представляет собой преимущественно сюжетно-образные и символические варианты поэтического и художественного творчества. Наиболее ярко эту идею выразил А.С.Глинка-Волжский, который накануне Первой мировой войны писал: «Вся русская история – история Святой Руси – только все еще тянущаяся и доселе страстная седмица; путь грядущих судеб, чаемых, идет все дальше, но дальше – вглубь святых страстей, в тишину тайны Голгофа, – и суждено ей воскресение в последний день»¹⁷.

Основной эсхатологической теорией русского исторического сознания становится теория «Третьего Рима». В послании Великому Князю Московскому Василию III, написанном между 1515 и 1521 гг., инок Филофей призывал: «Я ныне глаголю: блюди и вземли, благочестивый Царю, яко вся христианская царства снидошась в твое едино, яко два Рима подоша, а третей стоит, а четвертому не быти...»¹⁸. С Крещения вплоть до XVII в. русское государство сознательно обустраивалось «во образ исторической Святой Земли Палестины и во образ Обетованной земли грядущего Небесного Царства, Иерусалима Нового». Москва как столица единого Русского государства уже давно осознается и как Третий Рим. Обычно эту идею связывают с именем инок Филофея, но он лишь один из авторов, записавших это выражение. Сама идея Третьего Рима появ-

ляется на Руси с принятием христианства. Такие столицы, как Киев, Новгород, Владимир, сознательно создают архитектурные образы Второго Рима – Константинополя, становясь тем самым третьими Римами. В образ Третьего Рима оформляет себя и Москва уже с постройкой Успенского собора Кремля, а после 1453 г., когда «во прах склонился Рим второй» и Византийская империя перестала существовать, подвергшись османскому порабощению, Москва становится преемницей Константинополя уже в полном смысле. Это подчеркивается переходом герба Византии (двухглавого орла) на Русь. Двухглавые орлы помещаются на башнях Кремля, Белого города, других зданиях, широко распространяются в русской государственной эмблематике. В XVI–XVII вв. это развитие достигает апогея. В Москве создается исторический комплекс, призванный связать Московское государство со всемирной историей, показать «избранность» Московской Руси как преемницы всех духовно-культурных сокровищ человечества, наследницы великих монархий древности. Центром этого комплекса становится Московский Кремль.

В посланиях инок Филофея, идеи которого проникли позже в официальные документы и литературные произведения, заложено зерно всех более поздних пророчеств, касающихся будущего России. Ведь с завершением существования Третьего Рима, которому рано или поздно суждено встретить антихриста лицом к лицу, неизбежно наступит конец времен. Эсхатологические мотивы исторического сознания не изжиты и даже усиливаются сегодня. Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», рассуждая о теории Третьего Рима, приходит к выводу, что периодически в народе просыпается подозрение, что «православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист»¹⁹. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. «Народ ищет Град Китеж», – утверждает Н.А.Бердяев.²⁰

В романе П.И.Карпова «Пламень. Из жизни веры хлеборобов» (1914 г.) главный герой Крутогоров в окружении «злыдоты» ищет «Светлый Град». П.И.Карпов утверждал, что все изображенное им в романе – чистая «фотография» религиозных и философских исканий, что каждое действующее лицо романа – «символ», а вся картина – «портрет России». Книга проникнута антиинтеллигентскими настроениями. Включаясь в обсуждение проблемы преодоления катастрофического разрыва между культурной частью общества и темной народной массой, он считал, что интеллигенция заражена антирусскими настроениями, что, существуя за счет изнурительного труда всего народа, она «духовно грабит народ», что она должна «бросать душные города и идти к земле», заниматься физическим трудом. Ту малую часть интеллигенции, которая, по мнению П.И.Карпова, еще способна к спасительному преодолению разрыва, он

призвал выполнить свой культурный долг – создать «деревенскую культуру», которой мог бы «пользоваться» весь народ. Нужно отметить, что подобные настроения были не новы. Еще известный историк И.Е.Забелин упрекал таких писателей, как Л.Н.Толстой, М.А.Горький, Л.Н.Андреев, в том, что они стремились «выразить всю гадость русского быта как можно ярче, как можно омерзительнее». «Необходимо разрушить прежнюю культуру и построить патриотическую моноидею», – считал А.К.Закржевский. И.С.Лукаш писал: «...основная задача преодолеть идеи Толстого и Достоевского, в сущности идеи хаоса и разрушения, выработать иную мифологию национального и исторического сознания».

«Третий Рим», «Град Китеж», «Светлый Град» – это перспектива исторического будущего, но это и моноидея и мифогема действующего исторического сознания. Это исторические пророчества, осмысленные художественно-поэтическими способами. В целом, как подчеркивал А.С.Глинка-Волжский, шел спор о возможной цене исторического прогресса и о «значимости прошлого». «Что ждет Россию и человечество впереди?» – вот основной вопрос дискуссий того времени. В.Хлебников (по аналогии с таблицей Д.И.Менделеева) сделал попытку построить периодическую таблицу вероятности и необходимости бывших и будущих исторических событий. Социально-историческое предвидение в качестве специфической формы исторического сознания в нашей литературе исследовано недостаточно и поэтому есть смысл остановиться на анализе его конкретных проявлений подробнее.

Надо отметить, что особая сложность постановки и решения проблемы социально-исторического предвидения в отечественной философии связана прежде всего с формой его художественного и текстового выражения. Как правило, историческое предвидение выступает в форме исторического пророчества. Нередко исторические пророчества наполнены мистическим, роковым, фатальным смыслом. Вспомним известные страницы из «Бесов» Ф.Достоевского, «Объединенного Евангелия» Л.Толстого, «Наркисса» Г.Сковороды, «Чевергура» А.Платонова и др.

Остановимся на примере исторических пророчеств в творчестве Ф.М.Достоевского. Постараемся определить их объем отражения, социальный характер содержания, общезначимые функции.

М.Волошин пишет: «Историческое пророчество в русской литературе вытекает из Достоевского. Федор Михайлович один из первых почувствовал обреченность монархии»²¹. Действительно, Ф.М.Достоевскому удалось во многом разработать жанр исторического пророчества. В.Хлебников, М.А.Волошин, Е.И.Замятин, А.П.Платонов уже опирались на философские, исторические, литературные принципы Ф.М.Достоевского. Они, как и Ф.М.Достоевский, историческое пространство видели в исторической идее. Известный исследователь творчества писателя М.М.Бахтин в книге «Проблема поэтики Достоевского» отметил, что у Ф.М.Достоевского «... пророчество в идее и через идею, а идея в нем и через него»²².

Основные прогностические идеи были сформулированы Ф.М.Достоевским еще в сибирский период. Недавно опубликованные «Сибирские тетради» писателя позволяют более полно исследовать философскую и историческую основу «прогностических знаков», которые определили содержание исторических пророчеств в «Преступлении и наказании», «Бесах», «Братьях Карамазовых». «Его пророчества есть знание о духе, – пишет Н.А.Бердяев, – а дух существует вне законов». Пророчества Ф.М.Достоевского «первичные, вневременные ноумены», – отмечает Вяч.Иванов.²³

Композиция исторического пророчества у Ф.М.Достоевского состоит, как правило, из описания «катастрофического события», «катарсиса» и текста пророчества.

Какое-либо катастрофическое событие (потенцированное в целом ряде предшествующих ему событий) всегда является композиционным центром пророчества. Катастрофическое событие всегда изображено как роковое преступление и всегда мотивировано: метафизической анатомией личной воли, психическим прагматизмом и, наконец, прагматизмом историческим. «Катастрофическое событие» как «некое планетное тело» тянет за собой и к себе все многообразие содержания исторического пророчества.

Вяч.Иванов пишет: «У Достоевского историческое пророчество подготовлено катарсисом, то есть неким духовным просветлением»²⁴. Страницы, которые непосредственно следуют за описанием катастрофы, как раз и рассчитаны на то, чтобы внушить этому просветленному сознанию известное пророчество, внутренне обоснованное для нас предшествующим трагическим переживанием катастрофического события.

Таким образом, философское внушение исторического пророчества у Ф.М.Достоевского начинается там, где катарсис духовно отрешает читателя от идеологических предпосылок катастрофы, которыми она всегда бывает, в первую очередь, обусловлена.

За иллюстрацией обратимся к философскому итогу романа «Преступление и наказание» – апокалипсическому сну Родиона Раскольникова. Основная схема исторического пророчества такова: чувство приближающейся катастрофы – кризис идеи справедливости – психологическое потрясение народа – моральное падение мира – страх как скачок в бессознательное.²⁵ Апокалипсический сон Раскольникова – историческое пророчество и предупреждение человечеству. Условно-фантастическая оболочка обрела конкретно-историческую форму.

М.Волошин пишет, что эти последние страницы из «Преступления и наказания» – «... апокалипсическое видение, в котором уже есть все, что свершается, и много, чему еще суждено исполниться»²⁶. Апокалипсическое видение обращено к всеразрешающему концу истории.

Приведем эти строки: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были ду-

хи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибло. Язва росла и подвигалась дальше и дальше...»²⁷.

Конечно, напрямую историософские проекции Ф.М.Достоевского не обусловлены логикой реального социально-исторического процесса, и оценить их можно лишь как яркую символику и проникновенную интуицию художника, а не как систему аргументов историка. Но можно согласиться и с М.Волошиным, который в ноябре 1906 г. в статье «Предвестия великой революции. Пророки и мстители» по поводу этих строк Ф.М.Достоевского писал: «Только времена, надвигаясь и множа факты, дают ключ к пониманию смутных слов старых предвидений, опрозрачивая образы и выявляя понятия в непонятных руинах прошлого»²⁸.

В.Хлебников публикует в 1912 г. брошюру «Разговор двух особ». Жанр «разговора» связан с увлечением В.Хлебникова диалогами Платона и «катастрофическими идеями» Ф.М.Достоевского. Возможно, это случайность, но В.Хлебникову в этой работе удалось предсказать историческую неизбежность падения монархии в 1917 г. В разговоре 1. Учитель и ученик. О словах, городах и народах он спрашивает: «... не следует ли ждать в 1917 году падения государства?»²⁹. История ответила на этот вопрос. Падение монархии произошло.

В.Хлебников (как уже было сказано, по аналогии с таблицей Д.И.Менделеева) сделал попытку построить периодическую таблицу для всех исторических событий. «Я не смотрел, – писал он, – на жизнь отдельных людей; но я хотел издали, как гряду облаков, как дальний хре-

бет, увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность... Я искал правила, которому подчинялись народные судьбы. И вот я утверждаю, что года между началами государства кратны 413. Что 1383 года отделяют падения государств, гибель свобод. Что 951 год разделяет великие походы, отраженные неприятелем. Это главные черты моей повести»³⁰.

Основная идея периодической таблицы исторических событий В.Хлебникова состоит в факте «ритмических биений пространственно-переменного пульса». Категории таблицы В.Хлебникова: «Судьба», «Возмездие», «Вера» и др. Каждая категория имеет числовое выражение. Так, категория «Вера» в числовом выражении заменяется категорией «Мера» («Вера» – «Мера») и т.п. Он сформулировал закон «Времени», согласно которому событие делается «противособытием». Поэт назвал этот закон законом «Чета-Нечета». Он построил гамму повторов и пришел к выводу: каждому событию соответствует антисобытие – впадина мировой волны. Не будем вдаваться в детальный анализ таблицы В.Хлебникова, да и не это является предметом нашего исследования. В философской литературе уже отмечалось, что таблица исторических событий В.Хлебникова, конечно, сомнительна..., «и не нужно больших усилий, – пишет К.А.Кедров, – чтобы доказать ее несостоятельность в целом, но сам факт ритмических биений пространственно-временного пульса трудно отрицать»³¹.

Специфической формой осмысления и исследования исторического знания о прошлом, настоящем и возможном будущем является художественный образ.

По значимости среди других форм исторического сознания, по силе воздействия на человека художественный образ занимает, пожалуй, важнейшее место.

Основными формообразующими элементами являются: во-первых, свободный подбор исторического материала; во-вторых, субъективная стилизация исторического фрагмента; в-третьих, всем доступная эмоциональная, призывная, яркая подача исторического прошлого.

Поэты, писатели, публицисты, по меткому замечанию Лиона Фейхтвангера, чеканят историческое сознание общества, современниками которого они являются, и во многом определяют традиции исторического сознания своих потомков. Согласно такой точки зрения решающая роль в формировании исторического сознания принадлежит не профессиональным историкам, а именно художникам слова и учителям, так как историческая «поэзия» живет, чем историческая «правда»³².

Конечно, с позиций профессиональной науки исторический роман, историческая публикация и поэтическое осмысление истории в лучшем случае – «простой пересказ достопамятного», или историописание. Это верно, но лишь отчасти. По форме исторические романы и историческая публицистика – это действительно художественные тексты (фабула и

сюжет), по характеру содержания – концептуальные исследования, проведенные художественными методами (речь, естественно, идет о серьезных произведениях данного жанра). Обрабатывается громадный исторический материал, включая архивные документы. Выстраивается историческая концепция («Война и мир», «Тихий Дон», «Петр I», «Емельян Пугачев», «Борис Годунов» и др.).

Гносеологическая основа художественного осмысления прошлого и настоящего – в самой природе исторического познания. История здесь выступает как наука «о том, что могло бы случиться», а исторические факты – как «психологические по преимуществу». Суждение Аристотеля, что «... поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном» – представляется нам в контексте данной формы исторического сознания верным.³³

Поэт, писатель, публицист не просто восстанавливает и воскрешает историческую реальность, но художественно творит, пересоздает ее, и даже тогда, когда делает это в форме самой жизни, избегая очевидных приемов и средств условного изображения, интенсивная работа воображения и фантазии, домысла и вымысла и в его сознании все равно не прекращается. Приведем пример, взятый нами из исследования М.А.Кисселя «Историческое сознание и нравственность»³⁴. Он пишет: «Несколько лет тому назад, встретившись с известным нашим историком Р.Г.Скрынниковым, я спросил его, насколько подтверждается фактами версия А.К.Толстого в трагедии «Царь Федор Иоаннович» насчет того, что князь И.П.Шуйский удушен был в тюремной темнице. Прямого подтверждения, как это бывает в большинстве случаев, не оказалось, но веские косвенные улики существуют, ответил историк. Но чем вызван сам интерес к этому вопросу – вот что важно в моем примере. Это интерес к человеку, который стал персонажем одной из лучших пьес в русском театре вообще. Талант драматурга сказался, между прочим, в том, что в самом историческом материале он сумел найти основу для реального драматического конфликта государственной идеи – в лице Бориса Годунова – и отживающего рыцарского этноса удельной аристократической России конца XVI столетия»³⁵. Эта большая, но необходимая цитата еще раз подтверждает идею: художественный образ выступает как специальная форма исторического сознания, которая обладает своим объемом содержания, специфическим характером отражения и выполняет определенные социальные функции.

В рамках этой формы исторического сознания происходят систематизация и передача определенных общезначимых исторических знаний. Уместно здесь подчеркнуть мысль, что художественная литература может служить опорой профессиональной исторической науки, так как созданные писателями образы отражают типичные и характерные черты людей своего исторического времени. Сама идея использовать художе-

ственную литературу как источник изучения исторического прошлого не оригинальна. Практически она уже реализуется в работах Н.К.Михайловского, В.О.Ключевского, Н.А.Рожкова и др.

В речи, произнесенной на торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника А.С.Пушкину, В.О.Ключевский отметил, что его произведения не только литературные, но и исторические памятники эпохи. «Так, у Пушкина, – говорит В.О.Ключевский, – находим довольно связанную летопись нашего общества в лицах за 100 лет с лишком. Когда эти лица рисовались, масса мемуаров XVIII в. и начала XIX в. лежала под спудом. В наши дни они выходят в свет. Читая их, можно дивиться верности глаза Пушкина. Мы узнаем здесь ближе людей того времени, но эти люди – знакомые уже нам фигуры. «Вот Гаврила Афанасьевич? – восклицаем мы, перелистывая эти мемуары, – а вот Троекуров, князь Верейский» и т.д., до Онегина включительно. Пушкин – не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника. В этом значение Пушкина для нашей историографии...»³⁶.

Историческая генеалогия литературных героев, сопоставление художественных образов с историческими типами социальной действительности представлены в работах самого В.О.Ключевского и других историков. Творчеством А.С.Пушкина навеян очерк В.О.Ключевского «Евгений Онегин и его предки»³⁷, творчеством М.Ю.Лермонтова – очерк «Грусть (Памяти М.Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.)». Интересна в этом плане работа историка Н.А.Рожкова «Пушкинская Татьяна и Грибоедовская Софья в их связи с историей русской женщины XVII–XVIII веков»³⁸. А.С.Пушкин считал, что задача писателя – не только правдиво, исторически конкретно и художественно воссоздать события прошлого, но и объективно объяснить, почему так, а не иначе случилось. Писатель выступает и эмоциональным сказителем, и научным интерпретатором, он протягивает связывающие нити от прошлого к настоящему и прорицает будущее. Не случайно в XX в. историческая проза посерьезнела в научно-исследовательском плане, кое в чем даже оспаривая профессионалов-историков. Она вооружилась научными источниками, летописями, грамотами, а главное – обрела свой концептуальный «романный» взгляд на исторические истины. В послесловии к роману «Младший сын» Д.Балашов рассуждает: «В изложении событий, даже мелких, я старался держаться со всей строгостью документальной летописной канвы, памятуя, что читатель наших дней прежде всего хочет знать, как это было в действительности, то есть требует от исторического романа абсолютной фактологической достоверности. Поэтому я разрешил себе лишь те дорисовки к летописному рассказу, которые позволительны в жанре художественного воспроизведения эпохи, например, в воссоздании второстепенных персонажей, людей из народа, живых картин тогдашней жизни,

которые, однако также строились мною по археологическим и этнографическим источникам»³⁹. «Выдумывать историю считаю преступлением», – полагает Д.М.Балашов.

Вместе с тем в современной исторической прозе повысилось значение личностного «Я» художника. Первостепенную роль стала играть мировоззренческая философско-концептуальная позиция автора. Даже у писателей, исповедующих так называемый объективный «спокойный» стиль письма, заметно усиление авторского «голоса»: вспомним дискуссию вокруг полемической концепции Д.М.Балашова «тверского варианта» централизации средневековой Руси.

Историческая литература призвана утверждать духовные связи поколений, воспитывать историческое сознание народа. В этом ее коренное социально-эстетическое предназначение.

«Берегите историю – святыню нашу», – писал Л.М.Леонов, встревоженный нередкими «вольностями» писателей, публицистов, философов и историков в толковании истории, особенно в последнее время. Автор «Пирамиды» увидел опасный симптом извращения исторических фактов в угоду «социальному заказу», пустой развлекательности.

¹ Егоров, В.К. Историческое мышление, историческое познание и историческое сознание // Егоров, В.К. История в нашей жизни / В.К.Егоров. – М.: Наука, 1990. – С. 81.

² Потебня, А.А. Слово и миф / А.А.Потебня. – М.: Правда, 1989. – С. 115.

³ Гостев, А.К. Восстание культуры / А.К.Гостев. – СПб., 1923. – С. 69.

⁴ Цит. по: Интервью и беседы с Львом Толстым. – М.: Современник, 1986. – С. 402.

⁵ Гостев, А.К. Указ. соч. – С. 123.

⁶ Шацкий, Е. Утопия и традиции: пер. с польск. / Е.Шацкий ; общ. ред. и послесл. В.А.Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 54.

⁷ Плеханов, Г.В. Проблемы теории и практики исторического процесса / Г.В.Плеханов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 461.

⁸ Кожевников, В.А. Мысли об изучении святоотеческих традиций / В.А.Кожевников. – М., 1912. – С. 368.

⁹ Россия перед Вторым Пришествием. Пророчества Русских Святых. Материалы к очерку Русской эсхатологии / сост. С. Фомин. – 2-е изд. перераб. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – С. 189.

¹⁰ Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / В.О.Ключевский ; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1990. – С. 375.

¹¹ Цит. по: Королев, А.В. Культурно-исторические воззрения К.Н.Леонтьева / А.В.Королев. – СПб., 1911. – С. 27.

¹² Гулыга, А.В. Историческое сознание и исторический роман // Гулыга, А.В. Уроки классики и современность / А.В.Гулыга. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 286–287.

¹³ См.: Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я.Пропп. – М.: Лабиринт, 2000.

¹⁴ Лунин, М.С. Письма из Сибири / М.С.Лунин. – М.: Наука, 1987. – С. 167 и др.

¹⁵ См.: Кедров, К.А. Зачертой Апокалипсиса / К.А.Кедров. – М.: ООО «АиФ-Принт», 2002.

¹⁶ Цит. по: Интервью и беседы с Львом Толстым. – С. 403.

¹⁷ Россия перед Вторым Пришествием. Пророчества Русских Святых. Материалы к очерку Русской эсхатологии. – С. 227.

¹⁸ Там же. – С. 215–216.

¹⁹ Антихрист (из истории отечественной духовности) : антология / сост.-коммент. А.С.Гришина, К.Г.Исупова. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 41.

²⁰ Россия перед Вторым Пришествием. Пророчества Русских Святых. Материалы к очерку Русской эсхатологии. – С. 453.

²¹ Волошин, М.А. Пути России: стихотворения и поэмы / Максимилиан Волошин. – М.: Современник, 1992. – С. 189.

²² Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 77.

²³ Иванов, В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов, В.И. Борозды и межи / В.И.Иванов. – М.: Мусагет, 1916. – С. 61–62.

²⁴ Иванов, В.И. Указ. соч. – С. 63–64.

²⁵ Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Преступление и наказание / Ф.М.Достоевский ; ред. колл. Г.М.Фридлендер [и др.]. – Л.: Наука, 1989. – С. 516.

²⁶ Волошин, М.А. Лики творчества / Максимилиан Волошин. – Л.: Наука, 1988. – С. 189.

²⁷ Достоевский, Ф.М. Указ. соч. – С. 516.

²⁸ Там же. – С. 192.

²⁹ Хлебников, В. Творения / Велимир Хлебников. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 589.

³⁰ Там же. – С. 587.

³¹ Кедров, К.А. Поэтический космос / К.А.Кедров. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 194.

³² Фейхтвангер, Л. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. Кн. 1. Дом Дездемоны, или Мощь и границы исторической художественной литературы / Лион Фейхтвангер. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 546.

³³ Аристотель. Об искусстве поэзии. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 68.

³⁴ Киссель, М.А. Историческое сознание и нравственность / М.А.Киссель. – М.: Зна-ние, 1990.

³⁵ Там же. – С. 6–7.

³⁶ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1990. – С. 83–84.

³⁷ Там же. – С. 84–101.

³⁸ Рожков, Н.А. Исторические и социальные очерки. Ч. 2 / Н.А.Рожков. – М., 1906. – С. 15–42.

³⁹ Балашов, Д.М. Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия / Д.М.Балашов // Российский ежегодник. Вып. 1. – М.: Сов. Рос-сия, 1989. – С. 199.

Личность, творчество и современность

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Главный редактор Ю.В.Леонтьева
Редакторы Е.Н.Бен, Т.Ю.Яковлева
Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать 04 июля 2008 г.
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Arial Narrow.
Печать офсетная. Усл.изд. листов 23,2.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.